

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

ВОПРОСЫ
ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ
РОССИИ

XVIII
и первая
половина
XIX
веков

Академия наук СССР
Институт истории СССР

ВОПРОСЫ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
РОССИИ

XVIII и первая половина XIX веков

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

В сборнике рассматриваются малоизученные вопросы отечественной военной истории XVIII — первой половины XIX в. В книге представлены: историография, военная мысль, строительство армии и флота, внешняя политика и война, классовая борьба и армия, военное источниковедение.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

член-корреспондент АН СССР В. И. ШУНКОВ
(ответственный редактор),

доктора исторических наук И. В. БЕСТУЖЕВ,
А. С. ГАПОНЕНКО, Е. И. ИНДОВА, Ю. Р. КЛОКМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике рассматривается ряд важных проблем отечественной военной истории XVIII—первой половины XIX в. Этот период насыщен военными событиями, оказавшими значительное влияние на исторические судьбы России и Западной Европы. В результате успешной войны со Швецией 1700—1721 гг. Россия получила выход к Балтике, стала великой державой. В ходе этой войны были осуществлены крупные военные реформы, созданы регулярная армия и военно-морской флот. Под руководством выдающихся полководцев П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова и адмиралов Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, В. А. Корнилова и П. С. Нахимова русская армия и флот одержали ряд побед.

Однако новые способы и формы ведения войны и боя, примененные выдающимися русскими полководцами, не получили широкого распространения в боевой практике. Правящие круги царской России стремились всемерно закрепить принципы господствовавшей феодальной военной системы с ее муштрой и палочной дисциплиной. Они рассматривали ее как надежное средство держать солдат в повиновении, как лучший способ превращения их в послушных исполнителей воли господствовавшего класса.

С наступлением общего кризиса крепостничества все более заметно стала сказываться слабость военной системы России. Это особенно наглядно проявилось в Крымской войне 1853—1856 гг., когда феодальная Россия уже не могла

успешно противостоять капиталистическим державам Западной Европы. Настоятельно требовалось провести реорганизацию военной системы России в целом.

Изучение военной истории России XVIII—первой половины XIX в. — одна из актуальных задач советской исторической науки. Этот период пользуется неослабевающим интересом у исследователей. И тем не менее многие вопросы данной темы доньше остаются еще недостаточно разработанными. Предлагаемый вниманию читателей сборник ставит своей целью восполнить некоторые пробелы в их изучении*.

Сборник посвящается видному советскому историку, доктору исторических наук, профессору Любомиру Григорьевичу Бескровному в связи с его 60-летием и 40-летием научной и педагогической деятельности.

* * *

Научно-организационная работа выполнена Р. Е. Альтшуллер.

Редакционная коллегия выражает благодарность рецензентам кандидатам исторических наук С. А. Залескому и Н. И. Казакову, а также всем товарищам, оказавшим помощь при подготовке сборника.

* Некоторые статьи сборника выходят за указанные хронологические рамки. Помещение их связано с желанием более полно осветить отдельные проблемы военной истории России.

*Любомир Григорьевич
БЕСКРОВНЫЙ*

ЛЮБОМИР ГРИГОРЬЕВИЧ БЕСКРОВНЫЙ

Доктор исторических наук, профессор Любомир Григорьевич Бескровный занимает в рядах советских историков видное место. Широкой общественности он известен более всего своими трудами по истории военного дела в России XVIII—XIX вв. Л. Г. Бескровный является также крупным археологом и специалистом в области военной историографии и источниковедения. Советские историки ценят его как энергичного организатора научной работы. В настоящее время он возглавляет коллектив специалистов по изучению исторической географии в Институте истории СССР Академии наук СССР.

Л. Г. Бескровный родился в Харькове 27 сентября 1905 г. в семье учителя народной школы, но вырос на Северном Кавказе, куда родители переехали вскоре после рождения сына. Годы учения и первый период самостоятельной работы Л. Г. Бескровного прошли в Екатеринодаре (ныне Краснодар). После окончания средней школы в 1923 г. он учился на историческом отделении факультета общественных наук и одновременно на литературном отделении Кубанского педагогического института. В годы учения, готовясь к будущей работе историка-педагога, студент Л. Г. Бескровный начал работать в Краснодарском педагогическом техникуме.

После окончания в 1927 г. исторического отделения факультета общественных наук (студентом литературного отделения Кубанского педагогического института он еще оставался) Л. Г. Бескровный становится заведующим учебной частью и преподавателем истории классовой борьбы в краевой опорной школе. Большая заинтересованность в научно-просветительской деятельности привела Л. Г. Бескровного на работу в Кубанский краеведческий музей (сначала научным сотрудником, а немного спустя — директором музея). Эти обязанности он выполнял, не покидая педагогической работы в школе.

Молодой педагог испытывал тяготение и к литературной работе. В 30-х годах им был составлен ряд школьных пособий по обществоведению. В последующем он работал над очерками по истории народного образования на Северном Кавказе. Особенно глубоко захватили исследователя вопросы истории военной школы. Первые поиски стали подготовительным этапом для его кандидатской диссертации «Горские (военные) школы на Северном Кавказе в XIX—XX вв.», которая была защищена уже в 1940 г.

Таким образом, укрепилась в молодом ученом любовь к исследовательской и просветительской работе. Специальный интерес к проблемам истории народного образования с тех пор никогда не покидал Л. Г. Бескровного.

Пребывание в г. Орджоникидзе (1931—1933 гг.) ознаменовалось работой в высшем учебном заведении — Л. Г. Бескровный становится ассистентом и исполняющим обязанности доцента по специальности методика истории и история педагогики во 2-м Северокавказском педагогическом институте.

Методической и преподавательской работой Л. Г. Бескровный продолжал заниматься и по переезде в Москву в 1933 г. Сначала он работал заведующим кабинетом педобразования Московского городского отдела народного образования, затем в Народном комиссариате просвещения научным сотрудником по программно-методическим вопросам в Отделе педучилищ. В этот период Л. Г. Бескровный написал ряд статей по методическим вопросам среднего педагогического образования. К началу Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л. Г. Бескровный — декан вечернего отделения Московского библиотечного института.

С 1942 г. Л. Г. Бескровный — участник Великой Отечественной войны на Юго-Западном фронте. В 1943 г. в связи с введением в военных училищах и расширением в военных академиях курсов военной истории, он (как и другие историки) был направлен преподавателем в Московское стрелково-пулеметное училище. Но уже через год он получает назначение на кафедру истории военного искусства Военной академии им. М. В. Фрунзе, где Л. Г. Бескровный читает курс истории военного искусства и разрабатывает новые курсы — источниковедения военной истории, историографии и методики преподавания военной истории.

В это время выходят из печати его «Хрестоматия по русской военной истории» (1947 г.), курс лекций «Очерки по источниковедению истории русского военного искусства» (1954 г.), созданный под его редакцией и с его участием курс лекций по истории военного искусства (1955 г.) и ряд брошюр по тематике читаемых им курсов.

Многие его ученики, закончившие военно-исторический факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе, стали крупными учеными и сейчас преподают в высших военно-учебных заведениях страны.

В 1950 г. Л. Г. Бескровный защитил докторскую диссертацию и вместе с присвоением ученой степени доктора исторических наук получил в 1951 г. ученое звание профессора. Защита докторской диссертации ознаменовалась изданием особого приказа по Военной академии им. М. В. Фрунзе, в котором ученому выносилась благодарность за успешную преподавательскую и научно-исследовательскую работу. Л. Г. Бескровный продолжал работать в Военной академии им. М. В. Фрунзе вплоть до демобилизации в 1955 г. Теперь он получил возможность сосредоточиться на занятиях в Институте истории АН СССР, в котором начал трудиться еще в 1948 г. в секторе военной истории сначала старшим научным сотрудником, а с 1951 г. — заведующим сектором.

Участие в Великой Отечественной войне и особенно длительная преподавательская деятельность в Военной академии оказали сильнейшее влияние на направление научных интересов Л. Г. Бескровного. Он сосредотачивается на изучении военной истории России XVIII—XIX вв. Профессор Л. Г. Бескровный становится одним из крупных специалистов в области отечественной военной истории.

В печати появляется серия работ Л. Г. Бескровного по

военной истории России XVIII—XIX вв., а также по истории военной школы: «Система обучения и воспитания армии Петра I» (1946 г.), «Военно-воспитательная система Суворова» (1946 г.), «Кутузов как воспитатель русских войск» (1947 г.), «Из истории высшей военной школы в России» (1946 г.), «Военные школы в России в первой половине XVIII в.» (1953 г.).

Особенно много Л. Г. Бескровный занимался литературным наследием одного из наиболее крупных представителей военно-педагогической мысли XIX в. — М. И. Драгомирова. В обширной вводной статье к «Избранным трудам» Драгомирова (1956 г.) Л. Г. Бескровный осветил все стороны его мировоззрения, показав их большую противоречивость. Здесь проявилась характерная для Л. Г. Бескровного черта как исследователя — его всесторонность и большая объективность.

Обстоятельно Л. Г. Бескровный готовил свою фундаментальную монографию по истории русской армии и флота в XVIII в., изданную в 1958 г. В этой работе Л. Г. Бескровный рассматривает состояние русской армии и флота в XVIII в. в связи с особенностями соответствующего этапа в развитии феодального государства. В задачи исследования входило показать процесс строительства и вскрыть классовое содержание военной системы чиновничье-дворянской монархии XVIII в.; проанализировать ту экономическую базу, на которой развивались русская армия и флот; раскрыть формы и методы боевой подготовки солдат и офицеров; показать развитие русской военно-теоретической мысли и охарактеризовать способы и формы русского военного и военноморского искусства во взаимодействии. Такая задача впервые ставилась в военно-исторической литературе, и она была успешно решена.

Военно-исторические работы Л. Г. Бескровного обычно легко узнаются в ряду работ подобного рода, потому что они выделяются из них особой, оригинальной постановкой исследовательской задачи. Историк особенно внимателен к изучению глубинных оснований военной теории, организации и оснащения армии и флота, системы военных действий в целом. Эти основания он видит в экономической и социальной сфере, в политической и идейной жизни государства.

Л. Г. Бескровный обратил внимание на ту сторону военно-исторической тематики, которая до него почти не освещалась

в научной литературе. Он отметил и постарался показать в своих работах обратное влияние армии на состояние экономики, которое она оказывала прежде всего как крупнейший потребитель металла, сукна, полотна, кожи и прочих продуктов сельского хозяйства и промышленности России. Развитие армии и флота являлось сильнейшим фактором роста внутреннего рынка.

Исследовательские работы Л. Г. Бескровного по военной истории XVIII—XIX вв. насыщены обширным и ценным экономическим материалом, почерпнутым из архивных фондов.

Обращая внимание на экономические основы военного дела, Л. Г. Бескровный избегает опасности узкого экономизма. Рассматривая армию как послушное орудие в политике дворянского государства, он старается раскрыть, как классовые интересы определяли организацию армии, способы ее комплектования, взаимоотношения между рядовым и командным составом, характер боевой подготовки. Много занимаясь военным творчеством крупнейших русских полководцев XVIII—XIX вв., Л. Г. Бескровный избежал недооценки личного начала, которое, при всей ограниченности и обусловленности объективными обстоятельствами, всегда имело крупное значение в военном деле.

В последующем главным предметом исследования для Л. Г. Бескровного становится Отечественная война 1812 года. В 1951 г. выходит его первая большая монография по данной теме: «Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова», в 1962 г. публикуется вторая, еще более крупная монография «Отечественная война 1812 года». Сопоставление этих двух близких по содержанию книг отчетливо показывает, что в прошедшем между ними десятилетии шла интенсивная работа по разысканию и анализу нового исторического материала, по уточнению и углублению понимания великого исторического события в жизни народов России.

Вооруженный марксистско-ленинской методологией, Л. Г. Бескровный подошел к анализу событий 1812 г., полный живых переживаний Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., и это обстоятельство сильнейшим образом обострило его восприятие событий далекого прошлого.

Автор, как обычно, опирался на документальный материал, добытый его кропотливым трудом в архивах. Наши

архивохранилища давно уже служат источником для обширных публикаций по истории Отечественной войны 1812 года и все еще кажутся неисчерпаемыми. Это происходит оттого, что оценка и отбор документов для печати определяются подходом к теме историков разных направлений. Л. Г. Бескровный учел и плодотворно использовал те архивные документы, которые не могли быть должным образом оценены представителями немарксистской историографии. Книга Л. Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года» является итогом изучения этой темы в советской исторической литературе на данном этапе. Работая над этой монографией, Л. Г. Бескровный возглавил подготовку ряда документальных сборников, связанных с данной темой. Под его редакцией вышли многотомное издание документов М. И. Кутузова (1950—1956 гг.), сборники документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года» (1962 г.), «Листовки Отечественной войны 1812 года» (1962 г.), «Дневник Александра Чичерина. 1812—1813» (1966 г.) и другие сборники.

Как бы продолжением монографии об Отечественной войне 1812 года являются работы Л. Г. Бескровного о заграничных походах русской армии 1813 г. Он был ответственным редактором сборника материалов научной сессии, организованной Комиссией историков СССР и ГДР в октябре 1963 г. в Берлине, и научной сессии, проходившей в Москве по случаю 150-летия Лейпцигской битвы и освобождения Германии от наполеоновского владычества. В этом сборнике самому Л. Г. Бескровному принадлежит одна из центральных статей: «К 150-летию Лейпцигского сражения». Большое значение имеет выпущенный к юбилею под редакцией Л. Г. Бескровного сборник документов «Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии» (1964 г.).

В обширном введении Л. Г. Бескровного дан обзор всей войны, показаны ее движущие силы. Заграничные походы русской армии, начавшиеся вслед за победоносным окончанием Отечественной войны 1812 года, до сих пор почти не разрабатывались, и обращение к этой важной теме должно быть оценено положительно.

Изучая не только факты из истории военного прошлого, но решая вместе с тем и большие проблемные вопросы, Л. Г. Бескровный, естественно, при этом много внимания уде-

ляет критическому изучению прежней и современной военно-исторической литературы. В книге «Отечественная война 1812 года» подробно рассмотрена русская дореволюционная дворянская и буржуазная историография со всеми ее достижениями и недостатками. Весьма ценен включенный в историографическую главу очерк французской, немецкой, английской и американской историографии, в котором раскрывается подчиненность современной буржуазной исторической литературы политическим злободневным тенденциям, выявляется ее консервативность и неспособность к каким-либо творческим достижениям.

Опубликованная в 1962 г. монография «Очерки военной историографии России» является первым в советской литературе трудом по этому вопросу. В этой книге дан критический разбор школ и направлений и раскрыты пути развития дворянской, буржуазной и противостоящей им революционно-демократической и марксистской историографии в России. Это исследование — хорошее введение в военно-историческую науку. Оно в то же время служит основанием для дальнейшей разработки наследия русских военных историков, чем до сих пор еще не занимались в должной мере.

В другой работе Л. Г. Бескровного — «Очерки по источниковедению военной истории России» (1957 г.) — содержится обзор и дан анализ военно-исторических источников с древнейших времен до первой мировой войны. Книга вводит историков в огромный по своему объему круг печатных и рукописных памятников, отражающих наиболее важные стороны жизни армии и флота.

Таким образом, с именем Л. Г. Бескровного связана постановка изучения историографии и источниковедения военной истории как самостоятельных научных дисциплин.

Значительны работы Л. Г. Бескровного и в области археологии. По его инициативе и под его руководством изданы обширные сборники документов, входящие в многотомную серию «Материалы по истории русской армии и флота. Русские полководцы и флотоводцы». Трудно переоценить научное и учебное значение этой фундаментальной публикации. Она важна не только тем, что в ней впервые появились в свет новые существенные исторические документы, но также и тем, что в ней усовершенствованы приемы публикации и собраны материалы, имевшиеся прежде в труднодоступных и неудовлетворительно подготовленных изданиях. К ней примыкает

сборник материалов «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков» (1960 г.).

В ходе работ по подготовке публикаций, в которых участвовали большие коллективы работников архивов (в первую очередь Центрального государственного военно-исторического архива, а также коллектива научных сотрудников Института истории Академии наук СССР), разрешались крупные принципиальные вопросы советской археологии. В результате получились отличные образцы публикаторской работы, которыми по праву гордится советское архивоведение и историческая наука.

Л. Г. Бескровный работал и в области картографии. В 1946 г. вышел составленный им первый советский «Атлас карт и схем по русской военной истории»; Л. Г. Бескровный принимал также участие в подготовке и других атласов. В настоящее время он руководит работой по составлению «Академического исторического атласа СССР», которая ведется в секторе исторической географии Института истории СССР Академии наук СССР.

Л. Г. Бескровный всегда находится в центре больших коллективов военных историков и архивистов. Под его руководством и с его участием было подготовлено несколько сборников исследовательских статей о деятельности А. В. Суворова и М. И. Кутузова, сборники, посвященные 250-летию Полтавского сражения и 150-летию Отечественной войны 1812 года.

Было бы неверно считать, что Л. Г. Бескровный замыкается в круге проблем военной истории. Вся его деятельность направлена на установление тесных связей между военной и гражданской историей. Поэтому не случайно Л. Г. Бескровный выступает в качестве автора и соредактора «Очерков истории СССР», «Очерков истории исторической науки в СССР», сборников статей «К вопросу о первоначальном накоплении в России», «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Он принимает участие в составлении учебников по истории СССР и всеобщей истории, входит в состав редколлегии издания «Письма и бумаги Петра Великого» и «Избранных произведений» М. Н. Покровского. К этому Л. Г. Бескровного привел широкий подход к изучению различных отраслей исторических знаний.

Как ученый Л. Г. Бескровный неутомим в поисках новых

фактов, новых решений. Он верен принципу правды в науке. Он не удовлетворяется накоплением сведений, а ищет вместе с тем наиболее удачных решений больших и сложных проблем на основе марксистско-ленинского понимания общественных процессов.

Л. Г. Бескровный много и усиленно занимается популяризацией исторических знаний. Он постоянно выступает с лекциями, он — автор многих популярных книг. Продолжается большая общественная деятельность Л. Г. Бескровного во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры.

Как педагог, в широком смысле этого слова, он воспринял от этой профессии присущей ей гуманизм, доброжелательность к людям, умение обращаться с людьми разной степени подготовленности к научной работе, сводить их вместе для создания коллективных трудов, умение быть полезным людям.

Таким знают и любят Любомира Григорьевича Бескровного советские историки, его товарищи по работе.

П. Г. Рындзюнский

Историография

Ю. Р. КЛОКМАН

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XVIII—НАЧАЛА XIX в. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Военная история России как составная часть общей истории нашей страны донныне остается еще сравнительно мало разработанной советскими историками. Вопросы истории военного искусства и истории войн не привлекали должного внимания исследователей, занимающихся изучением внешней политики и дипломатии России XVIII—начала XIX в. Тем более это относится к освещению военной истории позднего феодализма нашей страны в общеисторических трудах.

Однако специальная военно-историческая литература и, в частности, литература по военной истории России XVIII—начала XIX в. насчитывает большое число названий. Многие из них еще ждут своей оценки. Исследования охватывают обширный круг вопросов, касаются отдельных сторон этой сложной проблемы и освещают ее с различной степенью полноты и глубины.

Краткий обзор этой литературы — задача настоящей статьи.

Разумеется, в одной статье нет возможности рассмотреть избранную проблему во всей ее совокупности. Автор ограничивается здесь следующими вопросами, получившими то или иное освещение в трудах советских военных историков: 1) военная историография; 2) военное источниковедение; 3) история армии и флота; 4) история войн; 5) история

военного искусства. Даже с учетом этих ограничений поставленная задача представляется очень сложной, и автор далек от мысли дать ей сколько-нибудь исчерпывающее решение. Это возможно сделать лишь в ряде монографических исследований.

В изучении военной истории России советскими историками можно различить три основных этапа. Первый из них охватывает период от Великой Октябрьской социалистической революции до середины 1930-х годов, второй — с 1930-х годов до середины 1950-х годов и третий — по настоящее время.

Приступая к изучению военного прошлого нашей страны, советские историки должны были прежде всего подвергнуть критическому осмыслению работы дореволюционных авторов.

Дворянско-буржуазные историки немало потрудились над изучением военной истории России, создали целый ряд крупных работ, в том числе и по периоду XVIII—начала XIX в. Особенно обстоятельно они разработывали историю войн, подробно освещали ход военных событий. При этом такие крупные военные историки, как Д. Ф. Масловский, А. З. Мышлаевский, А. К. Баиов, Н. П. Михневич и др., пытались дать известные выводы и обобщения по отдельным вопросам военной истории.

Дореволюционные военные историки признавали важность таких факторов, как изменение материальных средств борьбы, совершенствование оружия, но провозглашали вечность и неизменность самих принципов военного искусства, получавших, по их мнению, то или иное выражение в деятельности царей и полководцев. Процесс развития военного искусства в понимании дворянско-буржуазных историков сводился к развитию идей, а деятельность царей и полководцев признавалась основной движущей силой военной истории.

Дореволюционные историки не создали обобщающих работ, специально посвященных военной историографии России. Н. С. Голицын, например, пытался показать общее развитие истории военного искусства как науки¹. Но и он не поднялся до понимания объективных законов военного искусства.

¹ Н. С. Голицын. Всеобщая военная история древних времен, ч. 1. СПб., 1872, стр. 6—26, 65—71.

Дворянско-буржуазные историки проделали немалую работу по публикации источников. Выход в свет больших исследований по военной истории России XVIII—начала XIX в. сопровождался обычно изданием документов или в виде приложений к трудам авторов, или самостоятельными сборниками. Наибольшую активность в этом отношении проявили Д. Ф. Масловский, А. З. Мышлаевский, Н. Ф. Дубровин и Н. Л. Юнаков. В конце XIX—начале XX в. появились их публикации по отдельным кампаниям Северной войны, Семилетней войны, русско-турецких войн XVIII в. и др. Особенно много источников было издано в связи со столетним юбилеем Отечественной войны 1812 года. В частности, была издана обширная 21-томная публикация документов и материалов «Отечественная война 1812 года»².

С. И. Елагин и Ф. Ф. Веселаго на протяжении длительного времени издавали источники по истории русского военно-морского флота³.

Однако публикации источников дворянско-буржуазными историками носили ярко выраженный классовый характер. Они предпринимались с определенной политической целью возвеличить роль личности в истории, прежде всего показать деятельность царей, их правительств и полководцев. Уровень археографической обработки документов подчас был не очень высок. Например, в названной публикации «Отечественная война 1812 года» документы помещены без всякой систематизации, целыми коллекциями и связками.

Перед советскими историками стояла задача раскрыть классовую сущность дворянско-буржуазной историографии, опровергнуть идеалистическую интерпретацию военной истории и вместе с тем взять все нужное и полезное в изучении боевого прошлого нашей страны.

Важную роль в развертывании критики концепций дореволюционной историографии сыграл М. Н. Покровский, который проявлял большой интерес к истории внешней политики царской России. При изучении внешней политики и дипломатии русского царизма он критически пересмотрел работы дворянско-буржуазных авторов. Но классовый крите-

² «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I—XXI. СПб., 1907—1914.

³ «Материалы для истории русского флота», ч. I—IV. Под редакцией С. И. Елагина. СПб., 1865—1867; ч. V—XV. Под редакцией Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1875—1895.

рий применялся им односторонне и упрощенно. Классовое содержание всей внутренней и внешней политики, ее экономическое обоснование он усматривал не в способе производства, а в сфере обращения, в обмене. Торговый капитал, в понимании Покровского, был той решающей силой, которая определяла развитие экономики царской России, ее внутреннюю и внешнюю политику. Последнюю он объяснял как результат политической и военной активности «торгового капитализма».

В таком плане Покровский освещал и события военной истории, не находя в них ничего другого, кроме стремления к захватам, расширению рынков постоянно усиливавшимся торговым капиталом. Так, московский торговый капитал заставил Петра I вести длительную и напряженную борьбу за выход на восточное побережье Балтики, а затем захватить и Каспийское море для того, чтобы овладеть великим водным путем из Азии в Европу. Стремлением русского торгового капитала овладеть незамерзающими гаванями на Балтийском море было, по мнению Покровского, продиктовано вмешательство России в Семилетнюю войну. Во второй половине XVIII в. русский купец и русский помещик были заинтересованы в вывозе хлеба на европейский рынок через порты Черного моря. Начались длительные войны России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым⁴.

Покровский не видел объективно прогрессивного значения борьбы России за выход к Балтийскому и Черному морям, тех последствий, которые имела эта борьба для дальнейших исторических судеб народов нашей страны при всей классово-вой сущности внешней политики русского царизма. Обошел он молчанием и такие волнующие события Северной войны, как отражение шведского нашествия, народная война на Украине против иноземных захватчиков, выдающаяся победа над армией Карла XII под Полтавой.

Столь же односторонне и неправильно Покровский подходил и к оценке Отечественной войны 1812 года. Он не признавал народного характера этой войны. Поход Наполеона, по его мнению, был вызван тем, что Россия отказалась соблюдать условия континентальной блокады: «Дворянству и стоявшему за его спиной торговому капиталу, еще больше,

⁴ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967, стр. 92, 98—99, 100—101.

конечно, недовольному прекращением английской торговли, в конце концов и удалось-таки добиться своего: в 1812 г. Россия вновь разорвала с Францией»⁵. Это-де и вынудило Наполеона начать войну, в основе которой было столкновение интересов французской буржуазии и русского дворянства и купечества. Превратно понял Покровский и ход войны. Он утверждал, например, что «наполеоновская армия после своего последнего успеха — взятия Москвы — замерзла в русских снегах»⁶.

Покровский не учитывал решающей роли русской армии в разгроме Наполеона. Он недооценивал героическую борьбу народа за независимость своей Родины. Отсюда его отрицание народного характера Отечественной войны 1812 года.

Взгляды Покровского получили преобладание в советской исторической литературе 1920-х—начале 1930-х годов. Это отразилось и на работах по военной истории. Основное внимание исследователей привлекала в то время история первой мировой и гражданской войн. Монографических исследований по военной истории России XVIII—начала XIX в. создано не было. По этому периоду вышли только общие курсы и учебные пособия, рассчитанные на командный состав и слушателей военных академий и училищ.

Среди работ такого характера можно назвать, например, «Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.» А. Верховского. Это был подготовленный для печати курс лекций, прочитанных автором в 1920—1921 гг. в Академии Генерального штаба Красной Армии. В освещении военных событий работа основывалась на дореволюционной литературе и отражала взгляды, присущие дворянско-буржуазным историографам. Решающее значение в исходе войны автор придавал духовному фактору, преувеличивая роль полководцев. Верховский выделял эпоху Петра I и эпоху Суворова, относя к последней, с военной точки зрения, и Отечественную войну 1812 года⁷.

В трактовке общеисторических вопросов, например, в характеристике политической, социальной и экономической обстановки в России начала и второй половины XVIII в.,

⁵ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3, стр. 102.

⁶ Там же.

⁷ А. Верховский. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921.

которая дана в очень сжатой форме, Верховский опирался на ошибочную концепцию Покровского о преобладающей роли торгового капитала в экономической жизни страны. Работа имеет и другие слабые стороны, например для нее характерна модернизация событий, что также было присуще Покровскому. Так, реформы первой четверти XVIII в. Верховский характеризовал как «дворянскую революцию», проводя неправомерную аналогию между созданием русской регулярной армии в начале XVIII в. и созданием Красной Армии в ходе гражданской войны. Он говорил о русской регулярной армии как «вооруженной силе, созидаемой в кипении гражданской войны». «Отмечаем, — заключает Верховский, — как близко, до деталей, схема создания Петровской армии подходит к нашей» (Советской. — Ю. К.)⁸.

Не создал новых конкретных исследований по истории войн и военного искусства и А. Свечин. Его работа «Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней» (т. 1—2), изданная в 1927—1928 гг., также основана на дореволюционной литературе. Это курс лекций, рассчитанный на узкий круг военных специалистов. В нем есть специальный раздел и о развитии военного дела феодальной России.

В целом изучению военной истории России XVIII—начала XIX в. до середины 1930-х годов не уделялось должного внимания. В этом несомненное влияние оказали взгляды Покровского. Их преобладание в исторической науке не могло способствовать разработке конкретной военной истории феодальной России, подменявшейся абстрактными социологическими построениями, имевшими широкое распространение в работах того времени.

Решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании истории в школе (1934 г.) послужили началом нового этапа в развитии советской исторической науки. Это отразилось на работах и в области военной истории. Наряду с разработкой общих курсов по истории войн и военного искусства усилился интерес исследователей к углубленному изучению наиболее важных проблем военной истории России XVIII—начала XIX в.

Большую роль в консолидации усилий советских историков в изучении конкретных вопросов военной истории сыг-

⁸ Там же, стр. 14, 47, 72 и др.

рала периодическая печать. С 1939 г. стал выходить «Военно-исторический журнал»⁹⁻¹⁰. На его страницах систематически публиковались статьи по вопросам военной истории, в том числе и по XVIII—началу XIX в. Определенный интерес к военно-исторической тематике проявляли и общео- исторические журналы: «Историк-марксист», а затем «Исторический журнал».

ВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Оживление интереса к военной истории выразилось и в появлении специальных историографических исследований. Следует отметить обзор отечественной литературы по военной истории Б. Б. Кафенгауза в сборнике «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», изданном в 1942 г. во время Великой Отечественной войны под редакцией В. П. Волгина, Е. В. Тарле и А. М. Панкратовой. Кафенгауз сосредоточил свои основные усилия на анализе работ советских историков, опубликованных незадолго до Великой Отечественной войны и в ходе нее. Он отмечает внимание историков к изучению Северной войны, к полководцам А. В. Суворову и М. И. Кутузову, к Отечественной войне 1812 года. Кафенгауз подчеркивает распространение научно-популярной литературы, имевшей целью ознакомить широкие массы народа с лучшими традициями героического боевого прошлого народов нашей страны.

В оценке разнообразной по своему содержанию литературы по военной истории Кафенгауз не всегда отмечает недостатки отдельных работ. Так, положительное значение книги К. Осипова «Суворов» автор усматривает, в частности, в том, что в ней великий полководец отделен «от царизма, которому он должен был служить, но с которым Суворов никогда не был в ладу». «Суворов вполне правильно понят теперь, — утверждает Кафенгауз, — как народный герой, чуждый царям и придворным кругам». Кафенгауз, как и Осипов, смешивает здесь два разных вопроса: политические взгляды Суворова, его военную деятельность, с одной стороны, и передовой характер его военного искусства — с другой. По политическим

⁹⁻¹⁰ Издание журнала прекратилось в 1941 г. и возобновилось в 1959 г.

взглядам Суворов был убежденным монархистом, и как военный деятель он верно служил своему дворянскому классу, феодально-абсолютистскому государству, способствовал укреплению позиций царизма и на международной арене, и внутри страны. В тех условиях иначе и быть не могло. Военную деятельность полководцев мы должны рассматривать в рамках определенной исторической эпохи.

Царизм использовал полководческий талант Суворова, но отвергал применяемые им способы и формы ведения войны и боя, его систему обучения и воспитания войск. В свою очередь Суворов, способствуя своими победами осуществлению внутренней и внешней политики царизма, относился резко отрицательно к господствовавшей тогда в России военной системе. Вот в чем было расхождение Суворова с правящими кругами.

Равным образом не отметил Кафенгауз недостатки интересной и увлекательно написанной книги Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год». Не было указано, в частности, на заимствование ее автором ряда положений буржуазной историографии в трактовке Отечественной войны 1812 года (теория пресловутых «естественных факторов» как главная причина гибели армии Наполеона в России и др.).

После Великой Отечественной войны интерес к военной историографии усилился. В периодической печати была рассмотрена литература по ряду важных вопросов военной истории России XVIII—начала XIX в.

Пересмотру подверглись, например, история Семилетней войны, освещение в отечественной военно-исторической литературе и в публикациях документов деятельности полководцев Суворова и Кутузова. Вопрос о зарождении и развитии военной историографии в России был поставлен проф. Л. Г. Бескровным.

А в 1962 г. была опубликована книга Бескровного «Очерки военной историографии России», открывшая новую страницу военно-исторической науки. Это первое монографическое исследование, в котором с марксистско-ленинских позиций освещаются основные этапы развития военной историографии в России до начала XX в.

Рассматривая военную историю как неотъемлемую составную часть общей истории, Бескровный показывает влияние исторической мысли в России на военную историографию. В этой связи следует отметить, что процесс обратного влия-

ния военной историографии на русскую историческую науку не раскрыт и требует самостоятельного изучения.

Большой интерес представляет важный вопрос о взаимном влиянии военно-исторической мысли России и Западной Европы. Он поставлен автором, но не решен, так как для этого нет еще достаточных материалов. До настоящего времени мы не располагаем трудами наших историков по военной историографии зарубежных стран. А только на основе этого можно было бы судить о том, какое влияние оказало развитие военно-исторических идей в России на страны Западной Европы и, наоборот, в какой мере русская военно-историческая мысль воспринимала достижения зарубежной военной теории.

Это одна из актуальных проблем военно-исторической науки, которая еще ждет своего разрешения.

В порядке дня стоит задача дальнейшего, более углубленного изучения военной историографии нашей страны, прежде всего советского периода. Она приобретает особенно важное значение в плане борьбы с современными буржуазными фальсификаторами военной истории нашей страны.

ВОЕННОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В досоветский период не существовало военного источниковедения как особой отрасли исторической науки. Советские историки, вооруженные марксистско-ленинским учением о войне и армии, обратились к глубокому изучению военно-исторических памятников прошлого.

Эта работа особенно усилилась на протяжении двух последних десятилетий. Одним из результатов ее явился выход в свет в 1957 г. монографии Л. Г. Бескровного «Очерки по источниковедению военной истории России», где впервые была дана классификация письменных военных источников, произведен обзор основных источников в плане показа развития способов и форм ведения войны и боя¹¹.

Ценным дополнением к ней служат отдельные выпуски описаний рукописных собраний военно-исторических документов, выполненные Отделом рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, и

¹¹ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

библиография военной журналистики, подготовленная Военным отделом Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина¹².

Работа советских военных историков по публикации источников шла по следующим основным направлениям.

Издание документов и материалов по истории отдельных войн. В конце 1930-х—начале 1940-х годов был опубликован ряд источников по отдельным событиям военной истории России XVIII—начала XIX в. В частности, были изданы документы о Полтавской битве («Исторический журнал», 1939, № 7), о победе русских войск под командованием П. А. Румянцева в 1770 г. над турками в сражениях при Ларге и Кагуле («Красный архив», 1940, № 6) и др. В самом начале Великой Отечественной войны вышел сборник «Отечественная война 1812 года»¹³. Издание имело цель популяризовать одну из наиболее ярких страниц истории боевого прошлого России в условиях развернувшейся борьбы советского народа против германского фашизма.

В 1943 г. был издан сборник основных документов о разгроме Пруссии русскими войсками в Семилетней войне (с предисловием Н. М. Коробкова). Недостатком сборника было то, что собранный материал в значительной мере приводился с купюрами, в выдержках¹⁴. В дальнейшем была подготовлена обстоятельная публикация материалов о действиях русской армии и флота в Семилетней войне 1756—1762 гг.¹⁵ Характеризуя рост русского военного искусства во время Семилетней войны, материалы сборника вместе с тем раскрывают картину сложной дипломатической борьбы, сопровождавшей военные действия сторон.

К такому же типу публикаций следует отнести и сборник о заграничном походе русской армии в 1813 г. и освобожде-

¹² «Описание собрания рукописных материалов А. В. Суворова». Под редакцией С. Н. Валка, Л., 1955; «Русская военная периодическая печать (1702—1916)». Библиографический указатель. Под редакцией Л. Г. Бескровного. М., 1959.

¹³ «Отечественная война 1812 года». Сборник документов и материалов. Под редакцией Е. В. Тарле, А. В. Предтеченского и Е. И. Бочкаревой. М.—Л., 1941.

¹⁴ «Разгром русскими войсками Пруссии. 1756—1762 гг.». Документы. М., 1943.

¹⁵ «Семилетняя война». Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. Под редакцией Н. М. Коробкова. М., 1948.

нии Германии, изданный под редакцией Л. Г. Бескровного¹⁶. Здесь собраны все наиболее существенные документы и материалы отечественных архивов, которые показывают значение России в войне 1813 г. в целом. В этом отношении сборник выгодно отличается от всех предшествующих публикаций источников, связанных с войной 1813 г., которые освещали лишь отдельные стороны рассматриваемых событий. Документы сборника раскрывают выдающуюся роль русской армии в походе 1813 г.

На очереди стоит издание сборников документов по истории других еще малоизученных войн XVIII—начала XIX в., например, некоторых войн России с Турцией и с Францией.

Издание тематических сборников. Значительное место среди данного типа публикаций занимают сборники документов, отражающие различные аспекты Отечественной войны 1812 года, а именно действия донских казаков, эпопею Бородинского сражения, историю создания народного ополчения и его роль в войне¹⁷.

Тематика подобного рода публикаций документов по Отечественной войне 1812 года не случайна. Именно участие народа, роль ополченцев, рядового казачества всячески замалчивались и умалялись в дворянско-буржуазной литературе. До революции вообще не было издано специального сборника документов о народном ополчении в Отечественной войне 1812 года по всем районам России в целом.

Вместе с тем названные сборники документов помогают решению ряда спорных и малоизученных вопросов Отечественной войны 1812 года. К ним относится, например, вопрос о резервах русской армии. Только созданием ополчения была разрешена весьма остро стоявшая проблема увеличения численности вооруженных сил страны до необходимых в тех условиях размеров. Действия донских казаков дают пример успешного применения крупных масс легкой конницы на театре войны.

¹⁶ «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии». Сборник документов. М., 1964.

¹⁷ «Донские казаки в 1812 году». Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1954; «Бородино». Документы, письма, воспоминания. Под редакцией Л. Г. Бескровного и Г. П. Мещерякова. М., 1962; «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сборник документов. Под редакцией Л. Г. Бескровного. М., 1962.

Очень интересным видом тематических публикаций являются «Листовки Отечественной войны 1812 года», изданные в 1962 г. под редакцией Л. Г. Бескровного. Собранные здесь документы показывают малоизвестную донные сторону деятельности главного командования русской армии — издание листовок, т. е. идеологическую борьбу с агрессией Наполеона. Листовки выпускались как для распространения среди наполеоновских войск, так и для русской армии и населения России. В них имеется немало конкретного материала и для изучения самих военных действий 1812 г.

Материалы по военной истории России XVIII—начала XIX в. вошли также в сборник документов «Из боевого прошлого русской армии» под редакцией Н. М. Коробкова. Они отражают боевые традиции русской армии наиболее значительных войн, таких, как Северная война, Семилетняя война, русско-турецкие войны второй половины XVIII в., Итальянский и Швейцарский походы, Отечественная война 1812 года, поход 1813 г.¹⁸

Возобновилось начатое еще до революции издание обширной серии документов и материалов «Письма и бумаги императора Петра Великого». В советский период под редакцией А. И. Андреева, Б. Б. Кафенгауза и Л. А. Никифорова изданы VII—XI тома, представляющие для военного историка большой интерес. Они охватывают полтавский период Северной войны, кампанию 1710 г., а также Прутский поход.

Публикация серии документов и материалов «Русские полководцы» и «Русские флотоводцы». Этому типу источников до недавнего времени уделялось наибольшее внимание. В конце 1940-х—1950-х годах были опубликованы: под редакцией Н. М. Коробкова — «Фельдмаршал Румянцев», «Генералиссимус Суворов», «Фельдмаршал Кутузов»; под редакцией С. Н. Голубова и Ф. Е. Кузнецова — «Генерал Багратион»; под редакцией Г. П. Мещерякова — «А. В. Суворов» (т. I—IV); под редакцией Л. Г. Бескровного — «М. И. Кутузов» (т. I—V); под редакцией П. К. Фортунатова и Л. Г. Бескровного — «П. А. Румянцев» (т. I—III); под редакцией Р. Н. Мордвинова — «Адмирал Ушаков» (т. I—III) и др.

Выход в свет этих сборников документов и материалов в значительной степени объясняется обстановкой Великой

¹⁸ «Из боевого прошлого русской армии». Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. М., 1947.

Отечественной войны 1941—1945 гг., когда имена Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова служили знаменем прогрессивных воинских традиций. Издание сборников документов о полководцах и флотоводцах XVIII—первой половины XIX в. не сопровождалось, однако, появлением публикаций по истории войн этого времени. Правда, названные сборники содержат немало материала и по истории войн, но применительно только ко времени деятельности того или иного полководца и флотоводца. Несомненно, что многие вопросы истории войн России данного периода остались неосвещенными в подобного рода изданиях.

Публикация документов по вопросам военной теории. Надо сказать, что подобного рода документов до сего времени издано немного. В 1940 г. Военно-юридическая академия Красной Армии и Институт права АН СССР под редакцией М. М. Исаева издали небольшую публикацию Т. Швориной «Воинские артикулы Петра I». До Великой Отечественной войны была опубликована «Мысль генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского о состоянии армии...», составленная им в 1777 г.¹⁹ В 1949 г. Т. И. Воробьев опубликовал «Полковое учреждение» А. В. Суворова, а в 1955 г. Ю. Н. Яблочкин издал «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно» М. И. Кутузова²⁰.

Наконец, в 1960 г. под редакцией Л. Г. Бескровного вышел в свет сборник статей и материалов «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Сборник отражает основные этапы развития отечественной военно-теоретической мысли (стратегии и тактики) указанного периода. Восполняя известный пробел, это издание, разумеется, не может дать полного освещения всей проблемы²¹.

Публикацию выдающихся памятников русской военно-теоретической мысли необходимо значительно активизировать.

¹⁹ «Записка генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского о реорганизации русской армии». — «Военно-исторический журнал», 1941, № 1.

²⁰ А. В. Суворов. Полковое учреждение. М., 1949; «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно». Предисловие Л. Г. Бескровного. М., 1955.

²¹ «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Под редакцией Л. Г. Бескровного. М., 1960.

Дореволюционная историография рассматривала развитие армии и флота — двух неразрывно связанных между собой частей вооруженных сил — изолированно, в отрыве друг от друга. Правда, в начале XX в. пытались было создать общую историю вооруженных сил России и подготовили 15-томную работу «История русской армии и флота»²². Но и эта попытка не продвинула вперед решение вопроса, поскольку весь материал, относящийся к истории армии, рассматривался без органической связи с историей флота.

Советские историки, показав ограниченность методологии дореволюционной историографии, противопоставили ей марксистско-ленинское учение о войне и армии, позволившее единственно правильно решить вопрос о развитии вооруженных сил. Накануне Великой Отечественной войны и в последующий период вышло немало работ, посвященных тем или иным вопросам военного дела в России XVIII—начала XIX в. Наибольшее внимание было уделено выяснению материальных предпосылок строительства вооруженных сил. В особенности изучалось развитие металлургической промышленности, составлявшей основу военного могущества страны (работы С. Г. Струмилина, Б. Б. Кафенгауза, Д. А. Кашинцева, П. Г. Любомирова, Н. И. Павленко и др.)²³. История легкой промышленности, в частности текстильного производства, имеющего важное значение для обеспечения армии и флота, отражена в исследованиях Е. И. Заозерской и К. А. Пажитнова²⁴.

Отдельные вопросы строительства вооруженных сил, комплектования, организации и боевой подготовки войск освещаются во многих работах по истории войн и военного ис-

²² «История русской армии и флота», т. I—XV. М., 1911—1913.

²³ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949; Д. Кашинцев. История металлургии Урала, т. I. М.—Л., 1939; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947; Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962.

²⁴ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х годах XVIII в. М., 1960; К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955; Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958.

кусства XVIII—начала XIX в. Однако некоторые историки в 1940-х годах рассматривали русскую армию XVIII в. без учета классовых взаимоотношений того времени²⁵. Роль армии как вооруженной опоры феодально-абсолютистского государства не получила тогда должного освещения в военно-исторической литературе. В работах по военной истории не всегда указывалось, что военная система России имела сугубо классовый характер, что она обеспечивала решение задач не только внешней, но и внутренней политики господствовавшего дворянского класса.

Следует отметить еще один аспект, который донныне не нашел, к сожалению, надлежащего отражения в работах по военной истории России XVIII—начала XIX в. Это вопрос о проявлении социальных противоречий в армии и на флоте. В феодальной России рядовой состав армии и флота комплектовался на основе рекрутских наборов из податного сельского и городского населения страны, а офицерский — почти исключительно из дворян. Офицеры в большинстве своем относились к солдатам, как помещики к крепостным.

В литературе по военной истории России XVIII—начала XIX в. мало можно найти работ о том, как тяжелые условия военной службы для солдат и матросов, их полное бесправие перед офицерами-дворянами приводили к проявлению социальных противоречий в армии и на флоте.

В данной связи следует отметить работу Н. Б. Голиковой «Из истории классовых противоречий в русской армии (1700—1709 гг.)»²⁶. Автор рассматривает различные формы социального протеста в русской армии: от бегства солдат до их участия в Астраханском и Булавинском восстаниях.

Во второй половине XVIII в. классовый антагонизм между офицерами-дворянами и солдатами еще больше углубился в связи с общим усилением феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства и обострением классовой борьбы в стране. Но этот вопрос изучен еще слабо.

До недавнего времени в советской исторической литературе не было обобщающих работ, в которых рассматрива-

лось бы развитие вооруженных сил России и применяемых ими способов и форм ведения войны в течение всего XVIII в. Такая работа у нас сейчас есть. Это исследование Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XVIII веке». На основании конкретного материала — большого числа опубликованных и архивных источников — автор рассматривает вопросы строительства вооруженных сил России, вопросы формирования регулярной армии и флота. В книге Бескровного освещена система комплектования, организации и управления сухопутных войск и флота, выявлены пути, по которым шло материально-техническое обеспечение вооруженных сил, исследованы характер боевой подготовки солдат и матросов, история создания военной школы в России и на этой базе дан анализ развития способов и форм ведения войны и боя. Автор показывает закономерности развития вооруженных сил России. Система организации вооруженных сил находится в неразрывной связи со способами ведения военных действий и зависит от социально-экономического строя²⁷.

ИСТОРИЯ ВОЙН

Изучение истории войн осуществлялось путем создания как монографических исследований, так и обобщающих работ. Едва ли не наиболее исследованной оказалась Северная война. Основные события этой войны и разносторонняя полководческая и военно-организаторская деятельность Петра I нашли отражение в большом числе статей, изданных в связи с исполнившимся в 1939 г. 230-летием Полтавской битвы. Во время Великой Отечественной войны в числе других вышли работы Б. Б. Кафенгауза «Северная война и Ништадтский мир», А. И. Козаченко «Битва под Полтавой»²⁸.

В дальнейшем интерес к этой теме, весьма значительной в военно-историческом отношении, еще более возрос. За последние два десятилетия появилось немало работ, в которых на основе ранее неиспользованных архивных материалов и критического анализа предшествующей литературы дано но-

²⁵ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958.

²⁶ Б. Б. Кафенгауз. Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М., 1944; А. И. Козаченко. Битва под Полтавой 27 июня 1709 года. М., 1945.

²⁵ Н. Коробков. Суворов как представитель русского военного искусства. — «Исторический журнал», 1941, № 12.

²⁶ См. «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». Сборник статей. Под редакцией Л. Г. Бескровного, Б. Б. Кафенгауза, В. А. Дядиченко и Н. И. Павленко, М., 1959, стр. 269—285.

вое освещение многих вопросов, относящихся к истории Северной войны. В этой связи следует отметить книгу Б. С. Тельпуховского²⁹. Особенно подробно освещен автором первый период Северной войны, завершившийся разгромом шведов под Полтавой. Что касается военных действий после Полтавской битвы, особенно борьбы на море, то этим вопросам уделено значительно меньшее внимание.

Действия России на море, выдающиеся победы, одержанные русским флотом в сражениях у Гангута и Гренгама, показаны во многих работах. Среди них обстоятельностью исследования отличается книга академика Е. В. Тарле³⁰.

После разгрома шведской армии под Полтавой решающая роль в достижении победы в Северной войне принадлежала флоту. Создав сильный флот, способный решать важные стратегические задачи, завоевав господство на Балтике, Россия заставила Швецию капитулировать. Становление России как великой морской державы сопровождалось полным и бесповоротным сокрушением военного могущества Швеции. Но Е. В. Тарле несколько преувеличивает значение флота во внешней политике России того времени.

Вопросы военного искусства в Северной войне рассматриваются также в работах В. А. Панова, К. В. Базилевича, В. Д. Верховдубова, Е. И. Порфирьева и др.³¹ Исследователи характеризуют стратегию и тактику русского командования, особенно в период подготовки и проведения Полтавской битвы, подчеркивают значение этой победы в истории не только отечественного, но и зарубежного военного искусства.

Но многие авторы слишком персонифицировали развитие русского военного искусства периода Северной войны, сведя его почти исключительно к деятельности Петра I как полководца и флотоводца. Отмечая стратегическое взаимодействие русской армии и флота в Северной войне, Е. И. Порфирьев, например, утверждал, что Петр I, «пожалуй, единственный

²⁹ Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946.

³⁰ Е. В. Тарле. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.

³¹ В. А. Панов. Петр I как полководец. М., 1940; К. В. Базилевич. Петр I — государственный деятель, преобразователь, полководец. М., 1946; В. Д. Верховдубов. Полководческое искусство Петра I. Курс лекций. М., 1951; Е. И. Порфирьев. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952.

в военной истории прошлого, кто сумел полностью разрешить эту трудную задачу»³².

Не ограничиваясь изучением узкоспецифических сторон военного дела, действий вооруженных сил России и Швеции в Северной войне, советские историки показывают также роль народных масс в борьбе против шведской армии в период 1700—1709 гг. Наибольшее число работ на эту тему написал В. Е. Шутый³³. Автор рисует яркую картину народной войны, принявшей особенно широкий размах на Украине в 1708—1709 гг., где освободительная борьба носила одновременно и классовый характер. Это и обусловило ее огромные масштабы. Советская историография выгодно отличается от дореволюционной дворянской и буржуазной историографии, явно недооценивавшей значения сопротивления народа шведским захватчикам в ходе Северной войны.

Обобщающим трудом по полтавскому периоду войны явилась книга академика Е. В. Тарле³⁴.

В связи с 250-летием Полтавской битвы, исполнившимся в 1959 г., были опубликованы фундаментальные исследования С. А. Фейгиной и Л. А. Никифорова³⁵. Вышли также два сборника статей. В первом из них («Полтавская победа»)³⁶, подготовленном Институтом славяноведения АН СССР, собраны статьи по вопросам международных отношений и деятельности русской дипломатии накануне и после Полтавской битвы. Второй сборник — «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения»³⁷ — объединяет коллектив авторов Института истории АН СССР и АН УССР. Здесь на новом материале рассмотрены такие важные вопросы, как историческое значение Полтавской победы, состояние русской армии и пре-

³² Е. И. Порфирьев. Указ. соч., стр. 277.

³³ В. Е. Шутый. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М., 1958; он же. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр. Київ, 1951 и др.

³⁴ Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

³⁵ С. А. Фейгина. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.

³⁶ «Полтавская победа». Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. Под редакцией И. Б. Грекова и В. Д. Корюка. М., 1959.

³⁷ «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». М., 1959.

образования начала XVIII в., опубликованы документы и памятники самого сражения.

Исследования советских историков обстоятельно освещают историю борьбы России за выход на Балтику в начале XVIII в., показывают значение итогов Северной войны для дальнейших судеб России и других европейских стран.

К этим работам непосредственно примыкает книга Г. А. Некрасова³⁸. Раскрывая классовую сущность внешней политики России, автор характеризует содержание балтийской проблемы после Северной войны, а именно закрепление России в Восточной Прибалтике, развитие экономических и политических связей со странами Западной Европы.

Советские историки продолжают разработку архивного материала по Северной войне, хотя, может быть, и не столь интенсивно, как в годы, предшествовавшие 250-летию Полтавской битвы. Во всяком случае за последнее время было опубликовано лишь одно большое монографическое исследование — книга Х. Палли³⁹. Автор на основе широкого использования большого числа разнообразных источников, значительную часть которых он впервые вводит в научный оборот, показывает влияние внутреннего положения в прибалтийских провинциях на ход военных действий, ареной которых они были. Но Палли несколько переоценивает военное искусство русских войск в борьбе за Прибалтику. Успехи русских в Прибалтике в 1701—1704 гг. в значительной степени объяснялись тем, что главные и лучшие силы шведов были отвлечены в то время в Польшу.

По сравнению с Северной войной военная история России и ее внешняя политика на протяжении последующих десятилетий XVIII в. изучены гораздо менее основательно. Но они представляют отнюдь не меньший интерес для исследователя. Ведь именно после Северной войны Россия стала великой державой, ее роль и влияние на международной арене неизмеримо возросли.

Необходимо продолжать изучение Семилетней войны, всего того комплекса внешнеполитических событий, который привел к общеевропейскому конфликту в середине XVIII в.

³⁸ Г. А. Некрасов. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964.

³⁹ Х. Палли. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701—1704 гг. Таллин, 1966.

Исследование данной темы осуществлено главным образом работами Н. М. Коробкова. После серии статей, опубликованных в «Военно-историческом журнале» в 1939—1940 гг., появилась его обобщающая работа о Семилетней войне⁴⁰⁻⁴¹. В советской литературе это первое крупное исследование истории Семилетней войны. Книга основана на привлечении большого числа источников и литературы, которые автор, однако, недостаточно критически использует, особенно в части иностранных источников. Это не могло не отразиться на освещении военных действий. Автор не показал в должной мере политику России накануне и в ходе войны и не раскрыл ее социальной сущности.

Подробное изложение военных вопросов не уравновешено необходимым освещением сложной и напряженной политической борьбы, отражавшей разногласия среди членов антипрусской коалиции держав. Но этот вопрос требует бесспорно и самостоятельного исследования. Дипломатическая история Семилетней войны еще не разработана.

Участью русского флота в Семилетней войне дореволюционная историография не уделяла достаточного внимания. Заслугой советских исследователей является то, что они показали действия не только армии, но и флота, подчеркнули его важную роль в обеспечении прибрежных коммуникаций русской армии, особенно действия боевых кораблей и десанта русских моряков при взятии прусской крепости Кольберг⁴².

Далеко не полностью изучена еще черноморская проблема второй половины XVIII в. Выдающимся успехом России в борьбе за разрешение этой проблемы был Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Процесс подготовки и заключения этого мира, характеризующий высокое искусство русской дипломатии, исследован в монографии Е. И. Дружининой⁴³.

Наряду с дипломатией важную роль в достижении победы в войнах с Турцией сыграли русская армия и флот, возглав-

⁴⁰⁻⁴¹ Н. М. Коробков. Семилетняя война (Действия России в 1756—1762 гг.). М., 1940.

⁴² Н. Коробков. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946; Ю. Р. Клокман. Кольбергская операция 1761 г. — «Исторические записки», 1949, т. 30 и др.

⁴³ Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (Его подготовка и заключение). М., 1955.

ляемые П. А. Румянцевым, А. В. Суворовым, Ф. Ф. Ушаковым и другими видными полководцами. Боевые действия русской армии под командованием П. А. Румянцева на Балканском театре, а также развитие национального русского военного искусства в ходе войны России с Турцией 1768—1774 гг. рассмотрены в книге Ю. Р. Клокмана⁴⁴.

Значительное внимание исследователей привлекла выдающаяся победа, одержанная русским флотом при Чесме в 1770 г.⁴⁵ Среди других работ по этому вопросу выделяется книга академика Е. В. Тарле⁴⁶. С присущим ему мастерством автор показал одну из ярких страниц боевого прошлого русского флота. Совершив беспрецедентный в истории переход вокруг Европы из Балтийского в Средиземное море, русские моряки под руководством адмирала Г. А. Спиридова наголову разгромили превосходящие силы турецкого флота в сражениях в Хиосском проливе и в Чесменской бухте. Это оказало существенное влияние на общий ход войны России с Турцией 1768—1774 гг.

Следует подчеркнуть, что в изучении русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. внимание историков сосредоточивалось главным образом на выдающихся победах, одержанных теми или иными полководцами и флотоводцами. Освещены также отдельные аспекты внешней политики России того времени. Задача же состоит в том, чтобы дать достаточно полные исследования истории этих войн, боевых действий армии и флота во всей совокупности вооруженной и дипломатической борьбы.

В советской историографии нет еще обобщающей работы по истории войны России с Францией 1798—1800 гг. Создание такой монографии является настоятельной потребностью советской исторической науки. А известная работа дореволюционного военного историка Д. А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», хотя и относится к одному из лучших

достижений дворянско-буржуазной историографии, не может уже нас удовлетворить.

Отдельные вопросы войны России с Францией 1798—1800 гг. нашли отражение в трудах советских историков. Освещены, например, основные события Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова⁴⁷. О победах русского флота рассказывает книга академика Е. В. Тарле⁴⁸. Изложение военных вопросов удачно сочетается с анализом международной обстановки, внешней политики России того времени. Автор показывает, что в этой войне царизм преследовал две цели: с одной стороны, более активно вести борьбу с Французской буржуазной революцией, с другой — занять плацдарм на Средиземном море и тем самым укрепить свои позиции на международной арене. Решающую роль в этом отношении имели действия эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова. Известное внимание уделили советские историки политике России в Средиземноморье в начале XIX в.⁴⁹

Обширна литература по истории Отечественной войны 1812 года. Интерес советских историков к изучению Отечественной войны 1812 года особенно возрос в связи с исполненным в 1962 г. 150-летним ее юбилеем. К тому времени были изданы многочисленные монографические исследования, статьи, публикации, популярные брошюры. Итоги изучения проблемы подвел Л. Г. Бескровный в своей фундаментальной работе, изданной к этой же знаменательной дате⁵⁰. Книга содержит обстоятельный обзор всей русской дореволюционной, зарубежной и советской литературы. Автор анализирует высказывания основоположников марксизма об Отечественной войне 1812 года.

Кроме того, П. А. Жилин и Л. Г. Бескровный выступили со специальными статьями, в которых рассмотрели некото-

⁴⁴ Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянцева в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 1951.

⁴⁵ В. Ф. Головачев. Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.—Л., 1944; Ф. С. Криницын. Чесменская победа. М., 1951; Е. Юнга. Адмирал Спиридов. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1957 и др.

⁴⁶ Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769—1774. М.—Л., 1945.

⁴⁷ Л. М. Лещинский. Итальянский и Швейцарский походы — вершина полководческого искусства А. В. Суворова. — «Суворовский сборник». М., 1951, стр. 89—131; М. Л. Альтгофзен. Полководческое искусство Суворова в Швейцарском походе. — Там же, стр. 132—154 и др.

⁴⁸ Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). М., 1948.

⁴⁹ А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962; А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958 и др.

⁵⁰ Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

рые нерешенные вопросы истории Отечественной войны 1812 года и определили ряд задач дальнейшего исследования этой темы⁵¹. К сожалению, эти интересные выступления не привлекли должного внимания исследователей. Они не послужили основой для обмена мнениями по поставленным здесь вопросам.

Советские историки продолжают изучать величественные события Отечественной войны 1812 года, углубляя наши знания новыми важными наблюдениями и обобщениями. Интересное исследование о военной публицистике 1812 г. опубликовал А. Г. Тартаковский. Автор привлек внимание к таким уникальным и малоизвестным материалам этой эпохи, как «летучие» издания Главной квартиры действующей русской армии. К ним относятся памфлеты, воззвания, известия о военных действиях и другие памятники армейской публицистики, отражающие характер пропагандистской деятельности русского командования в условиях быстро меняющейся военной обстановки. Вместе с тем эти источники расширяют наши представления о жизни русского общества того времени⁵².

Малоизученной проблеме классовой борьбы в России в период Отечественной войны 1812 года посвящена работа Б. С. Абалихина. Автор показывает, что борьба с иноземным вторжением отнюдь не снимала социальных противоречий. Напротив, патриотический подъем народа, прежде всего крестьянства, усилил его стремление к освобождению от крепостной зависимости. Работа помогает преодолеть известную односторонность некоторых более ранних исследований по истории Отечественной войны, в которых вопросы классовой борьбы, не стихавшей в условиях войны, не находили необходимого освещения⁵³.

⁵¹ П. А. Жилин. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года. — «Вопросы истории», 1962, № 6; Л. Г. Бескровный. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года. — Там же, № 10.

⁵² А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

⁵³ Б. С. Абалихин. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. — «Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России». Волгоград, 1967.

Наряду с историей войн разрабатывалась история военного искусства. Внимание исследователей привлекали прежде всего полководцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов⁵⁴.

Одновременно предпринимались попытки создания обобщающих трудов по истории военного искусства. Одной из работ такого рода был курс лекций полковника Е. А. Разина⁵⁵. Курс предназначался для среднего и старшего командного состава Красной Армии и слушателей военных академий. Естественно, что в такой общей работе история русского военного искусства XVIII—начала XIX в. не могла быть раскрыта с должной полнотой. Изложение материала страдает схематичностью. Но при всем том эта работа сыграла определенную роль в развитии советской военно-исторической науки.

Более глубокая разработка истории военного искусства была осуществлена в последующих работах и, в частности, в лекциях по истории военного искусства под редакцией Л. Г. Бескровного⁵⁶. В обобщающем многотомном исследовании профессора А. А. Строкова «История военного искусства»⁵⁷ значительное внимание уделяется военному искусству русского и других народов СССР в XVIII—начале XIX в., дан также очерк истории военно-морского искусства того же периода. Однако работа не лишена и недостатков. В изложении истории отдельных войн России не всегда достаточно четко установлена связь их причин и следствий с социально-экономическим и политическим строем страны, не везде ясно выражена классовая сущность внешней политики русского царизма. Отмечая заслуги Суворова в развитии военного искусства, автор не оговаривает, что его военная деятельность служила целям реакционных правительств Екатерины II и Павла I. Это находило выражение и

⁵⁴ А. Н. Боголюбов. Полководческое искусство А. В. Суворова. М., 1939; С. Борисов. Кутузов. М., 1938; М. Брагин. Полководец Кутузов. М., 1944 и др.

⁵⁵ Е. А. Разин. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг., т. I—II. М., 1940 (Второе издание — М., 1957).

⁵⁶ «История военного искусства», т. I—II. Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1955.

⁵⁷ А. А. Строков. История военного искусства, т. I. М., 1955.

в войнах России с Турцией и Францией, в которых активно участвовал Суворов, и в подавлении восстания под руководством Е. И. Пугачева⁵⁸. Но в целом в книге Строкова дана правильная трактовка развития русского военного искусства.

В послевоенный период на книжных полках появилось много работ как научно-исследовательского, так и популярного характера, посвященных П. А. Румянцеву, А. В. Суворову, М. И. Кутузову, Ф. Ф. Ушакову и другим выдающимся полководцам и флотоводцам России. Боевая и военно-организаторская деятельность этих представителей вооруженных сил России отражена также в многотомных публикациях документов, сделавших достоянием общественности неизвестные еще материалы. Это и понятно. Дореволюционная историография не уделяла должного внимания изучению военного искусства выдающихся полководцев и флотоводцев России. Они получили заслуженное признание лишь в наше, советское время.

Важной и принципиально новой является постановка советскими историками вопросов о преемственности полководческого искусства Румянцева и Суворова, об общности военно-теоретических взглядов Суворова и адмирала Ушакова. Советские историки показали, что возглавляемая Суворовым передовая русская военная школа занимала ведущее место и во многом превосходила теорию и практику военного дела стран Западной Европы того времени.

Из большого потока литературы о Суворове надо отметить два юбилейных сборника, изданных в связи со 150-летием со дня смерти великого полководца. Один из них — «Суворовский сборник»⁵⁹ — подготовлен Институтом истории АН СССР. Центральное место в сборнике занимают статьи о стратегии Суворова, особенно в Итальянском и Швейцарском походах. В дворянско-буржуазной историографии этот вопрос не нашел своего надлежащего места. Такая же недооценка существовала и в отношении рассмотренного в сборнике вопроса об исторической преемственности полководческого искусства Румянцева и Суворова. Материалы сборника позволяют заново пересмотреть некоторые факты из биографии великого полководца.

⁵⁸ «О письме в редакцию А. А. Строкова». — «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 218—221.

⁵⁹ «Суворовский сборник». Статьи и исследования. М., 1951.

Второй сборник — «А. В. Суворов»⁶⁰ — был издан Военным издательством Военного министерства СССР. Он освещает различные стороны полководческой деятельности Суворова: его тактику, систему обучения и воспитания войск, использование артиллерии, военно-инженерного искусства в боях и походах и др. Сборник включает обзор документального наследия Суворова.

Не меньшее внимание уделялось изучению русского военного искусства начала XIX в., особенно полководческого искусства Кутузова. Наибольшее число работ было посвящено полководческому искусству Кутузова в Отечественной войне 1812 года, а среди этих последних — о деятельности великого полководца по подготовке и организации контрнаступления против армии Наполеона⁶¹.

Попыткой показать широкую и разностороннюю военную деятельность Кутузова было исследование, предпринятое в специальном сборнике статей «Полководец Кутузов», изданном в 1955 г. под редакцией Л. Г. Бескровного. Однако и здесь большая часть статей была посвящена деятельности великого полководца в период Отечественной войны 1812 года. Преимущественный интерес исследователей к изучению полководческого искусства Кутузова приводил к тому, что основное внимание обращалось на исследование второго этапа Отечественной войны 1812 года, связанного с переходом русской армии в контрнаступление. Начальный период войны, когда русская армия отступала, разработан гораздо менее обстоятельно.

Признавая несомненные заслуги советских историков, много сделавших для изучения и популяризации военного прошлого нашей страны XVIII—начала XIX в., следует вместе с тем отметить односторонность работ по этой тематике. Внимание историков 1940-х—начала 1950-х годов привлекала преимущественно деятельность выдающихся полководцев и флотоводцев. Героизм народа, который на про-

⁶⁰ «А. В. Суворов». Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. М., 1951.

⁶¹ П. А. Жилин. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950; он же. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953; Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951; П. Г. Рындзюнский. Кутузов и русская армия в 1812 году. — «Военно-исторический сборник». Труды ГИМ, вып. XX. М., 1948 и др.

тяжении веков вел тяжелую и самоотверженную борьбу против иноземных захватчиков, не получил должного освещения и доныне и, к сожалению, мало отражен в трудах по военной истории нашей Родины.

Известная персонализация военной истории приводила к идеализации деятельности полководцев и флотоводцев.

Преодоление ошибок субъективистского порядка началось после XX съезда КПСС, ознаменовавшего собой новый этап в развитии исторической науки. Обозначился перелом и в освещении вопросов внешней политики и военной истории России XVIII—начала XIX в.

Значительно расширился круг исследований по военной истории нашей страны. Очень важно отметить появление работ, объясняющих историческую обусловленность в изменениях способов и форм ведения войны и боя. В этом отношении следует выделить книгу Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XVIII веке»⁶². В ней проводится мысль о том, что каждой общественно-экономической формации свойственны специфические способы и формы ведения войны и боя. Они связаны с системой организации вооруженных сил и меняются в зависимости от социально-экономических условий, прежде всего от развития производства.

Такая постановка вопроса дает возможность выяснить те объективные причины, которые способствовали развитию русского военного искусства XVIII в., появлению в России выдающихся полководцев и флотоводцев.

Основные вопросы развития военного искусства, тактики русской армии XVIII—начала XIX в. рассматриваются также в ряде общих работ по истории военного искусства⁶³.

Наряду с военным искусством регулярной армии советские историки изучают формы и способы борьбы, рождавшиеся в огне классовых битв, военное искусство повстанцев.

⁶² В данной связи особый интерес представляют главы третья и седьмая названной монографии, посвященные боевой подготовке армии и флота, и главы четвертая и восьмая, в которых рассматривается развитие русского военного искусства в XVIII в. (Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958).

⁶³ «Развитие тактики русской армии. XVIII—начало XX в.» М., 1957; «История военного искусства». Под редакцией П. А. Ротмистрова, т. I—II. М., 1963; «История военного искусства». Под редакцией А. А. Строкова. М., 1966; «Русское военно-морское искусство». Под редакцией Р. Н. Мордвинова. М., 1951 и др.

Повстанческой и партизанской борьбе народов России в XVIII в. посвящена специальная глава обобщающей работы П. П. Вершигора⁶⁴. Автор рассматривает восстание Булавина, партизанскую борьбу русского, белорусского, украинского и молдавского народов против шведских интервентов во время Северной войны. В книге нашла отражение и повстанческая борьба народных масс Белоруссии, Украины и Молдавии против национального и социального угнетения конца XVII—XVIII вв. Дан также краткий очерк Крестьянской войны 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева. Военная организация восставших, т. е. состав, вооружение и тактика пугачевского войска, исследуется в коллективной монографии, изданной под редакцией В. В. Мавродина⁶⁵.

Дворянско-буржуазная историография не занималась такой тематикой. Советские историки впервые обратились к изучению военного творчества народных масс. Исследованию данной проблемы следует уделить еще большее внимание.

В целом советские военные историки выполнили большую работу по изучению военной истории России XVIII—начала XIX в., показали актуальное политическое и научное значение этой проблемы.

Дворянско-буржуазная историография изучала события и факты вне связи с социально-историческими условиями, производила сравнения разнородных явлений, произвольно обобщая приводимые примеры.

В. И. Ленин подвергал сокрушительной критике подобный порочный подход к историческим событиям: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев»⁶⁶. При этом Ленин подчеркивал, что нельзя брать явления одной эпохи и связы-

⁶⁴ П. П. Вершигора. Военное творчество народных масс. Исторический очерк. М., 1961.

⁶⁵ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева», т. II. Под редакцией В. В. Мавродина. М., 1966.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 350.

вать их с другими эпохами, называя такой прием «субъективной» стряпней⁶⁷.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, советские военные историки рассматривают явления в совокупности, во всем их многообразии. События военной истории в отличие от дворянско-буржуазных историков изучаются в связи с развитием способа производства, историей войн и военного искусства, строительством вооруженных сил.

Подъем исторической науки, начавшийся после XX съезда КПСС, благотворно сказался и на исследованиях в области военной истории. На основе ленинского принципа партийности в науке устраняются ошибки субъективистского порядка. Расширяется круг изучаемых проблем, усиливается внимание к вопросам самой методики военно-исторического исследования, вводятся в научный оборот новые материалы и документы. Следует особенно отметить появление обобщающих работ по коренным проблемам военной истории России XVIII—первой половины XIX в.

Разработку военной истории нашей страны периода позднего феодализма необходимо еще более активизировать. Знание событий военной истории России XVIII—начала XIX в., особенно Отечественной войны 1812 года, способствует воспитанию патриотизма, уважения к лучшим традициям боевого прошлого нашего народа.

К событиям военной истории XVIII—начала XIX в. обращен неослабевающий интерес и современной буржуазной историографии. В ней существует реакционное направление, которое в своей фальсификации нашей военной истории использует и порочные взгляды русских дворянско-буржуазных историков. Особенно усиленно извращаются и искажаются события, связанные с героической борьбой народов нашей страны против иноземных захватчиков. Интересы дальнейшего развертывания борьбы с враждебной нам буржуазной историографией требуют еще большего расширения и углубления исследований, в том числе и в области военной истории.

Вместе с тем советские историки извлекают из буржуазного наследия все нужное и полезное в изучении военного прошлого нашей страны, подвергая его объективно-критиче-

⁶⁷ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 350—351.

ской оценке и всестороннему анализу на основе ленинского принципа партийности в науке. В этой связи создание трудов по военной историографии является настоятельной потребностью советской исторической науки. Актуальное значение приобретает и разработка вопросов военной историографии России XVIII—начала XIX в. Следует особенно выделить роль советских историков в изучении данной проблемы.

Необходимо шире развертывать творческие дискуссии по наиболее важным и недостаточно исследованным еще вопросам отечественной военной истории. Подобного рода широких дискуссий по военной истории феодальной России до сего времени было, к сожалению, явно мало. Большую роль здесь может сыграть периодическая печать. Однако освещение военной истории России XVIII—начала XIX в. в наших исторических журналах связано главным образом с теми или иными юбилейными датами. Эта тематика еще не нашла в них своего должного места.

Военная история России — неразрывная, составная часть ее общей истории. Военные события XVIII—начала XIX в. оказали большое влияние на исторические судьбы народов нашей страны и многих других народов Европы. С этой точки зрения изучение военных событий расширяет наши знания истории России данного периода и способствует решению более широкой проблемы о месте и роли России в общем процессе исторического развития.

В. И. БУГАНОВ

СТРЕЛЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1698 г. И НАЧАЛО ЛИКВИДАЦИИ СТРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА

Стрелецкое восстание 1698 г. завершает длинный ряд народных движений «бунташного» XVII в. Его история тесно связана с другими выступлениями стрельцов и событиями военной истории России конца XVII—начала XVIII в.

По условиям жизни (проживание в городах, участие в городской торговле и промыслах) стрельцы приближались

к посадским людям. Основная масса стрельцов торговала в разнос с лотков всякой мелочью стоимостью в рубль или полтину, а многие не имели и этого и жили на скудное жалованье, которое с середины XVII в. непрерывно уменьшалось. В то же время стрельцов заставили платить налоги с торгов и промыслов, чего ранее не было. К этому можно добавить всякие притеснения приказной администрации и стрельцких полковников (взятки, поборы, принудительные работы и т. д.), тяжесть самой службы, слухи о ликвидации стрельцкого войска и т. д. Знание условий жизни стрельцов поможет понять их участие в восстании 1698 г.

В оценке стрельцкого восстания 1698 г. советская историческая наука до сих пор не имеет полной ясности. Уже в сочинениях дворянских авторов первой четверти XVIII в. восхваления в адрес Петра I и выпады против его сестры и соперницы в борьбе за власть — царевны Софьи сопровождаются резкими оценками стрельцких выступлений конца XVII в., в том числе стрельцкого восстания 1698 г. Стрельцы изображаются, как правило, орудием честолюбивых планов Софьи¹. В составленном бароном Гюйссеном «Журнале государя Петра I» за 1695—1715 гг. при описании восстания 1698 г. и последовавшего за ним розыска стрельцы сравниваются «по своеволию» с древнеримскими преторианцами и турецкими янычарами. Это сравнение стало чрезвычайно популярным². Впоследствии все это было подхвачено и использовано в трудах И. И. Голикова и Я. Штелина³.

В традициях авторов XVIII в. писали о стрельцком восстании дворянские историки первой половины следующего столетия. Так, по мнению Г. Успенского, причинами полного

¹ Ф. Прокопович. История имп. Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии. СПб., 1773, стр. 25—26. А. Я. Хилков. Ядро российской истории. М., 1784, стр. 374—379.

² Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях... Петра Великого, ч. 3. СПб., 1787, стр. 102—112; «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира», ч. I. СПб., 1770, стр. 1—3; «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», ч. 4. СПб., 1799, стр. 172—173.

³ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. I. М., 1788, стр. 147—194, 208—229, 325—330; ч. II. М., 1789, стр. 42; он же. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 17. М., 1796, стр. 22—27. Я. Штелин. Любопытные и достопамятные сказания о имп. Петре Великом. СПб., 1786, стр. 17—29; он же. Подлинные анекдоты о Петре Великом, ч. 1. М., 1800, стр. 19.

уничтожения стрельцкого войска были беспорядки, буйства и возмущения самих стрельцов⁴.

Большое внимание восстанию и стрельцкому розыску уделил видный дворянский историк Н. Г. Устрялов⁵. Он использовал архивные документы, в том числе следственное дело. Несмотря на показания стрельцов о тяжести службы, голоде, недостаточном жалованье, автор резко осуждает стрельцов. По его словам, стрельцы, «избалованные Софиею, зараженные духом мятежа, ... жаловались на свою долю», возненавидели новшества Петра, злобались на бояр и иноземцев. Подробный анализ розыска дела понадобился Устрялову только для того, чтобы доказать вину Софьи как якобы инициатора восстания стрельцов в 1698 г. Он по существу одобряет варварские методы следствия Петра I: «От многих подробностей, конечно, не раз содрогнется читатель, ... оне резкими чертами изображают, с каким упорным и опасным зломыслием должен был бороться Петр, как ожесточили стрельцы прекрасную душу его и как неумолимо карал он гибельную для отечества крамолу». Ту же позицию занимает М. И. Семевский, описание которого представляет собой в основном пересказ сочинения современника-иностранца И. Г. Корба⁶.

Новые моменты в оценке событий 1698 г. появились в работах буржуазных исследователей. Так, С. М. Соловьев отмечает, что стрельцы подняли восстание, так как были раздражены тяготами службы, бескормицей, засильем иностранцев, говорит о волнениях среди московского населения в связи с казнями стрельцов, об усилении в стране самозванства, разбойничества, раскольнического движения и др.⁷ Но в целом автор с неодобрением относится к выступлениям стрельцов конца XVII в.

Решительный разрыв с традицией официальной дворянской историографии в оценке этих движений конца XVII в.

⁴ Г. Успенский. Опыт повествования о древностях русских, ч. 1. Харьков, 1818, стр. 358—359; см. также: Г. Глинка. Русская история в пользу воспитания, ч. 7. М., 1819, стр. 1—2, 27—28.

⁵ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, стр. 152—245.

⁶ М. И. Семевский. Восстания и казни стрельцов в 1698 г. (Рассказ очевидца И. Г. Корба). — «Отечественные записки», т. СXXXVI. СПб., 1861, стр. 103—130.

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962.

знаменует появление статьи революционера-демократа Н. А. Добролюбова, представляющей собой рецензию на первые три тома указанного выше труда Н. Г. Устрялова⁸. Он высказывает очень важную мысль: «Да и вообще не может один — или даже несколько человек — произвести в массах волнение, к которому они не приготовлены, которое не бродит уже в умах их вследствие фактов прошедшей жизни». Далее Добролюбов говорит об этих «фактах прошедшей жизни» в применении к стрелецкому восстанию 1698 г., которое было возбуждено, «кажется, неблагоприятно, а может быть, даже и действительными притеснениями начальников, нежели какими-нибудь определенными замыслами в пользу старины». Автор с большой симпатией отмечает стойкость стрельцов во время страшного розыска 1698—1699 гг. и ставит вопрос о необходимости сделать материалы сыска «предметом юридического исследования». Его цель должна заключаться в выяснении вопроса: должен ли историк отдать предпочтение первоначальному заперательству стрельцов или последующим показаниям о роли Софьи, которые были вынуждены жестокой пыткой: «С одной стороны, если заперательство и молчание стрельцов были умышленны, а не происходили вследствие того, что они действительно ничего не знали и ничего не могли говорить, в таком случае каждый из них превосходил в героизме Муция Сцевола и Регула. С другой стороны, известно, что признания, сделанные под пытками, нельзя считать слишком надежными. Рассмотревши все розыскное дело, сохранившееся в целости, в настоящее время можно, вероятно, сделать заключение более беспристрастное и спокойное, нежели какое было возможно во время самого розыска». Тем самым в эзоповской манере, обусловленной положением, в котором приходилось работать русским революционерам середины XIX в., Добролюбов по существу отверг официальную трактовку истории стрелецких восстаний конца XVII в., которые он рассматривает как народные движения, подготовленные всем ходом предшествующего развития. Он поставил вопрос о дальнейшем исследовании материалов стрелецкого розыска.

⁸ Н. А. Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого. — «Первое полное собрание сочинений в четырех томах», т. 2. СПб., 1911, стр. 133—135.

Историк-демократ А. Шапов⁹ писал, что стрельцы в конце XVII в. восставали под знаменем раскола во имя равенства против князей, бояр и начальных людей, против иностранцев и нововведений. Раскол сделал народными движениями все стрелецкие выступления. Повествуя о «кровавых актах мучительнейших побоищ» 1698 г., Шапов пишет: «Как живуч был в стрельцах до последней капли крови дух восстания, как в кусках обезглавленных тел стрелецких на Кремлевской площади... долго трепетала жизнь в ужаснейшей агонии, так живуч был жизнью раскола стрелецкий дух демократического антагонизма. Он пережил самих стрельцов». В другом месте автор говорит, что «дух Стеньки Разина, дух стрельцов воплотился в живучую, неумирающую вековую оппозицию раскола». Несмотря на известную идеализацию раскольничьих движений, в построении Шапова важным является указание на внутреннюю связь движений конца XVII в., в том числе стрелецких выступлений, с другими народными восстаниями этого века, на их демократический характер.

Сходные мысли высказал в своем ценном исследовании ученик А. Шапова — Н. Аристов¹⁰. Он писал, что стрельцы в 1698 г. выступили против злоупотреблений властью, тягот дальних походов, притирок начальников, вычетов из жалованья, а также против усиления влияния немцев и угнетения православных, плохого отношения к ним Петра. Их мятежный дух возбудили не интриги Софьи, а «недоверие к боярскому и иноземному московскому правлению». Они хотели расправиться с немцами и боярами как незаконными правителями и поработителями. Как и Шапов, Аристов развивает своеобразную «земскую» теорию применительно к XVII в., отстаивая ошибочный тезис о согласии между народом и царем в государственных делах в первой половине столетия (например, на Земских соборах); отсутствие же этого согласия во второй половине века привело к взрывам народного недовольства. Стрельцы как в 1682 г., так и в 1698 г. руководствовались «старинным земским желанием — иметь долю участия в делах общественных», возродить «земское строенье» времени первого Романова.

⁹ А. Шапов. Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859, стр. 477; он же. Земство и раскол, вып. 1. СПб., 1862, стр. 49—59.

¹⁰ Н. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871.

Обусловленность выступления стрельцов в 1698 г. их невыносимо тяжелым положением отмечается в работах буржуазных историков второй половины XIX в. Н. И. Костомарова, А. Г. Брикнера и Е. А. Белова¹¹. Брикнер писал, что стрельцы выступали под лозунгом борьбы с боярами-изменниками, которые в отсутствие Петра I хотели удушить царевича, и иностранцами, которых считали виновниками всех бедствий. Стрельцы, по словам автора, мечтали о чем-то похожем на Сицилийскую вечерню, о борьбе низших слоев против высших (хотели перебить всех бояр и иноземцев, разграбить их дома), о перемене на престоле. Хотя автор и не договаривает, это в сущности говорит о программе, свойственной всем восстаниям XVII в., царистских иллюзиях их участников. Отметим, что Петр во время розыска все внимание направил на выяснение роли Софьи, Брикнер верно замечает, что «предание ... приписывает Софье слишком важную роль в предприятиях стрельцких», хотя нельзя сомневаться в существовании связи между стрельцами и Софьей с сестрами. Царевны не могли не желать после падения Софьи в 1689 г. перемены к лучшему в своем положении, тем более что до них доходили слухи о всеобщем ропоте.

Во время стрельцкого розыска Петр, видевший в стрельцах лишь орудие враждебной ему партии, сторонников реакционных стремлений, не был строже своих предшественников (в 1662 г. после коломенского «бунта» число жертв, подвергнутых пыткам и казням, доходило до нескольких тысяч), но при всем том розыск был ужасен; высший судья, пренебрегая своим достоинством государя, «походил на палача». Семьи казненных стрельцов были обречены на медленную смерть (они были лишены крова и хлеба). Таким образом, при всех ошибках и недоговоренностях стрельцкое восстание конца XVII в. выступает у Брикнера как звено единой цепи классовый борьбы в XVII—начале XVIII в.

Белов «корни» стрельцкого «бунта» 1698 г. видит «в злоупотреблениях администрации» (тяжелая служба стрельцов, скудное содержание, бескормица для лошадей). Достаточно

¹¹ Н. И. Костомаров. Царевна Софья. — «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», отд. 2, вып. 5. СПб., 1874; А. Г. Брикнер. История Петра Великого, т. I. СПб., 1882, стр. 274—288; Е. А. Белов. Московские смуты в конце XVII века. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, январь, стр. 99—146; февраль, стр. 319—366.

было появиться настоящему (или подстроенному царевной Марфой) письму Софьи, чтобы поднять среди стрельцов бурю, тогда как в 1689 г. «их ничто не могло подвигнуть» (при Софье стрельцы и солдаты с голоду не умирали, не ходили «по миру»). Вряд ли можно что-либо возразить против его оценки розыска и казней 1698—1699 г.: «Великий розыск 1699 г. производит более тяжелое впечатление, чем разгром Новгорода Грозным». Белов отвергает тезис о направленности «бунта» против преобразований Петра (только во время самого розыска начались бритье бород и перемены в одежде). Автор сблизает восстания 1682 и 1698 гг. (в 1682 г. — толки об И. К. Нарышкине, якобы задушившем царевича Ивана, в 1698 г. — то же относительно Т. Н. Стрешнева и царевича Алексея Петровича; в обоих случаях ненависть к боярам выразилась в форме престолярного понимания политических отношений).

Эти положительные моменты в работах буржуазных авторов в значительной степени теряют свою ценность рядом с их рассуждениями о стрельцах как «своевольной», «разнузданной» массе — орудии боярских группировок (Н. И. Костомаров), разъяренной толпе, со сравнением их с преторианцами и янычарами (А. Г. Брикнер), о «бунте» 1698 г. как о «дисциплинарном преступлении» (Е. А. Белов) и т. д.

По мнению В. О. Ключевского, стрельцы, поднявшие новое восстание в 1698 г., были для Петра его «старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой»^{12—13}.

С позиций официальной дворянской историографии подходил к оценке стрельцкого восстания 1698 г. С. Ф. Платонов¹⁴. Хотя он и признает его обусловленность тяготами службы, слухами об уничтожении стрельцкого войска, все же его социальные, классовые корни оставляет без внимания. Отмечая «ужасающие пытки» и жестокие казни стрельцов, активную роль во всем этом Петра I, автор оправдывает последнего, так как он, по его словам, впервые рассчитался со старым порядком и стал проводить свои культурные новшества.

После Великой Октябрьской социалистической революции стрельцкие движения конца XVII в. получили более верную

^{12—13} В. О. Ключевский. Сочинения, т. IV. М., 1958, стр. 27.

¹⁴ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории, изд. 10. Пг., 1917, стр. 490—492.

оценку (М. Н. Покровский, А. Н. Штраух и др.), хотя восстание 1698 г. не стало предметом специального исследования. Покровский считал, что народные выступления конца XVII в., к которым он причислял и стрелецкое восстание 1698 г., были направлены против гнета торгового капитала, опиравшегося на новое войско во главе с Петром I. Стрельцы, смутно чувствуя, что новые порядки угрожают самому существованию стрелецкого войска, выступили в защиту своих интересов сначала в 1682 г., затем в последний раз в 1698 г. Они были разгромлены окончательно Петром, который, по замечанию Покровского, «был не только самым талантливым и энергичным, но и самым жестоким из Романовых»¹⁵.

Несмотря на ошибочность теории Покровского о торговом капитале в России XVII в., в его изображении стрельцы выступают в качестве самостоятельной силы, а не орудия придворных партий (раздорами которых они, несомненно, воспользовались как подходящим моментом для восстания). Он дает четкую классовую характеристику расправы царской власти, самого Петра с народными движениями.

Однако в конце 1930-х годов в оценке движений 1682 и 1698 гг. наблюдается своеобразный историографический рецидив. Они снова стали рассматриваться как «реакционные бунты», направленные против прогрессивных преобразований Петра I, а стрельцы опять превратились в орудие политических замыслов Софьи и реакционного боярства и духовенства. Так, в вышедшем в 1940 г. первом томе биографии Петра I, составленной академиком М. М. Богословским задолго до этого (он умер в 1929 г.)¹⁶, автор в оценке восстаний конца XVII в. по существу отходит от достижений историографии на 150—200 лет назад. Хотя в биографии говорится о возбужденном состоянии стрелецкого войска из-за притеснений начальников, стрельцы все же опять рассматриваются как орудие Софьи и других заговорщиков. У Богословского не нашлось ни слова осуждения в адрес царя-палача Петра I и адской кухни в пыточном селе Преображенском в 1698 г., ни слова сочувствия корчившимся в нечеловеческих муках стрельцам. Сторонник «нормальной го-

сударственной деятельности», автор, как задолго до него дворянские историки, говорил о «разнузданном стрелецком войске» и т. д. Классовый смысл их борьбы, закончившейся столь трагическим исходом, автор и не пытался раскрыть.

В работе В. В. Мавродина¹⁷ о стрельцах-повстанцах 1698 г. сказано: «Петр понял, что стрельцы лишь орудие в руках реакционного боярства и его сестры Софьи».

Б. Б. Кафенгауз¹⁸ отмечает, что у стрельцов в 1682 г. было много поводов для недовольства, что среди них была богатая верхушка, но считает, что в 1698 г. «стрелецкий мятеж был направлен против начинавшихся реформ и, следовательно, носил реакционный характер».

В книге Н. Б. Голиковой, посвященной деятельности Преображенского приказа, проанализирован большой материал из состава его делопроизводства, в том числе следственные документы 1698—1699 гг. о восстании стрельцов. Последние также характеризуются как орудие в руках реакционных сил, выступивших против начинавшихся петровских реформ¹⁹.

Подобная точка зрения на стрелецкие «бунты», в том числе и 1698 г., как на реакционные выступления против начинавшихся преобразований стала в общем господствующей в исторической науке. Это отразилось на соответствующих главах и разделах вузовских учебников и обобщающих трудов, изданных Институтом истории АН СССР («История Москвы», «Очерки истории СССР. Период феодализма», «Всемирная история») и перешло в школьные учебники.

Таким образом, состояние изучения истории стрелецкого восстания 1698 г. свидетельствует о настоятельной необходимости повторного и детального его исследования с привлечением всего круга источников. Его ошибочная оценка как «реакционного бунта» должна быть пересмотрена; это является прямой задачей советских историков. Источники (актовый материал, повести, летописи, воспоминания современников) свидетельствуют о сложном, но в целом антифеодальном, народном характере стрелецких выступлений в конце XVII в., в том числе и стрелецкого восстания 1698 г.

¹⁵ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3. М., 1967, стр. 80.

¹⁶ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии. т. 1. М., 1940, стр. 37—48 и сл.; т. 2. М., 1941, стр. 408—410, 538—540; т. 3. М., 1946, стр. 26—126.

¹⁷ В. В. Мавродин. Петр I. Л., 1945, стр. 35—36.

¹⁸ Б. Б. Кафенгауз. Петр I и его время. М., 1948, стр. 41—44.

¹⁹ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА И РУССКАЯ ЭКОНОМИКА

(Обзор французской и советской литературы)

В обширнейшей историографии эпохи наполеоновских войн видное место занимает литература о континентальной блокаде 1806—1813 гг. Несмотря на накопление большого количества исследований за более чем 150 лет, дискуссии вокруг блокады не утихают. Из большого круга спорных вопросов мы выделим, на наш взгляд, два главных, тесно связанных между собой: 1) Была ли блокада стимулятором капиталистического развития и как таковая средством экономического объединения огромной наполеоновской империи и ее союзников? 2) Каковы объективные последствия блокады для отдельных ее участников? Способствовала ли она развитию капитализма в Европе (в частности, в России)?

На первый вопрос большинство современных французских историков говорит столь же категорическое «да», сколь советские историки — «нет». По второму вопросу мнения как во Франции, так и в СССР расходятся, что подтверждает необходимость тщательного изучения влияния блокады на конкретные страны, сравнительного анализа состояния промышленности и даже отдельных ее отраслей, финансов, торговли до и после присоединения к блокаде. Положение осложняется тем, что если в отношении Франции, Италии, Англии мы имеем капитальные исследования Е. В. Тарле и Ф. Крузе¹, то влияние блокады на Россию в советской историографии представлено пока лишь первой частью капитального исследования покойного М. Ф. Злотникова о последствиях блокады для русской внешней торговли и частично финансов². Большое значение имеет также публикация доку-

¹ Е. В. Тарле. Континентальная блокада. — Сочинения, т. III. М., 1958, он же. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона. — Там же, т. IV. М., 1958; F. Crozet. L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813), t. 1—2 Paris, 1958.

² М. Ф. Злотников. Континентальная блокада и Россия. М.—Л., 1966. Этот труд, созданный по совету Е. В. Тарле, — пока единственное комплексное исследование влияния блокады на русскую экономику, хотя и основанное на материалах лишь одного крупного архива — ЦГИА СССР (в Ленинграде).

ментов «Внешняя политика России XIX—начала XX в.», особенно т. IV—VI (1807—1812 гг.)³. Ряд важных уточнений о влиянии блокады на торговлю и финансы России внесут обширные комментарии к указанным томам, иногда играющие роль небольших исследований отдельных вопросов.

Следует отметить и еще одно отличие в принципиальном подходе к блокаде, характерное для современных (после второй мировой войны) советской и французской историографии: советские историки рассматривают блокаду как частный момент истории наполеоновских войн, преимущественно как новую, экономическую форму прежней военной и торговой борьбы французской буржуазии с Англией за мировые рынки и колонии. Поэтому в общих исследованиях по истории экономики России континентальная блокада или вообще не упоминается⁴, или о ней говорится как о событии, не оставившем заметного следа в русской экономике первой четверти XIX в.⁵ Наоборот, во французской буржуазной историографии (особенно так называемого экономического направления) блокаде придается всеобъемлющее, «универсальное» значение, она представляется как своеобразный ключ к пониманию истории наполеоновской империи.

Отсюда вытекает и различие в тематике исследований: если советская историография рассматривает блокаду преимущественно в специальных исследованиях, посвященных главным образом истории внешней политики и торговли России начала XIX в., то французская тяготеет к общим трудам по истории Первой империи во Франции в целом.

Французские буржуазные авторы до 30-х годов XX в. сравнительно слабо интересовались экономической политикой Наполеона⁶, однако позднее, в связи с развитием идей поли-

³ «Внешняя политика России XIX—начала XX в.» Серия первая, 1801—1815 гг. (далее — ВПР), т. IV (1807—1809). М., 1965; т. V (1809—1810). М., 1967; т. VI (1811—1812). М., 1962.

⁴ С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966; П. А. Хромов. Экономическое развитие России. М., 1967.

⁵ П. Л. Лященко. История народного хозяйства СССР. М., 1956; «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.». Сборник статей. Под ред. М. К. Рожковой. М., 1959.

⁶ Известным исключением является работа Ж. Лефевра, сделавшего серьезную попытку связать политический и социально-экономический аспекты внутренней и внешней политики Наполеона (J. Lefebvre. Napoléon. Paris, 1932). Книга выдержала несколько изданий (последнее в 1953 г.).

тического и экономического объединения западноевропейских стран на базе общей экономики, некоторые французские буржуазные историки обратили внимание на континентальную блокаду. Они стали трактовать ее как исторический прообраз такого объединения, а заодно рассматривать всю внешнюю политику наполеоновской Франции в 1806—1813 гг. сквозь призму этой системы, которую они зачастую именуют «континентальной».

Некоторые французские авторы всерьез утверждают, будто экспансионистская политика Франции 1806—1812 гг. диктовалась стремлением Наполеона объединить Европу в интересах прогресса человечества. Один из самых известных буржуазных историков современной Франции А. Фюжье в четвертом томе «Истории международных отношений» пишет: «Как завоеватель Наполеон сетовал, что родился слишком поздно. Для того чтобы с помощью экономики изменить человеческое общество, он, без сомнения, родился слишком рано»⁷. В то же время старый тезис апологетов Наполеона о борьбе Франции за «защиту естественных границ», выдвинутый А. Сорелем и развитый в трудах его последователя А. Вандаля, у современных почитателей Наполеона приобретает новую форму. Продолжая рассматривать «императора французов» в качестве продолжателя дела Французской буржуазной революции, они делят всю историю «наполеоновских войн» на два этапа: 1799—1806 и 1807—1812 гг. На первом — Франция, по их мнению, оборонялась от легитимистских коалиций, а на втором — хотя и наступала, но во имя прогрессивной идеи «изменения человеческого общества при помощи экономики».

В трудах этих историков континентальная блокада приобретает характер высшего экономического императива, подчинившего себе все политические акции Наполеона. У А. Фюжье подобный императив выступает в форме фатального субъективного устремления Наполеона, у авторов пятого тома «Всеобщей истории цивилизаций» П. Мунье и Э. Лябрусса — в виде объективного фактора, независимо от воли Наполеона толкавшего его с 1806 г. на все новые и новые территориальные захваты. «Во исполнение блокады, —

⁷ А. Fugier. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954, p. 242.

пишут они, — Наполеон завершает перестройку Европы»⁸. Поскольку в 1806—1807 гг. под эгидой Франции родилась новая «великая империя», она нуждалась в политическом и экономическом объединении для своего успешного развития на базе «континентальной системы». Так как объективных социально-экономических предпосылок не было, то для успешного функционирования нового конгломерата Наполеон вынужден был применить внеэкономическое принуждение по отношению к еще не доросшим до прогрессивной идеи «европейской интеграции» правительствам и народам. Кстати, с той же точки зрения некоторые современные французские историки рассматривают и нападение Наполеона на Россию в 1812 г.⁹

Отражение «универсальной» концепции мы находим также в трудах французских и других буржуазных авторов, посвященных конкретным аспектам континентальной блокады¹⁰. К сожалению, дань этой ошибочной концепции отдал и крупный французский специалист по континентальной блокаде Франсуа Крузе. Если в своем капитальном двухтомном труде «Британская экономика и континентальная блокада», целиком основанном на материалах английских и французских архивов, по глубине исследования влияния блокады на Англию он приближается к работе Е. В. Тарле, то в последующих статьях Крузе оказался в плену концепции об исторических корнях «европейской интеграции» и «общего рынка»¹¹.

Таким образом, некоторые крупные французские историки (П. Мунье, Э. Лябрусс, А. Фюжье и др.) склоняются к мысли, что континентальная блокада объективно способст-

⁸ «Histoire générale des civilisations», t. V.—P. Mousnier, E. Labrousse. Le XVIII siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815). Paris, 1955, p. 482.

⁹ См. В. Г. Сироткин. Война 1812 года в общих работах современных историков Франции. — «История СССР», 1962, № 6, стр. 185—188.

¹⁰ B. de Jouvenel. Napoléon et l'économie dirigée. Le blocus continental. Paris, 1942; M. Dunan. Napoléon et l'Allemagne (1806—1810). Le système continental et les débuts du royaume de Bavière. Paris, 1949; K. Heils. Les rapports économiques franco-danois sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Contribution à l'étude du système continental. Paris, 1958.

¹¹ F. Crouzet. Wars, Blockade and Economic Change in Europe, 1792—1815. — «The Journal of Economic History», 1964, № 4.

вовала развитию капитализма в большинстве стран Западной Европы и, стало быть, имела объективно-прогрессивное значение. Модернизируя эту откровенную концепцию, другие авторы проводят идею о том, что блокада (чаще в этом случае употребляется слово «система») стимулировала экономические контакты и обмен в континентальной Европе, являясь своеобразным предтечей нынешнего «общего рынка» и будущей «интеграции».

В советской историографии уже была дана развернутая критика этих взглядов¹². Не отрицая объективно-прогрессивных последствий буржуазных реформ Наполеона (особенно в Италии и Германии), советские историки оспаривают утверждение своих французских коллег о прогрессивном значении континентальной блокады как таковой для всех без исключения стран Европы. Связывать развитие капитализма в Европе исключительно с системой континентальной блокады было бы ошибочным.

Несомненно, запретительные постановления блокады оказали определенное объективное воздействие на развитие экономики континентальной Европы (хотя, на наш взгляд, прогрессу новых, буржуазных отношений гораздо больше способствовал Гражданский кодекс, чем блокада). Но объективное воздействие экономических факторов, связанных с искусственным нарушением исторически сложившихся торговых отношений, нельзя подменять версиями о сознательном, преднамеренном стремлении Наполеона «изменить с помощью экономики человеческое общество». Нельзя и фетишизировать блокаду, утверждая, что она была своеобразным экономическим «императивом времени», толкавшим европейские страны к объединению.

Вторым спорным вопросом, тесно связанным с первым, является вопрос об объективном воздействии запретительных постановлений на экономику участников континентальной блокады: способствовала ли она развитию промышленности, т. е. ускоряла ли она процесс вызревания и развития капитализма, или, наоборот, тормозила его?

Положительный ответ в целом применительно к Франции, Италии, западной части Германии, т. е. к областям, наиболее

¹² В. Г. Сироткин. Континентальная блокада и «объединение Европы». — «Новая и новейшая история», 1964, № 3; А. Л. Нарочницкий. Об историческом значении континентальной блокады. — Там же, 1965, № 6.

тщательно огражденным от английской конкуренции и контрабанды, дал в свое время Тарле. Что касается Англии, то тщательное исследование Крузе дает отрицательный ответ: блокада и морская война замедлили промышленное развитие Англии.

Сложнее обстоит дело с ответом на вопрос об объективных последствиях участия в блокаде «периферийных» союзников Наполеона: России, Пруссии, Австрии и Швеции.

Оставляя вопрос о влиянии блокады на Пруссию, Австрию и Швецию в стороне, посмотрим, как освещается он в литературе применительно к России. Сразу оговоримся, что речь пойдет исключительно о советской литературе, ибо во Франции пока нет ни одного сколько-нибудь серьезного исследования по этому вопросу.

Остановимся прежде всего на общем вопросе: способствовала ли объективно блокада развитию капитализма в России? Еще на рубеже нашего века известный историк русской промышленности, тогдашний «легальный марксист» М. И. Туган-Барановский дал положительный ответ, ссылаясь на количественный рост русских бумагопрядильных мануфактур¹³. Позднее сторонником положительного влияния блокады на развитие капитализма в России стал выдающийся советский историк М. Н. Покровский¹⁴. Вместе с тем Покровский обратил внимание на две диалектически связанные стороны блокады: созидательную, способствовавшую появлению отечественных капиталистов, — таможенную защиту своей экономики от иностранной конкуренции, и разрушительную — внеэкономическую борьбу с «колониальными товарами», искусственно разрывавшую международный торговый обмен не только промышленными товарами, но и сырьем (хлопок), что подрывало развитие промышленности¹⁵.

До начала 30-х годов точка зрения Покровского на объективно-прогрессивные последствия блокады для развития русского капитализма была в советской историографии преобладающей.

¹³ М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938.

¹⁴ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. — Избранные произведения, т. 2. М., 1965.

¹⁵ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России. М., 1923, стр. 31.

Но в 1931 г. А. В. Предтеченский выступил с диаметрально противоположным заключением¹⁶. По его мнению, блокада принесла только разорение и оказала совершенно незначительное влияние на развитие капитализма в России. Позднее точка зрения Предтеченского стала господствующей, вошла в школьные и вузовские учебники и большинство работ по истории внешней политики и торговли России первой половины XIX в.¹⁷ Сравнительно недавно с позиций той же концепции выступил В. К. Яцунский в небольшой статье, посвященной влиянию блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность¹⁸. В общем отзвук концепции Предтеченского виден и в первой части капитального труда Злотникова (хотя и со значительными поправками и уточнениями, особенно о нейтральной и транзитной торговле России), подготовленного к изданию Яцунским, а также в комментариях к четвертому, шестому и особенно пятому томам «Внешней политики России XIX—начала XX в.»

Однако наряду с концепцией Предтеченского отдельные советские историки продолжали высказывать противоположную точку зрения. Еще в 1947 г. С. А. Покровский высказал утверждение о положительном влиянии блокады на отдельные аспекты русской внешней и внутренней торговли¹⁹. В 1949 г. М. К. Рожкова поддержала мнение о положительном влиянии блокады на русскую промышленность²⁰.

¹⁶ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России. — «Известия АН СССР». Отделение общественных наук, № 8. Л., 1931; см. также: он же. Борьба фритредеров с протекционистами в начале XIX в. — «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5. Л., 1939; он же. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957.

¹⁷ См., в частности: А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962; Л. Ю. Слезкин. Россия и война за независимость в Иspanской Америке. М., 1964; Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966.

¹⁸ В. К. Яцунский. О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность. — «Вопросы народного хозяйства СССР». М., 1962.

¹⁹ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

²⁰ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949.

Общим недостатком и тех, и других работ было отсутствие специального исследования вопроса о влиянии блокады на экономику России в целом, использование отрывочных документальных данных (особенно о влиянии блокады на русскую промышленность), преимущественный анализ состояния внешней торговли России. Для работ, трактующих об отрицательном влиянии блокады, типично также стремление рассматривать итоги блокады сквозь призму войны 1812 года. Все это побудило в свое время Тарле²¹, а в наши дни — А. Л. Нарочницкого прийти к заключению, что «весьма сложным и еще совсем малоизученным является вопрос о влиянии континентальной блокады на Россию»²².

Из трех составных компонентов (торговля, финансы, промышленность), по которым следует, на наш взгляд, определять объективные результаты воздействия блокады на экономику России, подробнее всего исследован первый — внешняя торговля. В работах С. А. Покровского, Н. Н. Болховитинова, В. Г. Сироткина²³, частично — А. М. Станиславской и особенно М. Ф. Злотникова на основе архивных и статистических материалов детально прослеживается состояние внешней торговли России в 1806—1812 гг. и в целом (за исключением С. А. Покровского) делается вывод, что в данном аспекте своих объективных последствий блокада оказала отрицательное воздействие. Что касается степени отрицательного влияния блокады на русскую внешнюю торговлю, то здесь мнения расходятся. Так, приводимые Злотниковым статистические таблицы вносят существенные коррективы в категорическое утверждение Предтеченского о том, что «русское сырье лишалось сбыта»²⁴.

Известно, что тяжелее всего англо-русский разрыв сказался на балтийской торговле и положении купечества северных и западных портов (особенно петербургского). Поэтому русское балтийское купечество (традиционно тесно связанное с иностранным, прежде всего английским, капиталом) было главным противником блокады и сторонником восстановле-

²¹ Е. В. Тарле. Континентальная блокада, стр. 340.

²² А. Л. Нарочницкий. Указ. статья, стр. 58.

²³ В. Г. Сироткин. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, гл. V. Континентальная блокада и нейтральная торговля.

²⁴ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады. ..., стр. 894.

ния прежних торговых отношений с Англией. Именно петербургским купцам принадлежит большинство жалоб на отрицательные последствия разрыва с Англией²⁵. Обсуждение этих жалоб в Государственном совете (протоколы которого позже стали широко доступны историкам благодаря их публикации) рисовало действительно тяжелую картину русской внешней торговли. Однако петербургские купцы часто распространяли свои беды на всю русскую торговлю, финансы и даже промышленность, что далеко не всегда отражало реальное положение вещей. Кстати, именно петербургскими купцами был брошен панический клич, что «русское сырье лишается сбыта...» О том, как намеренно сгущались краски применительно ко всей торговле России в эпоху блокады, можно частично судить по двум документам, написанным в одном и том же (1810) году. Это доклад комитета петербургских негоциантов Государственному совету (на основе данных важного, но одного порта России) и отчет министра коммерции Н. П. Румянцева царю за 1809 г. (обзор всей внешней морской и сухопутной торговли страны). И хотя оба документа признают наличие серьезных трудностей в торговле и особенно финансах страны, негоцианты обходят молчанием известные успехи нейтральной торговли и транзита товаров из Азии в Европу, безосновательно считая, что Россия находится на пороге торговой катастрофы²⁶.

Очевидно, для объективного анализа состояния даже действительно тяжелого положения внешней торговли России того времени нужен более обстоятельный анализ всей (а не только балтийской) торговли, включая и данные торгового сухопутной границе (особенно транзит). Характерно, например, что Злотников весьма положительно оценивал со-

²⁵ Среднегодовой экспорт России на Балтике до ноября 1807 г. составлял 40 млн. руб., из которых 32 млн. приходилось на Англию (ВПР, т. IV, стр. 154). В 1804 г. из главнейшего в России Петербургского порта (49% экспорта и 43% импорта всех русских портов) англичане вывозили 63%, русские — 35, прочие — 2% товаров. Ввоз составлял соответственно 62, 35 и 3% (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 28), см. также: ВПР, т. V, прим. 301. Записка петербургских купцов министру финансов Д. А. Гурьеву (март 1811 г.), а также т. IV, прим. 273 (жалобы 1808 г.).

²⁶ ВПР, т. V, док. 268. Записка Комитета петербургских негоциантов в Государственный совет (декабрь 1810 г.); док. 253. Отчет Н. П. Румянцева по Министерству коммерции (октябрь 1810 г.).

стояние черноморской торговли в годы блокады²⁷, и не случайно, что Государственный совет не занимался жалобами южнорусских купцов.

Важную роль в противодействии отрицательным последствиям блокады на экономику России сыграли предупредительные меры царского правительства. Среди них отметим общие меры по поощрению русского торгового сословия еще до присоединения к блокаде (манифест от 13 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод»), а также организацию нейтральной и транзитной торговли во время блокады.

В исторической литературе о влиянии континентальной блокады на Россию не было обращено достаточного внимания на манифест от 13 января 1807 г. Между тем, как показало развитие русской внешней торговли в 1807—1812 гг., он был целой внешнеэкономической программой русского правительства, разработанной тогдашним министром коммерции Н. П. Румянцевым. Манифест был проникнут идеей самостоятельного развития русской торговли под защитой государства, вне зависимости как от Англии, так и от Франции. В манифесте ставились три основные задачи: 1) создание отечественных акционерных торговых обществ («домов») с национальным капиталом; 2) предоставление дворянству права вступать в торговое сословие на правах купцов I и II гильдий; 3) запрещение иностранным купцам быть акционерами русских «торговых домов» и лишение иностранцев ряда привилегий²⁸. Появление манифеста было, несомненно, связано с провозглашением Наполеоном в ноябре 1806 г. континентальной блокады и стремлением русского правительства обеспечить развитие национальной торговли в условиях резкого нарушения международного обмена. Как писал один из анонимных корреспондентов будущему председателю Департамента государственной экономии Государственного совета Н. С. Мордвинову, дух манифеста свидетельствовал об отказе Румянцева от «космополитических идей» и возвращении России к «чисто национальным интересам»²⁹.

²⁷ М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 253—257; см. также: В. А. Золотов. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963.

²⁸ ПСЗ, т. XXIX, стр. 974—978.

²⁹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия МИД, д. 7787, л. 4 (май 1807 г.).

Большие разногласия вызывает вопрос и об определении характера нейтральной торговли. Ряд исследователей упрощенно трактует ее как фактически замаскированную торговлю с Англией³⁰. Так, Злотников утверждал, что, «несмотря на строгости комиссий по делам нейтрального мореплавания, тайная торговля России с Англией производилась в течение всего периода континентальной блокады»³¹. На наш взгляд, Злотников, находясь под впечатлением почти исключительно материалов о контрабандной торговле (зачастую чиновники нейтральных комиссий для перестраховки зачисляли в разряд «контрабандных» даже явно нейтральные товары), преувеличивал экономическое значение английской контрабанды. Мы считаем, что приводимые Крузе из английских архивов данные больше отражают фактическое состояние дела. Французский историк считает, что вопреки распространенному мнению контрабанда не была решающим фактором провала блокады, поскольку не была действительно торговым обменом, а являлась лишь одной из наиболее сильных форм экономической диверсии на континент³².

Фактически после провозглашения 21 ноября 1806 г. Наполеоном в Берлине знаменитого декрета о континентальной блокаде Британских островов, дополненного Миланскими декретами 23 ноября и 17 декабря 1807 г. об усилении режима блокады, и ответных мерах Англии о встречной блокаде побережья Франции и ее союзников (постановления Британ-

³⁰ И. Г. Гуткина идет даже дальше, считая, что по существу в 1807—1812 гг. между Россией и Англией втайне сохранялись не только торговые, но и политические отношения (И. Г. Гуткина. Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810—1812 гг. — «Ученые записки ЛГУ». Серия гуманитарных наук, № 87. Саратов, 1943).

³¹ М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 170.

³² F. Grouzet. L'Economie britannique et le blocus continental. t. 2, p. 853, tabl. 1, 3; см. также: В. Г. Сироткин. Французский историк о внешнеторговой политике Англии в эпоху континентальной блокады. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 195—196. Англичане, сбывая свои товары, как правило, не покупали товары континентальные. В частности, в России такая «торговля» вела к еще большей утечке денег за границу. Перепродажа английской контрабанды в Западную Европу не компенсировала эту утечку. Согласно докладу Н. П. Румянцева царю от 2 (14) декабря 1809 г., англичане через подставных лиц искусственно сбывали курс русских ценных бумаг в Петербурге в надежде, что полное расстройство финансов «вызовет здесь губительное для государства брожение, бросит нас в объятия Англии и заставит вернуться к прежней системе политики» (ВПР, т. V, док. 149, стр. 315).

ского совета 11—18 ноября 1807 г.) европейская морская торговля первоначально была почти полностью дезорганизована. Все участники блокады сильно страдали от этой дезорганизации. Так, инициатор блокады — Франция за первые три года блокады ежегодно несла убытки от дефицита внешней торговли в размере 30 млн. франков. Однако поступательное развитие капитализма в Европе и все усиливающийся международный обмен вели к тому, что, по выражению Ф. Энгельса, «торговая блокада становилась невыносимой». Объективные потребности развития экономики заставляли правящие классы стран — участниц блокады искать выход из ее тисков.

Английская буржуазия устремилась на рынки Латинской Америки. Одновременно она всячески развивала контрабандную торговлю в Европе, преследуя здесь две цели: экономическую (сбыт своих промышленных и колониальных товаров) и политическую (ослабление режима блокады и расшатывание финансовой системы Франции и ее союзников). В последнем случае английская контрабанда еще больше усиливала расстройство русской морской торговли и финансов.

Оказалась в трудном положении и французская буржуазия. Под давлением экономических требований с ее стороны Наполеон с 1809 г. вынужден был сам нарушать собственные распоряжения: французским и американским купцам он начинает выдавать лицензии на торговлю им же запрещенных товаров (включая английские). С 1810 г. выдача лицензий принимает во Франции массовый характер, вызывая справедливые нарекания в нарушении режима блокады со стороны союзников Наполеона. Последний и не скрывал этого, когда писал 19 сентября 1810 г.: «Мои лицензии являются молчаливым разрешением не соблюдать мои декреты...»^{32а}

Таким образом, блокада заставила каждого из трех главных действующих участников этого грандиозного эксперимента Наполеона действовать на свой страх и риск, ища выход из экономических трудностей: Англию — через контрабанду, Францию — посредством лицензий, Россию — на путях нейтральной торговли.

Наиболее дальновидные современники Тильзита (Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский и др.) отдавали себе отчет, что резкое изменение традицион-

^{32а} ВПР, т. V, прим. 236.

ных торговых связей и методов вызовет наибольшую трудность при реализации союза с Францией, тем более что недавний опыт франко-русских торговых отношений в 1801—1806 гг. не оставлял больших иллюзий³³. Они догадывались, что Франция не сумеет заменить Англию ни как потребитель русских экспортных товаров, ни как посредник в их реализации. Поэтому, лишив английских купцов всех привилегий на торговлю с Россией, русское правительство отменило манифест от 13 января 1807 г. и не предоставило французским купцам никаких дополнительных преимуществ в торговле с Россией, кроме тех, которые вытекали из русско-французского торгового договора 1787 г.³⁴

Таким образом, обе стороны в силу целого ряда объективных и субъективных причин не смогли подвести под воздвигнутое их дипломатами политическое здание экономическую основу.

В новых условиях международного обмена царское правительство стремилось не ставить свою внешнюю торговлю в зависимость от политической конъюнктуры — союза с Англией или Францией, а попыталось найти выход на путях нейтральной торговли с третьими странами. Это стремление нашло свое выражение в подтверждении принципов вооруженного морского нейтралитета, что со всей четкостью было заявлено в декларации Александра I о разрыве отношений с Англией.

Не подлежит сомнению, что некоторые представители русских правящих кругов действительно пытались воспользо-

³³ В. Г. Сироткин. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. — «Международные отношения. Политика. Дипломатия». Сборник статей. М., 1964, стр. 457—465.

³⁴ Русско-французский торговый договор 1787 г. (подтвержденный в 1802 г.) был довольно выгоден Франции, особенно при торговле с Россией через Черное и Азовское моря (Е. В. Тарле. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? — Сочинения, т. IV. М., 1958, стр. 455). Однако, несмотря на благоприятные после Тильзита возможности в торговле с южнорусскими губерниями и благосклонное отношение Турции к проходу французских торговых судов в Черное море, Франция смогла, например, в 1808 г. послать только 87 кораблей из общего числа 1614 посетивших черноморские порты России (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 295, 330). Как отмечает А. Фюжье, «французский рынок не принес облегчения русской экономике, и недовольство московского дворянства союзом с Наполеоном не уменьшалось» (A. Fugier. Op. cit., p. 284).

ваться англо-русским разрывом для уменьшения зависимости русской внешней торговли от посредничества англичан и укрепления самостоятельности русских экспортеров за счет развития отечественного торгового флота, а также использования нейтральных, главным образом американских, ганзейских (на Балтике и Белом море) и греческих (на Черном море) судов.

Немаловажную роль играли также соображения, что участие России в блокаде стимулирует развитие отечественной промышленности, уменьшит зависимость страны от привозных изделий. Это со всей очевидностью вытекало из коллективного доклада трех министров вскоре после англо-русского разрыва. Констатируя рост цен и нехватку промышленных товаров, министры писали Александру I: «Отъемя, таким образом, поползновение к произвольному возвышению цен на товары, дороговизна некоторых статей, из чужих земель привозимых, и единственно от внезапного разрыва с англичанами возникшая, не может быть постоянна и неминуемо уменьшится, коль скоро повысится наш курс посредством требования наших товаров другими нациями. И если бы некоторые товары и остановились в цене высокой, то в соображении общих государственных выгод из сих самих обстоятельств выйдет та польза, что высокие цены, прельщая промышленность в народе, заставят те же товарные статьи производить дома и посредством труда искать прибылей, теми товарами приносимых»³⁵.

Один из главных вдохновителей этой политики, министр коммерции и канцлер Н. П. Румянцев, отстаивал принцип протекционизма (поощрения и защиты) русской торговли и промышленности, видя в этом один из важных источников пополнения казны. Еще в 1802 г. Румянцев представил царю обширный доклад, в котором предлагал сократить ввоз в Россию иностранных товаров и всемерно поощрять вывоз русских, а также развивать транзитную торговлю между Западной Европой и Азией³⁶.

³⁵ ВПР, т. IV, стр. 114. Коллективный доклад министра коммерции и управляющего Министерством иностранных дел Н. П. Румянцева, министра юстиции П. В. Лопухина и министра военных сухопутных сил С. К. Вязмитинова Александру I от 13 (25) ноября 1807 г.

³⁶ «Министерство финансов. 1802—1902», ч. 1. СПб., 1902, стр. 126—132. М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 11; см. также отчеты Н. П. Румянцева по Министерству коммерции за 1805 г. (ВПР,

В 1808 г., став канцлером, Румянцев попытался реализовать свои прежние проекты развития русской торговли и промышленности в условиях резкого изменения международных экономических связей, вызванного континентальной блокадой. Им были сделаны попытки как-то узаконить нейтральную торговлю путем введения специальных регламентаций.

Особое внимание Румянцев снова обратил на развитие южнорусской торговли (по Черному и Каспийскому морям, где режим блокады был значительно слабее), а также на транзитную торговлю со Средней Азией и Дальним Востоком. Царское правительство стремилось привлечь нейтральные суда в свои черноморские порты. Так, 13 октября 1809 г. был издан указ о свободном допуске греческих торговых судов³⁷.

Румянцев попробовал также наладить регулярную торговлю через Среднюю Азию с Индией. Но этот проект в тот период не был реализован из-за его дороговизны и опасности путешествия. Кроме того, англичане, державшие торговлю с Индией в своих руках, стали чинить препятствия. Румянцев предлагал торговать даже с далекой Латинской Америкой. 12 февраля 1810 г. он представил в Государственный совет записку о выгодах торговли с Бразилией (тогда — колонией Португалии) и предложил внести соответствующие исправления в русско-португальский торговый договор 1798 г. Предложение было принято, и 17 мая 1810 г. изменения, поощрявшие торговлю с Латинской Америкой, были внесены³⁸. По существу это была целая программа организации торговли России в условиях ухода англичан с русских рынков и общего расстройтва торгового обмена, вызванного блокадой и войной на море.

т. III, док. 180), 1806 г. (ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1261 «б»); 1807 и 1808 гг. (ВПр, т. IV, док. 57, 202, 231), 1809 г. (ВПр, т. V, док. 253).

Статистические приложения к отчетам Н. П. Румянцева за 1802—1807 гг. см.: «Государственная торговля в разных ее видах». СПб., 1802—1807 гг.

³⁷ АВПр, ф. СПб. Главный архив, 1809—1812 гг., д. 1 (Бумаги нейтральных комиссий мореплавания); ПСЗ, т. XXX, стр. 475—476; 959—960, 1013—1015; ВПр, т. V, док. 33, 88, 115, стр. 57, 245, 449—450.

³⁸ Л. Ю. Слезкин. Указ. соч., стр. 59; ВПр, т. VI, док. 168, прим. 91—93.

В числе причин, значительно ослабивших эффект системы нейтральной торговли, можно указать следующие политические и экономические факторы.

Во-первых, России не удалось привлечь к морскому вооруженному нейтралитету Данию и Швецию, обладавших сильным флотом. В сентябре 1807 г. Англия захватила почти весь датский флот. Швеция, отказавшаяся присоединиться к франко-русскому союзу и блокаде, оказалась в состоянии войны с Россией. Позднее по русско-шведскому договору от 17 сентября 1809 г. шведское правительство формально примкнуло к блокаде. Однако участвовать в системе нейтральной торговли Швеция отказалась, предпочтя роль посредника в русско-английской контрабандной торговле.

Таким образом, зафиксированная в Тильзитском союзе надежда на создание лиги держав третьего вооруженного морского нейтралитета осталась на бумаге. Фактически России при проведении в жизнь принципа нейтральной торговли пришлось опираться только на свой явно слабый торговый флот и на американские и ганзейские суда.

Во-вторых, сама организация нейтральной торговли, требовавшая постоянного государственного вмешательства (комиссии нейтрального мореплавания), многочисленные регламентации, запрещения сильно мешали торговле такого рода. Суда подолгу простаивали в портах, капитаны вели тяжбу с чиновниками комиссий, доказывая свою «нейтральность». Терялось время, сокращался грузооборот, судовладельцы несли убытки. В отчете Департамента государственной экономики от 20 сентября 1810 г. отмечалось следующее: «Употребляемые чиновниками нейтральных комиссий прицепки, исследования, помешательства в погрузке судов и другие остановки навели стеснение не англичанам, но нейтральным мореплавателям и собственным нашим подданным, и можно сказать, что враждебные действия противу торговли не на море, но в недрах наших происходят. Многие сведомые департаменту поступки нейтральных комиссий дают повод заключить, что Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого принятия системы ее, и что потому весь вред и расстройство по торговле обратились противу одной России»³⁹.

³⁹ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1. СПб., 1881, стб. 36; М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 223.

В-третьих, несомненно, большую дезорганизацию во всю систему нейтральной торговли вносила английская контрабанда. Англичане скоро оценили свои преимущества первой морской державы и не стали мешать нейтральному мореплаванию; наоборот, под прикрытием нейтрального флага и поддельных документов, они начали сбывать товары в Россию. 26 апреля 1809 г. Британский совет даже отменил свои постановления 1807 г. о встречной морской блокаде побережья Балтики.

При всех недостатках морская нейтральная торговля (наряду с сухопутной) позволила частично ликвидировать тот кризис, который возник после разрыва англо-русских экономических отношений.

Особенно важна была нейтральная русско-американская торговля, поскольку она производилась главным образом через те порты (Петербург, Рига и Архангельск), которые больше всего испытывали режим блокады. Как показано в капитальном исследовании Н. Н. Болховитинова, американцы были главными посредниками в нейтральной торговле России 1809—1811 гг. на Балтике и Белом море. На американских судах вывозилось в период континентальной блокады и большинство русских экспортных товаров (парусина, холст, пенка, железо). В 1811 г. — году расцвета американо-русской торговли — на Россию приходилось около 10% всего экспорта США⁴⁰. И хотя русско-американская торговля далеко не компенсировала русско-английской, она все же была крупной отдушиной для балтийского и архангельского купечества и русской хлопчатобумажной промышленности.

Таким образом, вопреки распространенному в советской исторической литературе мнению уход англичан из русской торговли не привел к катастрофе, хотя и вызвал серьезные трудности (табл. 1 и 2).

⁴⁰ Н. Н. Болховитинов. Указ. соч., стр. 389. Интересно, что посредничеством американцев не менее активно пользовалась и Франция. Так, в августе 1810 г. французское правительство выдало амеоиканским купцам 100 лицензий для ввоза во Францию колониальных товаров. Министр иностранных дел Шампаньи даже пообещал посланнику США в Париже вообще отменить все запретительные постановления блокады, если американцы выступят посредниками между Англией и Францией в торговом и колониальном споре. 1 ноября 1810 г. Шампаньи убедил Наполеона издать декрет о льготах для американских купцов при торговле с Францией (ВПР, т. V, прим. 324, 357).

Таблица 1

Внешняя торговля России до присоединения к блокаде
(в млн. руб. серебром) *

Год	Экспорт	Импорт	Общий оборот	Баланс
1801	44,5	34,6	79,1	+9,9
1802	49,4	40,3	89,7	+9,1
1803	59,0	44,4	103,4	+14,6
1804	51,7	39,2	90,9	+12,5
1805	60,7	42,7	103,4	+18,0
1806	49,6	37,6	87,2	+12,0

* М. Ф. Злотников. Указ. соч., табл. 2.

Таблица 2

Внешняя торговля России во время блокады
(в млн. руб. серебром) *

Год	Экспорт	Импорт	Общий оборот	Баланс
1807	40,4	27,2	67,6	+13,2
1808	28,3	16,2	44,5	+12,1
1809	34,5	19,8	54,3	+14,7
1810	34,2	20,6	54,8	+13,6
1811	34,7	23,1	57,8	+11,6
1812	38,8	23,2	62,0	+15,6

* М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 57; ср. ВПР, т. IV, прим. 273. «Ведомость вывоза и ввоза товаров, составленная в государственной коммерц-коллегии по донесениям пограничных таможен и застав за 1807—1809 гг.» (Со значительными расхождениями против данных Злотникова).

Анализ приведенных данных показывает, что хотя средний внешнеторговый оборот в 1807—1812 гг. и сократился весьма значительно (примерно на 40 млн.) по сравнению с 1801—1806 гг., тем не менее русская внешняя торговля была в целом прибыльной, ибо ее актив как до блокады, так

и во время нее оставался примерно на уровне 10 млн. в год⁴¹.

Важное место в вопросе о выяснении влияния блокады на Россию занимает также финансовая проблема. Правда, специальных исследований по этому вопросу в советской историографии нет⁴². Известно, что расстройство финансов, постоянный дефицит бюджета, инфляция (выпуск ассигнаций) в огромной степени явились причинами того, что русское правительство не смогло выделить достаточно кредитов на поддержку торгового сословия и развитие нейтральной торговли. Плачевное состояние финансов в начале XIX в. отмечали многие русские историки⁴³. В свое время В. И. Пичета одной из главных причин расстройства финансов в 1806—1812 гг. называл почти непрерывные войны России в XVIII—начале XIX в.⁴⁴ В их ряду находилась и континентальная блокада. Однако после выступления А. В. Предтеченского об определяющем значении англо-русских отношений для развития русской экономики акцент был смещен на блокаду⁴⁵. Она стала рассматриваться как главное зло всех финансовых затруднений России перед войной 1812 года. Несомненно, блокада больно ударила по и без того тяжелому финансовому положению России. Но видеть в ней корень бед, на наш взгляд, было бы ошибочным.

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде в фонде Государственного совета хра-

⁴¹ Характерно, что и после отмены режима блокады летом 1812 г. и восстановления англо-русских отношений внешнеторговый оборот России остался на уровне 1807 г. и только после окончания войны с наполеоновской Францией достиг (в 1816 г.) среднегодового оборота наиболее прибыльных лет (1802—1805 гг.) (М. Ф. Злотников. Указ. соч., табл. 56).

⁴² В общем виде состояние финансов 1806—1812 гг. рассмотрено М. Ф. Злотниковым (указ. соч., гл. IX. Финансы России в период блокады); ассигнования на армию и флот в 1803—1814 — Л. Г. Бескровным («Отечественная война 1812 года». М., 1962, стр. 249—251).

⁴³ И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия, т. I. СПб., 1882; К. В. Сивков. Финансы России перед войной 1812 года. — «Отечественная война и русское общество», т. 2. М., 1912; В. И. Пичета. Финансы в царствование Александра I — «Три века. Россия от смуты до нашего времени». Исторический сборник, т. V. М., 1913.

⁴⁴ В. И. Пичета. Указ. статья, стр. 229.

⁴⁵ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады..., стр. 920. С некоторыми оговорками эту точку зрения разделяет и М. Ф. Злотников (указ. соч., стр. 335—336).

вится интересный доклад канцлера Румянцева Александру I, озаглавленный «О средствах к поправлению курса». Возражая тем, кто считал, что все экономические и финансовые трудности (в частности, падение курса рубля) России идут исключительно от разрыва с Англией, Румянцев указывал на рост ассигнований на оборону страны. По мнению Румянцева, именно военные ассигнования наряду с покрытием старых военных долгов по иностранным займам привели к чрезмерному выпуску ассигнаций, вызвавшему падение курса рубля⁴⁶.

Ознакомление с бюджетом России на 1807—1811 гг. позволяет обнаружить довольно любопытную картину: несмотря на прекращение войны России против Франции и их союз, официальные государственные ассигнования царского правительства на Военное и Морское министерства не только не сократились, а постоянно увеличивались и даже превосходили ассигнования периода войны 1806—1807 гг. Так, в первой половине 1807 г., когда Россия полным ходом вела военные действия против Франции, Министерству сухопутных военных сил было отпущено 43 млн. руб. В 1808 г., когда Россия и Франция были уже в мире, эта сумма составила 53 млн. В 1809 г. она возросла до 64,7 млн., а в 1810 г. — уже до 92 млн. К 1811 г., когда близость войны с Францией стала очевидной, ассигнования достигли огромной суммы — 113,7 млн. руб.⁴⁷

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 13 (Министерство финансов), д. 1556, лл. 16—19. Доклад Румянцева Александру I от 26 ноября (8 декабря) 1809 г.; см. также: ВПР, т. V, док. 143 (опубл. по нашему предложению); М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 342—343 (без указания архивного шифра). При характеристике этого доклада Злотников недооценивал роль военных ассигнований в ухудшении финансового положения России в 1809—1812 гг.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1152, д. 219, лл. 25, 68, 92, 107. Росписи о государственных доходах и расходах за 1807—1811 гг. Правда, при всех этих подсчетах надо иметь в виду, что в 1807—1811 гг. Россия вела войны против Турции, Швеции и Персии. Поэтому часть ассигнований уходила на содержание русских войск на турецком, шведском и персидском театрах военных действий. В 1809 г. для этого, например, было дополнительно выделено 17,8 млн. руб. («Архив Мордвиновых», т. III. СПб., 1902, стр. 468). Однако в общем балансе ассигнования на войны со Швецией, Турцией и Персией даже в 1809 г. составляли менее 50% всей суммы военных расходов. Следует отметить, что Л. Г. Бескровный со ссылкой на И. С. Блиоха приводит еще более внушительные цифры ассигнований на армию и флот (Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 249, а также ВПР, т. V, прим. 271).

Таким образом, с 1807 по 1811 г. официальные государственные ассигнования на оборону возросли более чем в 2 раза. Фактически они были гораздо больше, ибо в бюджет не входили так называемые экстраординарные расходы. Так, в 1810 г. в связи с усилением франко-русских противоречий и началом открытой подготовки Франции к войне против России Военному министерству было выделено дополнительно 25,5 млн. руб. Характерно, что созданная в 1806 г. на случай отражения возможного вторжения Наполеона в Россию милиция (ополчение) после Тильзита не только не была распущена, но и сохранилась, и в 1809 г. на жалованье ополченцам было отпущено 3,2 млн. руб.⁴⁸

Значительная часть этих ассигнований шла на производство оружия внутри страны, а также на его закупки за границей. Так, едва заключив мир с Францией, царское правительство организовало массовую нелегальную закупку и производство оружия в Австрии⁴⁹.

При обсуждении финансового положения России на заседании Государственного совета в мае 1810 г. министр финансов Д. А. Гурьев сообщил, что дефицит казны хотя и уменьшился до 77 млн. руб. (из них 65 млн. — военные долги за 1805—1809 гг. по внешним займам) против 157 млн. в 1809 г., тем не менее причины инфляции не устранены. Важнейшая из них (наряду с отрицательными торговыми последствиями блокады) — увеличение ассигнований на оборону: «Число армии, нужное, может быть, для защиты империи от внезапного прикосновения к целостности, — отмечал Гурьев, — есть несоизмеренное народному ее достоянию»⁵⁰. Тем не менее Совет постановил, что ассигнования на армию и флот сокращению не подлежат.

Наконец, менее всего изученным является вопрос о влиянии режима блокады на русскую промышленность. Между тем в значительной степени именно от ответа на этот вопрос зависит решение спора: способствовали ли или, наоборот,

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 560 (Министерство финансов), д. 44, л. 66.

⁴⁹ ВПР, т. IV, прим. 162.

⁵⁰ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стб. 23. На 1 января 1810 г. Россия держала под ружьем около 697 тыс. солдат («Архив Мордвиновых», т. III, стр. 469). Любопытно, что по более поздним подсчетам Гурьева, расходы на армию и вооружение в 1806—1809 гг. (412 млн. руб.) почти в 2 раза превосходили аналогичные расходы в 1812—1814 гг. (239 млн. руб.) (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 339).

тормозили развитие капитализма в России объективные последствия блокады? К сожалению, отечественная историография не располагает пока опубликованным комплексным монографическим исследованием по этой важной проблеме. Имеющиеся исследования как «за» (М. И. Туган-Барановский, М. Н. Покровский и др.), так и «против» (А. В. Предтеченский, В. К. Яцунский и др.) базируются на отрывочных данных, фактически — на примере одной бумагопрядильной мануфактуры — Александровской в Петербурге. Но Покровский писал, что «историк русского хозяйства никогда не забудет, что расцвет русского бумагопрядильного производства был создан именно Тильзитским миром»⁵¹, тогда как Яцунский отмечал, что «для бумагопрядильного производства континентальная блокада создала своеобразную тепличную обстановку»⁵². Сторонники положительного влияния блокады на русскую промышленность ссылаются также на количественный рост бумагопрядильных мануфактур (1 — в 1808 и 16 — в январе 1812 г.)⁵³. Их оппоненты делают упор на качестве выпускаемой пряжи, подчеркивая ее низкие (по сравнению с импортной английской) текстильные показатели и высокую стоимость. Так, Яцунский считал, что доморощенная пряжа далеко отставала от мировых стандартов, а искусственные меры правительства по стимулированию бумагопрядения вели к удорожанию полуфабрикатов и в конечном итоге — к замедлению хлопчатобумажного производства в России. Повторяя тезис Предтеченского, Яцунский утверждал, что без тесного англо-русского технического и сырьевого сотрудничества развитие слабой русской промышленности было невозможно. А раз так — блокада сыграла отрицательную роль⁵⁴.

⁵¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. — Избранные произведения, кн. 2, стр. 203.

⁵² В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 310.

⁵³ М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, стр. 56—57; М. Н. Покровский. Указ. соч., стр. 177. Однако тот же Туган-Барановский отмечал, что после пожара Москвы 2/3 этих фабрик сгорело, что затормозило развитие русского хлопчатобумажного производства до конца 20-х годов XIX в. Поэтому судить о состоянии бумагопрядильного дела после 1812 г. можно было только по Александровской мануфактуре (М. И. Туган-Барановский. Война 1812 года и промышленное развитие России. — «Отечественная война и русское общество», т. VII, М., 1912).

⁵⁴ В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 310.

Важную роль в вопросе о развитии русской хлопчатобумажной промышленности в годы блокады имел импорт нейтрального американского хлопка. Его роль как основного сырья недостаточно показана в работах Туган-Барановского, Покровского и обойдена молчанием в статьях Предтеченского и Ядунского. Между тем он не только обеспечил русский рынок, но стал предметом реэкспорта русскими купцами в Западную Европу⁵⁵. Однако была ли его переработка в России выгодней покупки готовой английской пряжи, неизвестно.

Таким образом, обзор новейшей французской и советской литературы свидетельствует о наличии различных точек зрения в оценке континентальной блокады в целом и ее влиянии на отдельные страны. Современная французская буржуазная историография считает блокаду стимулятором развития капитализма в экономике стран Западной Европы, видя в ней либо объективное веление времени, либо «экономический гений» Наполеона. Нередко это служит делу модернизации истории в угоду поборникам «общего рынка» и политической интеграции Западной Европы.

Советские историки отвергают такую интерпретацию блокады. Они рассматривают ее как один из важных моментов наполеоновских войн, как новую, экономическую форму англо-французской борьбы за мировую гегемонию.

По вопросу об объективных последствиях блокады для отдельных стран различие точек зрения наблюдается не только между двумя историографиями, но и внутри каждой. Особенно большие споры вызывает вопрос о влиянии блокады на Россию. В советской историографии отчетливо прослеживаются две точки зрения. Некоторые историки считают объективные последствия блокады благоприятным фактором для развития промышленности. Большинство же отрицает это.

Общим недостатком является отсутствие комплексного исследования о влиянии блокады на всю русскую промышленность, а не только на ее отдельные отрасли. Это позволяет сказать, что вопрос пока остается открытым.

Представляется доказанным отрицательное влияние блокады на торговлю России по Белому и особенно Балтий-

⁵⁵ Е. В. Тарле. Континентальная блокада, стр. 364—366; М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 325—326; Н. Н. Болховитинов. Указ. соч., стр. 396—397.

скому морям. Вместе с тем смещение акцента в сторону исключительного, всеобъемлющего значения англо-русских торговых отношений для успешного развития экономики России по капиталистическому пути в начале XIX в. вряд ли оправдано.

И хотя англо-русский разрыв, несомненно, отразился на экономике России, главная причина трудностей была все же не в нем. Она крылась в общей дезорганизации торговли, вызванной континентальной блокадой, в войне на суше и на море и непомерных расходах царского правительства на армию, не позволявших ассигновать необходимые кредиты на поддержку русского торгового и промышленного сословия.

Царское правительство испытывало торговые и особенно финансовые трудности и до разрыва англо-русских отношений. Участие в блокаде чрезвычайно усилило эти трудности. Система нейтральной торговли на море и интенсивное развитие торгового сухопутным границам страны были одной из таких временных мер. Хотя нейтральная торговля и спасла русскую внешнюю торговлю от застоя, несколько уменьшила дефицит казны и способствовала развитию бумагопрядения, тем не менее эта мера не могла стать панацеей от многочисленных бед, к числу которых относилась и блокада.

В. А. ДЬЯКОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПРЕДРЕФОРМЕННОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

30—50-е годы XIX в. были периодом кризиса феодально-крепостнических отношений. Поражение царизма в Крымской войне, сильным образом обострившее кризис, убедило правящие классы в неизбежности отмены крепостного права. При этом очень существенную роль сыграло понимание того, что без ликвидации крепостничества невозможно осуществить необходимую перестройку армии, ослабление которой угрожало интересам царизма и помещиков как внутри страны, так и за ее пределами. Осознание крупней-

шими царскими сановниками неизбежности преобразований в армии, явившееся одним из проявлений кризиса «верхов» во время революционной ситуации 1859—1861 гг.¹, отразилось и на русской военно-исторической мысли предреформенного периода.

Господствующее положение в русской историографии занимало официальное направление. В николаевскую пору оно приобрело сугубо охранительную окраску. Понимая, что верно-подданническое освещение исторических событий укрепляет его позиции, царизм не жалел средства на подготовку соответствующих трудов. Лицо, получившее поручение написать такой труд, полностью освобождалось от обязанностей по службе, но сохраняло должностной оклад с добавлением сумм на копирование источников и другие нужды. Придворным историографам открывался доступ к документальным материалам, которыми не могли пользоваться не только историки, но и подавляющее большинство самых высоких царских сановников. По завершению труд представлялся на «высочайшее рассмотрение» и, по одобрении текста царем, издавался за государственный счет; тираж поступал в собственность автора. Наряду с этим придворные историографы поощрялись быстрым продвижением в чинах, различными наградами и иными способами. Совершенно очевидно, что при такой системе их научная продукция соответствовала идеологии господствующих классов. Это не значит, однако, что всю эту продукцию полностью и безоговорочно можно отнести к официальному направлению в историографии, доказательство тому — труды трех крупнейших военных историков предреформенного десятилетия: А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича и Д. А. Милютина.

Бывший адъютант М. И. Кутузова в 1812—1813 гг., которому во время Отечественной войны и заграничных походов было поручено ведение журнала военных действий, А. И. Михайловский-Данилевский (1790—1848 гг.) выступал в качестве придворного историографа в 30—40-е годы. По своей тематике его труды посвящены Отечественной войне 1812 года и другим войнам Александра I. В подавляющем большинстве его сочинения называются «описаниями» и содержат только прагматическое изложение хода

¹ Подробнее см.: И. В. Бестужев. Крымская война и революционная ситуация. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963, стр. 189—213.

событий соответствующей войны без каких-либо попыток их критического осмысления². Стремление приписать Александру I инициативу и существо всех важнейших решений, сугубо верноподданническая фразеология, методика изучения и подачи материала у Михайловского-Данилевского ничем не отличались от М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова и других представителей официального направления в историографии; он был типичным представителем этого направления в военной сфере.

М. И. Богданович (1805—1882 гг.), занявший вместе с Д. А. Милютиным пост придворного историографа после смерти Михайловского-Данилевского, воспитывался в Дворянском полку и получил первый офицерский чин в 1823 г. К концу жизни он был членом Военного совета и имел чин генерал-лейтенанта. Первые работы Богдановича по отечественной военной истории появились в 40-х годах XIX в.; он сложился как историк и приобрел известность в предреформенные десятилетия. Из работ, написанных позже, самостоятельный историографический интерес представляет лишь четырехтомный труд Богдановича «Восточная война 1853—1856 гг.», вышедшая в свет в 1877 г.

Решающей силой в военном деле Богданович считал нравственный элемент, понимая его как совокупность боевого духа армии и особых качеств ее полководца. По его мнению, история представляла достаточно убедительных доказательств тому, что «дух войск и характер полководца оказывают на результат действий влияние важнейшее, нежели числительные силы и материальные средства»³. «Материальная» сторона военного дела тем самым противопоставлялась его «духовной» стороне, причем последней придавалось первостепенное значение.

Считая, что военная история есть «самая любопытная, самая наставительная, но вместе с тем и самая трудная» из военных наук, Богданович заявлял, что изучать ее необхо-

² В предисловиях к своим сочинениям А. И. Михайловский-Данилевский не раз писал, что его цель — правдивое изображение событий, что критику их он оставляет «военным схоластикам, преподавателям стратегии и тактики» (А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 году, ч. 1. СПб., 1839, стр. XV).

³ М. И. Богданович. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПб., 1846, стр. 237—238.

димо «не для того, чтобы действовать так, как действовали Цезарь и Наполеон», а чтобы «развить собственные способности и приобрести в некоторой степени навык военных соображений»⁴. Богданович вообще выступал против «безусловных» правил в военном искусстве, утверждая, что единственным вечным и неизменным правилом является правило о согласовании действий с обстановкой. Наполеон, заявлял он, «признавал определенно невозможность как теоретического изучения высшей части военного искусства, так и безусловных правил или действий»⁵, а Петр I, Александр Македонский, Юлий Цезарь и Густав-Адольф вели войну, «руководствуясь одним правилом: действовать сообразно с средствами и обстоятельствами»⁶.

Предмет изучения для военных историков Богданович видел прежде всего и главным образом в творчестве великих полководцев. При этом он считал, что нет нужды изучать все подряд, что необходимо лишь «рассмотрение замечательнейших походов, в различной подробности, сообразно относительной их важности»⁷. Отечественную военную историю Богданович рассматривал «как предмет, наиболее близкий и наиболее полезный» для военно-исторических исследований, и требовал, чтобы Петр I и Суворов были включены в число великих полководцев, походы которых обязательны для изучения⁸.

По мнению Богдановича, военный историк должен прежде всего заботиться о достоверности приводимого им фактического материала и стремиться к тому, чтобы «доказать... истину на основании несомненных фактов»⁹. В то же время Богданович не отрицал и права военного историка на критическое рассмотрение событий с точки зрения его собственных военно-теоретических требований и для извлечения практических уроков из военных событий прошлого. «Военная история, — заявлял он, — должна заключать в себе критиче-

⁴ М. И. Богданович. Об изучении военной истории. — «Военный журнал», 1855, № 3, стр. 139—141.

⁵ М. И. Богданович. Стратегия. Правила, мысли и отзывы Наполеона. — «Военный журнал», 1846, т. VI, стр. 143.

⁶ М. И. Богданович. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова, стр. 86.

⁷ М. И. Богданович. Об изучении военной истории, стр. 142.

⁸ Там же.

⁹ М. И. Богданович. Восточная война 1853—1856 гг., т. I. СПб., 1877, стр. 1.

ские выводы из военных действий, или, лучше сказать, описание действий должно быть составлено так, чтобы эти выводы рождались сами собой из рассматриваемых событий, а не были следствием ни умозрительных теорий, ни голословных заключений историка»¹⁰.

Определенные отличия Богдановича от его предшественников по официальному направлению, в частности от Михайловского-Данилевского, еще более рельефно прослеживаются в работах, касающихся Отечественной войны 1812 года. Очень симптоматичен уже сам факт, что Богдановичу была поручена новая капитальная разработка этой темы, которой не раз занималась официозная историография. Объясняется это, с одной стороны, сильным общественно-политическим звучанием темы, с другой — заменой открыто реакционного внутривосточного курса, который осуществлялся при Николае I, либеральным курсом, провозглашенным в новое царствование. В 1859 г., объявляя о выходе в свет трехтомной «Истории Отечественной войны 1812 года», написанной Богдановичем, «Военный сборник» подчеркивал, что «прежним историкам Отечественной войны как по недостатку источников, так и по щекотливости их положения приходилось дополнять весьма многое собственными догадками»¹¹. Богданович располагал несравненно более значительными возможностями, чем его предшественники, и, следуя велениям времени, попытался по-новому решить некоторые научные и политические проблемы. Попытки эти не удалась, да и едва ли могли удасться в сочинениях придворного историографа. Однако само их наличие и направление усилий Богдановича не случайны.

Важнейшие проблемы, которые Богданович вынужден был заново затронуть, были связаны с ролью в Отечественной войне народных масс и отдельных исторических деятелей, в частности, со значением ополченческих формирований и партизанского движения, с оценкой влияния на ход событий со стороны Александра I, М. И. Кутузова, М. Б. Барклая-де-Толли. Под давлением сильно полевевшего общественного мнения Богданович едва ли не в каждом из указанных

¹⁰ М. И. Богданович. История военного искусства и замечательнейших походов от начала войн до настоящего времени, ч. 1. СПб., 1849, стр. III—IV.

¹¹ «Военный сборник», 1859, № 12, стр. 525.

вопросов вынужден был отказаться от топорной прямолинейности, свойственной предшественникам, оставаясь, разумеется, на вполне верноподданнических позициях. Отсюда ряд отмечавшихся еще современниками противоречий и ошибок, может быть, более всего сказавшихся в недооценке роли Кутузова и преувеличении роли Барклая-де-Толли. Но не следует забывать, что в тогдашних условиях такая трактовка была существенной трансформацией официальной точки зрения, определенной уступкой западничеству и либерализму. Именно поэтому «История Отечественной войны 1812 года» Богдановича получила сравнительно положительную оценку передовой общественности, в том числе военной¹². Именно поэтому этот труд при всех его недостатках должен рассматриваться как шаг вперед по сравнению с сочинениями Михайловского-Данилевского и Бутурлина.

Еще дальше от традиционных взглядов и приемов официального направления отошел третий придворный историограф предреформенного тридцатилетия — Д. А. Милютин (1816—1912 гг.). Он начал заниматься военной историей еще в 30-е годы XIX в.¹³ Первая значительная работа его в этой области — «Суворов как полководец» — была помещена в «Отечественных записках» за 1839 г. (т. III и IV). Примерно тогда же Милютин разработал программу труда, озаглавленного «История русского владычества на Кавказе»¹⁴. В 1850 г. он опубликовал «Описание военных действий 1839 г. в Дагестане», а в 1852—1853 гг. — историю русско-французской войны 1799 г.¹⁵

В середине 50-х годов XIX в. Милютин был полон творческих планов. Первоочередной своей работой он считал в это время подготовку давно задуманного труда «История русского владычества на Кавказе»¹⁶.

С 1856 г. Милютин, по его собственным словам, собирался посвятить себя исключительно научной деятельности

¹² См. большую рецензию «А. Б.» в «Военном сборнике» (1860, № 4, стр. 482—532; № 6, стр. 451—498).

¹³ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей (далее — ГБЛ, ОР), ф. 169, 80/2.

¹⁴ Там же, ф. 169, 81/1.

¹⁵ Д. А. Милютин. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г., изд. 1. СПб., 1852—1853: изд. 2 (дополненное и переработанное). СПб., 1857.

¹⁶ ГБЛ, ОР, ф. 169, 80/25, лл. 42—43.

в области отечественной военной истории¹⁷. Однако последующие высокие назначения сначала на Кавказ, а затем в Военное министерство заставили его отказаться от этого замысла и оставить военно-исторические занятия.

В сочинениях Милютина по отечественной военной истории содержится ряд высказываний методологического характера. Изучение этих высказываний и анализ текста самих сочинений в целом приводят к выводу о том, что по своему мировоззрению, научной методологии и по концепции русской истории он был близок к «государственникам», особенно к С. М. Соловьеву.

Достоин внимания прежде всего то, что Милютин не был сторонником резкого противопоставления исторических судеб России и Запада и не возводил в абсолют «самобытности» русского военного искусства, хотя в нужных случаях всегда ее отмечал¹⁸. В одной неопубликованной заметке 1886 г., прямо указывая на принципиальную тождественность путей развития русской и западноевропейской истории, он между прочим писал следующее: «Наши русские историки не совсем правы, проводя ту мысль, что русский народ с первых времен своего исторического развития шел какими-то иными путями, чем народы остальной Европы, что в судьбе русского народа лежат какие-то особые, собственно ему только присущие основные начала, давшие всей его истории совершенно особый характер, особое направление. Мне же всегда казалось, что в первых зачатках гражданственности, в первых зародышах образования государства есть весьма много общего во всех народах европейских, и если русский народ пошел другим путем, чем народы германского корня, то не следует ли объяснить это явление различием позднейших обстоятельств»¹⁹.

Интересно отметить также ряд моментов, характеризующих понимание Милютиным задач историка вообще и военного историка, в частности. Истории Милютин не придавал самостоятельного значения, считая, что ее задача состоит лишь в сборе сведений, необходимых для каждой из отраслей

¹⁷ Д. А. Милютин. Дневник, т. I. М., 1947, стр. 18.

¹⁸ См., например, «Отечественные записки», 1839, т. III, стр. 3, 24, 32.

¹⁹ ГБЛ, ОР, ф. 169, 82/10. Часть этого высказывания приведена Л. Г. Бескровным в «Очерках военной историографии» (стр. 135); к сожалению, местами текст прочитан неточно.

«положительной» науки. «История, — заявлял он, — есть склад ценного материала для всех наук вообще, в особенности для наук социологических, которым и подлежит разрабатывать этот материал для вывода законов теоретических, отдельно к каждой специальности»²⁰. В приложении к отечественной военной истории задачу исследователя Милютин видел, во-первых, в том, чтобы оценить «дарования и нравы наших полководцев», во-вторых, в том, чтобы их действиями подтвердить «важнейшие истины науки»²¹.

При подготовке своих военно-исторических исследований Милютин придавал первостепенное значение розыскам не известных ранее архивных источников, считая их разработку и обнаружение «существеннейшим результатом» труда военного историка²². По мнению Милютина, историк должен «строго ограничиваться повествованием о событиях, устрояя всякие суждения о них»²³. «Пусть, — заявлял он, — факты говорят сами за себя: дело историка представить их таким образом, чтобы читатель имел как бы полную картину, в которой бы видел живо перед собой лица и события, и, не предубежденный заранее никакими готовыми мнениями, мог сам быть судьей беспристрастным»²⁴.

Из сказанного явствует, что в русской военно-исторической мысли предреформенного тридцатилетия были представлены: официальное направление историографии в двух его модификациях: более ранней (Михайловский-Данилевский) и более поздней (Богданович), а также буржуазная по своей сущности государственная школа (Милютин). Формальное говоря, было представлено в военной сфере и буржуазное направление в его чистом виде, так как наиболее яркий его представитель — Н. А. Полевой — выпустил ряд работ целиком или по преимуществу военно-исторического содержания²⁵.

²⁰ ГБЛ, ОР, ф. 169, 82/14, л. 14.

²¹ «Отечественные записки», 1839, т. III, стр. 24.

²² Д. А. Милютин. История войны 1799 г. между Россией и Францией, т. I. СПб., 1857, стр. XIV.

²³ Там же, стр. XI.

²⁴ Там же, стр. XI—XII.

²⁵ Н. А. Полевой. История князя Итальянского графа Суворова-Рымникского генералиссимуса российских войск. СПб., 1843; он же. История Петра Великого, т. I—II. СПб., 1843; он же. Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845.

Следует иметь в виду, однако, что эти работы относятся к последнему (петербургскому) периоду его творчества, когда он был морально сломлен и под влиянием житейских неудач во многом отошел от своих прежних взглядов.

Было, наконец, представлено в военно-исторической мысли предреформенного тридцатилетия и самое передовое в то время революционно-демократическое направление историографии. Прежде всего оно олицетворялось военно-историческими произведениями В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева²⁶. Но было бы ошибочным считать, что революционно-демократическое направление военной историографии развивалось лишь в указанных рамках. Соответствующий круг идей, изложенный в общих или специальных военно-исторических работах, не только в той или иной степени оказывал влияние на мировоззрение многих специалистов, но получал отражение в их печатных или устных выступлениях. Думается, что это обстоятельство мы еще очень часто недооцениваем и тем самым невольно принижаем силу и значимость революционно-демократического направления военно-исторической мысли.

Мы, в частности, говоря об этом направлении, часто не учитываем ряд военно-исторических работ, принадлежавших перу активных участников революционно-демократического движения эпохи падения крепостного права или написанных специалистами, близкими к Чернышевскому, Добролюбову и другим революционным демократам, находившимися под их идейным влиянием. Не исследованы, например, военно-исторические работы одного из руководящих деятелей первой «Земли и воли» Н. Н. Обручева; между тем его источниковедческий труд о рукописных и печатных военно-исторических памятниках петровской эпохи и более раннего времени²⁷

²⁶ Полное и всестороннее изучение военно-исторических произведений русских революционных демократов остается пока делом будущего. Освещение некоторых вопросов применительно к мировоззрению отдельных представителей революционного демократизма см.: Н. Макеев. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». М., 1950; Р. А. Таубин. Борьба Н. Г. Чернышевского за армию в период редактирования им «Военного сборника». — «Ученые записки Ульяновского педагогического института», вып. VIII, 1956, стр. 117—159; т. X, вып. 4, 1957, стр. 91—131 и др.

²⁷ Н. Н. Обручев. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1853.

и сейчас признается специалистами «хорошо задуманным и талантливо выполненным» исследованием²⁸. Не подверглись специальному изучению относящиеся к эпохе падения крепостного права военно-исторические работы П. Л. Лаврова, В. М. Аничкова, А. И. Беренса, А. И. Макшеева и других лиц, близких к петербургскому революционному подполью конца 50-х—начала 60-х годов и к кругу «Современника»²⁹. Все это представляет несомненный интерес с точки зрения истории русской военно-исторической мысли, так же как и отдельные появившиеся в периодических изданиях работы других авторов, текст которых показывает, что они находились под влиянием революционно-демократической идеологии.

В рамках настоящей статьи ограничимся из этой последней области лишь одним примером — уже называвшейся выше рецензией на труд Богдановича об Отечественной войне 1812 года, опубликованной за подписью «А. Б.» в двух номерах «Военного сборника» за 1860 г. Рецензия, имеющая объем свыше пяти печатных листов, содержит ряд важных методологических положений, опирается на широкий круг источников и литературы, знакомой автору помимо Богдановича, дает развернутое изложение точки зрения рецензента на важнейшие исторические события и крупнейших деятелей эпохи. Таким образом, речь идет о работе, которая как формально, так и по существу должна рассматриваться самостоятельно, а не только в связи с рецензируемым сочинением.

Очень любопытно, в частности, то, как рассматривается в рецензии вопрос об источниках силы воюющих сторон. Рецензент ставит их в неразрывную связь с существующими «формами общественного устройства» и «стремлениями народной жизни»³⁰. Первое время Наполеон неизменно имел успех в военных действиях, так как опирался на новые «стремления» и уничтожал «устарелые формы». Но в 1812 г. картина стала совершенно иной, так как Франция вела завое-

²⁸ А. Я. Кушувль. Военная библиография России от ее зарождения до XX века. Рукопись канд. дисс. М., 1948, стр. 44.

²⁹ Подробнее см.: Р. А. Таубин. Указ. статья; он же. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х—начале 60-х годов XIX века. — «Исторические записки», т. 39, стр. 59—97; В. А. Дьяков. Петербургские офицерские организации конца 50-х—начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей. — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII. М., 1964, стр. 268—359.

³⁰ «Военный сборник», 1860, № 4, стр. 486.

вательную войну и не могла иметь внутреннего единства. «Революционная сила...», — пишет „А. Б.“, — оставила Наполеона с той минуты, как он изменил революционному призванию»³¹. Едва ли нужно доказывать, что такой ход рассуждений и такие выводы вполне созвучны историческим взглядам Чернышевского и его соратников.

Прямым продолжением изложенных мыслей рецензента являются его суждения о соотношении между войной и политикой. Обрисовывая «современный взгляд науки и основания», которыми должны руководствоваться читатели при ознакомлении с рецензируемым сочинением, рецензент пишет: «В описании Отечественной войны самым главным, по нашему мнению, вопросом является влияние политического нашего устройства и народного духа на характер и ход войны и следствия ее для государства и русской жизни: изображение военных действий составляет важную, но не исключительную задачу целого труда. Ибо устройство военного элемента в государстве всегда находится в тесной связи с его организмом, а качество войск — с духом народа и его цивилизацией»³².

Тот же круг идей, только в более обобщенном, методологическом плане высказывал рецензент, когда пытался охарактеризовать те изменения, которые произошли в исторической науке с начала 30-х до второй половины 50-х годов XIX в. Он заявляет: «Взгляд на науку так изменился в течение последних двадцати пяти лет, что, приступая к историческому исследованию, приходится совершенно расстаться не только с понятиями, вынесенными о нем со школьной скамьи, но и развившимися впоследствии, под влиянием недавних авторитетов науки. Мы говорим здесь о значении, которое приобрела в историческом созерцании народная жизнь во всех ее проявлениях: биография правительственных деятелей, внешние отношения государств, являясь во втором плане, получают совершенно иной смысл по отношению их к народной жизни; но разработка этого существенного элемента истории, кроме тяжелого труда и обширных знаний, требует взгляда, свободного от общественных предрассудков, светлого понимания инстинктов массы и теплого к ним чувства»³³.

³¹ Там же, стр. 487.

³² Там же, стр. 489.

³³ Там же.

Говоря много о «народном духе», «А. Б.» очень резко отмежевывается от любых попыток выдать за его проявление различные суеверия и некультурность. Резкую отповедь встретило, в частности, то место рецензируемого труда, где Богданович толкует о распространявшихся в 1812 г. слухах относительно кометы, страшного суда и т. п. Мы верим, заявляет рецензент, что слухи были, «но не думаем, чтобы подобные качества могли характеризовать дух русского народа. Суеверие как признак отсутствия образованности в массах, как временное условие их жизни не может быть основным элементом народного духа, тем более русского, когда и религиозный мистицизм не привился к нашему простолыдину, несмотря на продолжительность византийского влияния на нашу цивилизацию»³⁴.

Из частных оценок, характеризующих освещение исторических деятелей, остановимся на двух. Первая из них относится к М. Б. Барклаю-де-Толли. Рецензент с удовлетворением отметил, что он обрисован Богдановичем по-пушкински. Соглашаясь вполне с общей трактовкой этой фигуры, рецензент полемизирует с Богдановичем лишь в одном вопросе: он доказывает, что у Барклая не было заранее подготовленного и детально разработанного плана «заманивания» наполеоновских войск в глубь России. «Отступление к столице, — заявляет „А. Б.“, — было вынуждено обстоятельствами, а не произошло из-за заранее принятого намерения»³⁵. И далее пишет: «Автор, оспаривая из патриотизма у иностранцев идею отступления, принял общий характер войны 1812 года, сложившийся под влиянием множества разнообразных данных, за следование известному определенному плану»³⁶. В целом же характерное для Богдановича стремление возвеличить Барклая находит сочувствие и поддержку рецензента³⁷.

Что касается Кутузова, то здесь «А. Б.» не только не спорит с Богдановичем, но идет еще дальше в необоснованном принижении роли этого полководца, в очернении его образа в целом. По мнению «А. Б.», иностранные историки небеспристрастны к Кутузову в той же мере, как и прежние русские историки, только «одни расположены безусловно

поричать, другие безусловно прославлять смоленского князя»³⁸. Позицию Богдановича рецензент считает двойственной и противоречивой: «Изображение личности и военной деятельности князя в разбираемом сочинении вышло не совсем отчетливым под влиянием, как кажется, двух противоречивых стремлений: сохранить за новым главнокомандующим популярность, которой он пользовался между современниками, не сводить его с пьедестала спасителя Отечества, воздвигнутого ему некоторыми из наших писателей с легкой руки Михайловского-Данилевского, а вместе с тем не исказить для этой цели совершенно фактов, которых неумолимая логика не подчиняет заранее составленному приговору»³⁹.

Чтобы закончить рассказ о рецензии «А. Б.», скажем еще несколько слов о том, как оценивается в рецензии роль земского ополчения. Богданович довольно подробно осветил соответствующие факты, но в принципе высказывался против подобного рода формирований. Он заявлял: «Народные вооружения в большом размере, подобные милиции 1807 года и ополчениям 1812 и 1855 годов, не могут принести пользу, потому что, требуя снабжения продовольствием наравне с регулярными войсками, далеко уступают им в боевой силе»⁴⁰. Рецензент резко возражает против этого, доказывает, что земская рать обойдется дешевле регулярных войск, а драться будет, как минимум, не хуже их, особенно если ратники «будут воодушевлены делом, за которое ведется война»⁴¹. В подтверждение он приводит ряд примеров из истории народно-освободительных и революционных войн и особо подчеркивает, что разбираемый вопрос тесно связан «с одной из важных отраслей государственной жизни — устройством вооруженной силы»⁴². Тем самым он прямо подводит читателя к готовящимся буржуазным военным реформам и дает понять, что земская милиция — это наиболее последовательное и наиболее революционное из возможных решений⁴³.

³⁸ Там же, стр. 473.

³⁹ Там же, стр. 472.

⁴⁰ М. И. Богданович. История Отечественной войны 1812 года, т. III. СПб., 1860, стр. 400.

⁴¹ «Военный сборник», 1860, № 6, стр. 456.

⁴² Там же, стр. 457.

⁴³ Архив «Военного сборника» не сохранился, и данных для раскрытия псевдонима «А. Б.», к сожалению, мы не имеем. Возможно,

³⁴ «Военный сборник», 1860, № 4, стр. 520.

³⁵ Там же, стр. 514.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, № 6, стр. 469—470.

Весьма существенную роль в истории исторической науки играют: накопление источников и фактического материала; возникновение и развитие новых форм («жанров») исторических исследований; совершенствование исследовательской техники. Учитывая сказанное, закончим статью хотя бы беглым обзором тех сдвигов, которые произошли в данной области на протяжении исследуемого тридцатилетия⁴⁴.

Можно без преувеличения сказать, что это было время, когда специалисты начали глубоко осознавать огромное значение военно-исторических источников, много трудились над расширением их круга, но не часто достигали желаемого из-за разного рода ограничений, установившихся царизмом. Пожалуй, лучше всего сказанное может быть проиллюстрировано историей замысла специального издания для публикации военно-исторических источников. В бумагах Милютина сохранился «Проект об издании материалов для русской военной истории», датированный 26 августа 1850 г.⁴⁵ В этом документе содержалось предложение: «Во всех архивах собирать документы о каждой войне и, разобрав их систематически, печатать с буквальной точностью». Примерно через 15 лет Богданович выдвинул проект аналогичного «Русскому архиву» научно-публикаторского периодического издания «Военный архив»⁴⁶. Однако ни первое, ни второе предложения не получили осуществления, и лишь в начале 70-х годов появился первый специально военно-исторический сборник документальных источников⁴⁷⁻⁴⁸.

что за ним скрывается А. И. Беренс — преподаватель истории военного искусства в Академии Генерального штаба, фамилия которого фигурирует в числе учредителей Шахматного клуба и хороших знакомых Дობролюбова и Чернышевского (В. А. Дьяков. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов (Биобиблиографический словарь). М., 1967, стр. 27).

⁴⁴ Большинство перечисленных вопросов пока не освещено в литературе. Лишь некоторые из них отчасти затронуты в кн.: Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 55—347; В. А. Дьяков. Об использовании документальных материалов ЦГВИА русскими военными историками периода капитализма. — «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», 1958, № 9, стр. 95—116.

⁴⁵ ГБА, ОР, ф. 169, 80/9, лл. 9—10.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 401, оп. 5/929, 1865 г., д. 339, лл. 36—37.

⁴⁷⁻⁴⁸ Подробнее см.: В. А. Дьяков. Об использовании документальных материалов ЦГВИА русскими военными историками периода капитализма, стр. 97 и след.

Первые произведения русской военно-исторической мысли появились за много столетий до исследуемого периода. К 1853 г. русская военно-историческая литература насчитывала до 200 оригинальных и переводных сочинений⁴⁹. Два последующих десятилетия дали весьма существенный прирост так, что в 1873 г. А. Е. Станкевич учел уже примерно 500 отдельных военно-исторических сочинений, причем около 350 из них было написано на русском языке русскими авторами⁵⁰.

Следовательно, ежегодный прирост русской военно-исторической литературы в 70-е годы XIX в. составлял примерно 15 названий.

В середине XIX в. русская литература по отечественной военной истории уже имела в самом составе большую часть известных в настоящее время видов военно-исторических сочинений. К этому времени уже сложились и вполне выявили свою специфику: лекционный курс и учебное пособие по военно-историческим дисциплинам для военно-учебных заведений; исследовательские монография и журнальная статья; отдельно изданный критический разбор и рецензия в периодической печати.

Наконец, к этому времени уже существовал, хотя и несовершенный, комплекс специальных справочных изданий по отечественной военной истории.

Учебная литература по военной истории и истории военного искусства начала складываться у нас после учреждения Академии Генерального штаба (1832 г.). Первыми академическими учебными пособиями, включавшими сведения по военной истории, были работы Л. И. Зедделера и И. Ф. Веймарна⁵¹. У обоих авторов эти сведения не составляли самостоятельного учебного предмета, а входили в курс высшей тактики или военного искусства. Учебный курс военной истории с помощью Милютина, Богдановича и других подготовил в 40-х годах Голицын. Этот курс был издан только в 70-е годы в виде единственной в своем роде многотомной

⁴⁹ Н. Н. Обручев. Указ. соч., стр. 1—7.

⁵⁰ А. Е. Станкевич. Систематический перечень сочинений по разным отраслям военных знаний. СПб., 1873, стр. 84—245.

⁵¹ Л. И. Зедделер. Обзор истории военного искусства, т. 1—2. СПб., 1836, 1843; И. Ф. Веймарн. Высшая тактика. СПб., 1840.

«Всеобщей военной истории»⁵². Существенной особенностью работ Зедделера, Веймарна и Голицына было то, что удельный вес отечественной истории в них был очень невелик, причем русское военное искусство целиком выводилось из иностранных влияний⁵³.

Выполненные по первоисточникам капитальные военно-исторические монографии первой половины XIX в. назывались обычно «Описаниями»⁵⁴. В подавляющем большинстве они излагали события без каких-либо попыток обнаружить скрытые в них закономерности, без исследования причин и исторического значения тех или иных явлений. Начиная с середины XIX в., наиболее типичными военно-историческими монографиями становятся «Истории»⁵⁵. Это не было случайностью, а отражало существенные сдвиги в русской военной историографии. В лучших «Историях» 50—60-х годов военно-исторические события не просто описывались, но и анализировались с целью выявления закономерностей, присущих как историческому процессу в целом, так и развитию отечественного военного искусства. Критикуя методологию или конкретные результаты военно-исторических исследований того времени, мы не должны забывать об этих знаменательных сдвигах.

⁵² Н. С. Голицын. Всеобщая военная история древних времен, ч. 1—5. СПб., 1872—1876; он же. Всеобщая военная история средних времен, ч. 1—3. СПб., 1876—1878; он же. Всеобщая военная история новых времен, ч. 1—2. СПб., 1878; он же. Всеобщая военная история новейших времен, ч. 1—2. СПб., 1874—1875. В дневнике Милютинна есть следующий отзыв об этой работе Голицына: «Читать эту сухую компиляцию, конечно, невозможно, но труд добросовестный и может служить по крайней мере в виде справочной книги» («Дневник», т. II. М., 1949, стр. 9. См. также: Н. С. Голицын. Записки. — «Русская старина», 1883, № 2, стр. 427).

⁵³ Так, Веймарн утверждал, что первые понятия о военном искусстве русских заимствовали от варягов («Высшая тактика», стр. 39), что военные действия русских до Петра I «во многом сходствовали с действиями татар и турок» (там же, стр. 44), что образцом для реформ Петра I были голландские и шведские войска (там же, стр. 47) и т. д.

⁵⁴ См., например, почти все сочинения Михайловского-Данилевского, «Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов» Лукьяновича (СПб., 1844), «Описание войны в Трансильвании в 1849 г.» А. А. Непокойчицкого (изд. 2. СПб., 1866) и др.

⁵⁵ См., например, почти все сочинения Богдановича, «Историю войны 1799 г. между Россией и Францией» Милютинна (СПб., 1857), «Историю войны и владычества русских на Кавказе» Н. Ф. Дубровина (СПб., 1871—1888) и др.

Наиболее значительной из военно-исторических монографий, появившихся до начала исследуемого периода, была, несомненно, «История войны 1799 г. между Россией и Францией» Милютинна. Над подготовкой этого объемистого сочинения, вышедшего первым изданием в 1852—1853 гг., автор работал около пяти лет⁵⁶. Только за первый год работы Милютин изучил, по его словам, «около 180 томов печатных сочинений и более 200 листов карт и планов...» Что касается материала рукописных и официальных, то они составляли несколько больших тюков⁵⁷. Привлечение большого количества не известных ранее архивных источников является несомненным достоинством «Истории». Она неопровержимо доказала несостоятельность многих старых оценок, принижающих военное искусство Суворова. Современники высоко оценили «Историю». Е. М. Феоктистов, далеко не благоволивший к Милютину, вспоминая о выходе в свет «Истории», писал, что «знатоки превозносили ее до небес»⁵⁸. С хвалебными рецензиями на «Историю» выступили «Москвитянин», «Военный журнал», «Отечественные записки» и другие периодические издания. Близкий к революционно-демократическим кругам Т. Н. Грановский назвал «Историю» «превосходной вещью», книгой, «из которой сам учишься и к которой не имеешь ничего прибавить»⁵⁹. Что касается военных историков последней четверти XIX в., то они считали «Историю» исследованием, положившим начало военно-исторической науке в России, а ее автора называли «отцом русской военной истории»⁶⁰.

Еще в первых десятилетиях XIX в. стали появляться самостоятельные исследования по отечественной истории в виде журнальных статей. Постепенно их число увеличивается, и они превращаются в один из основных видов военно-исторических сочинений. Основывавшиеся как на документальных первоисточниках, так и на имеющейся литературе вопроса, эти статьи содержали нередко довольно резкие полемические высказывания и по разрабатываемой теме, и по политической «злобе дня». Примером такого рода работ могут служить

⁵⁶ ГБЛ, ОР, ф. 169, 83/1, л. 1.

⁵⁷ Там же, л. 133.

⁵⁸ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, стр. 326.

⁵⁹ Т. Н. Грановский. Сочинения, т. II. М., 1897, стр. 431, 468.

⁶⁰ ГБЛ, ОР, ф. 169, 85/80, л. 1; 75/89 и др.

статьи П. Саковича «Действия Суворова в Турции в 1773 г.»⁶¹ и М. И. Богдановича «Оборона Пскова в 1581—82 гг.»⁶² Особо следует отметить, что предметом исследования в некоторых журнальных статьях являлись вопросы методологии военной истории⁶³.

Постепенно выработался также тип рецензии на военно-исторические сочинения. На его оформление оказала определенное влияние литературно-критическая и публицистическая деятельность Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Результатом этого влияния явился переход к использованию рецензий для широкой и самостоятельной постановки вопроса, для разъяснения и углубления основных положений автора или для их развернутого опровержения. Именно такими качествами отличалась, например, излагавшаяся выше рецензия «А. Б.» на «Историю Отечества войны 1812 года» Богдановича.

К середине 70-х годов XIX в. в России уже существовал комплекс специальных справочных изданий, необходимых для работы военного историка. К этому времени в обращении были два издания «Военно-энциклопедического лексикона»⁶⁴, и ставился вопрос о подготовке третьего издания. Два первые издания лексикона, подготовлявшиеся при участии Д. А. Милютина, А. И. Михайловского-Данилевского, А. В. Висковатова, Н. С. Голицына и других крупнейших специалистов своего времени, содержали большое число статей по отечественной военной истории. Некоторые из них основывались на первоисточниках и были довольно серьезными и ценными исследованиями. Кроме того, к числу важнейших для военного историка справочных изданий следует отнести: вышедшее в Петербурге в 1841—1862 гг. тридцатитомное «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» Висковатова; составленную им же «Хронику российской армии» в семи томах (СПб., 1852); примитивные по методологии, но вполне пригодные для справок военно-

⁶¹ «Военный журнал», 1853, № 4—5.

⁶² Там же, 1854, № 5.

⁶³ См., например: М. И. Богданович. Об изучении военной истории. — «Военный журнал», 1855, № 3; Г. А. Леер. Значение критической военной истории в изучении стратегии и тактики. — «Военный сборник», 1863, № 5.

⁶⁴ Первое — 14 томов (СПб., 1837), второе — 10 томов (СПб., 1852—1858).

биографические словари Д. Н. Бантыш-Каменского⁶⁵, В. Н. Берха⁶⁶ и Н. А. Полевого⁶⁷. Нельзя не отметить, наконец, и наличия военно-библиографических справочников, которые, постепенно совершенствуясь, становились незаменимыми пособиями для каждого военного историка⁶⁸.

Одновременно с выработкой основных видов военно-исторических сочинений шел процесс совершенствования тех приемов, которыми военные историки пользовались, работая над первоисточниками и над текстом своих исследований. Особенно важным в этом процессе было постепенное увеличение требовательности к обоснованию авторского текста показателями первоисточников. Сначала такое обоснование сводилось к отбору нескольких наиболее интересных источников, которые воспроизводились в приложениях к авторскому тексту целиком, причем никакой связи между текстом и приложениями не было⁶⁹. Затем документы в приложениях стали приводиться в систему по частям, главам или иным подразделениям текста, чем создавалась, хотя и несовершенная еще, связь между ними⁷⁰. Следующей ступенью было появление в тексте цифр или звездочек, отсылавших к определенному месту приложений, что окончательно закрепило их связь друг с другом⁷¹. Выработавшаяся таким образом система обоснования авторского текста первоисточниками отвечала своему основному назначению, но имела существенный недостаток, заключающийся в том, что пользоваться отнесен-

⁶⁵ Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, т. 1—8. М., 1836, СПб., 1847; он же. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, т. 1—4. СПб., 1840—1841; он же. Деяния знаменитых полководцев Петра Великого, т. 1—2. М., 1812—1813, изд. 2-е. М., 1821.

⁶⁶ В. Н. Берх. Жизнеописание первых российских адмиралов или опит истории российского флота, т. 1—3. СПб., 1831—1834.

⁶⁷ Н. А. Полевой. Российские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от Петра Великого до Николая I. СПб., 1845.

⁶⁸ В. Соц. Опыт библиотеки для военных людей. СПб., 1826; Н. Н. Обручев. Указ. соч.; А. Е. Станкевич. Систематический перечень сочинений по разным отраслям военных знаний. СПб., 1873.

⁶⁹ См., например, Д. П. Бутурлин. Военная история походов россиян в XVIII столетии, ч. 1—3. СПб., 1819—1823.

⁷⁰ См., например, А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны... с 1806 до 1812 г., ч. 1—2. СПб., 1843.

⁷¹ См., например, И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе до Алексея Михайловича. М., 1846.

ными в конце тома приложениями было неудобно. Этот недостаток был устранен в ряде работ, авторы которых стали помещать большую часть выдержек из первоисточников под строкой, совершенно так, как это делается в настоящее время⁷².

С описанным выше процессом установления непосредственной связи между авторским текстом и первоисточниками был связан постепенный отход военных историков от летописного стиля в изложении, при котором в их трудах не находилось места для анализа достоверности источников или для полемики с литературой вопроса. Уже сам факт публикации источников в военно-исторических сочинениях говорил об отходе от летописного стиля, но выделение их в приложения было явной ему уступкой. Милютин в своей «Истории войны 1799 г. между Россией и Францией» одним из первых среди военных историков нарушил неписанные правила летописного стиля, введя большое количество источниковедческих и историографических отступлений, значительная часть которых была помещена в основном тексте и под строкой. Ретрограды в лице М. П. Погодина увидели в этом серьезный недостаток «Истории»⁷³. Возражая им, Милютин заявил, что историк не вправе отказываться от критических отступлений, ибо они совершенно необходимы для того, чтобы «читатель сам, по фактам, а не на веру, переменял вкоренившееся общее убеждение или образ воззрения, а это нередко оказывалось необходимым по милости прежних историков»⁷⁴.

Сказанное выше не претендует на то, чтобы дать исчерпывающую характеристику русской военно-исторической мысли предреформенного тридцатилетия. Думается, однако, что приведенный материал позволяет четче выявить некоторые из этих особенностей, что и является задачей настоящей статьи.

⁷² Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I. СПб., 1871.

⁷³ См. рецензию М. П. Погодина в «Москвитянине» за 1853 г., № 4.

⁷⁴ ГБЛ, ОР, ф. 169, 83/2, л. 259.

II

Военная мысль

Г. П. МЕЩЕРЯКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Создание регулярной армии — вооруженной опоры абсолютизма — явилось одной из важных задач правительства Петра I.

Осуществляя реорганизацию армии, Петр I и его сподвижники уделяли главное внимание накоплению и обобщению своего национального военного опыта. Вместе с тем они не игнорировали и опыт иностранных армий. За границу посылались грамотные молодые дворяне, русские офицеры и некоторые иностранные офицеры, длительное время служившие в русской армии, хорошо знавшие ее потребности и возможности. В результате одной из таких поездок майор Вейде в 1698 г. представил обобщенный материал, изложенный в форме устава. Это была компиляция из ряда иностранных уставов, главным образом австрийского. По указанию Петра I материал был переработан, из него выбрано то, что отвечало требованиям русской армии¹. Одновременно устав Вейде был пополнен обобщенным отечественным опытом. В него был добавлен целый раздел «О учении обык-

¹ Н. Н. Обручев. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1853, стр. 92—100.

новенном с кратчайшим растолкованием, також, что при том примечать и во осматрени имеют надлежит»². Но и после этого материал Вейде не полностью отвечал предъявляемым требованиям и не был напечатан. В рукописи он использовался при обучении войск. «Об этом, — пишет Л. Г. Бескровный, — свидетельствует то, что офицеры переписывали многие положения его в свои «воинские книги», которые обычно содержали только практически необходимые инструкции и материалы»³. Многие положения устава вошли в последующие наставления и инструкции. В марте 1700 г. издается первое оригинальное наставление «Воинские артикулы», составленное А. М. Головиным в 1699 г.⁴ В нем давались ясные указания и команды для обучения войск ружейным приемам и строю. Войска предлагалось учить не только ведению огня, но и ударам холодного оружия. Это были основные виды подготовки.

Очень остро тогда стояла проблема совершенствования форм и способов боевой подготовки войск. Так, с получением полками необученного пополнения перед ними встали задачи чему и как учить пополнения, вместе с обученными солдатами или отдельно. «Воинские артикулы» и вновь вышедшие наставления не давали ответа на эти вопросы. Жизнь, практика потребовали нового наставления, которое было разработано в том же 1700 г. и разослано в войска под названием «Краткое обыкновенное учение»⁵. Составители нового наставления широко использовали «Воинский артикул», устав Вейде и текущий учебный опыт русских войск. Но они не располагали материалами об их боевом опыте.

Опыт разработки «Краткого обыкновенного учения» показывает, что даже стихийное следование потребностям практики ограждает от серьезных ошибок. Авторам нового наставления удалось в общем правильно определить требо-

² «Письма Петра Великого, хранящиеся в императорской публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования». Составил А. Ф. Бычков. СПб., 1872, стр. 107.

³ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 109.

⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого» (далее — П. и Б.), т. I. СПб., 1887, стр. 347—353, 806, 810—811.

⁵ «Военные уставы Петра Великого». Сборник документов. М., 1946, стр. 24, 45—52.

вания назревавшей войны к боевой подготовке войск, четко определить, чему и как учить войска, чтобы их боевая подготовка отвечала необходимому уровню.

Восстанавливаемые после сражения у Нарвы регулярные войска первое время обучались в соответствии с наставлениями, которые были разработаны еще до войны. Основным из них являлось «Краткое обыкновенное учение». В 1702 г. это наставление было переиздано⁶.

С началом Северной войны возникли значительные затруднения при организации боевой подготовки конницы. До войны было всего два драгунских полка. Между тем события первого же года войны показали важность этого рода войск и специфичность его боевой службы. За один 1701 г. было сформировано 12 драгунских полков⁷. В связи с этим встала жизненно важная проблема: чему и как обучать драгунские полки. Наставления и практические приемы, выработанные при обучении пехоты, не отвечали требованиям боевой службы конницы.

В первых наставлениях для конницы освещались преимущественно военно-правовые вопросы. Содержавшиеся в них указания по боевой подготовке заимствовались главным образом из зарубежных уставов. Изучение и использование зарубежного опыта применялись и на последующих этапах Северной войны. Все же главным источником для разработки новых инструкций и наставлений был отечественный опыт текущей войны. Русская драгунская конница впервые нанесла поражение значительному отряду противника 7 июля 1703 г. Способы ведения боя, примененные русской конницей в этом бою, легли в основу инструкции, разработанной А. Д. Меншиковым. В следующем году она стала обязательной для всей конницы. В инструкции Петра I Б. П. Шереметеву указывалось: «Сказать всем... чтобы по тем статьям делали, каковы даны 703 году, когда шли на Кронорту; також отнюдь бы не скакать за неприятелем, хотя оной бежать будет...»⁸

⁶ П. Строев. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Ф. А. Толстова. М., 1829, стр. 416.

⁷ «История конницы. Примечания Брикса к истории конницы Денисона». Перевод с немецкого, т. II. СПб., 1897, стр. 139.

⁸ П. и Б., т. II. СПб., 1889, стр. 210—211; т. III. СПб., 1893, стр. 79—81, 395.

Сильной стороной русской военно-теоретической мысли того времени являлась органическая связь разрабатывавшихся наставлений, инструкций, отдельных руководящих идей с опытом войск, одним словом, теории с практикой. Однако такая связь часто понималась прямолинейно. Общие руководящие положения, советы выводились и формулировались на основе отдельных более или менее крупных, удачных (или неудачных) боевых действий. Местное и частное не выделялось из общего, случайное — от необходимого. Этот недостаток наиболее отчетливо выступал в указаниях Петра I, которые нередко начинались фразой: «Понеже я в последней акции видел...»⁹. На основе того, что он видел «в последней акции» (бою), часто формулировались обобщенные указания. Между тем боевые действия велись на огромной территории, в самых различных и резко меняющихся условиях. Поэтому наставления быстро устаревали, требовали постоянных дополнений, уточнений.

В 1705 г. стратегическая обстановка для русской армии резко ухудшилась. Многие приемы ведения боя, которые рекомендовались действовавшими наставлениями, не отвечали изменившейся обстановке. Угроза вторжения врага потребовала срочной разработки нового наставления. Видимо, Петр I лично в начале 1706 г. разрабатывает небольшое наставление: «Пункты командирам батальонов»¹⁰. Это было первым наставлением, полностью разработанным на основе текущей боевой и учебной практики.

Основные идеи нового наставления резко отличались от господствовавших уставных положений западноевропейских армий. Западноевропейская военная мысль, скованная шаблонами линейной тактики, не придавала особого значения фактору времени, внезапности, недооценивала важности маневроспособности войск. Автор рассматриваемого наставления исходил из признания решающей роли этих факторов, все его практические советы были нацелены на то, чтобы добиться постоянной готовности подразделений и частей к боевым действиям. В небольшом наставлении намечалось общее направление, ставились первые вехи на пути практической и теоретической разработки маневра, той тактики,

⁹ Там же, т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 9.

¹⁰ Там же, т. IV, ч. 1. СПб., 1900, стр. 141—142.

которая через три года обеспечила русским войскам блестящую победу у Лесной и полный разгром шведской армии под Полтавой.

В тех случаях, когда для решения какого-либо сложного практического вопроса русское командование не располагало современным обобщенным опытом, Петр I обращался к иностранной литературе. Так, в начале 1706 г. им были приняты некоторые меры по организации обороны западной и северо-западной границ. Практически эти меры сводились к использованию средств и способов, которые в подобных случаях применялись Русью еще в XVI в. Но Петр I, видимо, не был уверен в их эффективности в современных условиях. Поэтому летом того же года он приказал послу в Голландии закупить все имеющиеся там книги по фортификации и выслать в Россию¹¹.

Крупным памятником русской военно-теоретической мысли начала XVIII в. является решение Жолкиевского совета (декабрь 1706 г.). Учитывая слабое место противника, его зависимость от местных средств, совет предложил «оголошением правянта и фуража томить неприятеля...»¹². Одновременно войскам предлагалось широко использовать все мало-мальски выгодные оборонительные рубежи для постепенного обескровливания противника. В Жолкиеве было спланировано использование выгодных свойств глубокого театра военных действий, выработаны приемы стратегических действий, которые обеспечивали выполнение плана, принятого советом. Этим вносился значительный вклад в практическую и теоретическую разработку важной, но тогда совершенно не изученной области военного дела.

Выдвинутые в Жолкиеве цели были достигнуты. Силы противника истощались, а русские войска, приобретая все более многообразный опыт и боевые навыки, становились сильнее. Стратегическая обстановка складывалась все более выгодно для русской армии. Между тем действовавшие наставления нацеливали войска на осторожные действия. Чтобы привести уставные положения в соответствие с требованием меняющейся обстановки и боевой практикой войск,

¹¹ Там же, стр. 107—108, 154—156. И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. II. М., 1837, стр. 242.

¹² «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», ч. 1. СПб., 1770, стр. 144.

в марте 1708 г. было издано новое наставление: «Учреждение к бою»¹³.

Оно было составлено в действующей армии и утверждено Петром I в Бешенковичах. Связь предлагаемых в «Учреждении к бою» приемов по обучению и боевому применению войск с текущей боевой практикой и ее требованиями неоднократно подчеркивается в самом тексте наставления. Оно и начинается словами: «Учреждению к бою по настоящему времени рассуждается по сему».

В новом наставлении проводится более отчетливо и полно мысль о подчинении форм и способов обучения войск требованиям их боевой практики. Принцип — учить войска тому, что потребуется от них в бою, — наполняется конкретным содержанием.

Солдат, освоивших строй и ружейные приемы, новое наставление предлагало «непрестанно тому учить, как в бою поступать, то есть справною и не спешную стрельбою, добрым прицеливанием, справными швенкелями, отступлением и наступлением, тянутьем линий, захватыванием у неприятеля фланки, секундованием¹⁴ едины другим и прочие обороты и подвиги воинские...»

Более четко и конкретно были определены обязанности начальствующего состава при обучении войск и в бою. Наставление обязывало старших начальников систематически заниматься с сержантским и офицерским составом, повышать их знание и умение. Старшие получали право поощрять добросовестных и способных подчиненных, вплоть до повышения в должности, и отстранять от должности тех, кто не справлялся со своими обязанностями. От подчиненного требовалась не механическая исполнительность, а инициативные действия. «Надлежит, чтобы каждый капитан и прочие офицеры каждый своею ротою командовали, а не на маера смотрели во всем...»¹⁵

Связь разрабатывавшихся наставлений, инструкций с повседневной практикой особенно наглядно выступает

¹³ П. и Б., т. VII, вып. 1. ПГ., 1918, стр. 99—104.

¹⁴ Швенковаться — менять направление посредством захождения флангов, т. е. применять одну из форм маневра. Секундовать — охранять, поддерживать соседа. Этим было положено начало разработки большого круга вопросов, связанных с воспитанием войск в духе взаимопомощи.

¹⁵ П. и Б., т. VII, вып. 1, стр. 100.

в наставлении, которое было издано под названием: «Правила сражения»¹⁶. Время его составления документально не установлено. Однако можно полагать, что оно составлено не ранее неудачного для русской армии боя у Головчина 3 июля 1708 г. или вскоре после этой даты. Скорее всего «Правила сражения» были ответом на события у Головчина и одним из мероприятий для предупреждения повторений подобных случаев. Основной текст «Правил сражения» предвзвешивается такой фразой: «Некоторые регулы, которые при баталии предстережены быть имеют»¹⁷.

Практические приемы ведения боя, выработанные в войсках, часто опережали действовавшие наставления. К лету 1708 г. в русской армии накопился разносторонний опыт по совместному применению в бою пехоты и конницы, совершенствовались формы и методы применения артиллерии, вырабатывались приемы ее взаимодействия с остальными родами войск. Но все это оставалось достижением отдельных частей, применялось не систематически и не совершенствовалось.

Вопросы организации и поддержания взаимодействия родов войск в бою стали первоочередными. Ответом на эти требования была разработка «Правил сражения». В новом наставлении не копируются поучительные образцы прошлого. Оно разработано на основе учета назревших требований боевой обстановки. В специальном исследовании Л. Г. Бескровного по военному источниковедению «Правила сражения» отнесены к выдающимся памятникам военно-теоретической мысли начала XVIII в.¹⁸

В наставлении впервые ставились и решались важные практические вопросы по ведению общевойскового боя. Так, в рекомендациях по боевому применению конницы и артиллерии (§ 10—12) проводится мысль о том, что боевые действия этих родов войск должны подчиняться интересам пехоты — главного рода войск¹⁹. Влияние основных положений «Правил сражения» на построение русских войск и способы ведения Полтавской битвы бросается в глаза даже при беглом сравнении содержания наставления и боевых событий под Полтавой.

¹⁶ Там же, т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 6—13.

¹⁷ Там же, стр. 6.

¹⁸ Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 114.

¹⁹ П. и Б., т. VIII, вып. 1, стр. 11.

До 1709 г. в России не издавались специальные наставления и другие труды о подготовке и боевом применении артиллерии. Это объяснялось не только сложностью артиллерийского дела и недостатком подготовленных артиллеристов, знакомых с особенностями русской армии, но и тем, что до 1708 г. артиллерия особого влияния на исход боевых столкновений не оказывала. Только после битвы под Полтавой, в которой русская артиллерия оказала решающее влияние на весь ход сражения, интерес к артиллерии резко возрос. Практика русской армии потребовала специальных работ по артиллерии. Но ни времени, ни подготовленных людей не оказалось. Обратились к иностранной литературе. В сентябре 1709 г. вышел перевод труда артиллериста Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии»²⁰. В следующем году издаются две книги по артиллерии: голландского артиллериста Т. Бринка «Описание артиллерии» и второе издание книги Брауна.

При выборе оригиналов для перевода и издания исходили из сложившихся в русской армии взглядов на задачи теории и на ее соотношение с военной практикой. Оба автора были артиллеристами-практиками, обобщавшими достижения своего времени для решения практических задач. Книга Брауна привлекла внимание Петра I тем, что в ней вопросы внутреннего порядка в артиллерии решались примерно так же, как и в русской артиллерии. При выборе второй книги исходили из того, что материальная часть русской и голландской артиллерии во многом была сходной. Поэтому практические советы Бринка по изучению, уходу и боевому применению артиллерии могли почти полностью применяться и в русской артиллерии.

В отдельности ни одна из этих книг не отвечала всем требованиям учебной и боевой практики того времени. Книга Брауна вышла в Гданске еще в 1682 г. В ней многое устарело, но немало было и полезных советов, чему и как учить артиллеристов, как при различных обстоятельствах применять артиллерию в бою. При этом упор делался на изучение и применение полевой артиллерии, что больше всего интересовало русских артиллеристов²¹.

²⁰ П. Строев. Указ. соч., стр. 506.

²¹ «Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года». М., 1709, стр. 106, 164.

В книге Бринка, небольшой по размеру, более или менее подробно освещены практические приемы изучения и сбережения материальной части артиллерии. О боевом применении артиллерии, главным образом крепостной, говорилось кратко²².

В августе 1711 г. вышла в русском переводе капитальная работа саксонского артиллериста И. З. Бюхнера: «Учение и практика артиллерии, или внятное описание, в нынешнем времени употребляющейся артиллерии; купно со иными, новыми и во практике основанными, маниры...»²³. Судя по заглавию, в книге Бюхнера обобщался современный опыт, чем восполнялись недостатки ранее изданных работ.

Использование обобщенного иностранного опыта, издание иностранных трудов в переводах на русский язык, несомненно, ускоряло выращивание национальных кадров. Во второй половине 20-х годов XVIII в. появляется оригинальное исследование русского автора по вопросам артиллерии. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве Военно-исторического музея артиллерии и военно-инженерных войск (АВИМАИВ) записная книжка офицера бомбардирской роты Д. Муравьева под названием: «Всякому конштапелю об артиллерии». В записной книжке Муравьева, исследованной Л. Г. Бескровным, содержится рукопись: «Подлинное научное от артиллерии конштапелям морским и сухопутным»²⁴.

В военной литературе XVIII в. встречаются ссылки на книгу майора Лихарева «Тактика артиллерии», напечатанную в 1719 г. в качестве пособия для изучающих артиллерийское дело. Наконец, в словаре о русских писателях указывается работа Т. Бринцкого «Описание огнестрельной науки», которая была издана в Москве в 1720 г.²⁵

Заметный вклад русская военно-теоретическая мысль первой четверти XVIII в. внесла в разработку военно-инженерного дела. К этому разделу военной науки и практики Петр I проявлял большой интерес с начала организации регулярной армии. Первое время совершенствовались приемы,

²² «Описание артиллерии... чрез Тимофея Бринка». М., 1710. стр. 173—195.

²³ П. Строев. Указ. соч., стр. 514.

²⁴ Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 125—126.

²⁵ «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий». Собрал Н. Новиков. СПб., 1772, стр. 20.

выработанные отечественной практикой в XV—XVII вв. Но ее оказалось недостаточно для решения задач, выдвинутых в ходе Северной войны.

Жизнь требовала обобщения более широкого и новейшего опыта. Но русская армия не располагала тогда необходимыми кадрами. Поэтому снова пришлось обратиться к обобщенному иноземному опыту. Переводились выборки из многих трудов. Один из таких сборников вышел весной 1709 г. под названием: «Архитектура воинская, гипотетическая и эклектическая, то есть: верное наставление, как разными, немецкими, французскими, галанскими и италианскими манерами, с добрым прибытком как в регулярной, так и в иррегулярной фортификации, пользоваться возможно. Из семидесять и более разных манер, которые от лутчих нынешних инженеров выбраны, отчасти же самим автором изданы. . .»²⁶

Наряду с зарубежными широко использовались отечественные опыт и традиции. Но теперь главное внимание обращалось на изучение материалов по применению подвижных укреплений типа «гуляй-города».

Опыт прошлого не перенимался русской армией механически, а использовался творчески, в соответствии с конкретной обстановкой. Выработывавшиеся новые способы применения фортификации обобщались и использовались для совершенствования военно-инженерного искусства. Так, на поле боя вырабатывались основные принципы русской военно-инженерной школы, складывалась и сама школа.

Крупнейшим памятником русской военно-теоретической мысли первой четверти XVIII в. является «Устав воинской 1716 года». Его содержание, порядок, ход разработки многократно исследовались в дореволюционной и советской печати²⁷. Поэтому мы ограничимся рассмотрением слабо или совсем неисследованных сторон этого замечательного творения русской военно-теоретической мысли.

Большая часть прежних наставлений, инструкций не только появлялась под влиянием отдельных боевых событий, но и разрабатывалась в основном на опыте отдельного сражения. Способ действий, обеспечивавший успех в том или

ином бою, принимался за эталон, рекомендовался как образец для действия в сходных условиях. При составлении «Устава воинского» использовался опыт всего минувшего этапа войны.

«Устав» давал указания по важнейшим вопросам жизни и деятельности армии, в частности по организации управления войсками в бою. Делается обязательным для всех старших начальников составление письменных документов о задачах и построении войск к бою. По «Уставу», генерал-фельдмаршал обязан был в предвидении сражения «учинить ордер де баталии»²⁸ всей армии. . .»²⁹ Это требование распространялось на всякого старшего начальника. Подчеркивалось, что действовать нужно в соответствии с обстановкой, с положением противника. «Устав» не давал указаний на все случаи. В главе «О походе войск» говорилось: «. . . все от мудрой осторожности командующего генерала зависит по обстоятельству дела и случая таким или иным образом, чего подробно здесь описать не можно»³⁰.

«Устав воинской» вносил большой вклад в развитие военно-инженерной мысли, в совершенствование военно-инженерного искусства. Личный состав инженерных подразделений считался органической частью армии, и от него, как и от личного состава других родов войск, требовалось не только знание своей специальности, но и храбрость, способность к непосредственному участию в бою. Впоследствии это стало традицией русской передовой военно-инженерной школы.

Вопросы боевой подготовки войск освещены в «Экзерциции, при уготовлении к маршу. . .», ставшей позже IV частью «Устава воинского». В ней отчетливо выступает требование последовательности в обучении от простого к сложному внутри того или иного раздела боевой подготовки и при переходе от одного раздела к другому.

В IV части «Устава» давались более конкретные указания, как вести стрелковую подготовку, чтобы «солдаты обыкали так, как в самом бою»³¹. Менее отчетливо выдер-

²⁸ Размещение войск в боевом порядке.

²⁹ «Устав воинской о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно». М., 1804, стр. 11.

³⁰ Там же, стр. 55.

³¹ Там же, стр. 155.

²⁶ П. Строев. Указ. соч., стр. 503.

²⁷ П. П. Епифанов. Воинский устав Петра Великого. — «Петр Великий». Сборник статей. М., 1947 г.; Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 114—122.

жан этот принцип в указаниях по строевой подготовке. Неполномерно много места уделено указаниям, как отдавать «комplement» генералам и бригадирам, как проходить перед ними³².

Сравнительный анализ содержания «Устава воинского» с практической деятельностью русских войск и с содержанием прежних наставлений, инструкций вскрывает более серьезные его недостатки. Так, в «Правилах сражения» полнее, чем в «Уставе воинском», раскрывались основные черты общевойскового боя того времени, полнее проводилась мысль о необходимости организации взаимодействия родов войск. В этом наставлении в указаниях по применению конницы, артиллерии подчеркивалось, что необходимо прежде всего добиваться успеха пехоты. В «Уставе воинском» говорилось о равенстве старших генералов родов войск, что объективно приводило к признанию равнозначности родов войск в бою.

В «Уставе воинском» менее четко и последовательно, чем в «Правилах сражения», проводилась мысль о необходимости творческого применения уставных положений, хотя в нем и подчеркивалась необходимость действовать в соответствии с обстановкой. В то же время проявление инициативы «Уставом» допускалось только со стороны генералитета, да и то с оговорками³³. Между тем повседневная практика по обучению войск и их боевому применению показывала, что действовать в соответствии с обстановкой можно лишь при проявлении инициативы всего начальствующего состава.

Новый устав не отменял действовавших наставлений и инструкций. По ряду даже важных вопросов «Устав воинской» ограничивался краткими замечаниями только потому, что эти вопросы освещались в ранее разработанных руководящих документах и освоены войсками³⁴. Это снижало практическую значимость «Устава воинского» и создавало значительные трудности при его применении в войсках.

Видимо, по этой причине Петр I подготавливал материал для переработки и дополнения «Устава воинского». О направлении, в котором предполагалось переработать действующий устав, можно судить по новой статье об обязанностях

офицерского состава, написанной Петром I в 1722 г. В ней давались более конкретные, чем в «Уставе воинском», указания о необходимости повседневной заботы о солдатах. В связи с этим по-новому ставился и решался вопрос о соотношении требований «Устава» и инициативных действий исполнителя.

В целом материалы, подготавливавшиеся для переиздания «Устава 1716 г.», свидетельствуют о значительном росте русской военно-теоретической мысли. Обобщающие формулировки и практические рекомендации стали более совершенными, ближе к научной терминологии, выработанной к тому времени в более развитых областях знания.

Переработать «Устав» не удалось. Но и в первоначальном виде «Устав воинской», обобщавший разностороннюю военную практику русской армии и все наиболее ценное зарубежных уставов, отвечал основным требованиям военной практики многие годы. Он неоднократно переиздавался³⁵. Последнее его издание вышло в 1814 г.³⁶

А. Н. КОЧЕТКОВ

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВОЕННАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII—НАЧАЛА XIX в.

В библиографиях важнейших военно-исторических работ по XVIII в., принадлежавших перу русских дворянских и буржуазных историков, почти нет упоминания о военной литературе на русском языке, не только оригинальной, но и переведенной. Создавалось представление, что в XVIII—начале XIX в. в России не было никакой военной литературы, не было развития военной теории. Между тем только с 1750

³⁵ В. Сопиков. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 г., ч. 3. СПб., 1915, стр. 284—285.

³⁶ Д. Масловский. Строевая и полевая службы русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883, стр. 21.

³² Там же, стр. 164—166.

³³ Там же, стр. 3, 9—10, 55—56 и др.

³⁴ Там же, стр. 154, 156 и др.

по 1812 г. в России вышло более 150 названий книг, так или иначе относящихся к военной или военно-исторической тематике, из них лишь 30—40% были переводными¹.

Становление отечественной науки XVIII в. во многом связано с именем М. В. Ломоносова. В какой-то степени это можно отнести и к развитию русской военной науки. В ряде многочисленных научно-практических проблем энциклопедический ум Ломоносова был занят и вопросами военной науки. В письме П. И. Шувалову (1761 г.), где он делится своими творческими планами, Ломоносов называет тему: «О сохранении военного искусства во время долговременного мира»².

Причастность Ломоносова к военной науке можно проследить в связи с деятельностью крупного военного и государственного деятеля Шувалова. Назначенный на должность генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии и инженеров), Шувалов представил императрице Елизавете доклад о слиянии артиллерийской и инженерной школ в один кадетский корпус и об организации при нем «класса военной науки» — офицерского класса с двухгодичным сроком обучения, который должен был завершить военную подготовку офицера (своего рода военная академия). Шувалов внес в программу будущего кадетского корпуса элементы широкого научного образования. Кадеты должны были изучать: французский и немецкий языки, историю и географию, механику, гидравлику и аэрометрию, гражданскую архитектуру, математическую географию, химию, основы экспериментальной физики, натуральную (естественную) историю, арифметику, алгебру, геометрию, военную экзерцицию, ар-

¹ М. И. Драгомиров в 1875 г. опубликовал в «Русской старине» как находку сокращенный перевод с французской рукописи «Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г.» (без указания автора). Спустя некоторое время он нашел саму книгу и в 1881 г. издал полный перевод, вошедший потом в его «Сборник статей». Эта книга действительно очень интересна, но Драгомиров не знал, что одновременно с изданием этой книги на французском языке («Observations sur l'armée française des derniers temps à partir de 1792 jusqu'en 1808», СПб., 1808) она вышла в Петербурге же и в русском переводе («Примечания о французской армии последних времен с 1792 по 1807 год». Перевод с французского. СПб., 1808). Это было неизвестно и А. Ф. Петрушевскому («Генералиссимус князь Суворов», т. III. СПб., 1884, стр. 383).

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 383.

тиллерию, фортификацию, фейерверочное искусство, рисование.

В классе военной науки офицеры должны были обучаться «науке военной — как всякий фронт устроить...; какие обращения или эволюции делать и к чему оные потребны; как маршировать и где какое прикрытие употреблять; каким образом с конвоями и detachmentами поступать; как лагерь становиться и его укреплять...; как внутри государства маршировать, на квартиры становиться и из них выступать; как во всех случаях полк содержать в порядке и строгости...; читать всех военных авторов и делать на них рефлексии; рассуждать о всех знатных баталиях и акциях и рассуждать те погрешности, от чего они потеряны и те случаи примечать, чем выиграны; рассуждать же о настоящих политических делах в Европе и о военных силах других держав»³. Такова обширная программа подготовки разносторонне образованного с широким политическим кругозором офицера. Обширная объяснительная записка, приложенная к программе, так же как и объяснительная записка Шувалова к проекту о создании высшей военной школы, своим содержанием дала основание историкам считать возможным непосредственное участие Ломоносова в их составлении⁴. В частности, проводимую в последнем документе мысль о назидательности изучения гражданских и военных подвигов героев древней Греции и Рима мы встречаем в сочинении Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке»⁵.

Воздействие Ломоносова на формирование мышления русского офицерства происходило и в более непосредственной форме. Например, учащиеся артиллерийской школы регулярно посещали лекции Ломоносова в Академии наук.

Вообще связь военной науки с наукой в широком смысле является характерной чертой в развитии русской военно-научной мысли в середине XVIII в. Одним из центров военной науки в тот период был Московский университет. С момента открытия Московского университета и гимназии при нем военные науки входили в учебный курс в качестве обязатель-

³ Н. П. Жерве и В. Н. Строев. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712—1912 гг., т. I. СПб., 1912, Приложение II, п. 12.

⁴ Там же, стр. 29—30 и Приложение II.

⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 587.

ных дисциплин. Это объясняется в первую очередь состоянием самой науки, с характерной для науки периода феодализма слабо выраженной специализацией: военные науки еще не отделились от других наук. Артиллерия и фортификация рассматривались как составные части математики. Даже тактика по классификации наук, принятой уже в начале XIX в., зачислена в раздел прикладной математики наряду с астрономией и мореплаванием⁶.

Включение военных наук в университетскую программу диктовалось также «классическим» характером преподавания, так как военные науки занимали высокое и почетное место в классической древности. Наконец, имели место причины социального порядка. Приобщая дворян к высшему образованию, нужно было обеспечить переход дворянина с гражданского поприща в офицерский корпус. Поэтому в университете и гимназии не только читались лекции по фортификации, но и проводились военные экзерциции в летний период и делались смотры университетскому батальону. Студентам из дворян учение в университете засчитывалось в прохождение военной службы с выслугой чинов.

Военные науки изучались также в Виленском и Дерптском университетах.

В конце XVIII в. была предпринята попытка организовать первый военно-научный кружок в России. В декабре 1791 г. в Петербурге состоялось гарнизонное собрание офицеров. Задачи собрания совершенно ясно изложены в речи капитана артиллерии Евграфа Батурина при открытии собрания: «Задача и польза собрания — усовершенствование в науках воинских». Батурин призвал собравшихся следить за новинками, изобретениями, читать, делать опыты⁷. Важнейшей практической задачей общества оратор выдвинул составление курсов по некоторым дисциплинам (механика, гидравлика) взамен устарелых иностранных пособий, а пока призывал «обратить в свою пользу знания всех находящихся в обществе». Дальнейшая судьба этого гарнизонного собрания офицеров неизвестна.

⁶ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. 1. СПб., 1813, стр. LXXIII.

⁷ [Е. Батурин]. Речь при открытии собраний офицеров инженерных и артиллерийских, бомбардирских, гребного флота, учрежденных для дальнейшего исследования теории, касающейся до их звания». СПб., 1792.

Другая попытка создания военно-научного общества была проведена в Москве и также по частной инициативе. Таким было «Общество математиков», организованное в 1810 г. по инициативе семьи Муравьевых. Общество ставило задачей распространение математических и военных знаний⁸. Лекции по военным наукам (высшая и низшая тактика, фортификация) читал Н. Н. Муравьев-отец, подполковник в отставке, высокообразованный в общем и военном отношении человек. В 1807 г. Муравьев составил упрощенный «Устав пехотной службы для земского ополчения Московской губернии».

«Общество математиков» явилось зародышем московского учебного заведения для колонновожатых, в течение ряда лет поставлявшего офицеров для Генерального штаба. Это частное учебное заведение характеризовалось высоким научным уровнем преподавания, своеобразной демократической внутренней организацией и повышенным интересом к общественно-политическим вопросам. Впоследствии в числе офицеров-декабристов было 22 бывших воспитанников Московской школы колонновожатых⁹.

Тяга передовых военных кругов к науке и знаниямшла свое выражение в росте военной литературы, особенно в последней четверти XVIII в. Наряду с сочинениями по артиллерии и фортификации¹⁰ появляются работы по общим вопросам военной науки, вместе с переводами выходят оригинальные военно-исторические сочинения и публикации, первые работы об А. В. Суворове и его военном искусстве.

Вслед за опубликованием в 1766 г. «Книги Марсовой» Петра I и в 1770 г. «Журнала или Поденной записки

⁸ Попутно заметим, что в уставе общества механика и военное искусство названы самыми полезными предметами из прикладной математики.

⁹ Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, стр. 101.

¹⁰ М. В. Данилов. Начальные знания теории и практики в артиллерии с приобщением гидростатических правил с задачами. М., 1762; «Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса. Сочинение капитана того же корпуса Ивана Вельяшева-Вольнцева. СПб., при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1767; А. Немой. Руководство к знанию о походных мостах, употребляемых при войсках, а особливо из парусинных понтонов. СПб., 1780 и др.

Петра Великого» В. Г. Рубан, писатель, переводчик и издатель, много работавший над материалами Петра I, опубликовал в 1773 г. походный журнал боярина Шеина¹¹ и в 1777 г. — «Устав ратных пушечных и других дел...» — интереснейший памятник военного искусства XVI—XVII вв.¹²

Только за один 1788 г. появился ряд крупных работ, посвященных государственной и полководческой деятельности Петра I (Прокоповича, Голикова, Крекшина, Туманского). В 1784 г. опубликовано «Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына и в последующем — целый ряд описаний и документальных публикаций о войнах со шведами, турками, татарами и французами.

Сочинение Иринарха Завалишина «Сувороида»¹³ явилась первой попыткой дать образ Суворова как великого полководца. В 1798 г. майор Антонович написал небольшое сочинение «Опыт о генерал-фельдмаршале гр. Суворове-Рымникском», но оно не было разрешено цензурой¹⁴. В 1799—1801 гг. вышла в русском переводе подробная биография Суворова, написанная Антингом¹⁵, а в 1806 г. М. И. Антоновский положил начало публикации документов и материалов о Суворове, опубликовав суворовскую «Науку побеждать». К этому же времени (1803 г.) относится крупная биографическая работа С. И. Созоновича о Румянцеве¹⁶. Изданием «Хроники Российской императорской армии», составленной С. Н. Долгоруким в 1799 г., было положено начало изучению истории формирования войсковых частей русской армии.

Русская военная мысль затрагивала и такие вопросы, как происхождение и сущность войн и армии, определение воен-

¹¹ «Поход боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову...», СПб., 1773.

¹² Интересные новые сведения об авторе этого «Устава» см.: «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, стр. 125.

¹³ «Сувороида, поэма героическая». Творения Иринарха Завалишина, Фанагорийского гренадерского полку подполковника. Сочинена в Варшаве в 1795 г. СПб., 1796.

¹⁴ А. Ф. Петрушевский. Генералиссимус князь Суворов. т. II, СПб., 1884, стр. 407.

¹⁵ И. Ф. Антинг. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, изданные Максимом Парпурую, ч. 1—3. Перевод с немецкого. СПб., 1799—1800.

¹⁶ С. И. Созонович. Жизнь, характер и военные деяния генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, ч. I—IV. М., 1803.

ного искусства и его задач, военной науки, содержание и классификация военных наук, роль теории и практики в военном искусстве и т. п. В рамках настоящей статьи мы можем коснуться лишь немногих вопросов.

Автор одного из первых сочинений общего характера¹⁷, следуя за Вольтером, определяет войну, как бич божий, но бич неизбежный, а часто даже необходимый. Война и армия появились тогда, когда человечество разделилось на частные общества, давшие начало разным народам. Так как каждое такое общество заботилось только о своем сохранении и приращении, то с увеличением численности их возник спорный вопрос: твое и мое. Отсюда — состояние войны.

Не всегда существовала и армия. Каждый хозяин со своими сыновьями и рабами носил оружие для «всеобщего благоденствия» (Мейендорф считает, что рабство не мешает «всеобщему благоденствию»). Воинство состояло из семейств и ими управлялось. По окончании битвы все возвращались к домашним трудам.

Таким образом, автор не считает войну извечной, изначальной, а приурочивает ее появление к определенному этапу в развитии человеческого общества. Возникновение собственности, пишет он, есть причина начала военных столкновений. Армия существует для охраны собственности. Генерал должен заботиться о том, чтобы «первейший всех благ источник — земледелие, торговля и фабрики не утеснялись даже в неприятельской земле», и даже о том, чтобы развивать их, дабы обеспечить изобилие в своей армии. Отсюда — требование к командиру обладать широким государственным кругозором. Он будет только наполовину удовлетворять требованиям, «если понятия и знания его не будут относиться до политических правил»¹⁸.

Упомянутый выше Батурин также считает войну «пагубнейшим и смертоноснейшим» явлением, но причины ее ви-

¹⁷ «Опыт некоторых рассуждений о воинстве вообще и особливо о устройении исправного полку в наставление молодым офицерам». Сочинение российского генерал-поручика рижского вице-губернатора барона Рейнгольда фон Мейендорфа, ч. I—II. Перевод с немецкого. СПб., 1777. Автор генерал-поручик Мейендорф 13 лет командовал Ладожским полком. Книга написана на немецком языке, так как предназначалась им главным образом для своих земляков, прибалтийских немцев, с целью облегчить им служебную карьеру.

¹⁸ «Опыт некоторых рассуждений о воинстве вообще...», ч. I, стр. XI.

дит в страстях человека: ненависти, зависти, жадности, властолюбия и т. д. Подходя с идеалистической точки зрения, Батурин делает вывод, что войны могут быть справедливыми и несправедливыми. Но этот вопрос не должен смущать воина. За войну отвечает «перед вечными законами» государь, а не подданные¹⁹.

Капитан Н. Петряев во вводной главе «Понятие о войне» к переводной книге о фортификации, приводя высказывание Г. Гроция: «война есть вражда между владетелями и государствами», считает войну обычным и даже единственным средством к примирению, так как некому рассудить распри владетельных государей. Больше того, война, по мнению Петряева, выполняет положительную функцию в обществе, «ею сохраняется собственность и утверждается неизбежность государств»²⁰.

И. И. Дибич, не вдаваясь ни в теорию, ни в историю, заявляет, что армии существовали всегда. Задачи армии: «сохранение тишины», поддержание «власти и могущества законодателя» (т. е. монарха), защита добродетели, наказание пороков (!), обеспечение процветания художеств и промышленности²¹.

Наиболее воинствующую концепцию развивает профессор естественного и народного права Герасим Покровский²². Его «теория войны» — целый панегирик войне и военному сословию. Война всегда была и всегда будет. Война — двигатель истории, хотя и является бедствием. Рождение современной Европы и просвещения есть «благодетельный плод войны».

Все взгляды на происхождение и сущность войны при всем разнообразии сходятся в признании неизбежности войны

¹⁹ [Е. Батурин]. Речь при открытии собраний офицеров... стр. 6—7.

²⁰ «Сведения о полевой фортификации, необходимые для офицеров, предложенные г. Годи, приумноженные г-ном Белляром. Переведенные и вновь дополненные капитаном Петряевым, экспедитором по ученой части в Департаменте водяных коммуникаций». СПб., 1802, стр. XVII.

²¹ [И. И. Дибич]. Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде. Перевод с немецкого, ч. 1—2. СПб., 1802—1803. И. И. Дибич — отец фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского, прусский генерал, любимец Фридриха II, в 1798 г. был приглашен Павлом I на русскую службу. Им написано несколько сочинений на немецком языке.

²² [Г. Покровский]. Рассуждение о войне и свойствах воину нужных, читанное в день торжественного собрания в Ярославском Демидовском высших наук училище 29 апреля 1810 года». М., 6/г.

и важного значения войны и армии в жизни государства. Отсюда следует также единодушный вывод о важнейшем значении военного искусства. Но в определении его сущности, путей для овладения им, места военной науки в ряду других наук и других вопросов в русской военной литературе высказано много интересных и оригинальных мыслей. К числу таких вопросов принадлежит вопрос о роли и месте военной теории в военном искусстве.

Для военной мысли Западной Европы XVIII в., где тон задавала французская школа, было характерно увлечение военной теорией. Военной науке приписывались качества, отнюдь ей не свойственные. Фолард в своих комментариях к Полибию утверждал, что военная наука «не только лучше, честнее и важнее всех наук, но и все нравоучение в себе содержит»²³. Однако догматизм кабинетных теоретиков тянул назад военное искусство. Виднейшие представители французской школы (Фолард, Пюисегюр) считали, что появление огнестрельного оружия не внесло никаких изменений в военную науку; общие ее основы те же, что и в древности. Фолард, тщательно изучавший военное искусство древних, уверял, что он может дать готовый рецепт для выигрыша сражения в любых условиях.

Подполковник Г. П. Ржевский разделяет точку зрения Пюисегюра на исключительное значение знания классической древности: «В древних авторах заключается все, что война и политика имеет в себе превосходнейшего: и хотя образ войны по изобретению пороха переменился, но военная наука осталась та же беспеременно». Ржевский — не сторонник требовать от офицера обширных познаний (для чего «нужен целый век человеческого»), но он обрушивается на невежественных офицеров, видящих достоинство в буйстве, картежной игре и т. д., а также на тип офицера-службиста, отрицающего необходимость образования. «Несчастлив тот стократно офицер, кто на практике одной основывает главную науку и по числу только седых волос считает заслуги свои: мирное время есть время ученья, а война — действия»²⁴. Эти

²³ «Полибиевой военной истории том первой с французского на российский язык переведен академики наук ассессором Сергеем Волчковым». СПб., 1756, стр. 2.

²⁴ Г. П. Ржевский. О частных должностях в полку. М., 1793, стр. 30. Он писал также стихи и басни: «Новые басни и разные стихотворения» (СПб., 1827).

слова Ржевского А. Ф. Бестужев взял эпиграфом к своей книге «Правила военного воспитания»²⁵.

И. Завалишин²⁶ в предисловии к переводу книги Феша «Военная наука» пишет, что без военной науки нельзя овладеть военным искусством: «Мастером ни в каком ремесле донныне еще никто не родился». В вопросе соотношения теории и практики Завалишин решительно на стороне примата практики: «Практика произвела теорию; следовательно, сия последняя и должна сопровождать нас к первой, ... ибо здравый разум запрещает вступать в дремучий лес при темноте, когда можно иметь светильник...» Так же как и Ржевский, Завалишин указывает, что военная наука есть наука бесконечная: «Со всем тем ведающий несколько из ее правил лучше и вернее будет действовать того, который об оной не имеет надлежащего познания»²⁷.

Еще более ярко выраженный эмпиризм в вопросе значения военной теории развивает в своем сочинении «Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки» Антон де Романо, подполковник Генерального штаба: «Наука сколько бы ни изукрашивала собой основание природы, но единая опытность с деятельностью оное приводит к изощрению и даже к совершенству»²⁸. Но де Романо не отрицает значения военной науки, особенно нужной для полководца, чтобы уметь предвидеть события. Не разделяя слепого преклонения перед всемогуществом военной теории, де Романо считает, что одной опытности и искусства полководца

²⁵ А. Ф. Бестужев. Правила военного воспитания относительно благородного юношества и наставления для офицеров, военной службе себя посвятивших. СПб., 1807. Александр Федосеевич Бестужев, бывший корпусный офицер артиллерийско-инженерного корпуса, занимает видное место в военной литературе, в частности в военной педагогике. В 1798 г., уже будучи в отставке, он совместно с Пниным издавал и редактировал «Санкт-Петербургский журнал», в котором печаталось его сочинение «О воспитании военном относительно благородного юношества», изданное впоследствии отдельной книгой. А. Ф. Бестужев — отец четырех сыновей-декабристов.

²⁶ Ирнарх Иванович Завалишин — бывший воспитатель Сухопутного кадетского корпуса в 1792—1795 гг. — служил в Фанагорийском полку, участвовал в кампании 1794 г. в войсках Суворова, занимался литературной деятельностью. Он — отец двух сыновей-декабристов.

²⁷ «Военная наука, состоящая в правилах и наставлениях знаменитейших воинских сочинителей, собранных саксонской службы полковником Фешем», перевод г.-м. Завалишина. СПб., 1799, стр. III.

²⁸ Антон де Романо. Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки. СПб., 1802, стр. 26.

недостаточно для победы. Нужны другие факторы, в первую очередь качество войск.

В противоположность эмпиризму Завалишина и де Романо Бестужев развивает идеи рационализма: «Простая и грубая практика всегда оставит в неведении различные возможные случаи». Были генералы, которые прославили себя, не выходя из кабинета²⁹. Однако и без практики обойтись нельзя. Совершенство в ремесле, искусстве и в некоторых науках, по его мнению, дается соединением теории с практикой. «Практика есть опыт, основанный на теории. Теория и практика подобны свету и веществу, оной содержащему... Они как душа и тело военного искусства»³⁰.

Ту же точку зрения отстаивает Н. Петряев. «Война есть искусство, подлежащее правилам и основаниям и, следовательно, имеющее свою теорию и практику»³¹. Сущность военного искусства, по мнению Петряева, заключается в познании способов употреблять войска в целях скорейшей победы. Для достижения этого мало одного разума, недостаточно экзерциции и дисциплины войск. Одна практика без теории дает ограниченные познания. «Наука же военного искусства (!) заменяет опытность многих веков». «Искусство генерала заменяет всегда численность войск и превышает выгоды местоположения».

Последняя мысль не только вытекала из теоретических предпосылок, но и находила подтверждение в боевой практике русской армии в конце XVIII в. Победы Румянцева и Суворова опрокидывали принятые как нормы понятия о значении численности войск и силе позиций. «В нынешнее время Суворов, удивление веков, останется всегдашним примером подражания; Вахт-парад его — школой для офицеров, а походы — образцом для всякого генерала»³². Это первое, засвидетельствованное в печати утверждение полководческого гения Суворова и признание его «Науки побеждать» как школы обучения и воспитания войск.

Исключительно вопросам общей теории посвящено небольшое сочинение Я. И. де Санглена «О пользе теории военного

²⁹ Имеются в виду Ян Жижка и Паган, которые были слепыми и могли якобы руководить только теоретически.

³⁰ А. Ф. Бестужев. Правила военного воспитания..., стр. 37.

³¹ «Сведения о полевой фортификации, необходимые для офицеров, предложенные г. Годи, приумноженные гр-ном Белляром...», перевод Н. Петряева, стр. XVI.

³² Там же, стр. XXXIX.

искусства» (в качестве приложения к его сочинению «О воинском искусстве древних и новых времен». СПб., 1808). Де Санглен считает, что война была у всех народов, но воинское искусство возможно только в государствах просвещенных. Без воинского искусства не может существовать независимое государство. Если бы Петр I не ввел в России военного искусства, руководствуясь своим гением, он был бы вынужден к этому войной против шведов.

В вопросе о роли и месте теории де Санглен почти повторяет Бестужева. Полководцы обязаны своими победами не слепому случаю, а искусству и науке (пример — Румянцев). Де Санглен развивает мысль, что победа начинает готовиться до войны, в тиши кабинетов, где вырабатываются планы и соображения. Суворов был обязан победами своему гению, но Суворовых мало.

Де Санглен делает попытку определить различие между военной наукой и военным искусством. «Первая состоит в познании тех предметов, которые относятся к войне; научает правилам, законам войны. Такое познание приобретается наукой, размышлением. Искусство состоит в том, чтобы действовать по правилам, почерпнутым в теории, оно приобретается частыми экзерцициями, практикой, соединенной с размышлением»³³.

Из наиболее общих вопросов, занимавших военную мысль рассматриваемого периода, остановимся на национальном элементе в военном искусстве. Почти все военные писатели придают ему большое значение, считая, что способ ведения войны должен соответствовать национальным свойствам народа. Петряев считает невежественным предрассудком мнение, что солдат способен ко всему: «Рожденный на коне нумидиец не будет хорошим пехотинцем»³⁴.

Де Романо подробно рассматривает национальный характер военного искусства. Он пишет, что все народы имеют свои особенности в способах и приемах ведения войны. Учет национальных особенностей должен оказывать влияние на состав и организацию армии: в каждом конкретном случае усиливать тот род войск, которого больше боится неприятель. Например, в итальянской кампании 1799 г. французы боя-

³³ [Я. И. де Санглен]. О воинском искусстве древних и новых времен. ..., СПб., 1808, стр. 56.

³⁴ «Сведения о полевой фортификации. . .», стр. XXXIX.

лись казаков, «а некоторые державы (подразумеваются австрийцы. — А. К.) — французских уланов»³⁵.

Де Санглен также останавливается на национальном характере военного искусства, хотя формулирует мысли недостаточно ясно. Военное искусство в своем существе одно и то же в России, Германии, Франции, Англии и т. д., но его применение может быть различно. Превосходство той или иной державы в какой-либо части военного искусства не может быть долговременным; оно скоро делается общим достоянием.

Исключительное место национальному элементу в его морально-политическом значении отводит Г. Покровский. Он считает, что армия только тогда способна на подвиги, когда она национальна. Рим был силен тогда, когда воинами были римские граждане, и пал, когда они смешались с варварами. Ганнибал был побежден, потому что командовал не природными карфагенянами, а наемниками. «Патриотами, истинными героями и защитниками отечества может быть только тот, кто родился и воспитался в его недрах»³⁶.

Важное значение придавалось военной истории. Рассматривая ход истории с позиций исторического идеализма, современные писатели указывали, что великие люди, герои с их поступками должны являться главным объектом изучения истории. Однако Бестужев видит определенные закономерности в ходе исторических событий, связывающие их в единый исторический процесс, и чувствует их внутреннюю связь и взаимозависимость, хотя вскрыть сущность этих связей не может. «История есть не что иное, как цепь предшедших происшествий в разных периодах разные государства заключающая. . .» «Премены одного века влекут за собой премены другого, непосредственно оба связующие». Отсюда Бестужев делает выводы о необходимости изучения истории в порядке хронологии и выдвигает задачу периодизации истории: «Порядок требует, чтобы составлять себе тотчас идею о науке времен, дабы с разбором означить можно связь великих происшествий и их взаимное между собой уподобление; потом должно разделять их на разные периоды, отнести к какой-нибудь общей эпохе, которая бы послужить могла для составления исправного непрерывающегося по-

³⁵ Антон де Романо. Указ. соч., стр. 119—120.

³⁶ «Рассуждение о войне и свойствах, воину нужных. . .», стр. 15.

рядка необходимым вспоможением»³⁷. Это интересно отметить в связи с тем, что далее Бестужев ставит перед будущими офицерами задачу изучения истории военного искусства³⁸.

Передовые русские военные деятели явились также зачинателями и военной периодической печати. До появления чисто военных журналов гражданская печать уделяла немалое место военным вопросам. Самый ранний сохранившийся номер петровских «Ведомостей» от 2 января 1703 г. содержит сообщения исключительно о военных делах — производстве в Москве артиллерийского вооружения. Одно из названий, под которыми выходили петровские «Ведомости», было: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах».

Первый литературный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» помещал на своих страницах статьи (преимущественно переводные) по военным вопросам. Так, в 1756 г. были опубликованы «Прибавление к должности командующего», «Отеческое наставление к сыну, желающему определиться в военную службу», «О несправедливых мнениях, до военного чина касающихся», «Рассуждение о содержании доброго воинского порядка и о военных экзерцициях» и др. Большинство статей направлено против укоренившихся в военной среде недостатков воспитания и культуры и содержит призыв к науке и образованию.

Не обошла военных тем и передовая русская сатирическая журналистика XVIII в. Журнал Н. И. Новикова «Трутень» обрушивается на дворянскую спесь, жестокое обращение с солдатами и другие пороки, бытовавшие в армии³⁹.

Первым чисто военным журналом был «Артиллерийский журнал», издаваемый Временным артиллерийским комитетом в 1808—1811 гг. Это был чисто официальный журнал: статьи и сухие официальные материалы не способствовали его популярности. «Артиллерийский журнал» не стал органом общественной военной мысли, каким был «Военный журнал».

³⁷ А. Ф. Бестужев. Правила военного воспитания..., стр. 67.

³⁸ Поэтому неправ буржуазный военный историк А. К. Баиов, указавший, что термин «история военного искусства» у нас впервые появился вместе с образованием Военной академии в 1832 г. (А. Баиов. История военного искусства как наука. СПб., 1912, стр. 3).

³⁹ «Трутень», л. XXIII, 1769, сентября 29 дня.

Ранее пытались создать военно-теоретический журнал. Де Санглен в 1809 г. начал издавать «Исторические и тактические отрывки» с целью, как он заявил в программной статье, дать возможность военным людям подкреплять теорию военного искусства практикой, примерами из истории, познакомить их «с теоретической и практической частью военного искусства»⁴⁰. Во втором номере издатель, ободренный успехом первого выпуска, объявил подписку на год, обязуясь давать 12 выпусков, что означает периодическое издание ежемесячного журнала. Всего вышло 7 выпусков. Издание не оправдало полностью взятых обязательств. Исторические статьи освещали преимущественно западный и античный опыт. Отечественная военная история была представлена небольшим очерком о происходившей в то время войне с Турцией и Персией и более значительным отрывком из неопечатанного сочинения А. А. Писарева «История императорской Российской гвардии».

В области тактики журнал откликнулся статьей на дискуссионный тогда вопрос о применении конной артиллерии, а в стратегии — отрывком из сочинения Жомини. Все остальное осталось в стадии предположений и начинаний, как, например, военно-статистическое и географическое описание Швеции, которым, видимо, было предположено открыть серию статей-описаний пограничных государств. На седьмом выпуске де Санглен прекратил издание «Отрывков», будучи обижен тем, что его не пригласили участвовать в издании «Военного журнала»⁴¹.

«Военный журнал» сыграл важную роль в формировании русской военной мысли. Он издавался в 1810—1811 гг. П. А. Рахмановым — ученым математиком и военным писателем, автором многочисленных трудов по математике, членом ряда ученых обществ и учреждений. В 1807 г. он поступил на службу в Квартирмейстерскую часть (Генеральный штаб), в 1810 г. вышел в отставку и начал издавать на свои сред-

⁴⁰ «Исторические и тактические отрывки, издаваемые находящимся при военном министре Яковом де Сангленом», № II. СПб., 1809. [Приложение] «К публике», стр. 1. Я. И. де Санглен состоял тогда при Военном министерстве; впоследствии перешел в Министерство полиции и возглавил тайную полицию, в 1816 г. вышел в отставку, а при Николае I сам попал под надзор полиции как либерал (А. И. Герцен. Былое и думы, ч. 1. М., 1958, стр. 72).

⁴¹ Я. И. де Санглен. Записки. — «Русская старина», 1883, т. 37. кн. I—III.

ства «Военный журнал». Журнал имел большой успех. Начиная с XIII книги, финансирование журнала перешло к Ученому комитету, но Рахманов продолжал оставаться редактором.

Программой журнала намечалось помещение статей по военному искусству, основаниям военной полевой науки (тактики), описаний славнейших сражений и осад, известий о современных военных происшествиях, военных описаний соседних земель, статей по топографии, фортификации, точным наукам.

Журнал не обманул читателя. В 24 книгах, вышедших за два года существования журнала под руководством Рахманова, был помещен ряд статей и материалов по важнейшим проблемам военной теории и военной истории. Несмотря на то, что в журнале можно встретить противоположные точки зрения по некоторым вопросам и официозные статьи (из кругов Генерального штаба), «Военный журнал» имел определенное лицо органа передовой русской военной мысли начала XIX в.

Главной заслугой журнала является пропаганда русского военного искусства, главным образом Румянцева и Суворова. В журнале помещались суворовские документы, письма, приказы; печатался походный журнал гр. Е. Ф. Комаровского (адъютанта вел. кн. Константина Павловича) — один из важнейших источников по Итальянскому походу Суворова 1799 г. Журнал выступал против фальсификации и клеветы на Суворова и Румянцева в иностранной военной литературе. В ряде статей давался анализ стратегии Суворова и Румянцева. Журнал критиковал тогдашних «светил» военной теории (Темпельгофа, Ллойда, Бюлова) и всю прусскую трактовку стратегии в Семилетней войне.

В ряде статей и читательских откликов резко, хотя иногда в завуалированной форме, критиковались крепостнические порядки, жестокости и муштра, насаждаемые Аракчеевым с одобрения склонного к фрунтomanии «либерального» Александра I. Журнал ратовал за национальный характер воспитания солдата, сохранение национальных исторических традиций, пропагандировал русскую военную книгу.

Трудно охватить весь круг важных и злободневных вопросов, поднятых на страницах «Военного журнала»: егерская служба и распространение рассыпного строя на всю пехоту, коренные изменения в конструкции артиллерийских

орудий и проблема создания единого типа орудия; повышение требований к стрелковой подготовке; проекты изменений в рекрутской системе с целью накопления обученных резервов и т. д. В целом «Военный журнал» 1810—1811 гг. был бесспорно органом передовой военной мысли, немало сделавшим для расширения общего и военного кругозора русского офицерства накануне исторических событий 1812 г. Надвинувшаяся военная гроза прервала издание журнала. Рахманов вновь вступил в армию, принимал участие в войне и был убит под Лейпцигом в 1813 г.

В. А. ДИВИН

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-МОРСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Русская военно-морская теоретическая мысль во второй половине XVIII—первой половине XIX в. решала большие задачи. Она разрабатывала пути развития военно-морского флота, стратегию и тактику применения военно-морских сил в различных условиях. Большое внимание уделялось обучению и воспитанию личного состава флота.

Русские военно-морские деятели рассматривали флот как нераздельную часть вооруженных сил. Известная формула петровского морского устава о значении для России флота — «Всякой потентат, которой единое войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет»¹ — оставалась на протяжении всего времени основанием военно-теоретических взглядов адмиралов Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, В. М. Головнина и многих других передовых деятелей отечественного флота. Боевой опыт, полученный в войнах со Швецией, Пруссией, Турцией и Францией, подтвердил правильность этого положения. Свое конкретное воплощение и дальнейшее развитие идея единства сухопутной армии и военно-морского флота того времени получила в русско-ту-

¹ «Книга „Устав морской“». СПб., 1785, стр. 1.

репкой войне 1787—1791 гг. и в действиях флота на Средиземном море в 1798—1800 гг., в ходе Архипелагской экспедиции Д. Н. Сенявина.

Однако в начале XIX в. интерес царя и его сановников к флоту падает. В этот период реакционные представители правящих кругов феодально-крепостнической России гр. А. Р. Воронцов, И. И. Траверсе, А. В. Моллер и другие выдвинули идею о ненужности сильного флота для России. Так, председатель Комитета образования флота А. Р. Воронцов в своем докладе (1802 г.) писал: «По многим причинам, физическим и локальным, России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится»². Руководствуясь этой установкой, царское правительство сократило ассигнования на строительство кораблей. Существующие суда простаивали в портах, гнили. Яркую картину упадка флота нарисовал В. М. Головнин в книге «О состоянии российского флота в 1824 г.», опубликованной 30 лет спустя после смерти ее автора под псевдонимом мичмана Мореходова. Он писал: «... протекло уже несколько лет, как Россия не выслала в море не только своего флота, но даже ни одной значительной части, а плавали ежегодно лишь одне, из малого числа состоявшие, эскадры для практического упражнения экипажей и в переходах из Архангельска в Кронштадт, да и сии плавания свои обыкновенно совершали в лучшее время года, когда не терпели они ни бурь, ни бедствий»³.

Головнин, Сенявин и другие прогрессивные военно-морские деятели решительно выступили против теории, отрицавшей необходимость флота для России. «Эти говоруны, — писал Сенявин, — ничего не знают и не понимают, они похожи, как кажется мне, на глупых тетерев глухих, бормочут с ними одинаково, как говорится: ни сладу, ни ладу, с той только разницей, что тетерева во время бормотания вредны для себя, а наши глупцы вредят много государству, их слушают и соглашаются иногда с ними»⁴.

² Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, вып. II. СПб., 1895, стр. 306.

³ Мичман Мореходов. О состоянии российского флота в 1824 г. СПб., 1861, стр. 44—45.

⁴ Цит. по кн.: В. Гончаров. Адмирал Сенявин. М.—Л., 1945, стр. 114.

Головнин руководил постройкой военных судов на Балтийском и Белом морях. В те годы было построено 25 линейных кораблей и большое число фрегатов, тендеров и других судов. С именем Головнина связана постройка первых 10 пароходов: «Проворный», «Легкий», «Спешный», «Ижора» были построены Ижорским судостроительным заводом, «Охта», «Нева», «Опыт» — Петербургской верфью, «Надежда» — Александровским литейным заводом, а «Нарва» и «Аракс» строились в Архангельске⁵.

Вместе с тем он принимал деятельное, а может быть, решающее участие в разработке стратегической концепции путей развития флота. Он был одним из немногих, кто рассматривал мореходность, прочность и вооружение кораблей в их органической связи и взаимообусловленности. Поэтому Головнин уделял большое внимание и усилению артиллерийского вооружения судов, и повышению морских качеств кораблей⁶, и совершенствованию приборов кораблевождения.

По своим мореходным качествам русские корабли не уступали парусным судам великих морских держав. Многочисленные кругосветные плавания русских кораблей первой половины XIX в. служат тому убедительным доказательством. Один из инициаторов и организаторов кругосветных морских путешествий Н. П. Румянцев с гордостью писал Головнину в 1818 г.: «В мореплавании они (англичане. — В. Д.), так сказать, прочим народам старшие братья, но во многих семействах есть примеры, что младшим много удается, минуя старших»⁷. Прилагая большие усилия к совершенствованию всех тактико-технических элементов парусных судов (всех классов), Головнин считал, что парусный флот вступает в полосу своего заката, а на смену ему идет паровой флот, и он сделал все возможное для того, чтобы положить первые кирпичи для его создания. Передовые адмиралы и офицеры верно и своевременно оценили значение идей Головнина и прилагали большие усилия для преодоления отставания России в строительстве паровых кораблей. Будучи в командировке в Англии (1846—1848 гг.), В. А. Корнилов

⁵ ЦГАВМФ, ф. 7 (В. М. Головнин), оп. 1, д. 2, лл. 60—61 об.

⁶ С этой точки зрения представляют значительный интерес «Некоторые замечания о строении судов, предназначенных для дальних плаваний» (В. М. Головнин. Сочинения и переводы, т. 3. СПб., 1864. Прибавление ко второй части, стр. III).

⁷ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 35.

самым тщательным образом изучал все то новое, что появилось в иностранных флотах. «Мое английское путешествие меня теперь весьма занимает, — писал Корнилов М. П. Лазареву. — Я принялся за пароходство и особенно за винт»⁸.

В последующие годы М. П. Лазарев, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов и другие доказывали необходимость создания парового флота. Особенно энергичную деятельность развернул Корнилов. Он неоднократно ставил этот вопрос перед высшим морским командованием. В сентябре 1852 г. Корнилов направил начальнику Главного морского штаба адмиралу А. С. Меншикову докладную записку, в которой обосновывал необходимость срочного пересмотра судостроительной программы с тем, чтобы главный упор сделать на строительство паровых кораблей с винтовым двигателем. «Я бы полагал, — писал он, — к перемене этой приступить теперь же. . . Нельзя же Черноморский флот держать на отсталой от других наций ноге и тем, в случае разрыва, предоставить случайностям неравного боя»⁹.

Одновременно с этим выдвигаются предложения о подготовке специалистов для паровых кораблей.

Крымская война 1853—1856 гг. показала полную обоснованность взглядов Сениавина, Головнина, Корнилова, Лазарева и других передовых деятелей флота. Вместе с тем она вынесла приговор тем, кто не замечал и не хотел видеть новых тенденций в развитии флотов великих морских держав¹⁰.

⁸ «Вице-адмирал Корнилов». Сборник документов. М., 1947, стр. 96.

⁹ «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Корнилова». Составлены А. Жандром. СПб., 1859, стр. 32—33.

¹⁰ Вскоре после заключения Парижского мира вел. кн. генерал-адмирал Константин Николаевич направил в морское ведомство секретную записку «О цели и значении русского флота», в которой были «изложены главные начала и соображения деятельности. . . морского управления». Записка учитывала уроки Крымской войны. Она определяла цели флота, распределение морских сил по театрам, их соотношение с флотами других морских держав. Документ, в частности, говорит о том, что для защиты развивающейся торговли России необходима морская сила, «которая, с одной стороны, решительно преобладала бы над флотами соседних второстепенных держав, а с другой — внушала бы большим державам то уважение, какое могло бы заставить их искать или союза с Россиею, или ее *нейтралитета* в войне их между собою, и принуждала бы их для борьбы с Россиею делать большие приготовления и подвергаться огромным издержкам. . . флот ее должен быть столько силен, чтобы никакое государство не решалось сделать внезапного покушения на берега ее» (ЦГАДА, ф. 126 (Воронцовы), д. 2249, лл. 3—4).

Передовые русские военно-морские деятели XVIII—первой половины XIX в. разрабатывали также важные вопросы стратегии и тактики, методы обучения и воспитания личного состава.

Существовавшему в XVIII в. в английском и других флотах взгляду о решающей роли блокады в действиях против морских крепостей адмирал Ушаков противопоставил свою точку зрения и правильность ее подтвердил успешным овладением французской крепостью на острове Корфу в феврале 1799 г. В борьбе за эту крепость были применены блокада, артиллерийский обстрел и десант. Блокада обеспечивалась развертыванием крейсерских действий на коммуникационных линиях французского флота и нанесением ударов по его базам.

Успешные действия русского флота против хорошо укрепленной крепости убедительно показали правильность и обоснованность тактических принципов осуществления блокады, теоретически разработанных еще Н. Г. Кургановым¹¹, у которого учились Ушаков, Сениавин и др. В работах Курганова содержатся также оригинальные мысли о том, что войска блокированной крепости должны применять активные методы борьбы с противником, измотать его силы и затем нанести им сокрушительный удар. «Обороняющие крепости войска, — писал Курганов, — не делая вылазки, подобны тем людям, кои, видя в доме у соседа пожар, об оном не пекутся и до тех пор не стараются его тушить, пока их дом не загорится»¹². Оборона крепости Каттаро и острова Тенедоса, организованная русскими моряками в 1806—1807 гг. под командованием Сениавина, в полном соответствии с этими идеями принесла блестящие результаты.

Принципиально по-новому русские флотоводцы решили вопрос и о генеральном сражении. В западных флотах того времени оно считалось универсальным способом достижения целей морской войны; роль десантов недооценивалась, а блокада рассматривалась только в качестве способа принуждения противника выйти в море и принять сражение. Передовые русские флотоводцы, напротив, рассматривали генеральное сражение в органической связи с другими боевыми дейст-

¹¹ Н. Г. Курганов. Книга морской инженер. СПб., 1777, стр. 255.

¹² Там же, стр. 268.

виями. Перед сражением у Тендровской косы 28—29 августа 1790 г. эскадра под командованием Ушакова проводила крейсерские действия у кавказских и у азиатских берегов. Оценивая эти действия, Ушаков писал: «Начиная от Синопа, обошел восточную сторону азиатских и абазинских берегов, господствуя при оных сильною рукою, заставил две части вышедших из Константинополя нынешней весной эскадры искать своего спасения, укрываясь под крепостями. . .»¹³

Во время крейсерских действий русские корабли наносили удары по судам противника и портам. Во время второй Архипелагской экспедиции русская эскадра перед Афонским сражением успешно осуществляла десантные действия (в частности, был захвачен остров Тенедос, на котором была создана база блокадных сил). Одновременно русская эскадра нанесла удары по турецким морским коммуникациям, предприняла блокаду Дарданельского пролива, нарушившую связь Турции с ее владениями. Успех сражения русское командование развивало путем преследования ослабленного в морском бою противника. Тот же прием применялся Ушаковым после всех сражений, которые русский флот выиграл в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., а Сенявиным — во время второй Архипелагской экспедиции.

Ушаков и Сенявин разработали наступательную тактику морского боя, основанную на сочетании маневра и огня. Они полностью отказались от тактических приемов линейной тактики, применявшихся на флотах в сражениях XVIII в. Взяв отдельные тактические положения у Павла Госта¹⁴ (возможность атаки только с наветренной стороны, равномерное распределение сил в линии баталии и артиллерийской атаке как основной форме удара и т. д.), английские и французские адмиралы превратили их в застывшие и неизменные принципы ведения морского боя.

Несмотря на то, что боевая практика указывала на несостоятельность и порочность такой тактики, адмиралы английского и французского флотов упорно придерживались ее требований. Даже Нельсон не смог полностью вырваться из плена устаревших тактических представлений, которые

сковывали инициативу командиров кораблей и командующих соединениями, о чем свидетельствует весь ход Трафальгарского сражения¹⁵.

В соответствии с требованиями формальной линейной тактики в западноевропейских флотах маневр возводился в самоцель. Русская же тактическая мысль подчиняла маневр интересам нанесения сокрушительного удара по противнику. Принципу равномерного распределения сил и средств в бою она противопоставила требование сосредоточения усилий на главном направлении. Причем объект главного удара менялся в зависимости от тактической обстановки по фазам боя.

Здесь необходимо указать на то, что в течение сравнительно длительного времени в нашей литературе односторонне освещалось тактическое искусство Ушакова, его называли мастером нанесения удара по флагманским кораблям противника. Это обедняло представление о флотоводческом искусстве Ушакова и противоречило действительности. На самом деле тактика Ушакова характеризуется многообразием тактических приемов. Он всегда избирал такую форму боевых действий, которая наиболее отвечала обстановке. Если в сражении у Фидониси Ушаков действительно главный удар наносил по флагманам турецкого флота, то в Тендровском сражении удары наносились по авангарду и передовым кораблям кор-де-баталии (центра). В своем рапорте о бое Ушаков писал: «Во время сего сражения более всех разбиты неприятельский авангард и передовые кор-де-баталии, из которых

¹⁵ Действия Нельсона подверг резкой критике французский военноморской историк де ла Гравьер. Он писал: «Нельсон не имеет ни математической точности, ни глубокого анализа. . . Генерал, который принял бы тактику Нельсона наизоворот, . . . превосходно бы подготовил поражение неприятельской армии». В другом месте французский историк отмечал, что если бы тактику Нельсона принять за руководство, «имея дело с флотом одинаково опытным, бесспорно значило бы стремиться к гибели». Только в результате плохой подготовки франко-испанского флота англичане сумели добиться успеха в Трафальгарском бою (де ла Гравьер. *Морские войны времен Французской революции и империи*, ч. II, СПб., 1851, стр. 156). Американский военноморской теоретик XIX в. А. Т. Мэхэн также подверг серьезной критике действия английского флота в Трафальгарском сражении. «Без сомнения, — писал он, — многое было решено случаем (имеются в виду слабая подготовка франко-испанского флота, безынициативность флагманов. — В. Д.) в этом хаосе и сумятице» (А. Т. Мэхэн. *Влияние морской силы на французскую революцию и империю*, т. 2. М.—Л., 1940, стр. 151).

¹³ «Адмирал Ушаков». Документы, т. I. М., 1951, стр. 172.

¹⁴ П. Гост. *Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях*. СПб., 1764. Впервые работа была издана в Лионе на французском языке в 1697 г.

весьма претерпели адмиральский и капитан-паши корабли и бывшие близ оных»¹⁶.

Решительные цели, которые ставило русское командование в морском сражении, требовали применения соответствующих боевых порядков. Боевой порядок в каждом отдельном случае определялся с учетом наилучшего использования артиллерии кораблей и был подчинен решению основной задачи: нанесение наибольшего вреда противнику.

Боевые порядки, применявшиеся Спиридовым, Ушаковым и Сенявиным, создавали возможность маневренности действий, проявления разумной инициативы. Ушаков, например, разрешил командирам кораблей по сигналу флага выходить из линии и самостоятельно занимать место в линии. О своих взглядах по этому предмету Ушаков писал в одном из приказов: «Ежели кто, хотя бы из передовых, случатся от своих мест отделены, оных судов никому при построении ордеров не ожидать. . . , а иттить каждому прямо в свое место, которые ж от своих мест отделены, места их заступать по очереди»¹⁷. Отдельные части эскадры в бою обладали большой самостоятельностью в выборе способа решения общей задачи. Свои действия они должны были соотносить с изменяющейся обстановкой. Особенно показательным в этом отношении маневрирование тактических групп в Афонском сражении.

Система воспитания и обучения в русском флоте, разработанная его передовыми представителями, коренным образом отличалась от унижавших и оскорблявших душу русского матроса методов, которые насаждали сторонники палочной дисциплины. Последних было, конечно, немало в армии и на флоте. Характеризуя порядки в русской армии, декабрист И. Д. Якушкин писал: «На каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, что из русского человека возможно выправить годного солдата, не изломав на его спине несколько возов палок»¹⁸. Подобное отношение к рядовым подрывало самые основы боеспособности флота. Именно поэтому передовые русские адмиралы применяли систему обучения и воспитания, которая основывалась на уважении личности матроса.

¹⁶ «Адмирал Ушаков», т. I, стр. 298.

¹⁷ Там же, стр. 209.

¹⁸ «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951, стр. 19.

Значение морального фактора показал Сенявин. «Не теснота делает болезни, а угнетение человека в духе. . . Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровья. Ему надобен дух, дух и дух»¹⁹.

Прославленные русские адмиралы находили разумные методы для поддержания у матросов высокого боевого настроения, их активности. Ушаков, Сенявин и Головин безгранично верили в способности русского человека, в его сметку, находчивость и бесстрашие. Например, Сенявин требовал, чтобы офицеры интересовались особенностями психологического склада русского матроса и солдата. Он говорил, что офицеры «должны знать русского матроса, которому „спасибо“ дороже всего»²⁰. Еще более ярко эту мысль выразил знаменитый адмирал в своей инструкции командующему эскадрой Балтийского флота адмиралу Л. П. Гейдену (эскадра в 1827 г. отправлялась к берегам Греции): «Может случиться, что ваша эскадра будет употреблена на военные действия, то тем паче должны гг. командиры и офицеры приобретать к себе искреннюю любовь подчиненных, дабы с лучшей пользой употребить их в нужное время»²¹.

Большое внимание уделялось морской²² и боевой подготовке. Ушаков, Сенявин и многие другие добивались того, «чтоб всякий человек, когда не спросят, мог бы знать свою должность и место»²³. Боевая подготовка проводилась систематически. Ушаков и его талантливый ученик Сенявин сами

¹⁹ В. Гончаров. Указ. соч., стр. 115.

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 227 (Сборный), д. 298, л. 15.

²¹ Там же.

²² Интересные соображения по этому вопросу высказал адмирал П. В. Чичагов, бывший в 1802—1807 гг. товарищем министра морских сил. Он писал, что на флот нужно набирать рекрутов только с приморских губерний, не менее пятой части их должны иметь возраст 10—15 лет. Уже до действительной службы, которую Чичагов предлагает исчислять с 18 лет, будущие матросы и мастерские должны получить физическую закалку и морские навыки. «Кораблеплавание, — говорится в записке Чичагова, — требует в определяемых на сию службу людях особой телесной способности и, так сказать, развязности и гибкости членов, в отношении ж оснастки судов и действия оными, требуется довольного времени на приучение к тому служащих. Люди в молодых только летах могут в желаемой степени совершенства приобретать подобные способности. . . и долговременностию приобретать должны необходимо нужное исправному матросу проворство или художнику искусство» (ЦГАДА, Госархив, разр. XXI, д. 2, дополнение, лл. 3—3 об).

²³ «Книга „Устав морской“». СПб., 1785, стр. 40.

проверяли знания матросов, особенно артиллеристов, так как видели в артиллерии основное и наиболее мощное для того времени оружие. В своем наставлении Гейдену Сенявин писал: «Слабые познания матросов, в особенности в обращении с артиллерией, поставляют нас в непремennую необходимость как возможно чаще обучать их пушечной экзерции и довести до надлежащих успехов по сей части, ибо артиллерия решает победы»²⁴.

Корнилов и Нахимов, также придававшие большое значение артиллерии, разработали теоретические принципы обучения, важнейшими из которых являются: осмысленность и связь теории с практическими занятиями. Эти принципы особенно четко были сформулированы в приказе Корнилова по кораблю «Двенадцать Апостолов» от 19 мая 1843 г.: «Всякое искусство тогда только прочно вкореняется в ум и память человека и тогда только может быть применено им к разным обстоятельствам, когда обучение основано на рассуждении и понятии цели и назначения всего, к нему относящегося, то я и рекомендую гг. дечным командирам и вообще всем, обучающим нижних чинов обращению с орудиями, в продолжение учений уделять часть времени на объяснение цели и назначения как самого орудия, так и всех приспособлений для действительной и скорой пальбы из оногo»²⁵.

Разумная требовательность, основанная на уважении человеческого достоинства матроса, сочеталась с постоянной заботой о его нуждах и запросах. Большое внимание уделялось питанию. «Необходимо, — писал Корнилов, — стараться при всякой возможности употреблять в пищу команды свежее мясо и зелень; последнюю, равно как и капусту, при случае заготавливать впрок. В море, как удобно, полезно ловить рыбу, чтобы разнообразить пищу»²⁶. Серьезное внимание уделялось организации отдыха. Во время плавания шлюпа «Камчатка» вокруг света Головнин организовывал матросскую художественную самодеятельность. Результаты заботы и внимания были превосходны: на кораблях, совершавших кругосветные плавания, почти не было потерь; матросы сохраняли здоровье и высокую дееспособность, а в морских боях они самоотверженно сражались.

²⁴ ЦГВАМФ, ф. 227, д. 298, л. 17.

²⁵ «Вице-адмирал Корнилов», стр. 60.

²⁶ Цит. по кн.: Б. Зверев. Вице-адмирал В. А. Корнилов. Симферополь, 1957, стр. 37.

Опыт кругосветных дальних плаваний сыграл огромную роль в разработке вопросов воспитания и обучения, а также вопросов мореходных и боевых качеств кораблей. Однако исследователи истории отечественного флота не уделяли этому до сих пор должного внимания. Между тем взгляды Головнина и Лазарева, Нахимова и Матюшкина на матроса как решающую силу в морском бою формировались в значительной мере во время кругосветных плаваний, сопряженных всегда с большими опасностями и трудностями. Во время этих плаваний русские офицеры познакомились с многими странами, в которых существовали иные общественные порядки, они видели также героическую борьбу народов Латинской Америки, которые самоотверженно боролись против испанского и португальского владычества.

Плавания не только расширяли кругозор русских морских офицеров, но побуждали их задумываться о судьбах своей Родины.

Выдающиеся деятели русского флота были тесно связаны с прогрессивными представителями общественно-философской мысли России. Так, Головнин поддерживал дружеские связи с многими декабристами. Он был особенно близок с Д. Завалишиным. «Меня и Головнина, — писал Завалишин, — сблизило общее негодование против вопиющих злоупотреблений и общее стремление к отысканию мер против них для правильного развития общественного и государственного быта. Мы сделали друзьями, насколько допускало огромное различие в летах. Я часто проводил у него вечера»²⁷.

Внимание Головнина привлекали свободолюбивые и антикрепостнические стихи А. С. Пушкина. В личном архиве выдающегося мореплавателя и военно-морского деятеля сохранились списки стихотворений великого поэта: «Послание цензору», «Ода на свободу» и эпиграммы²⁸.

Декабрист Бестужев был также многие годы связан узами товарищества с Нахимовым и Корниловым. Узнав о героической гибели прославленных организаторов обороны Севастополя, он написал из Сибири, где находился в ссылке, контр-адмиралу М. Ф. Рейнеке письмо: «Россия потеряла трех героев, черноморские моряки — трех славных адмиралов. Вы — одного из друзей (Нахимова. — В. Д.), а я — двух то-

²⁷ Д. Завалишин. Записки декабриста. СПб., 1906, стр. 49—50.

²⁸ ЦГВАМФ, ф. 7, оп. 1, д. 21, л. 139.

варищей моей юности (Нахимова и Корнилова. — В. Д.). С П. С. Нахимовым я был дружен еще бывши кадетом»²⁹.

Вместе с тем русская военно-морская теория впитывала в себя все то лучшее, что было достигнуто в области строительства флотов и их стратегического и тактического использования на Западе. Начиная с петровских времен, в России основательно изучали морское дело за границей. С таким же вниманием относились к иностранному опыту Курганов, Головнин, Корнилов и другие военно-морские деятели России.

Русская военно-морская теоретическая мысль исследовала различные стороны флота как боевого организма. Она справедливо считала, что его боеспособность определяется многими факторами: морскими и боевыми свойствами корабля, качеством оружия, искусством ведения боевых действий, мастерством и моральным духом личного состава. Прогрессивные адмиралы и офицеры делали все возможное для развития и совершенствования всех его элементов. Эту замечательную идею единства и взаимосвязи различных факторов, определяющих боеспособность флота, его неразрывность с сухопутной армией, позднее развили выдающиеся русские флотоводцы Г. И. Бутаков и С. О. Макаров.

III

Производство вооружения и снабжение войск

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

К ИСТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ СЛОБОДЫ

В конце XVI в. Тула выдвинулась в ряд крупнейших промышленных центров. С этого именно времени «тульская железообрабатывающая промышленность быстро развивается и уже в 20-х годах XVII в. является ведущей в изготовлении русского огнестрельного оружия. Тульские кузнецы, вероятно, поглощали все железо дедиловских металлургов»¹.

В источниках, исходивших из рядов позднейших тульских оружейников (а на этом основании и в исторических работах), 1595 (7103) год фигурирует в качестве начальной даты в истории знаменитой слободы в Туле и связывается со строением тульского посада при Борисе Годунове. В ответ на челобитье тульских кузнецов о поселении их «особой» слободой, на условиях оброка, последовало распоряжение: кузнецов устроить на Туле «за острогом особой слободой», чтобы, кроме них, никто там не жил². Челобитье кузнецов было

¹ Б. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1949, № 12, стр. 201.

² ЦГАДА, ф. 396 (Архив Оружейной палаты), стб. 48470, сстав 12. В изложении царской грамоты у И. Гамеля имеется добавление: «на казенной оброчной земле» (И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826, стр. 27). Отсюда, видимо, оброчные кузнецы стали иногда называться «казенными», хотя по положению это была другая категория ремесленников.

²⁹ «Адмирал Нахимов». Сборник документов. М., 1945, стр. 196.

связано, а возможно, и вызвано происходившим в том же году «строением» тульского посада, осуществлявшимся «осадным головою» Семеном Ивашкиным и «строильщиком» Михаилом Молчановым³. В том же документе отмечено, что «по строельным книгам» С. Ивашкина в 1595 г. 30 кузнецов были «устроены» на оброке по 10 руб. в год с освобождением от тягла, податей и служб, очевидно, в том числе и от выполнения специальных заказов на кузнечные работы (они не упоминаются). Но кузнецы были поселены не «за острогом», а за рекой Упой, где, вероятно, они жили и раньше; во всяком случае, по некоторым данным, там была слобода, «что исстари называлась кузнецкой»⁴. Таковы исходные данные, довольно обычные для устройства городских кузнецов в XVI в. Как правило, кузницы, а вместе с ними и их владельцы находились на окраине посада, и не разбросанно, а на одной территории, близко к реке⁵.

Обычным явлением было и то, что кузницы были на оброке, как и прочие промышленные статьи: соляные варницы, мельницы и др.

Из кого были набраны «оброчные» кузнецы? Ответ на это дают сами заинтересованные лица. Вспоминая в своих многочисленных челобитных в период упорной борьбы с привилегированной слободой в начальный момент ее устройства, посадские люди Тулы не раз подчеркивали, что «из них же де посадских людей по ремеслу взято в казенные кузнецы». Объясняли они это обстоятельство и более пространно: «В прошлых де годах деды и отцы их жили на Туле на посаде и многие промышляли кузнечным мастерством, и они де многие тое работу работают. И в прошлых де годах от дедов и от отцов их дети и братья и племянники взяты в самопальные мастера»⁶.

³ ЦГАДА, ф. 396, стб. 37847.

⁴ В. Н. Ашурков. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—1-й четверти XIX века. Тула, 1947, стр. 19.

⁵ См., например, ЦГАДА, ф. 137 (Городовые книги по Устюгу Великому), № 1, лл. 218—219 об.

⁶ Из следующих слов явствует, что это было сделано по указу Федора Ивановича, а именно, что 30 человек были устроены «за острогом». Очевидно, имеется в виду Оброчная слобода, а не Оружейная, но и в памяти посадских людей эти два обстоятельства, отделенные друг от друга 30 годами, утратили ясность и последовательность (ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 37).

В этом свидетельстве интересны два момента: указание на распространенность кузнечного промысла в Туле (двоекратное употребление слова «многие») и на то, что взято было младшее поколение, так что старшее осталось на положении посадских кузнецов. Следовательно, численность тульских кузнецов в 1590-х годах превышала три десятка.

Чтобы закончить с вопросом об образовании в Туле особой Оброчной слободы кузнецов, выделенных из состава посадских ремесленников, скажем, что указ об их обособлении фактически не был выполнен теми, кто добивался этого. Родственники и младшее поколение дворов себе «за острогом не строили и жили по свойству», — объясняли позднее посадские люди⁷. Видимо, интерес заключался не в том, чтобы жить территориально вместе, а чтобы получить «особую слободу», т. е. количеством записанных за ней кузнецов, привилегии и оказаться в особом положении оброчников. Это и было получено, с чем не хотели, как увидим ниже, мириться посадские люди, смежное же житье лишь обостряло взаимоотношения.

Тяжкие события последующих полутора десятилетий, дорого стоившие русскому народу вообще и непосредственно коснувшиеся Тулы, должны были нарушить прежние порядки и прежнее расселение ее жителей. Рубеж XVI—XVII вв. сопровождался почти катастрофическим разорением края, особенно самой Тулы (осада 1607 г. и разгром в 1615 г. отрядами Лисовского). Еще до этого разгрома сборщик податей и оброков с Тулы и уезда на 1612/13 г. Григорий Руков оказался в затруднительном положении: с торговых мест вместо 45 руб. 25 алт. 1 ден. он смог собрать только 17 руб. 50 коп. Когда же он спросил платежные книги с уезда, «почему они плачивали наперед сего», ему дали только писцовую книгу 1588/89 г., в которой не значился дворовый оброк⁸. Через 10 лет после разорения, в 1625 г., по дозору Воина Крапоткина, на посаде «в живущем» было 153 двора да «бедных» посадских людей, которые «кормятся по миру», — 62 двора; до разорения было 250 дворов⁹.

С наступлением нового царствования в Москву из Тулы посыпались жалобы и челобитные. В это время правитель-

⁷ Там же.

⁸ Там же, стб. 37942.

⁹ «Чтения ОИДР», 1913, кн. 4, стр. 495.

ство, нуждаясь в оружии и испытывая большие денежные затруднения для его приобретения, стало активнее использовать тульских мастеров.

Но когда же в Туле началось изготовление огнестрельного оружия и появились казенные оружейники?

В приводившемся выше изложении грамоты 1595 г. «об-рочные» кузнецы не названы оружейниками, хотя в позднейших документах имеется как бы вставка о том, что выделение кузнецов в особую слободу было сделано «для их государевых оружейных дел»¹⁰.

Однако уже в XVI в. заказы на изготовление (во всяком случае частей) оружия выполнялись тульскими кузнецами. Из царской грамоты 1614 г. на имя тульского воеводы Плещеева узнаем, что в Москву жаловалось на посадских людей Тулы второе поколение — «ложешных мастеров дети» (в этой грамоте они называются «записными»): «А ныне де тех записных мастеров то оружейное дело — ложки делают они» — их дети¹¹.

Первое поколение мастеров, несомненно, захватило в какой-то степени XVI в. И еще одно показание. В грамоте 1619 г. недавно образовавшегося правительства на Тулу воеводе Михаилу Катыреву-Ростовскому, по челобитью тульских кузнецов Федота Федосеева «с товарищи» (25 человек) предписывалось разыскать «старые грамоты», свидетельствующие о том, что они не тяглые, «а делали одно самопальное дело»¹².

Нашлись ли «старые», т. е. XVI в., грамоты и чем кончилась проверка относительно «самопального дела» в то время (как увидим, оно стало постоянной повинностью бывших «оброчников» позднее), неизвестно, но и сами кузнецы признавались, что во всяком случае до установления нового правительства «казенное дело было им временное, а ныне де делают они казенные самопалы десятой год», т. е. с 1612/13 г., так как писали они об этом в 1622 г.¹³

Действительно, первые сведения о правительственном заказе на 100 затинных пищалей с «свицкими замки и к ним зделати станки» относятся к январю 1612 г.¹⁴ При этом в грамоте от 17 января на имя воеводы Мирона Вельяминова подробно излагались условия заказа. По получении грамоты следует у тульских кузнецов взять смету, «сколько на те затинные на сто пищалей и на замки надобно железа». Железо же и уклад взять в Туле на посаде и в Павшине «у всяких у торговых людей», оценивая его «пред собою старостам и целовальникам по тамошней по средней цене».

В качестве уполномоченных правительства «для тово пищальнова дела» были отправлены в Тулу Иван Крюков и Нелюб Юрнов (без звания) и с ними двое специалистов: «пушечный кузнец да пушкарь», очевидно, с Московского пушечного двора; как видим, заказ был не на легкое оружие, а на артиллерию того времени. Пищали делать «тульским кузнецам и ярыгам» или, по выражению той же грамоты, «кузнецам и деловцам-казакком» с уплатой поденного корма: первым — по 8 денег, а вторым — по 5 денег на день. Все расходы записывать в книгу и прислать последнюю в Москву.

Подробности наказа воеводе свидетельствуют о заказе как о чем-то новом или во всяком случае возобновляемом после какого-то перерыва, который и был, видимо, перед тем. Ясно также, что в начале XVII в. заказывалось не легкое оружие, а крупные крепостные («затинные») орудия, изготовление которых требовало подсобных работников — «деловцов-казакков». Кстати, если для конца XVI—начала XVII в. в документах по Туле не встречаются молотники, то по переписи 1588/89 г. было учтено 11 казаков и 1 «ерыжный»¹⁵; их труд могли использовать кузнецы. Но, пожалуй, самое интересное то, что в этом документе говорится просто о «кузнецах» без всякого упоминания о казенных и оброчниках. За годы «смуты» многое забылось; в правительственных учреждениях появились новые люди, возможно, не знавшие и не хотевшие знать о том, что было при Годунове.

Это подтверждается сведениями о следующем заказе 1613/14 г. Тульские кузнецы, очевидно, справились с заказом на 100 пищалей, и теперь им предписывалось сделать

¹⁰ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 6.

¹¹ Там же, стб. 37935. Думаю, что название «записные» произошло от того, что при образовании особой слободы в 1595 г. было велено каждому из вошедших в ее состав кузнецов записать за тем местом, которое ему будет отведено.

¹² Там же, ф. 396, стб. 48470, сстав 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стб. 36, лл. 3—5.

¹⁵ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 304.

в три раза больше, при этом уточнялось: «казенными и тульскими посадскими кузнецами»¹⁶, оброчники не упоминаются.

В 1616 г. жители Заупской слободы — «тульские посадские молодчие людишка», среди которых, возможно, были оброчные кузнецы, жившие за рекой Упой, — попробовали напомнить о себе в новых высших сферах. Но свою челобитную они адресовали не молодому царю, а его матери — «великой старицы иноки Марфе Ивановой», возможно, рассчитывая, что она могла знать прошлое или знала людей, которые могли сказать ей о нем.

Указав на то, что, живя «от острога и от города Тулы далече», они дважды подверглись разорению и поэтому не могут «с острожными посадскими людьми с неразореными» тянуть в податях в ряд, они просили облегчить их положение. «Старица Марфа» не оставила без внимания жалобу и велела, по словам челобитчиков, дать им «бережальную» грамоту, чтобы им податей, «опричь государевых оброков», не платить и чтобы к ним в слободу «насильством» никто не ввезжал «ни по что»¹⁷.

Видимо, по приказу «государевой матери» кто-то разыскал старые документы об освобождении от тягла 30 оброчных кузнецов, поселившихся за Упой. Тогда и началась борьба с посадскими людьми Тулы, донесшими со своей стороны, что челобитчики — «лутшие» люди, которые должны нести повинности с посадскими людьми.

Между тем казенные заказы на изготовление пищалей продолжали выполняться (в 1617 г. — 200 пищалей), так что в 1619 г. кузнецы-оброчники писали, что они делают «самопальное дело день и ночь беспрестанно» (хотя, видимо, в это время не только они занимались этим) и просили освободить их от тягла, в котором они «наперед сего не были»¹⁸. Последние слова свидетельствуют о том, что челобитчиками были действительно оброчные кузнецы. К тому времени среди тульских кузнецов, регулярно занимавшихся изготовлением пищалей, наметились особые специальности: ствольники, замочники, ложечники, в их сложном деле выявлялось разделение труда. Но они работали по домам или, вернее, в своих кузницах и не на рынок, а на военное ведомство, т. е. если

можно назвать это производство мануфактурой, то в рассеянной форме и не являвшейся товарным производством в прямом смысле слова.

Казенные заказы, как и в Устюжне Железопольской, способствовали распространению в Туле и ее районе железнотермической промышленности. За 10 лет, с середины второго до середины третьего десятилетия XVII в., общее число кузниц с 10 увеличилось до 33, а еще через пять лет (в 1632 г.) их было 44¹⁹. Этому способствовали также прекращение военных действий и смут и установление благоприятных условий для развития экономики вообще.

Как же менялось число кузнецов в Туле и кто из них работал на казну?

По переписи 1625 г.²⁰, в Туле было две кузнецкие слободы за Упою, причем в заголовке к переписи одной значится: «дворы посацких людей», всего 30 дворов. Из них только о хозяевах шести дворов сказано «делает в кузнице» и соответственно несет тягло (кроме одного); о пяти, что они «ярыжничают в кузнице от бедности», и еще о двух, что они вообще «наймуютца работать»; владельцы 13 дворов занимаются торговлей или разным ремеслом, три двора пустых — ушли «от податей». Итак, в этой слободы смешанное по занятиям население с некоторым преобладанием людей, по-разному связанных с кузнечным делом.

Иначе обстояло дело в Заупской кузнечной слободы, в заголовке к переписи которой сказано: «За рекою Упою слобода оброчных кузнецов». В ней всего было переписано 14 дворов оброчных кузнецов, 15-й, находившийся на «оброчном кузнечном месте», принадлежал посадскому человеку и в итоге не попал. В конце переписи имеется фраза: «Оброк платят в государеву казны, в Володимерской приказ по 10 рублей в год». Таким образом, эти конкретные сведения отделяются 30 годами от времени образования оброчной слободы (1595 г.). За это время число кузнецов-оброчников в слободы уменьшилось, оброк же оставался прежний; они платили его по 1628/29 г. включительно, но с пропусками:

¹⁹ В. Н. Кашин. Тульская оружейная слобода в XVII в. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 1-2, стр. 121.

²⁰ ЦГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1625 г., д. 35. Дело указано мне Г. Н. Анпиловым, за что приношу ему благодарность.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 396, стб. 37762.

¹⁷ Там же, стб. 37902, л. 11.

¹⁸ Там же.

так, в «приходных книгах» за 1626 и 1628 гг. было отмечено: «Взяты не подписано»²¹. Возникает вопрос, не зачитывался ли оброк в причитающуюся им наемную плату за участие в правительственных заказах, которые они выполняли вместе с посадскими кузнецами. Но в конце той же писцовой книги 1625 г. имеется еще одна более поздняя запись, определявшая дальнейшее положение оброчных кузнецов: «Да в приходной же книге 138 году написано: с кузнецов оброку против 137 году 10 рублей и 138 году декабря в 14 день в памяти за прописью дьяка Ивана Нестерова — по государеву указу на Туле тульским оброчным кузнецам, которые живут на оброчной земле, велено быть на Туле в государевых казенных самопальных мастерах и ведать их в Стрелецком приказе и оброчные деньги велено с них сложить»²².

Таким образом, 14 декабря 1629 г. была образована тульская казенная Оружейная слобода из бывшей оброчной кузнецкой²³. Между тем указ должен был окончательно выделить часть тульских кузнецов из посадской среды и оторвать их от работы на рядового заказчика и на рынок. Крупные правительственные заказы отныне становились их постоянным делом тем более, что обычно они требовали спешного

²¹ ЦГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1625 г., д. 35, л. 6 об.

²² Там же. На эту перепись и на приведенное выше постановление ссылались позднее посадские люди Тулы (ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 27).

²³ В упомянутой статье Кашина этот момент перехода «оброчников» в «казенных оружейников» прошел незамеченным. Говоря о члوبيчных 1619 и 1622 гг., автор статьи называет их казенными, а оброчную слободу — «казенной кузнецкой или Оружейной слободой» (В. Н. Кашин. Указ, соч., стр. 122, 123), хотя до декабря 1629 г. последней в Туле не было. Ашурков в специальной работе «Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—1-й четверти XIX века» на основании данных в книге И. Сахарова «История общественного образования Тульской губернии» (ч. 1. М., 1832) и Ю. Арсеньева «К истории Оружейного приказа XVII в.» (СПб., 1904) не только не отмечает превращения «отводной» оброчной слободы в казенную Оружейную, освобожденную от оброка, но допускает неточность в истории слободы конца XVI—начала XVII в. «Наряду с этими оброчными кузнецами, устроенными в 1595 г. особой слободой, немало кузнецов продолжало оставаться среди посадского люда. Именно из этих посадских кузнецов неизвестно точно когда («в прошлых годах», как указывали потом они сами) некоторые были «взяты по ремеслу из посаду в самопальные мастера» (стр. 19). Теперь мы знаем, что 30 человек были переведены «по ремеслу» в оброчных кузнецов в 1595 г., а в конце 1629 г. последние были переведены в «казенных» оружейников или самопальных мастеров.

выполнения. В связи с этим численность оружейников систематически увеличивалась:

1642 г. — 75 человек да детей и племянников —	77
1669 » — 94 человека » » »	201
1679 » — 122 » » » »	Нет сведений
1694 » — 194 » » » »	102 ²⁴

Я сознательно взяла сведения на эти четыре даты, хотя в материалах и литературе встречаются данные о численности казенных оружейников за промежуточные годы, во-первых, потому, что эти сведения приводятся в одном источнике, во-вторых, здесь, кроме одного года, отдельно даются основные работники — мастера и их домоладцы мужского пола. Последние могли быть помощниками на основе семейной кооперации тем более, что обычно указывались сыновья, братья, племянники от 20 лет, т. е. вполне работоспособные, поэтому можно сказать, что в 1640-х годах казенное дело могли выполнять 150 человек, через 25 лет — около 300, эта цифра удерживается до конца XVII в.

Теперь обратимся к другой части кузнецов, работавших «на всяких чинов людей» и на рынок. Количественные изменения, происходившие здесь, к сожалению, определяются в других единицах, а именно числом кузниц, а не кузнецов. Мы уже знаем, что в 1625 г. на посаде было 33 кузницы; к середине века число их увеличилось до 50, а во второй половине XVII в. — до 60—65²⁵. Таким образом, если число казенных мастеров с 1630 по 1680 г. увеличилось в 4 раза, число кузниц вольных кузнецов (число последних неизвестно) с 1625 г. возросло всего вдвое. Но мы не можем называть их посадскими кузницами, так как в Туле, как и в любом из городов, где было много мелкого служилого люда, представители последнего занимались наряду с посадскими людьми торговлей и промыслами. Так было и с кузницами: в 1625 г. половина их (17) принадлежала «ратным людям», 7 — крестьянам, посадским же только 1, остальные — неизвестно кому. И в середине XVII в. кузницами владели «всяких чинов люди»²⁶. Но в экономическом положении, в смысле отношения к кузнечному непривилегирован-

²⁴ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сставы 2—3, 11, 15.

²⁵ В. Н. Кашин. Указ, соч., стр. 121—122.

²⁶ Там же.

ному ремеслу, они вместе противостояли «казенным» мастерам, пользовавшимся разными льготами. Поэтому я думаю, что в борьбе этих двух групп кузнецов под названием «посадских кузнецов» выступали владельцы кузниц из разных чинов, в таком понимании название «посадские» и употребляется в дальнейшем тексте.

Тульские кузнецы «разного звания» (т. е. и посадские, и оброчные, так как последние не были еще государевыми оружейниками) в 1620-х годах работали не только на местный, но и на довольно отдаленные рынки, например Курск. В Курской таможенной книге 1623/24 г.²⁷ с 23 декабря по 22 апреля зарегистрирована 21 явка железного товара, из них 10 принадлежали тулянам, 8 — ельчанам, 2 — чернянам и 1 — «меченину». Железо привозилось обычно в виде полуфабриката — связками, т. е. прутное, реже — уклад, в отдельных случаях в больших количествах. Так, 30 февраля «туленин» Алексей Жданов привез железный товар на трех возах и один воз соломы, 21 марта он же на четырех возах 30 связок железа, 28 связок уклада и 2 кипы хмеля; «туленин» Селиван Сазыкин 22 декабря явил небольшое количество: 10 связок железа и 8 связок уклада, 8 марта он привез разного товара в Курск на пяти возах, в том числе 30 связок железа и 20 связок уклада, остальное соль и хмель. Наконец, в конце марта он же сделал третью поездку в Курск только с железом: 40 связок железа и 50 связок уклада. Остальные явки Прокофья Неустроева (50 связок железа), Астафья Потапова (4 воза соли и 20 связок железа), Петра Яковлева (3 связки железа, 3 воза соли, 3 кипы хмеля, 3 осетра), Лукьяна Душкина, привезшего в Курск на пяти возах соль, хмель, 24 связки железа, и единственный из тулян — готовые изделия хозяйственного назначения: 20 сковород и 20 сох; Петра Клевцова (3 воза соли, 3 кипы хмеля, 8 белужин и воз железа — 20 связок). Несомненно, что Алексей Жданов и Селиван Сазыкин были торговцами-скупщиками и довольно крупными; по количеству же железа и составу других товаров то же самое можно сказать о пяти других.

Где производилась скупка железа, в самой Туле или в уезде, сказать трудно, эпитет «тулянин» ничего не говорит, как и «ельчанин»; известно, что добычей и обработкой железа

²⁷ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Книги Денежного двора, № 79, лл. 3—135 об.

занимались не в самом Ельце, а в Елецкой провинции. Такие деревенские товары, как солома, хмель, могли скупаться и на городском торгу. В Тульском же уезде были крупные села, где крестьяне занимались кузнечным промыслом; о Павшине уже упоминалось выше; известно также, что в первой половине XVII в. оживленная добыча руды и, несомненно, ее обработка сосредоточивались в селе Панине Дедиловского уезда. Здесь с крестьянских домниц по окладу собиралось по полуполтине, всего же 14 руб. 7 алт., следовательно, было не менее 60 таких оброчных объектов²⁸.

Конечно, постройка железных заводов в 1630-х годах, которые работали на лучших дедиловских рудах (к ним были отданы «рвы», где до того рыли крестьяне), подтачивала мелкую местную крестьянскую да и городскую промышленность. Пример тому — село Панино, недоимку с которого во второй половине XVII в. его владелец кн. И. Голицын объяснял запустением примерно с середины века крестьянских промыслов вследствие того, что лучшие рудные места отданы к заводам Марселиса, а в других руда «иссякла»²⁹. Из-за этого же обстоятельства «промыслу не стало» не только у крестьян, но также у «посадских и всяких чинов людей» города Дедилова³⁰.

Тем не менее крестьянская промышленность Тульского края не замерла совершенно. Если не под самым Дедиловом, то в разных местах Тульского и Алексинского уездов крестьянские домницы и в меньшем числе «железцовые кузницы» сохранялись до 1720-х годов³¹. Сохранялась, следовательно, и железодельная крестьянская промышленность вопреки конкуренции заводов и даже в ущерб им, о чем свидетельствует Кильбургер в 1670-х годах: «Ни на одном из тех заводов, — пишет Кильбургер о заводах Марселиса и Акемы, — не делается стали, но в разных местах крестьяне делают и то, и другое — железо и сталь (т. е. уклад. — Е. З.) маленькими ручными раздувальными мехами и причиняют тем значительный ущерб Марселису и Акеме»; по этой причине они и решили «прекратить выделку гвоздильного про-

²⁸ «Дополнения к Актам историческим», т. 7, № 43, стр. 228—229.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ «Крепостная мануфактура в России», ч. 1. Л., 1930, стр. 186—187.

изводства» — крестьянин может сделать гвозди дешевле³². Это свидетельство иностранца интересно как прямое указание на крестьянскую промышленность, вырабатывающую полуфабрикат и готовые изделия, как увидим ниже, не только гвозди, на причину ее живучести и конкурентоспособности — дешевизну изделий, которая была важнейшим аргументом за нее в глазах массового покупателя города и деревни особенно.

По той же причине не замирала работа на рынок кузнецов самой Тулы, даже в части привилегированных оружейников. О посадских кузнецах сведений почти не встречается, их заслонила Оружейная слобода, но отдельные детали говорят о том, что рынок оказался сильнее царских привилегий, которых сначала добивалась и добилась часть, вероятно, более сильных кузнецов. Кстати, уже в первой половине XVII в. среди них встречаются фамилии Баташевых, Мосоловых, Филатовых. О стремлении явочным порядком проникнуть в привилегированную, но территориально не отмежеванную слободу оставшихся на посаде кузнецов свидетельствуют увеличение числа самопальных мастеров (с 26 человек в 1630 г. до 75 в 1642 г.) и сыск в 1641 г. в Оружейной слободе «тулян посадских людей». Интересно, что за них вступился староста оружейников Ефим Баташев как за самопальных мастеров, когда сыщик, имея, очевидно, основания, посадил нескольких человек в тюрьму. Другие же перебежчики, по словам того же старосты, «разбежались». Активность сыщика Петра Чихачева вызвала тревогу в Москве. Перед тем был дан новый большой заказ на изготовление 1 тыс. пищалей. Арестованных было велено выпустить из тюрьмы, а вперед «не волочить и не убытчить» оружейников³³. Постоянная и возрастающая нужда в оружии заставляла московские власти смотреть сквозь пальцы на пути, которыми пополнялось население слободы. Оружейники же при все возрастающих заказах также не были против пополнения людьми, знающими кузнечное производство, особенно с тех пор, как восстановление и развитие торговли и промышленности в общих масштабах страны создавали выгодную конъюнктуру для работы на рынок. Уже в конце 1650-х годов 15 казенных кузнецов «вышли в посад самовольством»³⁴, где посадские

кузнецы находили теперь и заказчиков, и покупателей; «И всяких чинов люди покупают [у них] кричное и жуковое железо», — жаловались оружейники, так что из-за этого они не могут покупать уголь, из-за чего происходит «мотчанье и поруха» оружейному делу³⁵. Но не забота о последнем вызвала эти жалобы, а скорее зависть и желание так или иначе пристроиться к свободной торговле и промыслу.

Правительство отвечало на это частыми переписями казенных кузнецов, требованием выслать из слободы посадских людей, а сюда переселить тех, кто вышел из нее, чтобы это была и территориально замкнутая, закрепленная за военным ведомством производственная организация. В 1678 г. по царскому указу оружейничий Б. М. Хитрово приказал кузнецов-оружейников, которые «вышли из кузнецкие слободы волею своею, не хотя государевых оружейных дел делать», «вывести в Кузнецкую слободу на старые их жеребьи», а посадских людей вывести в посад³⁶. С 1671 г. увеличилась производственная нагрузка до 2 тыс. пищалей в год. Кузнецы получали за пищаль (очевидно, за работу) по 22 алт. 2 деньги³⁷, а в это время в слободе числилось свыше 90 мастеров и вдвое больше — родственников мужского пола. Тем не менее более «прожиточные» находили способ заняться более прибыльным делом. При переписи 1669 г. обнаружилось, что больше половины ствольных заварщиков «ружье делают наймом», а не сами. Последовавшие требования работу выполнять самим, а не наймом кузнецы пытались обойти, объясняя, что нанимают те, кто «очми обнищали и руками одряхлели и оружейного дела делать не видят»; сами же они «сидят в лавках для своего прокормления»³⁸. Но посадские не унимались. Они доказывали в своих челобитных, что не слепые и дряхлые, а богатые не хотят и не умеют делать оружия, а они — «самые пожиточные люди» и владеют «лучшими лавками». Таких оказалось 12 человек во главе со старостой Андреем Володимировым: им принадлежало 27 лавок и 2 харчевни; они торговали в рядах со своими детьми всяким «скупым товаром»: рыбой, солью, ножами, харчем. Это настоящие торговцы и скупщики, которые, окрепнув в положении приви-

³² Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 169.

³³ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 14.

³⁴ Там же, сстав 5.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, сстав 6.

³⁷ И. Гамель. Указ. соч., стр. 29.

³⁸ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 17.

легированных мастеров, отошли от профессии отцов и дедов, даже разучились оружейному мастерству, поэтому посадские считали, что они должны платить оброк и чрезвычайные сборы, уже не будучи ни посадскими, ни казенными мастерами фактически. Если же они не хотят платить, следует лавки отобрать и продать посадским людям, что соответствует требованиям Уложения 1649 г. Но верхушка Оружейной слободы с некоторым высокомерием объясняла «невежественность» ссылок на Уложение, по которым посадские «приличают их к городовым казенным кузнецам», а это не пример для них: «Оружейные де мастера ни в чем в Уложенье не помянулись». Между тем во всех городах есть казенные плотники и кузнецы, о них и идет речь; оружейных же нет «опричь московских да их, тульских». Государева жалованья они не получают, а посадские клеветуют, что они не выполняют государева дела. Но посадские и этот пункт оспаривали: «А великому государю в казну ружье платят они, покупаячи у своей братьи, у скудных людей, которые тем оружейным делом кормятца»³⁹. Взаимные пререкания и жалобы продолжались, и чтобы не страдало от этого государево дело, а число оружейников не уменьшалось, в начале 1680-х годов было разрешено «всякого рода людям, знающим кузнечное дело, записываться в оружейники» и жить в казенной слободе⁴⁰. Неясно только, единовременная это была мера для пополнения слободы или и на будущее; но во всяком случае в течение следующих 12—13 лет число мастеров достигло почти 200. Неизвестно также, как реагировали кузнецы, однако и эта мера не прекратила борьбы, и в 1693—1694 гг. для расследования на месте перекрестных обвинений из Оружейной палаты в Тулу был послан «оружейный дозорщик», иноземец Яков Якимов, чтобы при содействии кузнецов-старожилов он измерил и переписал «кузнечские места», относительно «пришлых» разузнал, кто они, откуда и знают ли оружейное дело (среди них, наверное, были кузнецы с посада), а об оружейниках — кто делает государево дело сам, а кто «наймом».

К сожалению, в «деле» не имеется полного обследования Якова Якимова, а лишь выборки из него. Оказалось, что из

³⁹ Изложение борьбы посадских с казенными мастерами дано на основании того же столбца № 48470.

⁴⁰ И. Г а м е л ь. Указ. соч., стр. 28.

98 дворов ствольных и замочных мастеров в 54 делают ружье сами 79 человек, да еще в 15 дворах — замочники. «Заварщики же делают ружье наймом, а сами промышляют торговым промыслом, а иные делают батожное железо и уклад на продажу», последних оказалось 46 человек в 32 дворах⁴¹. Эти мастера считают выгоднее нанять, очевидно, из «скудных», но знающих дело кузнецов, чтобы самим работать на рынок. Весьма знаменательное явление, свидетельствующее о разложении под влиянием рыночных отношений привилегированной ремесленной организации. Не доверять «дозорщику» нет основания, так как он скорее поддерживал кузнецов-оружейников (посадские челобитчики опротестовали эти сведения «за дружбою Яковлевою с кузнецами»).

Возможно поэтому в следующем году в Тулу был послан подполковник Зот Назимов с подьячим Максимом Даниловым, которые отмежевали территорию Оружейной слободы и выслали с нее живших здесь посадских. Те ушли, но дворов не очистили, так что 43 казенным кузнецам, жившим на посаде, некуда было селиться. В том же году начались новые споры.

Я остановилась на этой борьбе, так как в ней вскрывается то, что обычно отсутствует в официальных документах. Во-первых, в течение XVII в. Оружейная слобода на самом деле поглотила представителей посадского кузнечного ремесла, за счет которых она, вероятно, в первую очередь расширяла свой состав. Ни в одном эпизоде этой борьбы посадских вообще с оружейниками, ни в одном из пересказываемых документов второй половины века не промелькнуло упоминания о посадских кузнецах в Туле. Во-вторых, сами оружейники далеко не одинаковы по своим материальным возможностям: одни в упорной борьбе с посадом рассчитывали «на мочь свою и на многое богатство», это, по выражению одного из указов из Оружейной палаты, «кузнецы-старожилы, лучшие и знающие люди»⁴². В Москве не знают или не придают значения тому, что пишут посадские об этой верхушке, занявшейся другими, более доходными делами и уже разучившейся мастерству.

Правильность показаний «дозорщиков» подтверждается данными указов и «памятей», посылавшихся в 1698 г. из

⁴¹ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сставы 8—11.

⁴² Там же, сставы 20, 8.

Москвы в Тулу, в адрес «мастеровых людей тульской казенной слободы»... «которые сами тех оружейных дел делать навичны». Правительство, видимо, признало факт, что некоторые кузнецы, занявшись другим делом, переложили «из найму» свои обязательства на других, но оно не освобождало их от этих обязательств. Это видно из одной фразы царского указа от марта 1698 г. о Владимире Баташове (из семьи старожил и «лучших» людей — в 1640 г. Ефим Баташов был старостой в Оружейной слободе), а именно: «Да на Володьке Баташове или на ком, по ево скаске, доведено из доимки 8 фузей, dopravя, выслать к Москве»⁴³. Показательно, что другим, более крупным недоимщиком 215 фузейных стволов оказался не менее «знатный» оружейник — Исай Мосолов, его предок Ждан Федоров Мосолов значился в первом списке еще «оброчных» кузнецов 1625 г.⁴⁴ На Мосолове dopravили 147 стволов, а в остальных 68 он привел вместо себя сына Терентия на правож⁴⁵. Недоимки объяснялись, вероятно, тем, что тем временем эти выходцы «из мастеровых из знатных людей» работали на сторону и на продажу. Правительство именно в 1690-х годах борется с этим явлением, повторяя в своих указах «с великим подкреплением», чтобы «никакова ружья и замков на сторону на продажу и на подряд не делали и не продавали и в отвоз никуда не возили и не продавали ж и на тавары не меняли»⁴⁶.

Очевидно, обо всех этих формах сбыта оружия на широком всероссийском рынке были осведомлены в Оружейной палате; указы же, несмотря на «великое подкрепление», оставались бессильны, в чем признавалось само правительство в 1698 г., когда стало известно, что, несмотря на указы, «многие казенные кузнецы чинятся ослушны, плутуют, продают и в отвоз возят» — так властна была притягательная сила рынка и возможной прибыли: кузнецы продавали оружие «дорогою ценою», привозя его в Москву или «утаясь» сдавали в другие приказы по рыночной цене⁴⁷. Оставалось следовать законам рынка, став его конкурентом. В начале 1698 г. был дан указ изготовить сверх указных 2 тыс. фузей еще 2 тыс., но уже за плату, а именно по 1 руб. 6 алт. 4 ден.

⁴³ Там же, стб. 33302, сстав 2.

⁴⁴ Там же, ф. 141, 1625 г., л. 35.

⁴⁵ Там же, ф. 396, стб. 33278.

⁴⁶ Там же, стб. 33302, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 2

за фузею. Но, постоянно нуждаясь в деньгах, правительство тотчас постаралось облегчить выплату получавшейся большой суммы выдачей «в зачет» этой суммы 900 «досок оружейных» по 18 алт. за пуд, не считаясь с интересами самих кузнецов⁴⁸. Тот же недостаток денег в казне заставлял изыскивать их на месте из таможенных и кабацких сборов, но староста оружейников в 1697 г. получил у одного головы 500 руб., у другого — 100 руб., а больше они денег не имели. В другой отписке от декабря 1697 г. староста Оружейной слободы Панкрат Горбунов сообщал, что на оплату нового заказа в 2 тыс. фузей таможенный голова дал только 100 руб., а кружечный ответил, что в этом году «денег не будет»⁴⁹. Деньги же были обещаны оружейникам «наперед», следовательно, может выйти задержка в изготовлении ружей.

Наконец, в тех же затруднительных обстоятельствах правительство предложило покупать у казенных кузнецов, у «кого ружье и замки сверх указажного числа (2 тыс. фузей. — Е. З.) зделано будет влишке»; это оружие должны объявлять в Оружейной палате и получать за него деньги⁵⁰.

В Оружейную палату покупали и раньше у тульских кузнецов ружье, судя по описанию, особо отделанное; так, в январе 1695 г. было куплено у Антона Горбунова, родственника старосты, принадлежавшего к «лучшим» мастерам, 28 стволов, «гладких красного железа на турецкой образец... врезано по три пояска серебряных», заплачено по 2 руб. 50 коп. за ствол. В октябре того же года другой из семьи «старожил» Савостьян Филиппов привез 8 стволов «в цену» по 2 руб.; в случае ненадобности он просил разрешить продать их «повольною ценою»⁵¹. Но, видимо, это бывало не так часто, и в Оружейной палате жаловались, что лишнего оружия не объявляют.

У нас нет прямых свидетельств о том, что, не внемля обращения правительства, кузнецы продавали оружие, но что они торговали в Москве железом, об этом говорят записи Большой московской таможни⁵². За четыре месяца 1694 г.

⁴⁸ Там же, стб. 33301, л. 1.

⁴⁹ Там же, стб. 33225.

⁵⁰ Там же, стб. 33302, лл. 1—2.

⁵¹ Там же, стб. 33762, лл. 1—2.

⁵² С. И. Сакович. Книги Московской большой таможни. 1693—1694 гг. — «Труды Государственного исторического музея», вып. 38. М., 1961, стр. 78, 95, 25.

было зарегистрировано девять явок железа из Тулы, при этом в пяти случаях это были явки казенных кузнецов, из них Парфен Иванов предъявлял товар трижды: 8 марта, 30 апреля и 11 мая. Все туляне, кроме одного случая, привозили железо в связках, т. е. прутовое, два раза отмечено, что «тянутое» (возможно, проволока), и измерялось оно в этих случаях пудами. Только тулянин Фотий Федоров явил 10 готовых наковален. Партии железа Парфена Иванова отличались значительными размерами: по 30, 38, 60 связок, казенный кузнец находил время для скупки и вряд ли в самой Туле. Обращает на себя внимание очень крупная явка тульского казенного кузнеца Якова Филатова, а именно: 100 связок «тульского каракулевого» и воз железа «тяги» (17 пудов) на общую сумму в размере 65 руб. «Филатов» — обычно отчество, но если бы на этот раз это была фамилия, нити невольно тянутся к той же переписной книге 1625 г., в которой среди «оброчных кузнецов» числился Антип Филатов⁵³. Никита Демидов ни разу не встречается в просмотренных мною материалах до конца XVII в. Но в списке оброчных кузнецов 1625 г. значится Владимир Антифеев, а в списке казенных кузнецов 1697 г. — Автамон и Никифор Антуфьевы⁵⁴. Думаю, что если нет ошибки в имени, то во всяком случае в том и другом тексте речь идет о представителях одной семьи, родственной Никите Демидовичу Антифееву. Известно предание, что Никита Демидов был родом из Павшина; В. Шишонко уточняет это сведение, сообщая (без указания на источник), что из Павшина в Тулу переселился его отец Демид Григорьевич Антуфьев, который был в числе тульских казенных кузнецов, а затем и его сын⁵⁵.

Из четырех тулян, зафиксированных в записях Большой московской таможи, кроме казенных кузнецов, один назван «тульским ямщиком»; чем занимались остальные, неизвестно. Один из них привез 22 связки железа, другой — 30 связок, третий — наковальни; они в одинаковой степени могли быть скупщиками железа у городских и деревенских кузнецов. Отсутствие в документах второй половины XVII в. упоминаний о посадских кузнецах в Туле говорит о том, что, работая

в качестве «скудных» на «знатных» оружейников, они утратили самостоятельный промысел или пополнили число казенных кузнецов, которое достигало в это время 200. Последние и представляли железоделательную промышленность Тулы, ставшей действительно крупным центром оружейного производства на казну (Устюжна Железопольская с середины XVII в. перестает изготавливать военные припасы из-за плохого качества болотной руды). Значения же Тульской оружейной слободы не подорвало даже возникновение поблизости доменных и молотовых заводов, также работавших на военное ведомство. Однако это нельзя расценивать как показатель производственных возможностей и конкурентной способности мелкого производства. В естественный процесс становления металлургии в Туле очень рано вклинилась инициатива правительства в целях усиления обороны страны (прежде всего с юга). Организация мелких производителей, подпираемая правительственными заказами, льготами и привилегиями, быстро окрепла и использовала, особенно более сильная ее часть, местные условия — запасы руды и эксплуатацию беднейшей части населения — ярыжных и наймитов, а в дальнейшем также ранее самостоятельных кузнецов из более «скудных». Нет сведений, в каких количествах их труд использовался отдельными зажиточными оружейниками, но во всяком случае факты эксплуатации свидетельствуют о начавшемся перерастании части непосредственных производителей в «зародышевых капиталистов», сочетавших функции торговца и организатора мастерской, лично уже не работавшего и даже забывшего мастерство отцов и дедов. Последующая ступень, правда, в немногих случаях, — превращение Демидовых, Мосоловых, Баташевых, Ореховых в крупных заводчиков. Это вершина того пути, по которому в течение столетия продвигался непосредственный производитель из положения мелкого посадского кузнеца через «оброчника» (частично работавшего на рынок, частично на казну) в казенные оружейники, поднявшиеся по своему мастерству и доходности над рядовыми кузнецами, а затем и подчинившими их экономически.

Отметим также поощрение в виде правительственных заказов и следовавших за них вместо «государева жалованья» (хотя сдельная оплата труда имела место), привилегий, помогавших части тульских кузнецов пройти намеченный выше путь, становится затем стеснительным для поднявшихся на

⁵³ ЦГАДА, ф. 141, 1625 г., д. 35, л. 5.

⁵⁴ Там же, ф. 396, стб. 33278.

⁵⁵ В. Шишонко. Пермская летопись. Четвертый период с 1676—1682 гг. Пермь, 1884, стр. 145.

возможную вершину мастеров. И тогда казенные оружейники стараются разными путями — ставя в казну брак (рваные стволы) или становясь на правее в качестве недоимщиков — избавиться от ненужных уже заказов, чтобы обратиться лицом к рынку и, не таясь, воспользоваться повсеместным спросом на их изделия и таким путем превратиться из зародышевого в настоящего капиталиста.

Тот факт, что феодальное государство бессильно было положить этому конец своими указами и было вынуждено пойти на разные уступки и прежде всего на экономическую стимуляцию и денежные расчеты с оружейниками, показывает, что положение мастеровых уже в XVII в. нельзя сопоставлять с положением крестьян, утрачивавших без господской земли возможность существования.

Г. Д. КАПУСТИНА

ГУЖЕВОЙ ТРАНСПОРТ В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

(По материалам Московской крепостной конторы начала XVIII в.)

Длительная Северная война затронула все стороны экономической жизни страны. Повлияла она и на крестьянский отход, в том числе на исконный промысел — извоз.

В центр всероссийского рынка — Москву — стекались отовсюду грузы, часть которых отправлялась дальше. Необходимость скорейшей доставки заставляла прибегать к более дорогим, чем водные, но более быстрым перевозкам — гужевым. Естественно, что в Москву устремлялась масса извозчиков. Введение в 1701 г. крепостного порядка оформления сделок по транспортировке, строгий контроль в первом десятилетии века за регистрацией подобных актов в крепостных книгах дали в руки современных исследователей множество подрядных извозных документов. К сожалению, со второго десятилетия XVIII в. большинство подрядных актов стало заключаться вне крепостных учреждений, и сейчас они встречаются в разрозненном виде. Это обстоятельство определяет ценность для исследователя актов именно начала века. От первого десятилетия века сохранились три Поряд-

ные книги — за 1701 (не полностью), 1702 и 1703 гг.¹ На них мы и сосредоточим свое внимание.

Составленная в XVII в. для специальных административных целей «Поверстная и указная книга Ямского приказа» говорит о девяти дорогах, расходящихся из Москвы. Первая из них шла от Москвы к Архангельской (ответвление ее на Устюг и далее в Сибирь); вторая — к Нижнему Новгороду и далее к Астрахани; третья — через Коломну, Переяславль-Рязанский на Тамбов; четвертая — на Тулу, Воронеж, Курск и далее к Харькову; пятая — через Калугу, Брянск к Киеву; шестая — через Волоколамск к Великим Лукам; седьмая — на Вязьму, Дорогобуж и Смоленск; восьмая — через Клин, Тверь к Новгороду и Пскову; девятая — через Дмитров, Кашин к Ладого.

Как видно из данных табл. 1 и 2, московские извозчики заключали договоры главным образом на перевозку грузов из Москвы по двум дорогам: Архангельской и Новгородской (в 1703 г. грузы на северо-запад везли по Новгородской и Ладужской дорогам). Часть грузов подвозилась к Москве, но обычно они предназначались для дальнейшего следования по этим дорогам.

По Архангельской дороге грузы везли до перевалочного пункта — Вологды и далее — водой. Существовал и водный путь с Шекснинско-Кубенским волоком по Волге, Шексне, Сухоне, Северной Двине.

Путь на северо-запад мог совершаться гужом по указанным выше дорогам или комбинированно — из Москвы груз на лошадях подвозили к Вышнему Волочку, а оттуда отправляли его водой по рекам Цне, Мсте и Волхову. Изредка извозчики подвозили кладь и далее Вышнего Волочка — к Боровиковой и Борисовской пристаням. Иногда, наоборот, гужевой путь сокращался: на лошадях груз доставлялся только до Рогачевской пристани в Дмитровском уезде на реке Сестре, далее он шел водой до пристани Николы Столбенского на реке Тверце, здесь специальные извозчики доставляли груз к Вышнему Волочку для следования водою^{1а}.

¹ Записные книги московских крепостных учреждений (Крепостной палатки, Крепостного приказа, Крепостной конторы) сохранились в ЦГАДА в фонде Юстиц-коллегии, в ведении которой крепостные дела находились с 1719 г. (ЦГАДА, ф. 282 (Юстиц-коллегия), кн. 1029 (1701 г.), 1031 (1702 г.), 1032 (1703 г.)). Все таблицы составлены нами по актам кн. 1031 и 1032.

^{1а} Может быть, часть грузов попадала на северо-запад (к Олонецкой судостроительной верфи, построенной в 1702 г. на реке Сяси) и

Под грузы, идущие по Архангельской дороге, в 1702 г. было поставлено извозчиками 12 364 подводы (44,9%), в 1703 г. — 13 307 подвод (38,9%). Под грузы, перевозимые по Новгородской дороге, в 1702 г. извозчики поставили 10 624 подвод (38,6%), в 1703 г. — 19 438 подводы (56,8%).

Обстановка военного времени вызвала необходимость перевозок в первую очередь грузов, предназначенных для нужд армии. Огромное значение имели также товары, предназначенные на экспорт, так как в какой-то мере покрывали острую нужду государства в деньгах.

Среди перевозимых грузов на первом месте стоит пенька. Для ее перевозки в 1702 г. было занято 10 908 подвод (39,6%), в 1703 г. — 13 355 подвод (39%). Из актов, заключаемых в Москве на перевозку пеньки, видно, что извозчики доставляли пеньку к Вологде чаще всего непосредственно из мест, сеющих коноплю. Это уезды: Калужский, Брянский, Мещовский, Мосальский, Одоевский и др. Особенно много пеньки поступало из Почепа, Сухинич, Погар, Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и Вереи. Часть пеньки подвозилась к Москве не только гужом, но и водой.

Цель доставки пеньки в Москву могла быть различной: пенька накапливалась до установления санного пути на Вологду, шла непосредственно на изготовление изделий, а также подвергалась очистке перед транспортировкой в разные места, о чем у нас есть некоторые сведения².

Другие виды сырья и промышленные изделия занимали скромное место в перевозках гужом. В 1702 г. они перевозились на 1578 подводах (5,7%), в 1703 г. — на 854 подводах (2,5%). К Архангельску везли кожи, главным образом выработанные (юфть, «красный юхотный товар»), грубый холст (хрящ), меха, воск, клей, щетину, шелк-сырец, смольчуг, т. е. товары для экспорта. По Новгородской дороге шли паруса, канаты, железо и рогожи.

Из числа непродовольственных товаров к Москве гужом подвозили, главным образом, казенные грузы. Так, с тульских заводов Л. К. Нарышкина везли железо и пушки. Перевозки столь тяжелых грузов гужом свидетельствуют

по будущей Марининской системе (по рекам Шексне, Ковже, волоком к Вытегре и далее по Вычегде к Сяси), о чем в литературе есть некоторые указания (В. А. Горелов. Речные каналы в России. Л., 1953, стр. 22).

² ЦГАДА, ф. 282, кн. 1031, л. 749.

Таблица 1

Направление и виды перевозимых грузов в 1702 г.

Направления	Пенька		Промышленные изделия и сырье		Продовольствие (кроме хлеба)		Хлеб		Военные		Прочие и смешанные		Итого			
	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы		
Москва—Вологда*	211	10 476	23	1021	3	45	—	—	21	750	2	72	260	36,4	12 364	44,9
Москва—северо-запад	—	—	1	4	24	1491	89	4428	182	4661	3	40	299	41,8	10 624	38,6
Москва—другие направления	—	—	5	306	1	100	—	—	3	103	—	—	9	1,3	509	1,9
К Москве	5	432	4	247	3	260	—	—	—	—	—	—	12	1,6	939	3,4
Неизвестно**	—	—	—	—	—	—	—	—	135	3079	—	—	135	18,9	3 079	11,2
Итого	216	10 908	33	1578	31	1896	89	4428***	341	8593****	5	112	715	100	27 515	100
%		39,6		5,7		6,9		16,1		31,3		0,4	100			

* Пунктом отправления в первой графе могли быть южные города; груза шел через Москву транзитом.

** Начальным пунктом отправления здесь служила Москва, неизвестен конечный пункт доставки.

*** Водой на северо-запад шло 1316 четв.

**** Эта цифра несколько преувеличена, из-за системы перепорядков. Здесь не учтены также 1356 подвод подрядчиков С. Г. Крокова и И. П. Ермолаева. Договоры на подряды, они заключили в Зейском приказе, но переусулили их полостью другим подрядчикам.

Направление	Пенька		Промышленные изделия и сырье		Продовольствие (кроме хлеба)		Хлеб		Военные		Прочие и смешанные		Итого	
	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы	акты	подводы
Москва—Вологда	246	12 702	17	465	4	75	—	—	—	—	4	65	271	16,7 13 307 38,9
Москва—северо-запад	—	—	1	18	51	2779	116	5290	1160	11318	2	33	1330	81,7 19 438 56,8
Москва—Другие направления	2	63	7	281	—	—	—	—	—	—	—	—	9	0,5 344 1,0
К Москве	5	590	3	80	8	416	—	—	—	—	—	—	16	1,0 1 086 3,2
Неизвестно	—	—	1	10	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,1 10 0,1
Итого	253	13 355	29	854	63	3270	116	5290	1160	11318*	6	98	1627	100 34 185 100
%	—	39,0	—	2,5	—	9,6	—	15,5	—	33,0	—	0,3	100	—

* В это число не включено 1560 подвод крупнейших подрядчиков, так как и это число подвод несколько преуменьшено из-за перепофрантов.

о крайней их срочности. Только два акта заключены на перевозку грузов невоенного характера. Это «стекляничный товар», приобретенный оброчным крестьянином села Покровского Яковом Бобыниным на стекольных заводах Свенского монастыря и в «черкасских городах»³.

Извозчики, доставлявшие к Архангельску пеньку на обратном пути в Москву, иногда привозили табак.

На юг из Москвы везли также казенные грузы (смолу и железо).

В числе перевозимых продовольственных товаров большое место занимал хлеб. В 1702 г. под продовольственными товарами (исключая хлеб) было занято 1896 подвод (6,9%), под хлебом — 4428 подвод (16,1%); в 1703 г. — соответственно 3270 подвод (9,2%) и 5290 подвод (15,5%). Подвоз продовольствия к Архангельску был незначителен. Главным видом продукции было говяжье сало, идущее, вероятно, на экспорт. Из Москвы извозчики, ехавшие за пенькой (обычно для скорости порожняком), иногда везли на места соль и селедку. К Москве из продовольственных товаров подвозили сало и вино — товары, в основном не предназначавшиеся для внутреннего рынка, а идущие для армии и на экспорт.

Основная часть продовольственных грузов направлялась по Новгородской и Ладужской дорогам.

Большое место в этих перевозках занимало вино, доставляемое с заводов Брянского, Волховского, Каширского и Рязанского уездов. Вино везли гужом на кружечные дворы Новгорода, Пскова и Старой Руссы. Кроме вина, к Новгороду и Пскову (а потом и далее к Прибалтике) везли мясо, свиное сало, масло конопляное, ветчину, рыбу, икру, масло и другие товары. На поставку этих товаров подрядчики заключали договоры в Ратуше, а на перевозку предназначенного для армии продовольствия нанимали извозчиков.

Хлеб как в 1702 г., так и в 1703 г. весь шел на северо-запад, т. е. также предназначался только для нужд армии. В связи с войной население было обложено чрезвычайным налогом — запросным хлебом. Этот хлеб подлежал сдаче в 1702 г. в Новгороде или Пскове. В конце 1702 и в 1703 г. хлеб подвозился и к Ладоге, а затем к Шлиссельбургу, Ямбургу и Петербургу. Таким образом, на население, кроме

³ Там же, лл. 681, 790 об.

уплаты налога, была возложена еще одна повинность — доставка хлеба на дальнее расстояние. Поэтому население или нанимало извозчиков для перевозки хлеба или целиком сдавало подряды на поставку этого хлеба, уплачивая подрядчикам деньги. Привезенный из Поволжья и с юга водой по Оке в Москву хлеб уже отсюда доставлялся подрядчиками на северо-запад⁴. Всего в 1702 г. было заключено 89 сделок на перевозку хлеба на 4428 подводках, т. е. перевезено свыше 17 тыс. четв.⁵ В 1703 г. было поставлено 5290 подвод по 115 актам. Часть муки доставлялась в Новгород зимой гужом, часть шла до Вышнего Волочка, а дальше — водой⁶.

В общей системе транспортировки выделяются военные грузы — «полковые припасы», «казна великого государя». В 1702 г. под полковые припасы было поставлено 8593 подводы (31,3%), в 1703 г. — 11 318 подвод (33,0%). Частично доставку их к месту назначения брали на себя подрядчики, заключавшие подряды с казной, а затем от себя уже нанимавшие извозчиков. Нередко военные грузы доставлялись за счет населения, обложенного подводной повинностью.

Выполнение этой повинности было обременительно. Население предпочитало переводить ее в денежные отношения, т. е. нанимать вместо себя извозчиков.

В подрядном извозном акте, записываемом в книгу «перечнем», т. е. кратко, число дворов, с каких ставились подводы, проставлялось очень редко. Все же из отдельных актов видно, что в 1701 г. население обычно выставяло одну под-

⁴ Подробнее о хлебных подрядах и торговле см.: Г. Д. Капустина. К истории хлебного рынка Москвы в первой четверти XVIII в. — «Города феодальной России». Сборник статей. М., 1966.

⁵ Разумеется, перевозки на лошадях отражают лишь небольшую часть хлебных поставок. Так, в январе 1702 г. два московских торговца подрядились в Ратуше доставить в Архангельск 22 302 четв. ржи и овса «государева жалования ратным людям» (кн. 1031, л. 174—174 об.). Надо думать, что большие партии хлеба шли в основном водой. Сведения о них есть только в том случае, если подрядчики заключали договор с казной. В феврале и марте 1702 г. два подрядчика обязались в Приказе Казанского дворца перевезти в Астрахань 40 тыс. четв. «государевых хлебных запасов» (кн. 1031, л. 370 об.—371, 467 об.—468). Возможно, что эти партии хлеба были не из московских хлебных запасов.

⁶ Под «хлебом» подразумевались ржаная и пшеничная мука, рожь, солод, горох, овес и крупы (гречневая и овсяная). Когда в акте указывалось только количество четвертей хлеба, при пересчете на подводы мы исходили из наиболее частой нагрузки на подводку по 4 четв.

воду с 6 дворов, в 1702 г. — с 10, в 1703 г. — с 15 дворов⁷. В дальнейшем документы отмечают тенденцию к снижению нормы до одной подводки с 25 и даже 40 и более дворов⁸.

Таким образом, происходило некоторое смягчение подводной повинности в связи с улучшением положения на театре военных действий. Но, если в 1701 и 1702 гг. подводы поставлялись на довольно короткие участки пути, то в 1703 г. груз надо было доставлять из Москвы к Шлиссельбургу.

В акте редко обозначался уезд, население которого передавало свою подводную повинность подрядчикам. Но тем не менее в 1702 г. названо около 20 таких уездов, в 1703 г. — уже около 50. По мере увеличения маршрута перевозок все больше сдавали подряды крестьяне не только южных и юго-восточных уездов, но центральных и северных и даже таких, где очень сильно был развит извозный промысел. Передача подрядов приняла столь широкий размах, что уже в начале 1710 г. правительство предписало вместо сбора подвод брать «на наем подвод под артиллерийские припасы» с крестьянского двора по 2 алтына, а с посадских людей — по 2 алтына с рубля (с суммы обложения десятой деньгой)⁹.

В 1702 г. было четыре направления, по которым перевозились грузы для военных нужд: 1) Москва—Новгород—Псков; 2) Москва—Вологда (далее, вероятно, водой к Архангельску); 3) Москва—Смоленск; 4) Москва—Тула и далее Воронеж. Каждый из этих маршрутов был разбит на участки, на протяжении которых население и обязано было перевозить грузы. Маршрут Москва—Псков протяженностью в 685 верст делился на перегоны: Москва—Тверь (175 верст)¹⁰, Тверь—Валдай (около 200 верст), Валдай—Новгород (около 150 верст), Новгород—Псков (145 верст). Путь от Москвы до Вологды разбивался на три отрезка: Москва—Пряславль-Залесский (120 верст), Пряславль-Залесский — Ярославль (120 верст), Ярославль—Вологда (180 верст). От Москвы

⁷ ЦГАДА, ф. 282, кн. 1031, лл. 511, 519, 529, 549, 565, 570, 573, 581 об., 591—591 об., 622, 673, 682, 715, 829; кн. 1032, лл. 196, 274 об., 319, 357 об., 434 об., 516, 598, 611 об., 715 об., 1015 и др.

⁸ Там же, кн. 1032, лл. 425, 509, 562, 563, 715 об., 995 об., 1017, 1029 об. и др. Правда, норма в 30, 40, 60 и более дворов встречается обычно при перерасчете повинности за прошлые годы (там же, кн. 1032, лл. 677—678, 992 и др.).

⁹ ПСЗ, т. IV, № 2246.

¹⁰ Эти, как и последующие цифры, взяты нами из «Поверстной и указной книги Ямского приказа».

до Смоленска (путь в 260 верст) промежуточным пунктом был Можайск (от Москвы 90 верст). Путь из Москвы до Тулы в 160 верст совершался безостановочно.

Если же подрядчики заключали договоры непосредственно с казной в Земском приказе, то они брали на себя поставку до пункта назначения.

Перевозки по маршруту Москва—Смоленск, Москва—Тула занимали незначительное место среди общего числа военных перевозок (в 1702 г. на Смоленск и Воронеж направлялось лишь около 1% подвод). Правда, довольно распространенной формулой указанного в акте маршрута была следующая: «везти полковые припасы до ближних городов», «до Твери или иных ближних городов», «до Твери или до Переяславль-Залесского или до Можайска или до Тулы». Таких военных перевозок, конечный пункт которых неизвестен, было в 1702 г. довольно много — 3079 подвод. Среди этих перевозок возможны перевозки к Туле и к Смоленску. Но по актам, в которых маршрут обозначен точно, можно судить о незначительности перевозок на юг и запад, что и понятно ввиду важности событий на северо-западе. Возможно, что крестьяне южных уездов выполняли подводную повинность на своих дорогах самостоятельно, не передавая ее подрядчикам, но по некоторым актам видно, что они должны были поставлять подводы и для перевозок по Новгородскому тракту. Военные перевозки по Вологодскому тракту занимали больший удельный вес по сравнению с тульским и смоленским направлениями. Для перевозки по этому тракту военных грузов, по нашим данным, было выставлено 720 подвод и заключено 20 актов.

Основная масса военных грузов, естественно, шла на северо-запад. В 1702 г. сюда направлялось 4661 подводы, т. е. свыше 50% всех военных грузов. Кроме того, из числа военных грузов, путь следования которых не обозначен, основная часть, конечно, шла по этому направлению. Большинство сделок подрядчиков с казной заключалось на перевозки именно на северо-запад.

В 1703 г. все военные перевозки направлялись к Финскому заливу^{10а}. Местами назначения были крепость Шлиссельбург, Ямбург и остров Котлин.

^{10а} Правда, в некоторых актах встречается формула о перевозке к Шлиссельбургу или «куда указано будет».

Под «полковыми припасами», или «казною великого государя», подразумевались боеприпасы, шанцевый инструмент, снаряжение, обмундирование, аптекарские товары, средства передвижения и даже передислоцирующиеся воинские части.

При рассмотрении военных перевозок останавливает внимание четко налаженная подвозка грузов к наиболее ответственным участкам военных действий, маневренность и быстрая перебазировка потока подвод, направлявшихся с военными грузами к театру военных действий. Так, в 1702 г. боеприпасы, военное снаряжение и продовольствие свозятся на военные склады Новгорода и Пскова для обеспечения действий русских войск в Лифляндии и Ингрии. Часть грузов идет к Архангельску, где находится Петр I с отрядом, строятся суда и укрепляется крепость Новодвинская. В октябре 1702 г. был взят Нотебург (Шлиссельбург). И незамедлительно поток военных грузов направляется сюда для дальнейшего обеспечения продвигающегося фронта. Везутся грузы и для верфи на Ладоге. Взятие Ниеншанца, закладка Петербурга потребовали укрепления Кронштадтской крепости и о. Котлина.

Таким образом, в начале XVIII в. масса извозчиков, приходивших в Москву, была занята перевозкой главным образом военных грузов и товаров, идущих на экспорт. Подвоз товаров для внутреннего рынка оставался почти вне сферы их деятельности¹¹. Вероятно, внутренний рынок больше обслуживался водным транспортом, договоры на перевозку грузов в Москву заключались вне Москвы, а непосредственные производители везли свои товары на собственных лошадях. Кроме того, именно перевозка казенных грузов и экспортных товаров, являвшихся государственной монополией, находилась под большим контролем, чем частные грузы. Перевозка последних могла не оформляться офи-

¹¹ Все же извозчики обслуживали и торговцев, везущих сукно на Украину (ЦГАДА, ф. 282, кн. 1032, л. 747) и товары в Новгород (там же, лл. 1027, 1135), маркигантов, направлявшихся к театру военных действий, подвозили «столовые запасы» частным лицам, находившимся на государственной службе (там же, лл. 517 об.—518, 995). Со второго десятилетия XVIII в. казенные подряды перестали регистрироваться в крепостных конторах. Акты контор с этого времени рисуют картину обслуживания извозом нужд только внутреннего и внешнего рынков.

циально заключенной сделкой. Число извозчиков в Москве было значительно больше, чем отражают акты.

Несмотря на то, что акты на извоз приоткрывают лишь небольшой участок торговой жизни Москвы, Москва рисуется как центр, стягивавший к себе товары и распределявший их по стране.

Сравнивая данные табл. 1 и 2, мы видим, что общее количество грузов, перевезившихся в 1702 г. по разным дорогам, осталось почти неизменным и в 1703 г. Значительно увеличилось лишь число подвод, занятых в извозе по северо-западному направлению. Это и понятно, если учесть активизацию военных действий в 1703 г. и начавшееся строительство Петербурга. Некоторое увеличение количества груза, следующего по вологодскому направлению, произошло за счет увеличения экспорта пеньки.

* * *

Как уже отмечалось, основную массу извозчиков составляли крестьяне. Но при военных перевозках около 30% подвод приходится на долю подрядчиков-горожан. Горожане — это в основном крупные подрядчики, нанимавшие от себя подводы. Точное число лиц, участвующих в извозе, учету не поддается. В акте указываются социальная принадлежность, уезд и село, выходцем из которого был извозчик. Но так как извозный акт заключала обычно большая группа, то перечисляются не все извозчики. Остальные скрыты под формулой «с товарищи».

Следовательно, точное число крестьян-отходников, извозничавших в Москве, установить невозможно. Подсчитывая степень участия в извозе крестьян того или иного уезда, также необходимо иметь в виду небольшие отступления от истинной картины, которую дают извозные акты.

Крестьяне-извозчики, как и отходники других специальностей, шли в основном в Москву из районов, известных еще с XVII в. как районы оброчного хозяйства — из Замосковского края¹². Из этого центрального района России в Москве извозничали крестьяне 30 уездов. Из 590 актов, заключенных крестьянами на перевозку товаров в 1702 г. (табл. 3),

¹² Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1906, стр. 515.

на долю этих уездов приходилось 580 актов (98,1%), из 1084 актов, заключенных в 1703 г., — 1031 акт (94,4%)¹³.

Крестьяне центральных, северных и северо-восточных уездов в 1702 г. выставили в извоз из 25 156 подвод 24 441 подвод (97,12%), в 1703 г. — из 30 470 — 29 839 подвод (97,9%).

Следует полагать, что не только Москва не была сферой притяжения крестьян юга, но вообще извозный промысел там был развит слабее. Примечательно, что если даже товары к Москве подвозились с южных уездов, доставкой их занимались в основном крестьяне северных уездов.

Степень отвлечения крестьянства к занятиям извозом в значительной мере зависела также от близости тех или иных уездов к важнейшим торговым трактам.

Как видно из данных табл. 3, в 1702 г. крестьяне уездов, связанных с Архангельским трактом, заключили на перевозку товаров 150 актов (25,4% общего числа актов, заключенных в этом году). В извозе было занято 7037 подвод, что составляет 28% общего годового числа подвод.

В 1703 г. ими было заключено 358 актов (33%) и поставлено 10 657 подвод (35%). Наиболее активное участие в извозе здесь принимали крестьяне Переяславль-Залесского, Ростовского, Ярославского и Вологодского уездов.

Вторую группу извозчиков, отходивших на заработки в Москву, составляли крестьяне уездов, расположенных вдоль магистралей, ведущих на северо-запад. Важное значение этот путь получил ввиду военных действий в Прибалтике.

Как уже отмечалось, грузы в Прибалтику могли доставляться как гужевым, так и комбинированным путем, т. е. посуху до Вышнего Волочка и Рогачевской пристани и далее по воде. Поэтому дорога в Прибалтику стимулировала крестьянский извоз уездов, через которые этот тракт проходил (Клинского, Тверского, Старо-Русского и Псковского) и уездов, лежавших вдоль Старо-Ладужской дороги и отчасти Великолуцкой (Волоколамского, Ржевского, Дмитровского, Кашинского и Угличского уездов). На их долю (см. табл. 3)

¹³ В 1702 г. остальные 10 актов приходятся на долю уездов, примыкающих к Москве с юга, юго-запада и юго-востока: Арзамасский, Звенигородский, Калужский, Козельский, Коломенский. В 1703 г. остальные 53 акта падают, кроме перечисленных, еще на следующие уезды: Боровский, Воротынский, Вяземский, Крапивенский, Серпейский, Серпуховской, Шацкий, Мещовский, Мосальский и Мценский.

Таблица 3

Участие в извозе крестьян, выходящих из уездов,
расположенных вдоль торговых трактов

Тракт	1702 г.				1703 г.			
	акты		подводы		акты		подводы	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Москва—Архангельск	150	25,4	7 039	28,0	358	33,0	10 657	35,0
Москва—северо-запад *	99	16,9	4 400	17,5	228	20,8	5 827	19,1
Москва—Смоленск . . .	5	0,8	332	1,3	12	1,2	401	1,3
Москва—юг **	4	0,6	182	0,7	38	2,6	367	1,2
Москва—Нижний Новгород	5	0,8	246	1,0	53	4,9	322	1,0
Московский уезд . . .	314	53,2	12 030	47,8	378	34,9	12 220	40,3
Прочие ***	13	2,3	927	3,7	17	2,3	616	2,1
Итого	590	100	25 156	100	1084	100	30 470	100

* Здесь объединены акты крестьян из уездов, лежащих вдоль трех северо-западных дорог: Новгородской, Ладужской и Великолуцкой. На долю первых в 1702 г. приходилось 26 актов (4,5%) и 1416 подвод (5,6%), в 1703 г. — 77 актов (7,2%) и 2618 подвод (8,6%). На долю вторых в 1702 г. приходилось 72 акта (12,2%) и 2973 подводы (11,8%), в 1703 г. — 146 актов (13%) и 3180 подвод (10,4%). На долю третьих в 1702 г. приходилось 1 акт (0,2%) и 11 подвод (0,1%), в 1703 г. — 5 актов (0,6%) и 29 подвод (0,1%).

** Здесь ввиду малочисленности объединены акты крестьян уездов, лежащих вдоль трех южных дорог.

*** Сюда включены акты крестьян, район выхода которых неизвестен, а также договоры, заключенные крестьянами из разных районов совместно с ямщиками и горожанами.

в 1702 г. приходилось 99 актов (16,9%) и 4400 подвод (17,5%) общего годового числа, в 1703 г. — 228 актов (20,8%) и 5827 подвод (19,1%). Основную долю в извозном промысле этого района занимали крестьяне Дмитровского, Кашинского, Клинского и отчасти Тверского уездов¹⁴. Скромная роль в извозе крестьян Тверского уезда при той большой роли, какую играла Тверь на Новгородской дороге,

¹⁴ В 1702 г. они заключили 97 актов (97,9%) и поставили 4371 подвод (99%), в 1703 г. — 194 акта (85,1%) и 5263 подводы (90,3%).

может быть объяснена тем, что извозчики этого уезда обслуживали лошадьми отрезок пути от Твери до Вышнего Волочка.

Из уездов Архангельского и Северо-Западного трактов основная доля в извозе падает на крестьян Дмитровского, Ярославского и Переяславль-Залесского уездов (табл. 4). По числу актов на первом месте стоит Дмитровский уезд, но он уступает Переяславль-Залесскому по числу подвод. Число

Таблица 4

Извозный промысел крестьян из уездов, дававших
наибольшее число извозчиков

Уезд	1702 г.				1703 г.			
	акты		подводы		акты		подводы	
	число	% *	число	%	число	%	число	%
<i>Архангельский тракт</i>								
Вологодский	18	3,0	724	2,9	20	1,8	455	2,8
Костромской	14	2,4	573	2,3	16	1,5	856	2,8
Переяславль-Залесский	49	8,3	2 756	11,0	85	7,8	3 125	10,3
Ростовский	22	3,7	1 069	4,2	50	4,6	1 691	5,6
Ярославский	29	4,9	1 178	4,7	94	8,7	2 440	8,0
<i>Северо-Западный тракт</i>								
Дмитровский	61	10,3	2 458	9,8	113	10,4	2 305	7,6
Кашинский	11	1,8	514	2,0	30	2,8	888	2,9
Клинский	22	3,7	1 305	5,2	39	3,6	1 704	5,7
Тверской	3	0,5	93	0,4	10	0,9	293	1,0
Смешанные **	8	1,4	406	1,6	11	1,0	518	1,7
Итого	237	40,0	11 076	44,1	468	43,1	14 674	48,4
Всего дано крестьянами	590	100	25 156	100	1084	100	30 470	100

* Процент дается к общему числу актов и подвод, принадлежавших крестьянам.

** Из этого числа в 1702 г. на долю крестьян Северо-Западного тракта падает 8 актов и 406 подвод, в 1703 г. — 2 акта и 72 подводы; на долю крестьян Архангельского тракта в 1703 г. приходится 9 актов и 468 подвод.

подвод, приходившееся в среднем на один акт по Дмитровскому уезду, также уступало Переяславль-Залесскому. В 1702 г. по Дмитровскому уезду на один акт падало 40,3 подводы, по Ярославскому — 40, по Переяславль-Залесскому — 56,3 подводы; в 1703 г. — соответственно 20,4; 26; 36,8. Разница объясняется тем, что крестьяне Дмитровского уезда перевозили по своей дороге в основном военные грузы, а так как сдаваемые частными лицами подряды невелики, то артели приходилось заключать несколько актов. Кроме того, как увидим ниже, на Архангельской дороге подвизались в основном крупные артели, на Северо-Западной — отдельные подрядчики.

В Дмитровском уезде извозчики выходили в основном из двух сел Николо-Песношского монастыря — Рогачева и Ивановского, расположенных при Рогачевской пристани. В Клинском уезде отходников давало церковное село Завидово. В Переяславль-Залесском уезде извозчики шли из сел Троице-Сергиевского и Горицкого монастырей, в Ярославском уезде — из сел Спасо-Ярославского монастыря и крупных вотчинных владений Троекуровых, Бутурлиных и Голицыных; в Ростовском уезде — из дворцовых сел Великое и Тварино, а также сел Новое и Деболы, принадлежавших Троице-Сергиевому монастырю; в Костромском — из дворцового села Демидовского и сел Ипатьевского монастыря.

Важный в экономическом значении Смоленско-Дорогобужский тракт дал лишь незначительное число извозчиков (см. табл. 3). Это крестьяне ближайших к Москве уездов: Звенигородского, Рузского и в незначительной степени — Боровского и Вяземского. На долю этих уездов падает в 1702 г. 5 актов (0,8%) и 334 подводы (1,3%), в 1703 г. — 12 актов (1,3%) и 401 подвода (1,3%). Обслуживали они не свой, а Северо-Западный тракт.

Больше отходников было с Брянско-Калужской дороги, связывающей Москву с центрами производства пеньки. Из этого района Москва притягивала отходников в радиусе до 250 верст. Здесь мы видим крестьян Калужского, Одоевского, Воротынского, Мещовского, Козельского и Мосальского уездов. На их долю в 1702 г. приходилось 0,3% актов и 0,1% подвод, в 1703 г. — 1% актов и 0,6% подвод. Уезды, расположенные вдоль тракта Серпухов—Тула—Орел—Харьков, дали извозчиков из деревень радиуса до 200 верст от Москвы, в первую очередь Серпуховского (извоз

которых стимулировался наличием Серпуховской пристани на Оке), Олексинского, Оболенского, Одоевского и др. В 1703 г. на их долю падает 0,3% общего числа актов и 0,2% подвод. Из сделок крестьян тракта Коломна—Рязань—Тамбов в 1702 г. зафиксировано 0,3% актов и 0,6% подвод, в 1703 г. — 1,3 актов и 0,1 подвод. Это крестьяне Коломенского, Зарайского, Переяславль-Рязанского, Рязского и Шацкого уездов. Здесь извоз развивался также под влиянием окских пристаней.

Сухопутный тракт на Нижний Новгород, несмотря на то, что он обслуживал Макарьевскую ярмарку, не втянул в извоз крестьян близлежащих уездов. На их долю в 1702 г. приходилось только 0,8 актов и 1% подвод, в 1703 г. — 4,9% актов и 1% подвод. Грузы к Нижнему Новгороду целесообразнее было подвозить водой.

Особое место в извозном промысле принадлежит крестьянам Московского уезда (см. табл. 3). На их долю падает в 1702 г. 314 актов (т. е. 53,2% общего числа актов, заключенных извозчиками-крестьянами в этом году) и 12 030 подвод (47,8%); в 1703 г. — 378 актов (34,9%) и 12 280 подвод (40,3%). Фактическое участие их в извозе даже несколько больше, так как они часто участвовали в сделках совместно с крестьянами других уездов. Преобладающее значение в извозе крестьян этого уезда объясняется и близостью к Москве, и давнишним оброчным хозяйствованием в этом районе, и огромным торговым значением Москвы как центра всероссийского рынка. По замечанию А. А. Кизеветтера, «стягивающиеся сюда из всех центральных провинций грузы, помимо местного потребления, получали затем при посредстве Москвы многообразное дальнейшее направление»¹⁵.

Среди московских сел самое активное участие в извозе принадлежало крестьянам села Коломенского с тяготеющими к нему приселками и деревнями, что вызывалось наличием в селе пристани, на которой разгружались идущие с юга по Оке и Москве-реке сельскохозяйственные товары. По этой же причине извоз был развит в селе Острове и Островецком стане и в патриаршем селе Софрине. Расположением при реке Пахре определялся извоз крестьян Домодедовской волости и

¹⁵ А. А. Кизеветтер. Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник. — «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому». М., 1909, стр. 77.

Ратуева стана (село Пахрино, деревня Ворыпаева). Извоз крестьян более северных частей уезда вызывался тем, что через уезд проходили Архангельская и Новгородская дороги. Это были крестьяне Горетова стана (села Тушино, Нахабино, Ивановское, Черкизово), Сурожского стана, дворцовых сел Братовщино, Черная Грязь, Тайнинское, Воздвиженское, Клементьевой слободы Троице-Сергиевского монастыря, патриаршего села Пушкино.

Следует только отметить, что крестьяне не ограничивались обслуживанием «своего» тракта.

Т а б л и ц а 5

Число извозных актов, заключенных крестьянами разных категорий

Год	Дворцовые		Частновладельческие		Монастырские		Смешанные группы		Итого	
	число актов	%	число актов	%	число актов	%	число актов	%	число актов	%
1702	175	29,8	146	24,7	195	33	74	13,5	590	100
1703	220	20,3	326	30	482	44,5	56	5,2	1084	100
Итого	395	23,6	472	28,2	677	40,4	130	7,8	1674	100

По данным табл. 5, крестьяне-извозчики могут быть охарактеризованы с точки зрения их владельческой принадлежности. Число актов, заключенных монастырскими крестьянами, несколько превышает число сделок дворцовых и частновладельческих крестьян. На их долю падает в 1702 г. 33% общего числа сделок, в 1703 г. — 44,5%. Участие дворцовых и частновладельческих крестьян в извозе приблизительно одинаково. На долю первых в 1702 г. приходится 29,8% актов, в 1703 г. — 20,3%; на долю последних — соответственно 24,7 и 30%. Но так как число частновладельческих крестьян превышало число дворцовых, следовательно, активность последних была выше.

Монастырские крестьяне шли в Москву почти из всех упоминаемых выше уездов¹⁶. Свыше 50 монастырей посылали

¹⁶ Нет в Москве монастырских крестьян только из 11 (главным образом южных) уездов: Арзамасского, Вяземского, Гороховского, Ки-

в извоз своих крестьян; занимались извозом также крестьяне патриаршие, архиерейские, церковные (Архангельского и Успенского московских соборов). Среди владельцев монастырских крестьян 12 московских монастырей и такие известные монастыри, как Воскресенский, Калязинский, Спасо-Ярославский, Спасо-Ефимьевский (Суздальский), Горицкий (Переяславль-Залесский) и особенно Троице-Сергиевский (из южных монастырей в Москве были крестьяне только Калужского Лаврентьева монастыря). Крестьяне Троице-Сергиевского монастыря приходили в Москву из восьми уездов.

Крестьяне дворцового ведомства были в Москве из 12 уездов¹⁷. Кроме уже упомянутых сел Московского уезда, здесь значились крестьяне сел Ярополч (Ярославского уезда), Верещагино (Романовского уезда), Даниловского и Сидоровского (Костромского уезда), Дединова (Коломенского уезда) и др.

Что касается крестьян частновладельческих, в Москве более всего учтены крестьяне, принадлежавшие крупным фамилиям: Голицыным, Головиным, Лопухиным, Урусовым, Салтыковым и др., всего свыше 60 владельцев¹⁸.

Как уже отмечалось, точное число людей в акте не всегда проставлялось. Там, где оно указано, видно, что это число колеблется от 1 до 100 человек. Число подвод в акте также варьируется от 1 до 100.

Обычная форма организации извозчиков — артель, чаще всего состоявшая из односельчан. Такие артели могли формироваться на месте.

Но в одной сделке могли кооперироваться крестьяне разных владельцев, категорий, уездов, и даже объединялись извозчики разных социальных категорий (крестьяне и посадские)¹⁹.

Как видно из данных табл. 5, число актов, в которых представлены крестьяне различных категорий, в 1702 г. со-

нешемского, Козельского, Мосальского, Муромского, Мценского, Юрьевецкого, а также Галицкого и Псковского.

¹⁷ Это Московский, Коломенский, Костромской, Переяславль-Залесский, Пошехонский, Псковский, Романовский, Ростовский, Серпейский, Суздальский, Юрьевецкий и Ярославский уезды.

¹⁸ Владельческих крестьян нет только из Мещовского, Серпуховского, Новгородского, Псковского, Угличского и Юрьевецкого уездов.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 282, кн. 1031, лл. 19 об., 22 об. — 23, 24, 58—59 об.; 190, 215, 257 об. — 258, 315, 340, 344—344 об., 531 об. — 532, 764; кн. 1032, лл. 585 об., 738 об. — 739, 762.

ставляло 13,5% общего числа, в 1703 г. — 5,2%. Таким образом, наряду со старой формой артели, создававшейся там, где крестьяне жили, появились артели, сформированные уже в городе, служившем местом отхода, в данном случае в Москве. Эти крупные артели были непостоянны. Местные группы и отдельные их члены могли встретиться в течение года в нескольких разных комбинациях²⁰.

Как создавались такие артели? В одном из актов большая артель извозчиков дворцовых сел Коломенского и Воробьева с деревнями разбита на десятки из односельчан²¹, в другом акте, заключенном крестьянами дворцового села Острова, из 50 участников сделки поименно перечислены 5 и названы «десятчанами»²². Выделялись ли эти «десятчаны» из возглавляемой ими группы односельчан, неясно. Но очевидно, что они — прообраз будущего подрядчика. «Десятчаны» со своими подопечными участвовали в разных артелях. Для того чтобы склотить артель в Москве, нужен был организатор-подрядчик. В актах появляется термин «подрядчик или извозчик»²³. Первоначально подрядчик не выделялся из среды извозчиков, участвуя в извозе наравне с ними, но постепенно к нему переходили организаторские функции.

Естественный процесс выделения из общей массы извозчиков подрядчиков усилился под влиянием событий первой четверти XVIII в. Особенно быстро этот процесс шел при перевозке военных грузов. При сдаче подрядов на перевозку из казны от казенных подрядчиков требовалась гарантия выполнения подряда, для чего необходимы были известные денежные средства и поручители. Это привлекло к подрядам лиц, не связанных с извозом, создав особый тип извозчика-горожанина. Стремление населения придать подводной повинности денежный характер опять-таки обусловило появление

²⁰ Так, «десятчанин» (глава десятки извозчиков-односельчан) крестьянин дворцового села Острова Конон Фомин в декабре 1702 г. участвовал в артели из 55 человек; в январе он возглавил группу из 11 человек (там же, кн. 1031, л. 755 об., 67). В январе 1702 г. крестьянин дворцовой Ермолинской волости Московского уезда Галактион Яковлев вместе с двумя крестьянами того же уезда (дворцовым и монастырским) везли на 50 подводах из Твери до Воронежа смолу, в декабре того же года он был членом артели крестьян разных владельцев, везших на Вологду пеньку (там же, лл. 8 об., 852 об.).

²¹ Там же, кн. 1031, л. 755 об.

²² Там же, л. 759.

²³ Там же, л. 39.

подрядчика, собиравшего небольшие подряды и организовавшего артель. Подряды на военные грузы сдавались в любое время года, а деятельность артелей носила сезонный характер. Наконец, ограничение крестьянской деятельности также наложило отпечаток на характер извоза, создав сложную систему переподрядов, известную иерархию среди подрядчиков-извозчиков.

Подрядчики, заключавшие договоры непосредственно с казной, — это обычно богатые торговые люди Москвы и дворцовые служащие. Среди крупных подрядчиков, заключающих договоры с казной на перевозку военных грузов, можно отметить Воскресенских ворот воротника Семена Григорьева Крюкова, гостиной сотни Ивана Прокофьева Ермолаева, Садовой слободы тяглеца Якова Ефимова Латышева, постельного истопника Петра Иванова Новгородцева. Эти лица своих подвод для перевозок не имели и передавали свои подряды извозчикам, получая за это известную часть прибыли. Так, в январе 1702 г. С. Г. Крюков заключил договор в Приказе земских дел на перевозку из Москвы к Вологде пушек и ядер общим весом 3359 пудов, взяв за провоз по 4 алтына с пуда (общая сумма подряда 403 руб. 8 коп.)²⁴. В том же месяце он сдал часть подряда артели крестьян, уплатив им по 7 коп. с пуда²⁵. Всего С. Г. Крюков в 1702 г. по трем подрядам должен был поставить в казну свыше 700 подвод. Все эти подводы он передал подрядчикам из крестьян²⁶.

Гораздо больше подрядов на перевозку военных грузов получали подрядчики от частных лиц. Подрядчики здесь разных социальных слоев, в том числе и горожане. Кроме С. Г. Крюкова и И. П. Ермолаева, это калужский посадский человек П. Ф. Евсеев (обязавшийся выставить в 1702 г. 313 подвод), тяглец Барашской слободы А. Г. Лысеев (325 подвод), тяглец Казенной слободы И. Я. Сиднев (141 подвод), тяглец Садовой слободы Михаил Струнин (131 подвод). Таких подрядчиков-горожан было всего человек десять. Они также передавали подряды более мелким подрядчикам из крестьян²⁷. Но эта передача лишь частично отражена в актах, так как, будучи по роду своей основной

²⁴ ЦГАДА, д. 282, кн. 1031, л. 139.

²⁵ Там же, лл. 178 об. — 179.

²⁶ Там же, лл. 179—179 об., 333 об.—334, 377, 385, 406 и др.

²⁷ Там же, лл. 574 об., 575, 852—852 об., 703 об. и др.

деятельности крупными торговцами хлебом (например, Лысеев и Струнин), пенькой и вином (Евсеев), они нанимали извозчиков для перевозки этих товаров и использовали своих извозчиков для перевозки военных грузов на другом участке пути, не оформляя нового договора.

Наиболее крупные из крестьян-подрядчиков тоже заключали одновременно несколько сделок²⁸. Наличие иногда в акте формулы «с товарищи» не противоречит тому, что перед нами подрядчик, а служит, вероятно, для того, чтобы подрядчик, организовывая артель, не оформлял новую сделку.

Некоторые из подрядчиков-крестьян, подобно горожанам, передавали часть сделки другим, более мелким подрядчикам, наживаясь на этом. Так, компаньон по одному из актов упоминаемого Федора Губина Герасим Иванов Богомолов вместе с братом и «товарищи» взял в январе 1702 г. подряд на поставку с винокуренных заводов Петра Евсеева 150 бочек вина в Псков (на 150 подводах), «найму за провоз рядили» 4 руб. 25 алтын (75 коп.) с бочки²⁹. В том же месяце часть его подряда (100 подвод) взяла группа крестьян Кашинского уезда, получив от него от 4 руб. 2 гривны (20 коп.)³⁰. Крупным подрядчиком был крестьянин дворцового села Ермолина Осип Тархов. В июне—августе 1702 г. он заключил 10 актов (в двух у него есть компаньон) на военные перевозки на 522 подводах. Часть подвод он передал другим подрядчикам за меньшую сумму³¹. Кроме извоза, Осип Тархов занимался поставками в казну хлеба³².

Кроме таких подрядчиков — организаторов артелей и передающих свои сделки другим более мелким подрядчикам, были крупные подрядчики, владевшие собственными судами и, воз-

²⁸ Уже упоминаемый Федор Губин заключил в июне 1702 г. четыре договора общей сложностью на 376 подвод (там же, кн. 1031, лл. 572, 574 об. — 575, 578, 614 об.). В последнем он действовал вместе с двумя компаньонами. В июле он взял еще два подряда (там же, лл. 645 об., 655 об., 656).

²⁹ Там же, л. 22.

³⁰ Там же, л. 280 об. В этом же месяце Богомолов взял еще один подряд у того же хозяина на поставку вина на 50 подводах, получив 9 руб. 4 гривны «на пару» подвод (т. е. 4 руб. 70 коп. на подводу). Через неделю он сдал подряд на 40 подвод одному частновладельческому крестьянину, уплатив 4 руб. 05 коп. за подводу (там же, лл. 80 об. — 81, 147—147 об.).

³¹ Там же, лл. 287, 597 об., 605, 611—611 об., 614, 616 об.—618, 620 об., 642, 651 об., 655 об.—656, 661 об.

³² Г. Д. Капустина. Указ. статья, стр. 385.

можно, большим количеством лошадей, так как брались за перевозку грузов «на своих подводах и на стругах и своими работниками». Известно, что такими крупными подрядчиками были церковный крестьянин села Завидово Клинского уезда Герасим Никитин Одинцов³³, крестьяне Ярославского уезда Спасо-Ярославского монастыря Василий Федоров Плитник и Архип Андреев Бубнов³⁴.

Владельцы кораблей должны были нанимать судовых работников, что и нашло свое отражение в жилых и подрядных актах³⁵. Наем работников для извозного промысла на лошадах хозяина также отражен в жилых записях. К официальному найму таких работников прибегали, правда, только горожане, которые должны были держать работника у себя дома³⁶. Крестьяне, нанимая работника на извозный сезон, могли избежать регистрации.

Таблица 6

Число актов на перевозку разных грузов в зимнее и летнее время

Груз	1702 г.			1703 г.		
	зима	лето	итого	зима	лето	итого
Пенька	216	—	216	250	3	253
Сырье	18	—	18	18	7	25
Промышленные изделия	11	4	15	4	—	4
Продовольствие	28	3	31	59	2	61
Хлеб	74	11	85	74	43	117
Военные грузы	45	175	220	451	167	618
Прочие	4	1	5	6	—	6
Итого	396	194	590	862	222	1084
%	67,1	32,9	100	79,5	20,5	100

³³ ЦГАДА, ф. 282, кн. 1031, лл. 209, 429 об., 452 об., 475 об.

³⁴ Там же, л. 523 об. Чисто водных перевозок зарегистрировано очень мало. Объем статьи не позволяет нам рассмотреть их отдельно.

³⁵ Там же, кн. 1188 (жилая), л. 391—391 об.; кн. 1033 (подрядная), лл. 131 об. 132 об.—133 и др.

³⁶ Там же, кн. 1189 (жилая), лл. 99 об.—100, 267—267 об., 1168—1168 об.; кн. 1190 (жилая), лл. 634—634 об. и др.

Таким образом, извозничавшие в Москве крестьяне отнюдь не были однородной массой. Здесь и подрядчики разного рода и масштаб деятельности, и артельные извозчики, обходившиеся собственными силами и помощью членов семьи, и наемные работники.

Извоз крестьян в основном носил сезонный характер — грузы везли в свободное от сельскохозяйственных работ время, т. е. зимой (табл. 6). Но сделки начинали заключаться еще до начала «зимнего пути». Ранний приход в Москву давал возможность заключить сделки на более выгодных условиях. Но необходимость скорейшей доставки грузов, особенно военных, вызывала к жизни и летний извоз. Из данных табл. 6 видно, что на перевозку по зимней дороге в 1702 г. падало 396 актов (67,1%) и только 194 (32,9%) на летние перевозки³⁷; в 1703 г. — соответственно 862 (79,5%) и 222 (20,5%) акта. Время перевозки зависело от характера грузов. Так, в 1702—1703 гг. около 97% пеньки, сырья и промышленных изделий везли зимой. Эти товары шли главным образом к Вологде и подвозились туда к началу навигации на Сухоно-Двинском водном пути.

На Новгородской дороге летних перевозок было значительно больше (здесь использовался водный путь), грузы шли комбинированным путем. Кроме того, грузы, предназначенные для армии, должны были доставляться в течение всего года. Как видно из данных табл. 5, большая часть летних перевозок падает на военные грузы и хлеб. Число летних перевозок к 1703 г. уменьшается, возможно это произошло от упорядочения системы сдачи военных подрядов.

³⁷ Приводимые в табл. 6 подсчеты даются нами не по времени заключения акта в Крепостной конторе, а по времени фактической перевозки груза. Но и подсчеты по времени заключения сделки рисуют приблизительно ту же картину, лишь с небольшими изменениями. Так, в 1702 г. в течение января—февраля было заключено 226 актов (38,2% общего числа сделок), в марте — 40 актов (6,8%), в апреле—мае — 34 (5,8%), в июне—августе — 178 (30,1%), в сентябре—октябре — 8 (1,3%), в ноябре—декабре — 105 актов (18,8%). Таким образом, на летние месяцы (с апреля по октябрь) приходится 220 актов, или 37,2% всего числа перевозок. Фактическое же число летних перевозок несколько сокращается (до 194 актов, или до 33%). Происходит это потому, что в части актов, заключенных главным образом в осенние месяцы и отчасти летом, есть оговорки о перевозке по «первому зимнему пути». Не включенные в табл. 6—125 актов извозчиков-горожан на перевозку военных грузов в 1702 г. заключены в основном в летние месяцы.

Занимавшие небольшое место летние перевозки все же свидетельствуют о том, что под влиянием войны усилился отрыв части крестьян-извозчиков от сельского хозяйства.

В качестве оправдательного документа извозчики должны были предоставить владельцу груза «довозное письмо». Срок доставки этого письма иногда был равен времени, необходимому для выполнения подряда (месяц, два)³⁸, а иногда значительно превышал его (четыре месяца³⁹ и даже год⁴⁰).

По проставляемому в акте количеству перевозимого товара видно, что наиболее частой нормой нагрузки на подводу в зимнее время был груз в 25 пудов. Пеньки грузили 23—26 пудов, юфти и холста — 22—26 пудов. Вино, смольчуг, поташ, конопляное масло, говяжье сало, икра, селедки перевозились в бочках. Бочка «сороковая с двумя и тремя ведрами» вина грузилась на подводу одна. Но судя по тому, что за вино оплата производилась за пару подвод, можно предположить, что для перевозки вина в сани запрягались две лошади. По одной бочке на подводу ставили и конопляного масла, и смольчуга и говяжьего сала. Сельдь и икру перевозили в меньших бочонках (на одной подводе везли сельди — две бочки, а икры — пять).

Мука ржаная и пшеничная измерялась и грузилась на подводы четвертями, чаще всего «четвертными кулями». На одну подводу в 1702—1703 гг. приходилось 4 четв. (реже 3,5).

Загруженность подводы военными товарами была более низкой из-за необходимости скорейшей доставки. Так, солдат перевозили по двое на подводе, запряженной парой лошадей⁴¹. При перевозке к Вологде в 1702 г. «полковых припасов» — мотыг и заступов — их нагрузили по 16 пудов 20 фунтов на подводу⁴². При перевозке в январе 1703 г. к Шлиссельбургу пушек нагрузка на подводу составляла только 9 пудов⁴³. Нагрузка на одну подводу «полковых припасов» не превышала 20 пудов даже зимой.

Летняя загруженность подводы колебалась от 15 до 23 пудов, снижаясь при военных перевозках.

³⁸ ЦГАДА, ф. 282, кн. 1031, лл. 543 об., 585 об., 588 об., 687.

³⁹ Там же, л. 685 об.

⁴⁰ Там же, лл. 683, 699; кн. 1032, лл. 661—661 об., 753 об., 762 об.—763 и др.

⁴¹ Там же, кн. 1031, л. 366 об.

⁴² Там же, л. 393 об.—394.

⁴³ Там же, кн. 1032, лл. 198—198 об., 1094—1094 об. и др.

Обычной была езда в одну лошадь. Для быстроты запрягались, в случае громоздкости груза, две и более лошадей.

На колебание в оплате перевозок оказывало влияние и время заключения сделки (что было связано с большим или меньшим наплывом отходников-извозчиков в Москву и временем, которым располагал извозчик для доставки груза к определенному сроку), и характер груза, и степень загруженности подводы, и способ запряжки (в одну или в две лошади).

Установить причину колебания цен в каждом конкретном случае почти невозможно.

На Вологодском тракте в 1702—1703 гг. цена за перевозку пеньки колебалась от 3 до 5 коп. за пуд, т. е. от 78 коп. до 1 руб. 35 коп. на подводу. За перевозку шелка, кож, холста и других товаров платили от 4 до 10 коп. Повышение цен на эти товары объясняется тем, что их грузили на подводу не более 25 пудов. При перевозке смольчуга, говяжьего сала в бочках извозчики брали от 80 коп. до 1 руб. за бочку, т. е. на подводу. Цена при перевозке очень громоздких и тяжелых грузов, например пушек, повышалась до 18—25 коп. за пуд. На южных дорогах цены были почти такими же, как на Вологодском тракте.

В 1702—1703 гг. перевозка грузов на Новгородском тракте обходилась несколько дороже, чем на Вологодском. Объясняется это не только тем, что протяженность тракта превышает Вологодский, но и большой неустроенностью тракта, вызванной войной; к тому же правительственные перевозки по Новгородскому тракту оплачивались лучше.

За перевозку из Москвы к Новгороду муки по санному пути платили 7—8 коп. с пуда (1 руб. 75 коп. — 2 руб. за подводу). За перевозку вина брали с бочки 2 руб. 50 коп.

При извозе до Пскова извозчики получали: за муку — 10—12 коп., т. е. 2,5—3 руб. за подводу. За перевозку вина из Москвы к Пскову брали 3 руб. за подводу.

Цена летних гужевых перевозок повышалась. Так, на Вологодской дороге платили до 11—15 коп. за пуд (правда, надо учитывать, что повышение заработка извозчика по сравнению с зимним было несколько ниже повышения попудной цены, ибо летом грузили на подводу меньше, чем зимой). Летняя цена по Московско-Новгородской дороге увеличивалась при езде до Новгорода до 11—12 коп. с пуда и доходила даже до 4 руб. на подводу, а до Пскова — до 5 руб.

Но комбинированные перевозки (водой и по суше) не превышали по цене зимних перевозок. Так, за комбинированную перевозку «сухим и водяным» путем подрядчики брали до Новгорода по 8 коп. с пуда. Но в том случае, если перевозка совершалась по отдельным участкам пути, она обходилась дороже.

Цена водных летних перевозок была ниже, чем сухопутных. Сухопутная доставка до Вышнего Волочка обходилась 5—6 коп. за пуд, от Вышнего Волочка до Петербурга водой — 4 коп.

Из некоторых актов можно выяснить время, необходимое для перевозки груза по той или иной дороге. Группа извозчиков в ноябре 1702 г. подрядилась у тягльца Садовой слободы Кондрата Хвастливого поставить из Каширы к Новгороду вино за 40 дней⁴⁴. Из этих 40 дней извозчики должны были «стоять у навалки и свалки» четверо суток. 30—35 дней уходило на доставку вина с заводов Переяславль-Рязанского уезда к Пскову⁴⁵, из Болховского уезда к Москве — 22—25 дней⁴⁶. Для доставки муки из Москвы к Новгороду потребовалось 28 дней, а вина — 13 дней⁴⁷ (вероятно, в последнем случае лошади были запряжены парой). Следовательно, крестьяне, занимавшиеся извозным промыслом как сезонным подспорьем к сельскому хозяйству и отходившие из деревни для этого занятия в город приблизительно на 4—4,5 месяца (декабрь—март) могли за это время совершить три-четыре крупных рейса.

При заключении договора подрядчики часть денег получали от хозяина груза вперед. Обычно это половина, две трети и три четверти следуемых за подряд денег⁴⁸. Иногда деньги выдавались по частям, по мере выполнения подряда⁴⁹. При перевозке «полковых припасов» все деньги выдавались вперед⁵⁰. Объясняется это, вероятно, тем, что правительство рассчитывалось сразу с лицами, заключавшими подряды с казной на доставку этих грузов. Кроме того, за выполнением этих подрядов был более строгий контроль.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 282, кн. 1031, л. 770 об.

⁴⁵ Там же, лл. 755 об., 759.

⁴⁶ Там же, лл. 96—96 об., 825 об.—826.

⁴⁷ Там же, лл. 1 об., 12.

⁴⁸ Там же, лл. 23 об.—24, 257 об.—258, 344—344 об., 741 об. и др.

⁴⁹ Там же, лл. 59—59 об., 523 об.

⁵⁰ Там же, лл. 426, 572—572 об., 591, 628, 366 об., 618 об.—619, 622 об. и др.

Выполнение договора извозчики гарантировали взятыми на себя обязательствами по возмещению убытков. Обычно за «непоставленный нецельный» пуд (четверть, бочку) платилась «неустойка» в два раза дороже той цены, которая существовала на этот товар в месте его доставки⁵¹. В некоторых же случаях просто назначалась цена за порчу или непоставку определенного количества товара: 20 руб. за бочку конопляного масла в Пскове, 10 руб. за бочку смольчуга на Вологде. Штрафная цена на муку колебалась от 1,5 до 3 руб. за четверть⁵². Кроме того, извозчики должны были возвратить полученный задаток⁵³.

При перевозке «полковых припасов» извозчики, получившие вперед деньги, должны были их вернуть в двойном размере. Правительство, непосредственно заинтересованное в выполнении казенных подрядов, в законодательном порядке установило систему штрафов: «А буде они, подрядчики, тех припасов до указанных мест в целости не доведут, или подмочат, или иную какую поруху учинят; и на них, подрядчиках и на порутчиках их взять его великого государя пеня, а пени, что великий государь укажет. А за полковые припасы, что они подмочат или потеряют, и подрядные деньги и подводки вдвое»⁵⁴.

Обследованные нами акты о транспортировке дают возможность сделать некоторые общие выводы.

С начала XVIII в. в России существует тесная связь между производящими и потребляющими районами, что вполне позволяет говорить об активных процессах, связанных с развитием и становлением всероссийского рынка.

Организовались транспортные пути, на которых полностью загруженный гужевой транспорт обслуживал как государственные нужды, так и нужды торгового подряда.

На раннем этапе государство вмешивалось в организацию транспорта. Существовало два сектора — государственный и частный — с широкой мобилизацией крестьянства на транспортные работы. На примерах исследованных актов видно, что все большее развитие товарно-денежных отношений и четкая организация транспорта способствовали исчезновению некоторых феодальных институтов.

⁵¹ Там же, кн. 1031, лл. 8 об., 562.

⁵² Там же, лл. 741—741 об., 208, 764, 145 об., 787, 79 об.

⁵³ Там же, л. 113 об.

⁵⁴ ПСЗ, т. IV, № 1917, 1927.

Несмотря на то, что развитие транспортировки шло за счет и богатого, и обедневшего крестьянства, заметна градация: для части крестьян — это основной промысел, для других — подспорье к сельскому хозяйству.

По мере становления транспорта как промысла и расширения товарно-денежных отношений из массы извозчиков выделялись подрядчики-организаторы и владельцы средств транспортировки. Некоторая часть крестьян превращалась в наемных работников, обслуживавших хозяйские суда и подводки.

Как всегда при чрезвычайных обстоятельствах, особое внимание уделялось военным грузам. Война, напрягая экономику страны, в то же время стимулировала ее развитие.

Несмотря на условия крепостного хозяйства, гужевой транспорт вполне удовлетворял военные нужды, обеспечивая требования мобильности, объема перевозок. Огромная роль в этом принадлежала крестьянству.

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ВОЕННЫЕ ПОСТАВКИ НЕВЬЯНСКОГО ЗАВОДА НАКАНУНЕ ПОЛТАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

В начале XVIII в. на Урале возник очаг крупного металлургического производства, с первых дней своего существования тесно связанный с поставками вооружения и боеприпасов для молодой регулярной армии¹.

Увеличение военного потенциала России, перевооружение войск и формирование новых полков протекали в условиях развернувшейся Северной войны. Вторжение армии Карла XII в пределы России с особой остротой выдвинуло задачу бесперебойного снабжения русских войск военным снаряжением для организации успешного отпора врагу.

С 1703 г. по водной системе Чусовая—Кама—Волга—Ока в центр страны стали прибывать караваны судов, доставлявшие военную продукцию уральских заводов². До этого вре-

¹ Л. Г. Бескровный. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. — «Исторические записки», т. 36, стр. 119—120.

² Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949, стр. 130.

мени указанным путем двигались караваны с весьма мирным грузом — солью прикамских промыслов³. Без длительного опыта проводки соляных караванов было бы крайне трудно наладить транспортировку судов с металлом и военными припасами. Но и этот опыт не мог устранить затруднений и опасностей, сопряженных с движением судов по тысячеверстным речным путям. Наиболее трудным участком пути считалась Чусовая — стремительная, своенравная уральская река с ее подводными камнями и крутыми утесами.

В специальной литературе отмечалось, что сведения о военной продукции уральских заводов первых лет XVIII в. подчас отрывочны и неполны⁴. Притом эти сведения черпались нередко не из первоисточника, а из позднейших ведомостей Берг-коллегии. Не является исключением в этом отношении Невьянский завод Н. Демидова — первое крупное частное предприятие начала XVIII в. на Урале. В данной связи каждый новый факт, подкрепленный современным документальным свидетельством, приобретает особую значимость для выяснения истинной роли военного производства на Урале в канун Полтавской битвы.

Б. Б. Кафенгауз указывает, что в 1707 г. на Пушечном дворе в Москве были приняты присланные с Невьянского завода 19 пушек весом 2408 пудов и железа 21 817 пудов⁵. Можно полагать, что здесь подразумевается продукция, выпущенная заводом и отправленная в 1706 г. (сведений о котором нет). Обычно регистрация и прием припасов в Москве проходили в первые месяцы следующего года (летом и осенью прибывали суда, зимой шли разгрузка и доставка в Москву).

О 1707 г. известно, что в июле Демидов послал с завода 4 мортиры, 26 пушек, железо, гранаты, ядра и другие припасы. Прием этого груза на Пушечном дворе в марте и июне 1708 г. показал, что вес его составил 25 937 пудов. Из приведенных данных можно заключить, что в 1707 г. прошел за лето один караван. Примерную годовую мощность деми-

³ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, стр. 299 и сл.

⁴ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 142—143; Н. И. Павленко. Продукция уральской металлургии в начале XVIII в. — «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». Сборник статей. М., 1959, стр. 190—198. Ср. также: С. Г. Струмилин. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М., 1967, стр. 130—131.

⁵ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 143.

Таблица 1
Количество продукции Невьянского завода, отправленной в Москву в апреле 1707 г. *

Коло- менки	Железо		Пушки		Мортиры		Ядра		Бомбы		Ручные гранаты		Общий вес груза, пуды
	полос	вес, пуды	штук	вес	штук	вес	штук	вес, пуды	штук	штук	штук	вес, пуды	
1-я . .	5500	9925	„18 пу- шечек“	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Около 10 000
2-я . .	3946	—	—	—	—	—	—	—	100 (3-пудовые)	—	—	—	7 725
3-я . .	600	1000	4(12-фун- товых)	—	4(3-грех- пудовые, 1 пудовая)	—	—	—	950 (3-пудовые)	—	—	—	7 039,5
4-я . .	600	1000	—	—	—	—	—	—	1486 (3-пудовые)	—	—	—	8 643,5
5-я . .	600	1000	—	—	—	—	—	—	14 (9-пудовые)	—	—	—	—
6-я . .	—	—	4	—	—	—	—	—	480 (2-пудовые)	—	—	—	9 712
7-я . .	3130	6000	—	—	—	—	—	—	2050 (3-пудовые)	—	—	—	10 000
Итого	12 576	18 925	26	—	4	—	3350 (18-фун- товых)	1675	7400	—	—	—	60 795
										30 313	27 400	1370	

* ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 5, д. 1074, л. л. 5—6.

довских караванов Кафенгауз определяет в пределах 21—25 тыс. пудов железа и военной продукции, а состав каравана — от трех до четырех судов⁶.

Обнаруженная нами в фонде Сибирского приказа современная событиям «Роспись невьянским ружейным припасам, что послано из Сибири с Невьянских заводов к Москве...», датированная апрелем 1707 г.⁷, позволяет более полно представить военную продукцию Невьянского завода, выпущенную в 1706 — начале 1707 г. и посланную водным путем в 1707 г. на вооружение русской армии (предметов гражданского назначения здесь было немного) (см. табл. 1).

Караван состоял из семи судов — коломенок.

Итак, перед нами едва ли не самый крупный караван с железом и военными припасами, отправленный с Урала в центр страны на протяжении допотоповского периода Северной войны. Вес его груза превышал 60 тыс. пудов, из которых больше $\frac{2}{3}$ приходилось на долю чисто военного снаряжения, прежде всего на боеприпасы для артиллерии (бомбы и ядра). Хотя количество артиллерийских стволов на караване достигало 30, приходится согласиться с выводом о подчиненном характере производства пушек и мортир на Невьянском заводе⁸. На первом месте были боеприпасы и готовый металл. В течение 1707 г. в центр страны было послано два каравана с продукцией Невьянского завода. Потому есть основания считать имеющиеся в литературе сведения по этому поводу заниженными примерно вдвое.

«Роспись» сообщает некоторые существенные подробности о составе грузов апрельского каравана 1707 г. Так, выясняется, что на двух коломенках (6-й и 7-й) везли «потопленных» (отпуска 1706 и частично 1705 г.) 2320 бомб, 4 пушки, 3350 ядер и 3130 полос железа (общий вес около 18 тыс. пудов). Почти $\frac{1}{3}$ грузов (по весу) побывала на дне Чусовой, прежде чем вновь двинуться по назначению, а разрыв в сроках производства и доставки этой продукции выражается уже не месяцами, а годами. Можно догадываться, каких невероятных трудов при тогдашнем состоянии технических средств стоило спасение столь нужных русской армии военных припасов. Крушения судов, по-видимому, тогда бывали почти ежегодно. Та же «Роспись» замечает, что 5-я

⁶ Там же.

⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 5, д. 1074, лл. 5—6.

⁸ Н. И. Павленко. Указ. статья, стр. 197—198.

коломенка из каравана 1707 г., «ударясь о камень», получила серьезные повреждения. Попытки предотвратить гибель судна успеха не имели. Безымянный автор «Росписи» в таких словах скупно рассказывает об этом: «Хватались снастями многогажды и удержать не могли, рвало и снасти и вкинуло ея (коломенку. — А. П.) на остров и переломило, и потопило против деревни Мартьяновы»⁹. И опять на дне Чусовой оказалось свыше 2 тыс. бомб и 600 полос железа — около 10 тыс. пудов груза.

Нелегкой ценой доставалась отправка караванов с Урала в центр страны. Но они стали определенным фактором экономической жизни России и сыграли свою роль в военном снабжении русской армии в один из самых критических моментов истории нашего народа.

⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 5, д. 1074, л. 6.

Б. С. АБАЛИХИН

РОЛЬ УКРАИНЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В работах советских историков, посвященных участию украинского народа в Отечественной войне 1812 года, основное внимание обращено на изучение истории ополчения¹. В обобщающих трудах по истории Украины первой четверти XIX в. вопрос о роли экономики Украины в борьбе с наполеоновским вторжением не освещается. Слабо представлена эта тема и документальными материалами, хотя участию украинского народа в эпопею 1812 г. посвящена специальная публикация². Из всех сборников документов по истории 1812 г. в этом отношении выгодно отличается фундаментальное издание «М. И. Кутузов»³. В нем содержатся цен-

¹ Б. С. Абаляхін. Історіографія українського ополчення Вітчизняної війни 1812 р. — «Український історичний журнал», 1962, № 5.

² «Український народ у Вітчизняній війні 1812 р.» Сбірник документів. Київ, 1948.

³ «М. И. Кутузов». Документы, т. IV, ч. I. М., 1954; т. IV, ч. II. М., 1955.

ные материалы об использовании русским командованием ресурсов украинских губерний. В работах Л. Г. Бескровного раскрываются военные и экономические возможности воюющих сторон, выясняются «материальные основы побед русской армии и поражений армии Наполеона»⁴. Бескровный проанализировал и обобщил значительный фактический материал, ввел в научный оборот ряд новых данных по экономике России первого десятилетия XIX в., в том числе и Украины.

В предлагаемой статье ставится задача показать место и роль экономики Украины в решении стратегических планов русского командования на разных этапах войны и осветить участие украинского народа в снабжении русских войск в 1812 г.

Приготовления к войне с наполеоновской Францией затронули все стороны хозяйственной жизни Украины, в первую очередь промышленность. Военные заводы были переоборудованы и расширены. Так, Луганский казенный завод, построенный в 1799 г. на базе донецкого угля и железа, уже в первое десятилетие своего существования превратился в один из крупных литейных заводов России. Оценивая его значение, Ю. Азанчеев писал: «Какая роль на севере России выпала Олонецким заводам, такую роль на юге довелось сыграть Луганскому заводу»⁵. Луганский завод поставлял боеприпасы и орудия для полевой армии, для Черноморского и Азовского военных флотов и южных крепостей. Выпуск продукции из года в год увеличивался. В 1803 г. он произвел 11 094 пуда боеприпасов и орудий, а в 1806 г. — 50 тыс. пудов, т. е. столько же, сколько давали в год Олонецкий и Кронштадтский заводы⁶. С 1805 по 1812 г. Луганский завод поставил военному ведомству 103 774 пуда орудий и 321 410 пудов боеприпасов, морскому ведомству — 35 858

⁴ Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года. М., 1962, стр. 5—6; см. также: он же. Две стратегии. — «1812 год. К столетию десятилетия Отечественной войны». Сборник статей. М., 1962; он же. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года. — «Вопросы истории», 1962, № 10; он же. Отечественная война 1812 года (Некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований). — «Вестник АН СССР», 1962, № 9.

⁵ Ю. Азанчеев. Очерк деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летие существования Горного ведомства. СПб., 1900, стр. 9.

⁶ В. А. Фесенко. Луганский литейный завод (1795—1887 гг.). Канд. дисс. Л., 1958, стр. 247; Ю. Азанчеев. Указ. соч., стр. 9.

пудов орудий и 110 905 пудов боеприпасов⁷. Таким образом, перед войной 1812 года Луганский литейный завод выпускал ежегодно в среднем до 20 тыс. пудов орудий (примерно 240 мортир) и свыше 61 тыс. пудов боеприпасов.

В начале XIX в. подвергся перестройке Шостенский казенный пороховой завод (основан в 1739 г.). В 1800 г. на нем вступили в строй новая селитряная варница, рассчитанная на литрование 30 тыс. пудов селитры в год, и новые селитряная и пороховая сушилки. В 1804 г. были переоборудованы пять «вододействующих» и две «сухопутные» фабрики. В 1808—1809 гг. завод получил новое оборудование из Казани и с Урала. Число рабочих за два года удвоилось: с 253 в 1801—1802 гг. до 520 в 1804 г. Кроме того, привлекалась дополнительная рабочая сила: в 1807 г. Военное министерство направило на завод 398 рекрутов, в 1808 г. — 134 ратника Рязанской милиции⁸. С 1806 г. Шостенский завод возглавлял опытный военный инженер генерал-майор С. А. Глухов. Все это позволило резко увеличить производство. Если в конце XVIII в. завод выпускал ежегодно не более 2 тыс. пудов пороха, то в первые годы XIX в. он стал давать 20 тыс. пудов и по производству вышел на второе место в России. В 1811 г. шостенские пороховщики изготовили 24 734 пуда пороха⁹, что составляло свыше 1/3 количества, выпущенного всеми заводами страны. Быстрому подъему Шостенского завода способствовало и то, что на Украине имелась богатейшая сырьевая база. Из 393 селитроварен, которыми располагала Россия в 1812 г., 351 находилась в украинских губерниях¹⁰.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 37 (Горный департамент), д. 10/2268, лл. 113—114. По данным Е. Зябловского, общий объем продукции Луганского завода с 1808 по 1813 г. составил 591 889 пудов, в том числе 88 304 пуда орудий и 367 981 пуд снарядов (Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии... и с общим обзорением Европы в статистическом виде, изд. 2, ч. IV, СПб., 1815, стр. 191—192), т. е. свыше 17 тыс. пудов орудий и около 73 тыс. пудов боеприпасов в год.

⁸ «Труды Полтавской ученой архивной комиссии», вып. 13. Полтава, 1915, стр. 110; «Столетие Шостенского порохового завода (1771—1871)». СПб., 1871, стр. 47—48; см. также: «Журнал императорского Русского военно-исторического общества». СПб., 1914, № 4, стр. 328.

⁹ П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в., т. V. М., 1961, стр. 299. Кроме того, в качестве неприкосновенного запаса на заводе хранилось 7372 пуда пороха (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3549, л. 4).

¹⁰ Е. Зябловский. Указ. соч., ч. V, СПб., 1815, стр. 91—92.

Начиная с 1802 г., селитряные заводы Украины вырабатывали ежегодно по 50 тыс. пудов селитры и полностью обеспечивали сырьем Шостенский завод¹¹. Часть украинской селитры направлялась на Охтенский, Казанский и другие пороховые заводы¹². Чтобы обеспечить бесперебойную работу пороховых заводов, правительство указом от 25 апреля 1811 г. обязало владельцев селитроварен Слободско-Украинской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Воронежской и Курской губерний поставлять «для военного ведомства по 67 тыс. пудов селитры ежегодно до 1815 г.»¹³ Приведенные материалы показывают, что основным поставщиком селитры в предвоенные годы была Украина.

В начале XIX в. на Украине не было специальных оружейных заводов. Производством и ремонтом оружия занимался Киевский арсенал, в котором на 1 января 1812 г. числилось: ружей разных образцов — 51 302, карабинов — 891, мушкетов драгунских — 1121, пистолетов — 694 пары и большое число холодного оружия¹⁴. В год киевские арсеналы могли отремонтировать до 35 тыс. штук огнестрельного оружия. Кроме ремонта оружия, Киевский арсенал выполнял другие задания Военного министерства. Так, за 1807—1811 гг. здесь было изготовлено 297 «лафет с передками и принадлежностью», 1047 зарядных ящиков, 42 сухарные полковые фуры, 42 патронных полковых ящика и другое военное имущество¹⁵.

Весной 1812 г. Военное министерство организовало 58 запасных артиллерийских парков, 11 из них разместились на Украине: 6 — в Киевской крепости и 5 — при Шостенском

¹¹ «Столетие Шостенского порохового завода», стр. 35.

¹² Так, в 1806 г. на Охтенский завод было отправлено 18 тыс. пудов селитры (ЦГВИА, ф. 5 (Артиллерийская экспедиция Военной коллегии), оп. 4/76, св. 303, д. 2426, лл. 1—2). В представленной в 1811 г. государственному секретарю записке военный министр М. Б. Барклай-де-Толли писал: «Пороховые наши запасы с давних лет поддерживаются селитрою, добываемую по большей части в губерниях: Слободско-Украинской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Курской и Воронежской» (ЦГИА СССР, ф. 1150 (Департамент военных дел), оп. 1, 1811 г., д. 3, л. 2).

¹³ ЦГИА УССР, ф. 442 (Канцелярия киевского, подольского и волынского генерал-губернатора), оп. 788, д. 293, л. 7—7 об.

¹⁴ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. I, ч. 2. СПб., 1900, стр. 22; «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 668.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1409 (Собственная е. и. в. канцелярия), оп. 1, 1813 г., д. 871, лл. 6—7 об.

заводе. В этих парках было сосредоточено около 60 тыс. артиллерийских снарядов, до 5 млн. боевых патронов и значительный запас кремней¹⁶.

Мануфактуры Украины поставляли армии и флоту обмундирование и снаряжение. С 1809 г. они давали ежегодно в среднем по 300 тыс. аршин сукна, или 10% общего количества, изготавливаемого всеми предприятиями России. Почти все сукно шло на нужды войск. В 1805 г. на Украине числилось 27 кожевенных заводов, которые перерабатывали в год свыше 19 тыс. шкур¹⁷. Из полотняных мануфактур следует отметить Нежинскую, которая поставляла белье и перевязочные материалы военным госпиталям в Киеве, Лудке, Чернигове, Житомире и Каменец-Подольске.

Большими возможностями для снабжения войск располагало сельское хозяйство Украины. В начале прошлого века оно давало в год 31—33 млн. четв. хлеба, в том числе около 11 млн. четв. товарного¹⁸. Это соответствовало $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{3}$ всего производимого в России зерна. Большую работу по организации армейских магазинов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях проделал М. И. Кутузов, выполнявший в 1806—1808 гг. обязанности киевского военного губернатора.

На Украине было решено создать стратегические запасы провианта и фуража. Основные продовольственные центры определил М. Б. Барклай-де-Толли в своей записке «О защите западных пределов России» от 2 февраля 1810 г. По его мнению, главной базой на Украине должен был стать Киев. Он предлагал заготовить здесь продовольствия на 60 тыс. человек на три месяца. «Между Киевом и Днестром, — писал далее Барклай, — нужно иметь укрепленные лагери: один — около Житомира для армии, состоящей из 50 тыс. чел[овек] со съестными припасами по меньшей мере на три месяца; другой — около Мозыря для корпуса от

¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3579, лл. 72—73; см. также: А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 г., ч. 1. СПб., 1839, стр. 134.

¹⁷ Т. И. Дерев'янкін. Мануфактура на Україні в кінці XVIII—першій половині XIX ст. Київ, 1960, стр. 13—14, 118; І. О. Гуржій. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні. Київ, 1962, стр. 39.

¹⁸ Е. Зябловский. Указ. соч., ч. V, стр. 26—27. Суммарные данные подсчитаны автором; І. О. Гуржій. Указ. соч., стр. 54.

10 тыс. до 15 тыс. чел[овек] со съестными припасами на два месяца»¹⁹.

На основании представления военного министра правительство обязало украинские губернии заготовить к 1 января 1811 г. 104 512 четв. муки, 9793 четв. круп и 97 914 четв. овса²⁰. Однако к этому сроку задание не было выполнено, так как помещики — основные поставщики товарного хлеба — отказались продавать его по ценам Военного министерства. Заготовка продовольствия началась только после сбора урожая 1811 г. и первое время шла медленно. Правительство было вынуждено принять ряд мер. По указу 10 ноября 1811 г. сбор податей в восьми губерниях России, в том числе Волынской, Подольской и Киевской, производился не деньгами, а зерном. Разрешалось также сдавать хлеб в счет недоимок за прошедшие годы и за первую половину 1811 г.²¹ Более чем вдвое были повышены закупочные цены²². В предписаниях, разосланных военным губернаторам в ноябре 1811 г., Барклай-де-Толли потребовал относиться к созданию запасных магазинов как к «весьма важному государственному делу»²³.

Все эти мероприятия ускорили заготовки. К 1 апреля 1812 г. на Киевской базе и магазинах Староконстантинова, Житомира, Заславля, Острога, Дубно и Любомля находилось 158 413 четв. муки, 15 649 четв. крупы и 279 755 четв. овса²⁴. Создание запасов на Украине, однако, продолжалось, так как выяснилось, что в других районах страны ввиду неурожая не удастся заготовить необходимого количества провианта и фуража. Весной 1812 г. Военное министерство решило заложить ряд дополнительных продовольственных баз, в том числе Сосницкую на Черниговщине. К июню на этой базе

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 434, л. 90—90 об.

²⁰ Там же, д. 16848, лл. 1—2.

²¹ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 788, д. 315, лл. 18—19; ПСЗ, т. XXXI, № 24875.

²² Военное министерство рассчитывало покупать продовольствие по следующим ценам: за четверть муки — 5 руб. 29 коп., за четверть крупы — 7 руб. 6 коп., за четверть овса — 2 руб. 85 коп. (Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года, стр. 243), дворяне, например, Киевской губернии установили соответственно такие цены: 10, 14, 7 руб. (ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 788, д. 315, лл. 11—13).

²³ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 788, д. 314, л. 1—1 об.

²⁴ «Столетие Военного министерства» (1802—1902), т. V, ч. 1 СПб., 1903, стр. 415—416. Итоговые данные подсчитаны автором.

имелось 72 052 четв. муки, 6754 четв. круп и 82 183 четв. овса²⁵. Всего накануне войны на Украине (без Новороссийского края) было сосредоточено 230 465 четв. муки, 22 403 четв. круп и 301 948 четв. овса. Южные украинские губернии обеспечивали продовольствием магазины Молдавской (Дунайской) армии, расположенные по Днестру: в Жванце, Могилеве, Ямполе, Дубоссарах и Тирасполе. В марте 1812 г. здесь хранилось 90 тыс. четв. муки, 8,2 тыс. четв. круп, 120 тыс. четв. овса и ячменя²⁶.

Перед войной 1812 года во всех украинских губерниях было заготовлено свыше 320 тыс. четв. муки, 30,6 тыс. четв. круп и около 422 тыс. четв. овса и ячменя. Всего к лету 1812 г. на базах и в магазинах России, по данным А. И. Михайловского-Данилевского, числилось 625 855 четв. муки, 58 446 четв. круп, 774 080 четв. овса²⁷. Следовательно, украинские запасы составляли: муки — 51%, круп — 51%, овса — 55% к общему количеству заготовленного в стране продовольствия и фуража.

Военное министерство намеревалось использовать базы на Украине для снабжения 3-й Западной (46 тыс. человек) и Дунайской (45 тыс. человек) армий, 2-го резервного корпуса (18 тыс. человек), гарнизонов Бобруйской (5,5 тыс. человек) и Киевской (2,5 тыс. человек) крепостей. Кроме того, за счет ее запасов намечалось обеспечивать воинские части, находившиеся в Южной Белоруссии. В марте—апреле 1812 г. из украинских губерний было доставлено в Рогачев, Пинск и Мозырь 52 тыс. четв. муки, около 5 тыс. четв. круп и 80 тыс. четв. овса.

Украина снабжала войска мясом, солониной, сухой рыбой, картофелем, овощами, солью. Так, за счет украинских губерний в Бобруйске были заготовлены четырехмесячные запасы всех этих продуктов на 10 тыс. человек²⁸.

Украина издавна славилась коневодством, которое было особенно развито в Слободско-Украинской, Екатеринослав-

²⁵ Там же, стр. 426.

²⁶ ЦГВИА, ф. 474 (Отечественная война 1812 года и кампания 1813—1814 гг.), д. 62, л. 1.

²⁷ А. И. Михайловский-Данилевский. Указ. соч., ч. 1, стр. 148; см. также: «Отечественная война и русское общество», т. III. М., 1912, стр. 135.

²⁸ Д. П. Ахлестышев. Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-й Западной армией генерала-от-кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912, стр. 532.

ской, Херсонской и Таврической губерниях. В конце XVIII в. на территории Левобережной Украины, например, было 199 конских заводов и 207 заводов крупного рогатого скота²⁹. Украинские губернии поставляли войскам ежегодно тысячи строевых коней и транспортных волов. В Черниговской, Слободско-Украинской и Полтавской губерниях в начале XIX в. были организованы кавалерийские депо, в задачу которых входил ремонт конницы Дунайской, 2-й, а после формирования и 3-й Западных армий. Осенью 1811 г. были созданы запасные артиллерийские бригады и понтонные полуроты в Смоленске и на Черниговщине: в Глухове, Стародубе и Конотопе. Как видно из рапорта Барклая-де-Толли Александру I от 29 ноября 1811 г., в каждом из этих пунктов содержалось по 575 артиллерийских и по 170 верховых лошадей³⁰. Несколько тысяч погонщиков, коней, волов и фур Украина выставила перед войной: в марте—апреле 1152 погонщика, 2520 лошадей и 1142 повозки были направлены во 2-ю Западную армию, 1042 артиллерийские лошади — в Дунайскую³¹. В начале июня закончился сбор 800 артиллерийских лошадей в Слободско-Украинской губернии³². Весной 1812 г. Военное министерство приступило к организации армейских подвижных магазинов. Обеспечить их погонщиками, тягловой силой и повозками должна была в основном Украина. В апреле—мае украинские губернии получили приказание подготовить 3594 погонщика, около 7 тыс. подвод и 24 275 волов, в том числе свыше 8 тыс. транспортных³³. Но все это армия получила уже в ходе войны.

Как известно, в первый период Отечественной войны Россия оказалась в тяжелом положении. 1-я и 2-я Западные армии оставили подготовленные для них базы и магазины. Сложившаяся обстановка внесла существенные коррективы в планы Военного министерства по использованию ресурсов

Украины. Во-первых, украинскими запасами пришлось снабжать не 120 тыс. человек, как намечалось, а значительно больше. Во-вторых, потребовалось быстро эвакуировать волынские и переместить днестровские магазины.

Все эти сложные задачи были успешно решены. С первых дней войны было налажено обеспечение 2-й армии, которая отходила южной дорогой. На крестьянских подводах продовольствие, боеприпасы, порох и разнообразное военное снаряжение свозились из украинских губерний сначала в Пинск, Мозырь, Рогачев, Бобруйск, а оттуда доставлялись в армию. Так, в конце июня войска Багратиона получили 5176 пудов сухарей из Подольской губернии³⁴. В рапорте Александру I от 6 июля Багратиона сообщал о подходе к Мозырю большого гурта скота, предназначенного для 1-й армии, и подвижного магазина с «хлебом, мясной и винной порциями, пожертвованными жителями Подолии»³⁵. Позже недостаток продовольствия и боеприпасов полностью был устранен за счет рогачевских и бобруйских запасов, которые впоследствии были восполнены из Сосницкой и Киевской баз.

7 июля генерал А. П. Тормасов отдал приказ перевозить волынские запасы продовольствия в Киев, Кременчуг и другие центральные города Украины. Здесь было занято 17 686 крестьянских подвод³⁶. Но транспорта не хватало. Чтобы продовольствие не досталось врагу, Тормасов распорядился раздать его жителям или уничтожить³⁷. Сохранив волынские запасы, 3-я армия обеспечила себя почти на весь период войны. Постоянную помощь войскам оказывало население Волыни.

Сложнее обстояло дело с обеспечением армии под командованием П. В. Чичагова, получившей приказ следовать на Волынь. Надо было спешно создать продовольственные пункты на пути ее следования и обеспечить войска транспортом. Это

²⁹ И. О. Гуржий. Указ. соч., стр. 60.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, 1811—1813 гг., д. 863, л. 1.

³¹ «Акты, документы и материалы для истории 1812 г.», т. I. Литва и западные губернии. СПб., 1909, стр. 526.

³² «Український народ у Вітчизняній війні 1812 р.», стр. 68, 69.

³³ Суммарные данные получены на основании следующих источников: ЦГВИА, ф. 103 (М. Б. Барклай-де-Толли), оп. 210, св. 18, д. 44, лл. 1—3; ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 788, д. 324, л. 231—231 об.; «Український народ у Вітчизняній війні 1812 р.», стр. 65—67; «Акты, документы и материалы для истории 1812 г.», т. I, стр. 526; «Журнал ИРВИО», 1914, кн. 2, стр. 167—176.

³⁴ Каменец-Подольский государственный исторический музей-заповедник, д. 244.

³⁵ «Генерал Багратион». Сборник документов. М., 1945, стр. 202—203.

³⁶ 5500 повозок выставила Волынская губерния, остальные — Киевская (Д. П. Ахлестышев. Указ. соч., стр. 576; Государственный архив Киевской обл., ф. 2 (Киевский гражданский губернатор), оп. 3, д. 3112, л. 10—10 об.; д. 2623, л. 14).

³⁷ «Акты, документы и материалы для истории 1812 г.», т. I, стр. 494, 505—506. По данным Тормасова, было уничтожено всего 600 четв. муки (там же).

было возложено на Херсонскую, Подольскую и Волынскую губернии и Гарнопольскую область. 16 июля Чичагов направил херсонскому губернатору предписание, в котором потребовал, чтобы все транспорты, предназначенные для отправки в Яссы, были немедленно направлены к Дубно³⁸. Предписание поступило в Херсон 22 июля. А 23 в Дубно выступили два обоза: первый состоял из 103 пароконных фур, на втором было 3 тыс. четв. муки³⁹. 25 июля на Волынь отправился транспорт, насчитывавший уже 400 пароконных подвод. К началу августа переброска запасов днестровских магазинов в новый район дислокации Дунайской армии была завершена⁴⁰. Во время движения войска Чичагова обеспечивались продовольствием в основном из Подольской губернии. К середине августа в Каменец-Подольске, Тихой и Проскурове было заготовлено по 60 тыс. четв. печеного хлеба и муки, по 5300 пудов сена и 9 тыс. четв. овса⁴¹. На всем пути следования украинское население оказывало русским войскам теплый прием и поддержку. Так, жители местечка Батушаны выставили по своей инициативе 100 пароконных подвод и помогли корпусу генерала Воинова быстро перебросить госпиталь и военное снаряжение. Австрийский пограничный комиссар в Бучаках Мильбахер доносил 7 сентября в высшую пограничную комиссию Австрии: «Войска Чичагова получили в Каменец-Подольске многообразную помощь, за что адмирал благодарил население»⁴².

Был решен и вопрос с транспортом. Гарнопольская область выставила 1500 погонщиков, 3000 лошадей и 1500 подвод⁴³, Подольская губерния — 1750 пароконных фур с погонщиками и «со всеми принадлежностями»⁴⁴, Киевская — 2250

³⁸ ЦГИА УССР в г. Харькове, ф. 667 (Херсонский гражданский губернатор), д. 20, л. 1.

³⁹ Там же, д. 14, лл. 2—3. Число подвод во втором транспорте не указано.

⁴⁰ Там же, лл. 15—19 об.

⁴¹ Там же, д. 14, лл. 24, 38—39; д. 22, лл. 11—21. Суммарные данные подсчитаны автором.

⁴² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146 (Галицкое наместничество), оп. 6, д. 21, лл. 1265, 1288.

⁴³ Там же, л. 1288—1288 об.

⁴⁴ Каменец-Подольский государственный исторический музей-заповедник, д. 301. По другим источникам, Подолия выставила 1719 повозок («Акты, документы и материалы для истории 1812 г.», т. I, стр. 526).

пароконных подвод с погонщиками⁴⁵. В результате хорошей организации и активной поддержки населения Дунайская армия быстро совершила переход и сохранила свою боеспособность. Меньше чем через неделю по прибытии на Волынь она смогла вести наступательные операции.

Украинские запасы сыграли важную роль в снабжении главных сил русских войск. После отхода за Москву 1-я и 2-я Западные армии оказались без крупных продовольственных баз: старые запасы были либо израсходованы, либо находились далеко от расположения войск. Почти нетронутыми остались базы в Киеве, Соснице и Кременчуге. На них и решил опираться Кутузов. Раскрывая сущность Тарутинского марш-маневра, он рапортовал 4 сентября Александру I: «Сие приведет меня в состояние защищать город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важный литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные»⁴⁶. По приказанию главнокомандующего часть продовольствия из Киева была направлена в Мозырь, а другая — в северо-восточные поветы Черниговщины, где в широком масштабе были организованы выпечка хлеба и сушка сухарей для армии. В этом участвовало все население. Житель Сосницкого повета Черниговской губернии сообщал: «В ближайших городах и селениях все обывательские дома были заняты перепечением муки на хлебы из казенного в здешнем повете магазина. Перепеченный обывателями хлеб и пересушенный на сухари должен быть отправлен в Калугу»⁴⁷. О размерах проделанной работы красноречиво говорят такие данные. Только по 9 октября из северо-восточных поватов Черниговщины в район Тарутина было доставлено 31 412 пудов сухарей, 96 четв. круп и около 7 тыс. четв. овса. Для транспортировки этого продовольствия потребовалось свыше 1600 погонщиков, 2700 волов, 600 лошадей и 1500 повозок⁴⁸. Всего же, по неполным

⁴⁵ «Український народ у Вітчизняній війні 1812 р.», стр. 72—73.

⁴⁶ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 233—234. В это время в Киеве находилось 65 тыс. четв. муки, 6 тыс. четв. круп и 170 тыс. четв. овса (там же, стр. 373).

⁴⁷ «Труды Черниговской архивной комиссии», вып. 10. Чернигов, 1913, стр. 129.

⁴⁸ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 64—67. Итоговые цифры подсчитаны автором приблизительно, так как в сборнике даются суммарные сведения по всем транспортам, следовавшим к Тарутину из разных губерний. Для сравнения приведем их: муки — 360 четв., суха-

Продовольствие, поступившее с Украины в Главную армию в период контраступления*

Из какой губернии	Дата прибытия	Мука	Крупа	Овес	Сушари, пуды
		четверти			
Черниговской . . .	31. X	—	1 000	90	—
»	17. XI	—	105	226	1296
Слободско-Украинской	17. XI	42	—	56	—
Черниговской	19. XI	—	366	—	3696
»	25. XI	—	—	89	—
Вольнской	9—15. XI	128 911	12 282	167 202	—
Киевской	5—15. XI	47 971	4 428	56 409	—
Черниговской	3. XII	—	—	—	3696
»	14. XII	—	—	645	1593
»	30. XII	—	—	432	1800
Итого . . .	—	176 924	18 181	225 149	12 081

* ЦГВИА, ф. 103, оп. 210, св. 15, д. 11, лл. 62—64, 74, 116—120, 181—184, 208—209; «Столетие Военного министерства», т. V, ч. 1, стр. 426. Итоговые данные подсчитаны автором.

В таблицу не вошли сведения о двух транспортах, прибывших в начале декабря из Черниговской (301 фура) и из Полтавской (200 фура) губерний, так как в ведомости количество продовольствия не указано (ЦГВИА, ф. 103, оп. 210, св. 15, д. 11, лл. 129—130).

Следует отметить, что местные власти четко выполняли распоряжения главнокомандующего. Так, получив 16 ноября предписание Кутузова по поводу Сосницкой базы, черниговский губернатор уже на другой день смог отправить в Сосницы 500 подвод с необходимым числом погонщиков и сопровождающих⁵⁴.

Изучение ведомостей на прибывший в Главную армию провиант и фураж за ноябрь—декабрь 1812 г. позволило установить даты и количество продовольствия, доставленного в это время из украинских губерний.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1400 (Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции), оп. 1, д. 617, лл. 1—2 об.

данным, украинские губернии поставили главным силам русских войск за таругинский период 50 тыс. четв. муки, свыше 52 тыс. четв. сухарей, около 3 тыс. четв. круп и 58 тыс. четв. овса⁴⁹.

Учитывая, что армия будет двигаться по разоренной войной земле, Кутузов заблаговременно создавал продовольственные базы вблизи предполагаемого маршрута движения. По его распоряжению киевские и кременчугские запасы в начале октября были доставлены в Мозырь⁵⁰. 28 октября фельдмаршал приказал черниговскому и полтавскому гражданским губернаторам собрать «с каждой ревизской платящей подати души сухарей по одному пуду с пропорцией круп и овса по шести гарнцев, а вина. . . с каждой губернии по семидесяти по пяти тысяч ведер»⁵¹. Такое же предписание Кутузов направил 7 ноября вольнскому гражданскому губернатору. Заготовленное продовольствие главнокомандующий требовал немедленно направить в Пинск, Мозырь, Бобруйск, Рогачев и Речицу. Так, из Волыни в Бобруйск надо было доставить 20 тыс. четв. муки, 950 четв. круп и 2,5 тыс. четв. овса⁵². 10 ноября Кутузов потребовал от черниговского губернатора срочно перебросить сосницкие запасы. «По настоящему ходу военных операций, — писал фельдмаршал, — настоятельно необходимая нужда передвинуть весь провиант и овес, заготовленной в Соснице, в город Рогачев белорусской Могилевской губернии для составления в сем месте капитального запасного магазейна»⁵³. Транспортные средства должны были выделить Черниговская и Полтавская губернии.

рей — 38 131 пуд, круп — 163 четв., овса — 9872 четв. (там же, стр. 67).

⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. 12, л. 308—308 об.; ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 107, ч. 23, лл. 1—6.

⁵⁰ Там же, ф. 103, оп. 210, св. 16, д. 21, л. 13. В перевозке продовольствия было занято свыше 12 тыс. крестьянских подвод (Государственный архив Киевской обл., ф. 2, оп. 3, д. 3112, л. 11—11 об.).

⁵¹ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 234. По переписи 1811 г., в Черниговской губернии числилось 553 292 ревизские души, в Полтавской — 694 631 («Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сборник документов. М., 1962, стр. 33).

⁵² «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 328—329.

⁵³ ЦГВИА, ф. 103, оп. 210, св. 16, д. 29, ч. 1, л. 2—2 об.; Государственный архив Черниговской обл., ф. 128 (Черниговский гражданский губернатор), оп. 1, д. 1015, л. 907. На 1 октября на Сосницкой базе хранилось 72 052 четв. муки, 4979 четв. круп и 82 183 четв. овса. По запасам она уступала лишь Трубчевской базе (ср. Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года, стр. 468, табл. 15).

Как показывают данные табл. 1, в период контрнаступления русская армия получила из украинских губерний около 177 тыс. четв. муки, свыше 18 тыс. четв. круп, 225 тыс. четв. овса и 12 тыс. пудов сухарей.

Большая часть продовольствия прибыла до середины декабря. Эти данные не претендуют на полноту, но тем не менее они показывают, что Украина была основным поставщиком провианта и фуража в самый решающий период войны. В общей сложности Украина выставила для перевозки военных грузов свыше 23 тыс. погонщиков, 34 тыс. лошадей, 13 тыс. волов и 25 тыс. подвод⁵⁵. Это позволило русскому командованию не только организовать широкую сеть подвижных магазинов, но и освободить для боевых операций тысячи солдат и строевых лошадей, занятых ранее на транспорте.

Напряженно работали в период войны военные заводы Украины. Особое значение приобрел Шостенский пороховой завод. После потери московских пороховых заводов он стал главным поставщиком пороха для всех действующих армий и, как другие крупные военные предприятия страны, был подчинен непосредственно главнокомандующему⁵⁶. В предписании от 28 сентября Кутузов потребовал «умножить годовую препорцию делаемого пороха, ибо все армии по расположению своему будут довольствоваться оным от Шостенского заводу»⁵⁷. Пороховщики справились с заданием. За 1812 г. они поставили войскам 24 535 пудов пороха⁵⁸, десятки тысяч готовых зарядов, а также тысячи пудов селитры⁵⁹. Кутузов

⁵⁵ Подсчеты произведены на основании следующих материалов: ЦГВИА, ф. 103, оп. 210, св. 18, д. 44, лл. 1—3; ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 788, д. 324, л. 231—231 об.; ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 6, д. 21, л. 1288; Каменец-Подольский государственный исторический музей-заповедник, д. 301; «Акты, документы и материалы для истории 1812 г.», т. I, стр. 489; «Український народ у Вітчизняній війні 1812 р.», стр. 65—66, 72—73, 76; «Четыре письма Д. П. Трошинского к кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому». — «Киевская старина», 1900, сентябрь—декабрь, стр. 711.

⁵⁶ «Столетие Шостенского порохового завода», стр. 47.

⁵⁷ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 397—398.

⁵⁸ П. М. Лукьянов. Указ. соч., стр. 308.

⁵⁹ Известно, что в начале сентября с Шостенского завода были направлены в Курск запасные на пять дивизий артиллерийские парки, а также готовые заряды, порох и селитра. Однако количество продукции не указывалось (ЦГВИА, оп. 291 (11а) (Армии Отечественной войны), св. 68 (281), д. 8, ч. 14, лл. 18—19 об.).

высоко оценил труд шостенских пороховщиков. В специальном приказе он объявил благодарность руководству завода и выдал 1300 руб. для награждения мастеров и рабочих⁶⁰.

Рекордное количество продукции дал в 1812 г. Луганский литейный завод — 20 тыс. пудов орудий и 90 тыс. пудов боеприпасов⁶¹, т. е. в 1,5 раза больше, чем до войны.

Киевский арсенал обеспечивал в основном 3-ю Западную и Дунайскую армии, а также украинское ополчение. Значительное количество продукции шло на вооружение 1-й и 2-й Западных армий. В самом начале войны из Киевского арсенала было вывезено в Москву и Брянск около 60 тыс. пудов орудий и разнообразного оружия. В августе арсенальцы отправили в Москву 3112 ружей. Всего в 1812 г. Киевский арсенал поставил войскам 134 орудия, 33 217 ружей и стволов, 1952 карабина, 2710 пар пистолетов, 4934 сабли и палаша, 8508 тесаков, 170 «ящиков зарядных наружных и внутренних», 64 «ящика зарядных с колесами» и 340 «оковок для лафет с передками и колесами»⁶². Таким образом, и Киевский арсенал выпустил продукции больше, чем до войны.

За время войны Украина поставила русским войскам тысячи строевых коней. Например, Слободско-Украинская губерния выставила 1050 кавалерийских⁶³ и 800 артиллерийских лошадей⁶⁴. Волынь и Подолия получили задание собрать 20 812 строевых лошадей «взамен половинного числа рекрутов, по настоящему набору (83-му. — Б. А.) причитающихся»⁶⁵. Документально известно, что зимой 1812/13 г. с Волыни прибыло в действующую армию свыше 10 тыс. коней. Все они были распределены по кавалерийским ча-

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 29 (Канцелярия Военного министерства), оп. 153а, св. 4, д. 423, л. 6; П. М. Лукьянов. Указ. соч., стр. 296—297.

⁶¹ Ю. Азанчеев. Указ. соч., стр. 9.

⁶² ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 787, д. 1654, лл. 3—4, 10—11, 19; ЦГВИА, ф. 29, оп. 153а, св. 28, ч. 9, лл. 2—3; ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, 1813 г., д. 871, лл. 6—7 об.; «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 668.

⁶³ «Участие харьковского дворянства в Отечественной войне 1812 года по архивным сведениям из дел канцелярии Харьковского дворянского депутатского собрания». СПб., 1912, стр. 18—20.

⁶⁴ Государственный архив Харьковской обл., ф. 3 (Слободско-Украинский гражданский губернатор), оп. 19, д. 119, лл. 1—2. За быструю поставку лошадей Кутузов объявил благодарность всем повестовым маршалам (там же, оп. 20, д. 43, лл. 1—43).

⁶⁵ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 31—32.

Денежные пожертвования населения Украины *

Губерния	Тыс. руб.	Губерния	Тыс. руб.
Киевская	Около 4 000	Слободско-Украинская	Около 540
Полтавская . . .	» 3 000	Херсонская . . .	» 300
Черниговская . .	» 400	Подольская . . .	» 225
Екатеринославская	» 380	Волынская	» 82
Таврическая . . .	» 640		

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. 8, лл. 487—498 об.; ч. 12, лл. 170—172 об.; 325—327, 516—523; «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 699; А. А. Скальковский. Указ. соч., стр. 20—23; А. В. Флоровский. Отечественная война и Новороссийский край. Одесса, 1913, стр. 17—20. Итоговые данные по губерниям даны округленно. Опубликованный цифровой материал, где это было возможно, сверен по архивным документам.

стям⁶⁶. К сожалению, данные о поставках лошадей из других губерний не обнаружены.

На Украине происходил сбор денежных средств на военные нужды. Народные массы не жалели своей трудовой копейки для победы над врагом. Украинские казаки, по словам князя Н. Г. Репнина, «истощили все денежные у себя капиталы, ибо употребили на сии предметы многие миллионы»⁶⁷. Жители Одессы пожертвовали 280 546 руб., жители Кременчуга — 7500 руб.⁶⁸; государственные крестьяне Тираспольского повета Херсонской губернии собрали 7910 руб., 137 четв. муки, 584 четв. овса и 127 волов; священники Новгород-Волынска, Острога и Овруча — 667 руб.⁶⁹ «Даже оставшие раненые солдаты, поселенцы новопавловские, — доносил екатеринославский гражданский губернатор генерал-губернатору Новороссии, — пожертвовали 1120 руб., т. е. все, что только в наличных деньгах у них находилось»⁷⁰. Подобных примеров можно привести немало.

Всего на Украине было собрано свыше 9 млн. руб. (табл. 2).

Таковы основные данные о материальной помощи украинского народа русским войскам в 1812 г. Однако при определении общего вклада экономики Украины в победу над наполеоновскими войсками необходимо учитывать еще следующие обстоятельства. Во-первых, в снабжении русской армии участвовало главным образом шесть украинских губерний. Население Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии во время войны 1812 года боролось с другим врагом — эпидемией чумы, которая в конце июля охватила весь юг Украины и принесла народным массам неисчислимые бедствия. Во-вторых, огромные средства украинский народ затратил на экипировку, снаряжение и обеспечение 70-тысячного казачьего

и земского ополчения, которое с момента формирования и до марта 1813 г. находилось на содержании населения⁷¹.

При этом следует учитывать, что наполеоновская армия, оккупировав треть Волынской губернии и вторгшись в северные поветы Черниговщины и Киевщины, нанесла украинскому населению существенный материальный ущерб. Только на Волыни французы разграбили и уничтожили имущество на 3517 тыс. руб. ассигнациями и 769 тыс. руб. серебром⁷².

Итак, в период Отечественной войны 1812 года экономика Украины сыграла важную роль в деле снабжения русских войск. За счет ее ресурсов полностью обеспечивались 3-я Западная и Дунайская армии, 2-й резервный корпус и ряд гарнизонов общей численностью в 120 тыс. человек. Огромное количество провианта и фуража украинские губернии поставили главным силам, особенно на втором этапе войны. Военные заводы Украины обеспечивали порохом и боеприпасами все действующие армии.

⁷¹ Подробнее см.: Б. С. Абаляхин. Боевое содружество украинского и русского народов в Отечественной войне 1812 года. Канд. дисс. Киев, 1964, стр. 199—211.

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. 13, лл. 468—469. Учитывая тяжелое положение Волынской губернии, Кутузов приказом от 5 декабря уменьшил причитающуюся с нее норму поставки продовольствия («М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 531—532).

⁶⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1876, лл. 159—160.

⁶⁷ «Чтения ОИДР», кн. II, М., 1864, стр. 87.

⁶⁸ А. А. Скальковский. 1812 год в Новороссийском крае. Одесса, 1837, стр. 13; «Киевская старина», 1900, сентябрь—декабрь, стр. 714.

⁶⁹ Государственный архив Одесской обл., ф. 1 (Канцелярия новороссийского и бессарабского генерал-губернатора), оп. 219, 1812 г., д. 5, лл. 86—87; Государственный архив Житомирской обл., ф. 1 (Волынская духовная консистория), оп. 3, д. 255, лл. 210—211.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. 8, л. 498 об.; см. также: А. А. Скальковский. Указ. соч., стр. 23.

Материальные ресурсы Украины фигурировали в стратегических планах русского командования. Особое внимание уделял им Кутузов. При решении крупнейших стратегических задач главнокомандующий учитывал многие факторы, в том числе военно-экономический потенциал Украины. «Прикрываю я моим движением края, из коих к армии все запасы доходить будут»⁷³, — писал фельдмаршал 23 октября 1812 г. Чичагову. Анализ документов показал, что расчеты Кутузова оправдались: украинские губернии снабжали русские войска всем необходимым.

Помощь украинского народа в снабжении русской армии была одной из активных форм его участия в Отечественной войне 1812 года, выражением братской солидарности с русским народом.

⁷³ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 188.

В. Н. АШУРКОВ

РУССКИЕ ОРУЖЕЙНЫЕ ЗАВОДЫ В 40—50-х ГОДАХ XIX в.

Состояние русских оружейных заводов в условиях назревания кризиса крепостного строя специально не рассматривалось в нашей исторической литературе¹, хотя оно имеет значение для характеристики государственного хозяйства и военных возможностей царской России.

Документальные материалы, относящиеся к деятельности этих заводов в 1840—1850-х годах, дают возможность проследить развитие противоречий между новыми явлениями экономической жизни и отживающей крепостнической организацией производства, установить конкретные предпосылки и особенности будущих преобразований, которые объективно вели к превращению заводов в государственно-капиталистические предприятия.

¹ Некоторые сведения дают: П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. М., 1952, стр. 21—25; А. В. Федоров. Русская армия в 50—70-х годах XIX в. Л., 1959, стр. 138—140.

Начальный этап длительного и сложного процесса перехода от мануфактуры к фабрике в русском оружейном производстве в его основных существенных чертах и рассматривается в настоящей статье.

Государственные оружейные заводы — Тульский, Сестрорецкий, Ижевский (с общей производительностью 105—135 тыс. штук в год) — занимали важное место в промышленности самодержавно-крепостнической России, являясь единственным источником обеспечения армии стрелковым оружием.

Эти заводы были своеобразным проявлением «государственного феодализма»² и обслуживались трудом прикрепленных к ним казенных мастеров-оружейников. Это сближало заводы с посессионными мануфактурами, в качестве особой категории которых их и можно рассматривать³. Но в силу исторически сложившихся условий они различались по внутренней организации.

В Туле на заводе были сосредоточены лишь главнейшие операции, а все прочие работы велись мастерами по домам, и производство было типичной формой смешанной мануфактуры. Оружейники зависели от завода, но были организованы в особое сословие и имели достаточные возможности к развитию самостоятельного производства. Это способствовало расслоению сословия на неимущих ремесленников и богачей-предпринимателей, ставших «принципалами позднейшей капиталистической мануфактуры»⁴.

Иным было положение в Сестрорецке и Ижевске. Эти заводы были централизованными мануфактурами, оружейники не имели собственных средств производства, и закон рассматривал их как заводских поселян с правами военнослужаителей⁵. Эти особенности во многом определяли и сам ход работы заводов, и политику военного ведомства в отношении их.

Наращение кризиса феодально-крепостнической системы во второй четверти XIX в. не могло не повлиять на общее состояние заводов.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 310.

³ Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1956, стр. 255.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 424.

⁵ «Свод военных постановлений», ч. 1, кн. IV. СПб., 1859, § 188—227.

Заводы изготавливали гладкоствольные, заряжавшиеся с дула пехотные ружья образца 1826 и 1828 гг. калибром в семь линий (17,78-мм) и ружья для кавалерии. Все это оружие было однотипно и различалось лишь в деталях⁶.

Промышленный переворот, начавшийся в России в 30-х годах XIX в., затронул и оружейное производство, где постепенно распространялись машины. На Тульском оружейном заводе их было 182, на Ижевском — 128, на Сестрорецком — до 200. Наряду с «машинами старого устройства» заметное распространение получили специализированные металлообрабатывающие станки (стволо-токарные, фрезерные, шустовальные) новых прогрессивных конструкций, созданные известными техниками: П. Д. Заховой — в Туле и Л. Ф. Сабакиным — в Ижевске⁷.

Руководимая Заховой механическая мастерская способствовала распространению станков «на манер тульский» на двух других заводах и внесла значительный вклад в развитие отечественного машиностроения.

Свободнаяковка ружейных деталей вручную постепенно заменилась их штамповкой; с конца 1840-х годов начала применяться машинная заварка стволов.

Технологический процесс (в основе сходный на всех заводах) не был все же широко механизирован, но значительно усовершенствовался по сравнению с началом XIX в.

С 1839 г. все детали делались только по чертежам с установленными допусками. В оружии была обеспечена взаимозаменяемость.

Но прогресс в энергетике был незначителен. На Тульском заводе с 1835 г. применялась паровая машина в 28 л. с. (но основной движущей силой по-прежнему оставалась вода). Командир Ижевского завода в 1841 г. нашел введение таких машин «неполезным». В Сестрорецком заводе ограничились постройкой новой плотины⁸. Преобладали водяные колеса — типичные двигатели феодальной эпохи.

⁶ В. Г. Федоров. Эволюция стрелкового оружия, ч. 1. М., 1938, стр. 22—35.

⁷ В. Н. Ашурков. Тульские мастера оружейного дела. Тула, 1951, стр. 38—56; Ф. Н. Загорский. Очерки по истории металло-режущих станков. М., 1960, стр. 191—192.

⁸ Центральный государственный архив Удмуртской АССР (далее — ЦГА Удм. АССР), ф. 4 (Ижевский завод), оп. 27, д. 515, лл. 1, 8—9, 24; А. Орфеев. История Сестрорецкого завода. — «Оружейный сборник», 1900, № 1, стр. 33—35.

Отмеченные перемены показывали, что производительные силы в оружейном производстве поднимались на новую, более высокую ступень. Но феодально-крепостнический порядок препятствовал их дальнейшему развитию.

Заводы должны были обеспечивать работой всех прикрепленных оружейников и не стремились к введению машин. В 1836 г. командир Тульского завода считал, что от применения станков для обработки лож мастера «явно будут в убытке и не в состоянии будут прокормить себя с семейством»⁹. Командир Ижевского завода находил, что введение стволо-нарезных станков лишь «вовлечет казну в напрасные убытки»¹⁰. Командир Сестрорецкого завода заявил, что «едва ли машина может заменить с успехом работу от рук»¹¹.

Но даже ограниченное применение новой техники ускорило разложение старой организации производства. Наиболее дальновидные специалисты сознавали неизбежность перемен. В 1835 г. Е. Х. Вессель писал: «Заводы и дело оружия... неминуемо... будут упадать в ущерб казне и ко вреду вооружения армии»¹². По его мнению, следовало заводы передать частным лицам под контролем правительства по примеру Франции. Впервые был поставлен вопрос о «коммерческом управлении» заводами. Это предложение еще не могло получить признания, но с дальнейшим развитием военной техники работа заводов должна была привлечь внимание правительства.

С 1830-х годов в иностранных армиях стало постепенно вводиться ударно-капсюльное оружие. В России также приняли на вооружение переделочное ударно-капсюльное ружье образца 1844 г. и ударное пехотное ружье образца 1845 г. калибром 7,1 линии (18,03-мм)¹³.

Освоение новых образцов оружия вызвало существенные трудности. Мастера не проявляли заинтересованности в своем труде, так как казенные расценки едва обеспечивали им жалкое существование.

⁹ Государственный архив Тульской обл. (далее — ГАТО), ф. 187, (Тульский оружейный завод), д. 1064, л. 80.

¹⁰ ЦГА Удм. АССР, ф. 4, оп. 42, д. 1354, лл. 94—95.

¹¹ ГАТО, ф. 187, д. 1355, л. 23.

¹² Е. Х. Вессель. О технических артиллерийских заведениях в России. СПб., 1835, стр. 60.

¹³ В. Г. Федоров. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911, стр. 52—59, 101—109.

В этом отношении весьма показательно сопоставление сведений (пусть не вполне надежных) о среднем годовом заработке за 1844—1849 гг. с официально исчисленным годовым прожиточным минимумом для оружейника с семьей, состоящей из трех человек¹⁴.

Средний заработок за год	Прожиточный минимум на год
Ижевск 30 руб. 75 коп.	45 руб. 77 коп.
Сестрорецк 28 » 92 »	73 » 81 »
Тула 24 » 19 »	73 » —

О реальном значении такой «оплаты» можно судить хотя бы потому, что по справочным ценам чернорабочему назначалось по денно 50 коп., а слесарю — 1 руб. 10 коп. Военно-крепостнический режим, грошовая плата, огромные вычеты за брак, тяжело отражаясь на положении казенных оружейников, вызывали падение производительности труда.

Все три завода обычно не выполняли даже назначаемых им минимальных нарядов. Средняя годовая выработка за 1825—1850 гг. составила всего 51787 ружей (т. е. всего лишь половину того числа, на выделку которого они были рассчитаны, — 105 тыс.). В лучшем состоянии находился Тульский завод, вновь отстроенный в 1835—1843 гг. после пожара; два других находились «в запущении»¹⁵.

Но правительство располагало достаточными ресурсами и могло маневрировать, пытаясь путем «улучшения быта» оружейников обеспечить успешную выделку оружия. В декабре 1849 г. Николай I назначил комиссию под председательством члена Военного совета генерала Н. А. Бутурлина. Комиссии поручалось определить меры обеспечения благосостояния оружейников и «доведения заводов до желаемой степени совершенства»¹⁶. Комиссия работала в течение года и, как многие комиссии той эпохи, неизбежно ограничилась полумерами. «Удостоверясь в бедности оружейников всех заводов», комиссия предложила: списать с них казенные

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск (бывш. Артиллерийского исторического музея) (далее — АВИМАИВ), ф. 6 (Главное артиллерийское управление), оп. 5/9, д. 322, лл. 303, 307 об.

¹⁵ «Историческое обозрение военно-сухопутного управления в России 1825—1850 гг.» СПб., 1850, стр. 102—103.

¹⁶ АВИМАИВ, ф. 6, оп. 5/9, д. 322, лл. 1—2.

долги 116 716 руб., отпускать некоторым провиант бесплатно, выдать особо нуждающимся двухрублевое пособие. Оплату рекомендовалось довести до некоего минимума, достаточного для «безбедного существования».

Комиссия признала необходимым, упразднив коллегиальные правления заводов, наделить командиров правами «полного хозяина». Соответственно с этим был составлен проект нового «Положения» о заводах. В апреле 1851 г. он поступил в Артиллерийский департамент, но обсуждение его затянулось и было отложено в связи с Крымской войной¹⁷.

Рекомендации комиссии Бутурлина, отвечая правительственному курсу на поддержание феодально-крепостнических порядков, не могли помочь делу. Заводы остались в прежнем состоянии, и русское оружейное производство неизбежно уступало капиталистическим странам Запада.

Англия имела два государственных оружейных завода: Арсенал в Вульвиче и завод в Энфильде (на 40—50 тыс. ружей в год), в техническом отношении лучшие в Европе. Частным производством оружия издавна славился Бирмингем.

Во Франции правительство имело четыре завода в городах Сент-Этьенн, Туль, Мютциг и Шательро, которые управлялись на основании «Положения о работе королевских оружейных мануфактур» от 10 декабря 1844 г.¹⁸ Во главе этих заводов стояли директора-офицеры. Рабочие были вольнонаемными. Производство вели подрядчики по контрактам. Под контролем правительства использовался частный капитал.

Пруссия располагала пятью государственными оружейными заводами: в Шпандау, Эрфурте, Данциге, Зуле и Зёммерде. Управление ими велось на основе «Устава для военных оружейных фабрик» от 29 января 1857 г.¹⁹ Их возглавляла военная администрация и обслуживали наемные рабочие. Единственным частным был завод Н. Дрейзе (1841 г.) в Зёммерде.²⁰

Второстепенные европейские государства обычно заказывали оружие в Англии и особенно в Бельгии, где пользовались известностью фабрики Л. Фаллиса и Трапмана,

¹⁷ Там же, лл. 322 об.—323 об., 328—329, 205—207, 306—307, 184.

¹⁸ «Règlement sur le service des manufactures Royales d'armes de guerre». — «Journal militaire officiel», 1845, № 9, p. 87—136.

¹⁹ «Dienst Ordnung für die Militär-Waffen Fabriken». Berlin, 1857.

²⁰ J. Lugs. Handfeuerwaffen, Bd. II. Berlin, 1962, S. 164—168.

Малерба и др. Позднее заказы размещались в Соединенных Штатах Америки, где работали оружейные фабрики Ремингтона, Кольта, Винчестера и Смит Вессона.

О техническом уровне иностранных оружейных заводов 1840—1850-х годов нет достаточных сведений в литературе. Но являясь крупными капиталистическими предприятиями, они переходили к массовому машинному производству оружия, осваивая его новейшие образцы.

Во Франции в 1840-х годах было устранено главное препятствие к распространению нарезного оружия — забойное заряжание. Капитан Минье в 1848 г. предложил заряжать ружье продолговатой пулей диаметром несколько меньше канала ствола с конической пустотой в основании; вставленный в нее железный стаканчик напором пороховых газов вгонял пулю в нарезы ствола. Это открытие, как указывал Ф. Энгельс, и обеспечило успех нарезному оружию, тем более что система Минье допускала переделку старых образцов гладкоствольного оружия²¹. В 1849 г. нарезное капсюльное ружье Минье было принято во Франции. На базе этой винтовки была разработана английская винтовка Энфильд образца 1853 г. калибром 5,77 линии (14,7-мм), которую Энгельс считал лучшей из всех винтовок континентальных войск²².

Русская армия, вооруженная главным образом гладкоствольным оружием и в небольшом количестве устаревшими образцами нарезных штуцеров 1843 и 1849 гг., уступала в своем вооружении иностранным войскам.

Лишь с началом Крымской войны были приняты на вооружение 7-линейные (17,78-мм) пехотное и драгунское нарезные ружья образца 1854 г. Для заводов удалось закупить за границей небольшое число стволо-нарезных станков, что осложнило развертывание производства. Все же в годы войны заводы несколько форсировали работы, дав за 1853—1856 гг. 236 172 ружья (91 273 нарезных и 144 899 гладкоствольных) и 15 095 пистолетов²³. Но это число не соответ-

²¹ См. Ф. Энгельс. История винтовки. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 211. Первые образцы нарезного оружия известны с XVI в.

²² В. Е. Маркевич. Ручное огнестрельное оружие, т. I. Л., 1937, стр. 181—183.

²³ М. Богданович, А. Максимовский и др. Исторический очерк деятельности Военного управления, т. 2. СПб., 1879, стр. 224.

ствовало потребностям армии, и правительство должно было заказать 64 тыс. ружей (в том числе 14 тыс. нарезных) Фаллису и Трапману (Льеж) и 50 тыс. нарезных ружей — Кольту (США), но последний заказ не был выполнен²⁴. Несмотря на героизм русских войск, оборонявших Севастополь, война оказалась для России безнадежной борьбой «нации с примитивными формами производства против наций с современным производством»²⁵.

Поражение в Крымской войне означало крах всей военной системы царизма, и созданная 20 июля 1855 г. Комиссия для улучшений по военной части занялась изучением состояния заводов.

Рассмотрение этого вопроса было поручено Военно-ученому комитету (по артиллерийскому отделению), который в 1856 г. признал, что русское оружие «по достоинству своему много уступало иностранному». Главной причиной этого было то, что работы вели мастера, «приписанные навсегда к заводу вместе с семействами». Широкое применение машин «сделалось неудобным, так как через это осталось бы много рабочих без всякого занятия, а следовательно, и без платы»²⁶.

Освоение новых образцов оружия требовало машин, а это «оставит за штатом новое число мастеров, и тогда явится необходимость уволить всех оружейников в звание государственных крестьян или мещан, а для заводских работ нанять из их среды искуснейших или старательнейших»²⁷. Так впервые был поставлен официальный вопрос о переходе к наемному труду в оружейных заводах.

Одновременно комитет признал, что существующая организация заводов будет «постоянным препятствием» к улучшению выделки оружия, и обратил внимание на порядок руководства оружейными заводами во Франции.

Военное министерство еще рассчитывало обойтись отдельными частными мерами. Но обстоятельства вынуждали действовать. В 1856 г. было принято на вооружение 6-линей-

²⁴ В. Г. Федоров. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904, стр. 14.

²⁵ Письмо Ф. Энгельса Н. Ф. Даниельсону от 22 сентября 1892 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 38, стр. 398.

²⁶ ЦГВИА, ф. 342 (Военно-ученый комитет), д. 521, л. 141—141 об.

²⁷ Там же, л. 142.

ное (15,4-мм) заряжавшееся с дула нарезное ружье (винтовка)²⁸. Предстояло спешно развернуть производство винтовок и произвести переделку в нарезные 7-линейных (18,03-мм) ружей старого образца. Для ускорения работы было решено привлечь иностранных заводчиков Фаллиса и Трапмана как достаточно известных. 24 апреля 1857 г. с ними был подписан контракт. Они обязывались в течение двух лет нарезать 100 тыс. стволов в Туле и Ижевске по 7 франков за штуку (1 руб. 75 коп.), установив все необходимое оборудование на сумму до 33 тыс. франков (до 8 тыс. руб.). Работу вели 24 бельгийских мастера и казенные оружейники. Контракт, впервые определив порядок работ «на коммерческом праве», открывал некоторые перспективы к реорганизации заводов²⁹. Это понимали и сами контрагенты. В ноябре 1857 г. они просили передать им в аренду Тульский завод; но затем пытались получить другой — Сестрорецкий, лучше оборудованный и близкий к столице³⁰. Их предложение обсуждала образованная 18 февраля 1859 г. комиссия под председательством директора Артиллерийского департамента.

Подготовка к отмене крепостного права шла полным ходом³¹, поэтому комиссия наряду с разработкой условий на аренду завода нашла необходимым выступить с «Основными предположениями о преобразовании быта сестрорецких оружейников», чтобы «передача завода в коммерческие руки сделалась возможной»³². Переход к наемному труду правильно рассматривался ею как неперемное условие предстоящей реорганизации завода. Но комиссия не могла от решиться от привычных крепостнических представлений. Она опасалась, что заводы останутся без рабочих, и потому хо-

²⁸ В. Г. Федоров. Вооружение русской армии за XIX столетие, стр. 128—140.

²⁹ ЦГВИА, ф. 503 (Артиллерийский департамент), оп. 5, д. 486, лл. 122—130. В этом же деле (л. 438) указано, что 1 руб. равен 4 франкам.

³⁰ Там же, д. 465, лл. 5—11; АВИМАИВ, ф. 5, оп. 54/3, д. 184, лл. 8—13.

³¹ Губернские дворянские комитеты закончили работу, и 4 марта 1859 г. началась деятельность редакционных комиссий.

³² АВИМАИВ, ф. 6, оп. 5/9, д. 443, л. 41 об. Краткие сведения о работе комиссии см.: В. Цибульский. Освобождение сестрорецких оружейников. — «Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской», т. VII. Л., 1960, стр. 241—244.

тела предоставить оружейникам личную свободу с ограничениями в праве перехода, сохранив «обществу вольных поселенных оружейников» некоторые права и преимущества. Комиссия разрабатывала «Проект преобразований», следуя программе от 11 апреля 1858 г., которой руководствовались губернские комитеты, составляя проекты «об улучшении быта крестьян»³³. Но казенные оружейники отличались от крестьян, и ей пришлось искать иных решений.

Комиссия предлагала следующее³⁴: оружейники получали личную свободу, те, кто оставался на заводской работе, составляли общество «поселенных вольных оружейников»; все остальные перечислялись в другие сословия. «Внутреннее устройство общества» оставалось прежним «с малыми только изменениями». «Поселенным оружейникам» давалась в собственность усадьба и в пользование луга, леса и пр. Выход из общества допускался при неперемной продаже усадьбы кому-либо из оружейников. Сохранялись прежние льготы по рекрутской, постройной и другим повинностям. Комиссия считала, что оружейников надо наделить усадьбами, чтобы они «имели обеспеченную хотя бы малую выгоду, оставаясь при оружейном ремесле, но вместе с тем, по совершенному недостатку в земле, они побуждены были искать пропитание в оружейной работе»³⁵. Тем самым обеспечивались «свои», привязанные к месту дешевые кадры рабочих. Оружейники, получая личную свободу, оставались по существу прежним оружейным сословием. Проект стремился сохранить старые основы под иными внешними формами, ограничиться минимальными уступками.

Нарастание революционной ситуации заставило правительство пойти на ликвидацию крепостнических отношений в России. Военное министерство поэтому не поддержало проекта комиссии.

По мнению министерства, следовало отказаться от создания общества оружейников, связанного с заводом, подчинить освобождаемых общим законам с тем, чтобы заводу «не было никакого дела до работников, кроме уплаты денег за работу»³⁶. Комиссии предложили переработать проект.

³³ А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. I. Бонн, 1862, стр. XXV—XXX.

³⁴ АВИМАИВ, ф. 6, оп. 5/9, д. 443, лл. 54—57.

³⁵ Там же, л. 54.

³⁶ Там же, л. 56 об.

В новой редакции он был еще сокращен, но в основе не изменился³⁷. Освобождение оружейников было связано с реорганизацией всего управления заводами, и потому движение проекта комиссии неизбежно замедлилось.

Одновременно комиссия разработала следующие условия возможной передачи Сестрорецкого завода в содержание подрядчику на коммерческом праве для выделки 30 тыс. 6-линейных винтовок. Контракт заключался на срок от 10 до 15 лет³⁸. Всем сестрорецким оружейникам (до 1 тыс. человек) подрядчик был обязан предоставить поденную или сдельную работу при минимальной плате 52 коп. в день. По истечении срока контракта завод возвращался в казну.

Проект условий оказал влияние на судьбу всех оружейных заводов, став основой контрактов, по которым они в 1863—1865 гг. поступили в арендно-коммерческое управление их командиров³⁹.

Генерал-фельдцейхмейстер вел. кн. Михаил Николаевич настаивал на скорейшем завершении дела о Сестрорецком заводе. Но Военное министерство в сентябре 1860 г. сообщило, что оно не может рассматриваться «прежде решения вопроса об устройстве быта заводских мастеровых» артиллерийского ведомства⁴⁰. Правильно понимая государственные интересы, министерство считало отмену обязательного труда в оружейных заводах неизменным условием для их реорганизации.

Позиция Военного министерства встретила резкие возражения генерал-фельдцейхмейстера. Он не допускал передачи заводов в аренду частным лицам и настаивал на том, чтобы они перешли в арендно-коммерческое управление к их командирам, которым будут сохранены их права и предоставлены различные преимущества.

Арендно-коммерческое управление выступает здесь как своеобразная переходная форма в эволюции русских оружейных заводов от «государственного феодализма» — от мануфактур с обязательным трудом — к государственной капиталистической фабрике. Оно обуславливалось экономической

отсталостью страны, наличием феодальных пережитков, влиянием придворной камарильи и беспомощностью военного ведомства в организации своего хозяйства на новых началах.

Итак, русские оружейные заводы в 1840—1850 гг. по организации и технике при обязательном труде уступали оружейным заводам капиталистических стран, и это в немалой степени предопределило поражение царской России в Крымской войне.

Перевооружение армии нарезным оружием требовало полной перестройки заводского производства и прежде всего перехода к наемному труду.

От того, как решится судьба заводов, зависели перспективы и характер их дальнейшего развития⁴¹ и, конечно, обеспечение русской армии новейшим стрелковым оружием, необходимым для ее боевой готовности.

³⁷ АВИМАИВ, ф. 5, оп. 54/3, д. 184, лл. 91—96, литограф. текст.

³⁸ Там же, ф. 6, оп. 5/9, д. 443, лл. 16—24.

³⁹ В. Н. Ашурков. Арендно-коммерческое управление русскими оружейными заводами. — «Ученые записки Тульского государственного педагогического института», вып. 8. Тула, 1958, стр. 27—48.

⁴⁰ АВИМАИВ, ф. 6, оп. 5/9, д. 443, л. 104.

⁴¹ В. Н. Ашурков. К вопросу о путях развития русских оружейных заводов в 60-х годах XIX века. — «Ученые записки Тульского государственного педагогического института», вып. 4. Тула, 1953, стр. 68, 95.

IV.

Формирование и подготовка войск

В. Д. НАЗАРОВ

О ДАТИРОВКЕ «УСТАВА РАТНЫХ И ПУШЕЧНЫХ ДЕЛ»

Интереснейшим памятником русской военной мысли (до конца XVII в.) является «Устав ратных и пушечных дел». Автором его был Анисим Михайлов — известный московский печатник начала XVII в. А. М. Радишевский. Судьба «Устава» оказалась весьма сложной: работа над ним продолжалась более 13 лет (с 1607 по 1620 г.), но практического применения в XVII в. он, видимо, не получил. Опубликованный еще в конце XVIII в. с большими погрешностями, свойственными типографиям той эпохи¹, памятник был незаслуженно забыт и в историографии — только Обручев посвятил ему несколько страниц². В советской науке большая заслуга в новом обращении к «Уставу» и общем его анализе принадлежит Л. Г. Бескровному³.

Предлагаемая статья ограничивается задачей уточнить время начала работ над «Уставом». Казалось бы, такой вопрос надуман — сам автор в предисловии отнес на-

¹ «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящей в 663 указах или статьях... Напечатан с рукописи, найденной в 1775 г. в Мастерской и Оружейной палате в Москве» (далее — «Устав»), ч. 1—2. СПб., 1777—1781.

² Н. Н. Обручев. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1853.

³ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 61 и далее.

чало составления памятника к 1607 г.⁴ Однако именно эта дата и вызывает сомнения. Откуда взялись у правительства В. Шуйского многочисленные иностранные военные сочинения (итальянские, немецкие и др.), использованные в «Уставе», когда фактически дипломатические связи со многими европейскими странами были прерваны? Как совместить новизну содержания памятника с полным молчанием всех источников о каких-либо новациях Шуйского в воинской подготовке армии в 1606—1608 гг.?⁵ Наконец, чем объяснить, что работа над «Уставом» при Шуйском так и не была завершена к 1609—1610 гг., когда надобность в подобном руководстве (в связи с неизбежной войной против Речи Посполитой), надо думать, была особенно велика? Число таких недоумений нетрудно увеличить. Ясно, что дата начала работ над «Уставом» — 1607 г. — нуждается в уточнении.

Думаем, что замысел памятника и первые шаги по его осуществлению относятся к периоду правления Лжедмитрия I. Нет прямых данных (из-за гибели архивов московских приказов за начало XVII в.) для предлагаемой гипотезы. Однако ряд косвенных доказательств подтверждают ее справедливость. Это, во-первых, характер военных преобразований Самозванца; во-вторых, данные текста самого «Устава» (в сопоставлении с военными мероприятиями Лжедмитрия I); в-третьих, некоторые факты судьбы памятника и биографии его автора.

Действительно, почти все русские и все без исключения иностранные источники во многом согласно свидетельствуют о широких военных мероприятиях Самозванца. Помимо мер по укреплению экономического положения основы русской армии — уездного дворянства (повсеместное увеличение норм земельных и денежных окладов, усиленная раздача денежного жалованья, причем средства для этого черпались у монастырей путем безвозвратных «займов»⁶, и т. д.),

⁴ «Устав», ч. 1, стр. 1.

⁵ Есть известия об обучении войск кн. М. В. Скопина-Шуйского во время его похода из Новгорода в Москву по шведскому образцу. Точнее говоря, по нидерландскому, но в шведском переложении. (В. С. Иконников. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. — «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. 1. Киев, 1879, стр. 130, 131).

⁶ В. Д. Назаров. Из истории внутренней политики России начала XVII в. — «История СССР», 1967, № 4, стр. 103.

серьезное внимание было обращено на вооружение войск и их обучение. Многие источники сообщают об интенсивном производстве артиллерии разного калибра, ее испытаниях и личном участии Лжедмитрия во всем этом⁷. Почти все авторы, писавшие о правлении Самозванца, подробно рассказывают — причем как о новости — о характере обучения армии: неоднократные военные игры по осаде и взятию крепостей, усвоение правильного строя, создание оригинальной подвижной крепостцы с артиллерией («ада» — по выражению русских источников)⁸. Кроме того, достоверно известно об обращениях Лжедмитрия к римскому папе с просьбами о содействии для привлечения иностранных специалистов из Италии, прежде всего военных (предполагалось подобное обращение и в Англию)⁹. Все эти меры вытекали из широких внешнеполитических замыслов Самозванца. Для нас сейчас безразлично, к какому именно проекту склонился бы Лжедмитрий: к войне или с крымским ханством или к военной поддержке надвигавшегося «рокоша» в Польшу¹⁰. Важно другое: любой из этих планов предусматривал широкие наступательные операции на чужой территории. Понятно, что в таких условиях возникла настоятельная необходимость в изучении иностранной военной теории и практики, ее усвоении войсками.

Именно в этой связи показательно содержание «Устава». Наибольшее внимание в нем уделено действиям армии — преимущественно наступательным — на враждебной территории (походный порядок, структура командования, организация управления и снабжения войск и т. д.)¹¹ и разнообразнейшим сторонам артиллерийского дела¹². Именно в этих

⁷ К. Буссов. Московская хроника. М.—Л., 1961, стр. 111; И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 118, 119.

⁸ К. Буссов. Указ. соч., стр. 111—112; И. Масса. Указ. соч., стр. 118—119.

⁹ Пирлинг. Дмитрий Самозванец. М., 1912, стр. 274—277.

¹⁰ Там же, стр. 318—321. Относительно замыслов Самозванца в Польшу и его связей с рокошанами есть немалая польская литература.

¹¹ «Устав» ч. 1, гл. 1—26, 30—35, 38, 64—87; ч. 2, гл. 282—293, 337—338, 377—379 и т. д.

¹² Там же, ч. 1, гл. 39—63, 98—125, 143—202 (правила стрельбы), 205—210; ч. 2, гл. 212—224 (устройство оружейной палаты и функции оружейного), 225—232, 234—249, 258—270 (типы орудий), 271—280, 296—336 и т. д.

главах больше всего ссылок на «иноземные порядки», особенно в описаниях фортификационных работ при осаде, приготовлении артиллерийских припасов и производства стрельбы. Весьма симптоматично, что «Устав» специально разбирает действия войск при походе «в недружной земле, просторными, низкими и тесными месты», т. е. предусматривает возможность войн на различных по рельефу территориях (т. е. разных стран и их областей).

Меньше интересуют автора оборонительные действия. Их он в основном рассматривает как момент наступательных операций (отражение нападений при походе, при осаде крепостей и т. д.)¹³.

Показательна и филологическая особенность памятника — денежный счет в нем ведется на золотые, упоминаются коморники и т. д. Более того, автор и в военной терминологии, и в описании войсковых институтов и порядков часто сбивается на «рыцарские» обычаи Речи Посполитой. Он рассказывает о правах и обязанностях войскового (полкового) маршалка — должности, не известной в русской армии, описывает порядок воинского суда, типичный опять-таки для польско-литовской армии, часто говорит о найме пушкарей и вообще солдатах-наемниках, текст пестрит словами: рота, ротмистр, прапоры и т. д.¹⁴ Вряд ли эта особенность объясняется только происхождением А. М. Радишевского (он был выходцем с Волыни и оказался в Москве около 1586 г.¹⁵). Вспомним, что Самозванцу воинский строй Речи Посполитой был хорошо известен по личному опыту, а в его ближайшем окружении было немало опытных в бранном деле шляхтичей. К тому же по крайней мере часть иностранных сочинений автор «Устава» использовал не непосредственно, а через военную литературу Речи Посполитой.

Но мог ли Самозванец поручить печатнику Радишевскому составление воинской книги? Да, мог, ибо Радишевский был не только печатным, но и «пушкарских дел мастером».

¹³ Там же, ч. 1, гл. 22, 26—28, 78, 86—95; ч. 2, гл. 295 и т. д.

¹⁴ О маршалке — «Устав», ч. 1, гл. 9, 18 и др.; о суде — ч. 1, гл. 11, 18 и др.; о найме — ч. 1, гл. 50, 51, 56, ч. 2, гл. 228, 271 и др.; «золотые», «пенязи» — ч. 1, стр. 24, 25, 61, 110—111 и т. д.; «рота», «ротмистр», «прапоры» — ч. 1, стр. 82, 108 и т. д.

¹⁵ В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов ЦГАДА (XI—XVI вв.). М., 1954, стр. 20; «400 лет русского книгопечатания», т. I. М., 1964, стр. 52.

В 1622 г. он за «колодезное и тайничное место» в Путивле был пожалован тканями¹⁶. Думаем, что и до 1605 г., когда была организована его печатня, он трудился или на Пушкарском дворе, или в ином военном ведомстве. Имел ли возможность Радишевский приступить к созданию «Устава» при Ажедмитрии I? Видимо, да. Свою первую книгу — напечатанное «Евангелие» — он начал печатать 30 марта 1605 г., а закончил только в конце июля 1606 г. Немногим же уступающий по объему этой книге «Апостол» был создан А. И. Неvejeиным при Самозванце за девять месяцев. Вообще работы над книгами, начатые при Борисе Годунове, были приостановлены в правление Ажедмитрия I: тот же Неvejeин вместо «Постной Триоди» (начата в сентябре 1604 г., окончена только 28 февраля 1607 г.) печатал «Апостол». Естественно предположение, что и Радишевский временно прерывал свои труды над «Евангелием» при Самозванце, будучи призван (конечно, не один) для исполнения другого задания — составления «Устава».

И еще одно обстоятельство. Наш памятник не производит впечатления полностью законченного и отредактированного сочинения. В нем немало смысловых и стилистических погрешностей, чувствуется отсутствие единой системы расположения материала, велика композиционная рыхлость, очень неравномерно распределение материала между отдельными главами и т. д.¹⁷ Нет никаких доказательств и тому, что «Устав» применялся как действующее военное руководство в русской армии в первой половине XVII в.¹⁸

Не свидетельствует ли все это о том, что «Устав» Радишевского (при завершении в 1620 г.) остался частной инициативой автора, не получившей правительственного одобрения?¹⁹ Если наша мысль правильна, то невольно напрашивается сравнение судеб «Устава» с судьбой «Сводного

¹⁶ А. А. Покровский. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1914, стр. 27.

¹⁷ Н. Н. Обручев. Указ. соч., стр. 25. Вообще в «Уставе» чувствуется отсутствие единой системы расположения материала.

¹⁸ Малое число рукописных списков «Устава» (Н. Н. Обручев. Указ. соч., стр. 21), наоборот, скорее заставляет думать, что в русской армии он был неизвестен.

¹⁹ Сам автор во введении подчеркивает инициативную роль В. Шуйского, относительно же Михаила Романова только отмечает, что в его царствование книга была закончена («Устав», ч. 1, стр. 1).

«судебника» 1606 г. — неосуществленного законодательного проекта Самозванца²⁰.

Наконец, последнее. Нетрудно объяснить, почему Радишевский сдвинул дату начала работ над «Уставом»: выставлять «злокозненного еретика» (имя которого подвергалось анафеме в каждой русской церкви) инициатором дела было бы вопиющей вольностью и политической бестактностью, — ведь «Устав», надо думать, правительству Романовых был представлен,

М. Д. РАБИНОВИЧ

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГУЛЯРНОЙ РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о создании регулярной русской армии неоднократно затрагивался в трудах по военной и гражданской истории, но рассматривался главным образом исходя из опубликованных источников. Документальные материалы ЦГАДА проливают свет на многие аспекты исследуемой проблемы.

8 ноября 1699 г. в Москве был объявлен указ о наборе в солдаты «всяких вольных людей». Добровольцам было обещано очень высокое жалованье (по 11 руб. в год), продовольственное снабжение и обмундирование наравне с преображенцами и семеновцами. Местом набора вольницы была Съезжая Солдатская изба в Преображенском. Руководство возлагалось на А. М. Головина — командира вновь формируемой дивизии.

17 ноября 1699 г. последовало новое правительственное распоряжение, которым предписывалось развернуть набор даточных людей. Согласно этому указу, именитый человек Строганов и духовенство должны были выставить по одному даточному с каждых 25 дворов. Если число дворов было меньше, то взималось по 11 руб. за человека. У служилых людей, находившихся на гражданской службе, брался один даточный с 30 дворов, а у бывших на военной службе — один

²⁰ В. Д. Назаров. Палеографический и текстолитический анализ списков Сводного судебного. — «Вестник МГУ». История, 1967, № 1, стр. 74—76.

с 50 дворов или 11 руб. с человека. Кроме пеших даточных, московские служилые люди выставляли по одному конному даточному со 100 дворов¹. Этот набор был возложен на комиссию боярина Ф. А. Головина и генерала А. А. Вейде (командира набираемой дивизии), работавшую на Генеральном дворе в Преображенском.

5 декабря 1699 г. аналогичные комиссии были созданы также в Новгороде, Пскове и Смоленске во главе с начальниками одноименных разрядов. Новгородская, Псковская и Смоленская комиссии были подчинены Генеральному двору.

Одновременно учреждалась еще одна комиссия во главе с генералом Аникитой (Никитой) Ивановичем Репниным, он же назначался командиром дивизии, набираемой в 20 городах Поволжья.

Если дивизия Головина должна была комплектоваться вольницей, а дивизия А. А. Вейде — даточными, то соединение Репнина решено было комплектовать и теми, и другими.

Репнин должен был приверстывать в службу лиц в возрасте 15—30 лет из детей боярских, недорослей, казачьих и стрелецких детей и всяких вольных людей, но ему запрещалось вербовать в дивизию «с пашен тяглых крестьян»².

Через несколько дней контингент значительно расширился: 5 декабря 1699 г. было приказано «с казанского и нижегородского митрополитов даточных и денги сбирает в Казани и в Нижнем Новгороде»³. 23 декабря 1699 г. «с Казанского разряда даточных и денги велено збирает ему же князю Никите Ивановичю [Репнину]»⁴.

Таким образом, в ноябре 1699 г. были созданы центры формирования и обучения солдат, прибираемых в службу из вольницы и даточных. Комиссия на Съезжей избе, которая формировала дивизию Головина, и комиссия на Генеральном дворе, создававшая дивизию генерала Вейде, были не зависимыми одна от другой самостоятельными учреждениями⁵.

¹ ЦГАДА, ф. 1209 (Книги приказных дел Поместного приказа), д. 5114 (80), лл. 26—31. Полный текст указа напечатан в «Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. V, отд. II, М., 1894, стр. 37—39.

² ЦГАДА, ф. 1209, д. 5114 (80), лл. 26—33; ф. 1210, д. 18664, лл. 39—41; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. V, отд. II, стр. 37—41.

³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 5114 (80), л. 22.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Там же, л. 33 об.

Что касается комиссии по формированию дивизии генерала Репнина, то она была подчинена Генеральному двору. Всего из «новоприборных» солдат было сформировано около 60 полков, в которых осуществлялось военное обучение и вооружение новобранцев.

По предварительным расчетам предполагалось набрать даточных с церквей и монастырей по человеку с 25 дворов — 7418 человек, с помещиков и вотчинников — по человеку с 30 дворов — 7338 человек, итого 14 756 человек. Набор даточных в Генеральном дворе в Преображенском начался 26 ноября 1699 г., когда были приняты первые 26 человек. Всего в течение 1699 г. было приверстано в службу 3165 человек⁶. В 1700 г. по отдельным месяцам набор протекал следующим образом: январь — 5426 человек, февраль — 847, март — 499, апрель — 172 человека, после чего он почти прекратился. Всего было набрано 10 109 даточных, т. е. около 70% предполагаемой численности. Кроме того, 246 человек были завербованы из вольницы. Всего, следовательно, к 1 мая 1700 г. было приверстано в службу 10 355 человек, из которых начали формироваться 28 полков. Неодновременность прибытия даточных и необходимость срочного формирования большого числа полков приводили к тому, что численность каждого из них равнялась примерно 20—35% штата «тысячных» солдатских полков. В дальнейшем, вероятно, предполагалось доукомплектовать эти части с тем, чтобы уже обученные солдаты были в них ядром. Таким образом, должна была разрешиться и проблема создания необходимых кадров младшего командного состава, которые предполагалось найти среди уже обученных солдат. Рядовой состав этих полков набирался из даточных людей помещиков и духовенства, а также вольницы.

Боевой подготовкой новобранцев руководили полковники, находившиеся при Генеральном дворе. Кроме того, для непосредственного обучения личного состава к полкам были прикомандированы армейские офицеры «из московских и белгородских, и севских, и киевских, и смоленских полков».

Обучение в основном сводилось к строевой и стрелковой подготовке, изучению ружейных приемов в караульной

⁶ Там же, л. 35 об.; ф. 1210 (Столбцы Генерального двора в Преображенском), д. 18681, ч. 1, лл. 83—88.

службе. Специалисты и музыканты готовились при полках Московского гарнизона⁷.

Поскольку фактический набор составил примерно 70% планируемого числа, основная масса прибираемых в службу прибыла в конце 1699—начале 1700 г., а в феврале—апреле 1700 г. поступило лишь около 1500 человек; руководителям набора стало ясно, что укомплектование 28 полков даточных из центральных районов может затянуться и едва ли будет успешным. Поэтому в начале марта 1700 г. было решено весь обученный состав свести в несколько «тысячных» полков. Первоначально предполагалось создать из даточных 10 «тысячных» полков⁸. Практически удалось сформировать лишь 9 полков⁹. Общий уровень боевой подготовки новобранцев был не слишком высокий, о чем свидетельствовал отзыв Петра I: «Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые самые были рекруты»¹⁰.

Имеется возможность привести некоторые сведения о расходе боеприпасов на обучение стрельбе в полках, сформировавшихся комиссией при Генеральном дворе. Хотя эти данные не являются полными, они позволяют в известной степени выяснить вопрос о боевой подготовке вновь формируемых полков.

Из справки Генерального двора 20 апреля 1700 г. видно, что численность солдат в восьми полках, укомплектованных даточными, составляла в среднем по 1152 человека на полк. На обучение стрельбе было определено по 1 фунту пороха и 3 фунта свинца на каждого солдата. Фактический расход боеприпасов был гораздо выше. Из донесения полковника Т. Юнгора 12 мая 1700 г. видно, что в его полку было израсходовано к этому дню 57 пудов 20 фунтов пороха на 1152 человека «и тот порох изошел на учение»¹¹. Следовательно, примерно за полтора месяца с момента формирования данного полка было затрачено в среднем по 2 фунта на человека. В середине мая боезапас был вновь пополнен, и

в полки Т. Юнгора и М. Фливерка было отпущено Пушкарским приказом еще по 85 пудов 24 фунта пороха¹², т. е. по 3 фунта на человека. Из документов неясно, предназначался ли он для учебных целей или был выдан в качестве неприкосновенного запаса. Однако, учитывая то, что боевая подготовка полков далеко еще не была завершена и длилась весь июнь и июль 1700 г., можно предположить, что по крайней мере часть этого пороха была использована в учебных целях. Для сравнения укажем, что в Выборгском полку в 1709 г., т. е. к тому времени, когда русская регулярная армия достигла своего расцвета, на огневую подготовку рекрутов за весь 1709 г. было израсходовано по 2,8 фунта на человека (26 пудов 21 фунт на 373 рекрута)¹³.

Следовательно, формируя регулярные полки комиссия при Генеральном дворе уделяла внимание не только строевой выучке солдат, как это до сих пор было принято полагать, но и интенсивной по тому времени огневой подготовке.

Слабым местом новых полков был большой некомплект офицерского состава. Всего к 21 июля 1700 г. вместо 264 средних офицеров в наличии было 78, или около 29% штатной положенности. Укомплектование отдельных частей офицерским составом выглядело следующим образом: один полк — на 67% (А. Гордона), два полка — на 33 (М. Фливерка и А. Больмана), три полка — на 24 (Т. Юнгора, И. Мевса и Н. Балка) и два полка — на 18% (И. фон Вердена и В. фон Дельдина). Из 78 наличных средних офицеров 45 были русскими и 33 — иностранцами. Следовательно, офицерский состав этих полков на 60% был русским¹⁴. Офицеры городских полков, присланные для обучения новобранцев, в большинстве своем не были пригодны к полевой службе. Унтер-офицеров в ряде случаев также не хватало. Так, в мае 1700 г. в полку Т. Юнгора было 24 сержанта вместо 36, 36 капралов — вместо 48, 108 ефрейторов — вместо 144. В полку Н. Балка было 24 сержанта вместо 36¹⁵. При чем унтер-офицеры назначались из числа новобранцев и по своей боевой подготовке и командному опыту мало отличались от рядовых солдат. Поэтому большой некомплект в офи-

⁷ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18660, лл. 141, 257; д. 18662, лл. 1—11, 16; д. 18664, л. 126; д. 18666, л. 302.

⁸ Там же, д. 18660, л. 302.

⁹ Там же, д. 18660, лл. 21; д. 18664, л. 190.

¹⁰ «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», ч. 1. СПб., 1770, стр. 25.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18660, лл. 148, 323.

¹² Там же, л. 323.

¹³ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XX, д. 16, ч. 1, л. 575 об.

¹⁴ Там же, лл. 2, 60, 90, 182, 222, 257, 297.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18660, л. 324, д. 18686, лл. 99—100.

церах не мог быть эквивалентно заменен унтер-офицерами, как это обычно практиковалось во время Северной войны.

В 20 поволжских городах комиссия генерала Репнина к 27 февраля 1700 г. набрала в солдаты 3254 человека, в том числе 524 даточных людей. В мае 1700 г. численность набранных выросла до 5422, а к августу 1700 г. насчитывалось уже 10 720 «новоприборных» солдат¹⁶, в том числе даточные составляли примерно 5—7%, а остальные поступили из вольницы.

По мере прибытия новобранцев из них формировались учебные солдатские полки. К началу мая 1700 г. их насчитывалось девять, из них полк генерала Репнина был в Казани, где находился центр комплектования. Остальные восемь полков располагались в различных местностях Поволжья¹⁷.

В конце июня—начале июля 1700 г. в распоряжение генерала Репнина прибыло 13 полковников, ранее находившихся в Москве при Генеральном дворе и на Съезжей избе. В связи с формированием «тысячных» полков их учебные части были ликвидированы, а сами они были направлены к Репнину¹⁸. По прибытии этих полковников в Поволжье было сформировано еще 11 учебных полков, в которые стали поступать как вновь набираемые, так и уже обученные солдаты из полков, которыми командовали стольники.

В течение июля 1700 г. полки стольников были постепенно раскассированы, а полки во главе с полковниками стали перестраиваться в регулярные «тысячные» солдатские части.

28 июля 1700 г. Генеральный двор в Преображенском направил для вооружения вновь сформированных солдатских полков 10 500 фузей. 9 августа 1700 г. последовало распоряжение генералу Репнину «с новоприборными солдатами из низовых городов девяти полкам быть к Москве»¹⁹. В какой степени были обучены вновь набранные полки, судить трудно. Ясно только одно, что их огневая и тактическая подготовка не могла быть на высоте, так как оружие им было выслано из Москвы всего лишь за 12 дней до отправки указа об их выступлении в поход.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18665, л. 75; д. 18671, л. 3; д. 18675, лл. 242, 243; ф. 1209, д. 5114 (80), л. 34.

¹⁷ Там же, д. 18665, лл. 73—95.

¹⁸ Там же, д. 18664, лл. 38—39.

¹⁹ Там же, лл. 16, 17.

Набор регулярных полков в Смоленском, Новгородском и Псковском разрядах проводился в значительно меньших масштабах.

К августу 1700 г. общее число «новоприборных» солдат составляло там около 2,5—3 тыс.²⁰, что было примерно в 9 раз меньше первоначальных расчетов. Такое несоответствие можно объяснить тем, что развернутый набор в этих районах тормозился нежеланием петровского правительства преждевременно раскрыть свои приготовления к войне со Швецией, и на северо-западе вместо трех дивизий было сформировано всего четыре полка (два — в Новгороде и два — в Смоленске). В то же время скрытая мобилизация служилых людей этих районов продолжалась. Поэтому в начале войны в районах, прилегавших к театру военных действий, удалось сформировать ряд новых солдатских полков, используя в качестве костяка сверхкомплектные кадры офицерского, сержантского и рядового состава «новоприборных» московских полков и людские контингенты приграничных районов.

Значительные возможности для этого давали штаты дивизий Вейде и Головина. Первая из них имела 10 356 человек, или в среднем 1300 человек на полк, который подразделялся на 12 рот, что значительно превышало штатное число и свидетельствовало о наличии сверхкомплектного личного состава.

Нам кажется, что 11-е и 12-е роты полков московского набора вместе со сверхштатным личным составом и большим числом так называемых «заполочных» полковников должны были в дальнейшем явиться кадрами, на базе которых, используя людские ресурсы Новгородского, Псковского и Смоленского разрядов, создавались в этих районах новые «тысячные» солдатские полки.

Сводных данных о деятельности комиссии генерала Головина на так называемой Съезжей избе в Преображенском не обнаружено.

По мнению И. И. Голикова, всего было взято в регулярную армию 32 032 человека²¹. Цифра эта, вероятно, близка к истине. Она подтверждается, в частности, «Гисторией Свей-

²⁰ ЦГАДА, ф. 1209, д. 5114 (80), л. 33 об.; ф. 1210, д. 18671, л. 3; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1434, лл. 2—13, 25.

²¹ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. 1. М., 1788, стр. 336.

ской войны», согласно которой в 25 солдатских полках, отправленных против шведов, было 29 543 человека²². Если к ним добавить два полка (И. Митчеля и И. Романовского), посланные в Белгород, которые, вероятно, насчитывали 2,5 тыс. человек, то мы получим примерно 32 тыс. человек, что почти совпадает с данными Голикова. Из этого числа Генеральным двором в Преображенском было «прибрано» в службу 10 356 человек, Репнин в Поволжье набрал 10 720 человек, в Новгородском, Псковском и Смоленском разрядах было взято на службу 2,5—3 тыс. человек. Таким образом, на долю комиссии генерала Головина остается примерно 8—9 тыс. человек. Вследствие недостаточного притока вольницы в феврале—марте 1700 г., по неполным данным, к Головину было откомандировано 2378 даточных людей²³. Следовательно, его дивизия была укомплектована даточными на 20—25%. Отсюда можно предположить, что из вольницы было набрано примерно 6—7 тыс. человек.

Для скорейшего обучения новобранцев, так же как и при Генеральном дворе, комиссией Головина были созданы учебные полки. Удалось установить существование 14 таких полков, вероятно, их фактически было около 20. В марте 1700 г. они были переформированы в пять «тысячных» солдатских полков: М. Трейдена, И. Трейдена, К. Иваницкого, П. Девсона (Девесона), В. фон Залена²⁴.

Обучение этих полков, как и полков Генерального двора, проводилось по воинскому уставу, разработанному Головиным и Вейде.

Командные кадры, которыми располагал Головин, были совершенно неудовлетворительными. Большинство офицеров-иностранцев, присланных из Иноземного приказа, оказались непригодными к службе. 23 марта Головин доносил царю: «Которые присланы из Иноземского приказу: трудов к ним много положено, а иные и ныне за мушкет не умеют приняться». 16 апреля 1700 г. он вновь сообщал Петру I: «Выкинул из них человек с полтораста, а в остатке в учении человек с полтораста же»²⁵. Учитывая, что в этот момент в дивизи

²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1433, лл. 2 об., 3.

²³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 5031 (11), лл. 227—268; ф. 1210, д. 18671, л. 204.

²⁴ Там же, ф. 1210, д. 18664, лл. 38—41.

²⁵ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I. СПб., 1877, стр. 806, 814.

зии Головина комплектовалось пять двенадцатиротных полков, в каждом из которых по штату было 36 средних офицеров (от капитана и ниже), следует признать, что Головин был вынужден забраковать почти весь офицерский состав из иноземцев ввиду его полной непригодности.

По предложению Головина, вместо забракованных иностранных офицеров с мая 1700 г. стали набирать русских из московских чинов и дворян московских, имеющих от 40 дворов и выше. По мере приезда призываемых проводились смотры и обучение. В результате этого было определено в офицеры 940 дворян²⁶, распределенных по новоприборным полкам. Отбор более квалифицированных и боеспособных офицерских кадров проводился Головиным до самого выступления его полков в поход. 1 июля 1700 г. был проведен смотр группы офицеров, ранее присланных в его распоряжение из переяславских и смоленских полков, и «тем начальным людям велено быт в городских полках и отослат их по-прежнему в приказ княжества Смоленского»²⁷.

9 июля 1700 г. было указано: «Отослат начальных людей нижних чинов к тебе боярину и адмиралу Федору Алексеичу (Головину. — М. Р.) которые начальные люди ведомы были для учения пехотного строя у генерала Автомона Михайловича Головина, а ныне по разбору его генерала Автомона Михайловича те начальные люди не довелись быт в московских полках за старостью, а иным за худостью и велено им быт у городских полков»²⁸.

Эти и другие аналогичные данные наводят на мысль о том, что при дивизии Головина было создано нечто вроде кратковременных общеармейских сборов или курсов для переподготовки офицерского состава пехоты. Вероятно, они изучали службу по новому уставу, разработанному Головиным и Вейде, затем проводились смотры, на которых более подготовленные и боеспособные определялись в регуляторство, а остальные возвращались в свои полки.

Остается рассмотреть материально-правовое положение «новоприборных» солдат. Поскольку дело касалось людей, набранных из вольницы, то здесь не возникло особых осложнений. Семьи их автоматически переходили на положение

²⁶ М. М. Богословский. Петр I: Материалы для биографии, т. IV. М., 1948, стр. 185.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18660, л. 255.

²⁸ Там же, л. 22.

родственников военных служилых людей, и на них распространялись полагающиеся в таких случаях льготы. Значительно сложнее обстояло дело с даточными солдатами. В соответствии с установившейся в XVII в. практикой даточные, поступавшие в распоряжение казны, должны были экипироваться и содержаться за счет их прежних хозяев. Из этого обычая исходило петровское правительство и в данном случае.

16 января 1700 г. состоялся указ «новоприборным солдатам, которые ныне и впредь взяты будут с светлейшего патриарха, и со властей, и с монастырей, и с церквей, и с царевичей, и бояр, и окольных, и с думных и ближних людей, и всяких чинов, с помещиков и вотчинников — буде жалование на прошлый 1699 г. не выдано, велит выдать по окладам их сполна, почему прежде сего давано и которым из тех даточных преж сего давано менши 2 рубли человеку, и которым недавно и тем дават по 2 рубли человеку. Да тем же выше писанным даточным вместо месячины и корму дават денег по алтыну на день человеку впредь на два месяца по расчету» (с того числа как будет взят)²⁹.

Таким образом, указ вносил некоторое изменение в ранее установленный порядок, согласно которому даточные впредь до особого распоряжения должны были получать продовольствие натурой со своих владельцев³⁰.

Указом 5 февраля 1700 г. было определено, что кормовые деньги надлежало выдавать сроком по 1 апреля 1700 г. с момента фактического приема даточных на службу. Судя по документам Генерального двора, владельцы крестьян должны были снабдить своих даточных следующей экипировкой: строевым платьем и строевыми сапогами установленного образца, шапками, кушаками, шубами овчинными из расчета одна на 7 чел. Женатым солдатам полагались, кроме того, дрова или дровяные деньги по «26 алт. 2 ден. повсягдно».

На практике имели место различные злоупотребления владельцев, которые стремились сдать в даточные солдаты самых худших с их точки зрения людей и поменьше тратить на их экипировку и содержание³¹. В делах Генерального двора имеются многочисленные жалобы даточных на незаконные

действия их прежних владельцев. В большинстве случаев эти документы подтверждались смотренными списками³².

В связи с тем, что большинство даточных не имело положенного комплекта обмундирования и жалование им было дано не сполна, 11 мая 1700 г. последовало правительственное распоряжение: владельцам крестьян, «которые даточным своим солдатом против е. в. г. указа не добавали жалования и кормовых денег и строевых ковтанов... , доправить на них во всем вдвое, а за строевые ковтаны — по 5 рублей с человека»³³.

Как же решался вопрос о юридическом положении даточных и их семей и об их зависимости от прежних владельцев? Прямого ответа на это не содержалось ни в указе 17 ноября 1699 г. о приборе в службу даточных людей, ни в последующих законодательных актах.

Видимо, не был он вполне ясен и для самих руководителей комиссии при Генеральном дворе.

Поскольку первоначально создавалось впечатление, что даточных берут на два—четыре месяца, помещики и вотчинники полагали, что после окончания обучения в соответствии с указом 1679 г. даточным людям жить «ныне и в пред и их детям за помещики и вотчинники во крестьянстве по-прежнему»³⁴. Но время шло, и даточные, прибранные в службу Генеральным двором, не возвращались к своим прежним владельцам. В делах Генерального двора сохранилось значительное число прошений помещиков и вотчинников с просьбой вернуть им их людей. В то же время комиссия при Генеральном дворе была буквально завалена челобитными от самих даточных о том, что прежние их владельцы отказываются содержать жен и родственников призванных, а сами они не могут это делать, так как не получают солдатского жалования.

Не решаясь открыто возбуждать вопрос о судьбе даточных солдат, Ф. А. Головин 1 апреля 1700 г. воспользовался неясным юридическим положением жен новобранцев и запросил Петра I: «Солдацким женам, у которых мужья взяты из боярских домов и из монастырей, где быть и кому их кормить: прежним ли, у кого они жили, и почему им дават на

²⁹ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18664, л. 19.

³⁰ Там же, л. 6.

³¹ Там же, д. 18660, лл. 198, 201, 202, 259, 264.

³² Там же, д. 18666, л. 202; д. 18660, л. 201—201 об., 259—274.

³³ Там же, д. 18664, л. 211.

³⁴ Там же, ф. 210 (Разрядные вязки), св. 29, д. 39, л. 5 об.

месяц, или их кормить мужьям их ис кормовых денег»³⁵. Нам не удалось найти ответ на этот запрос. Вероятно, правительство с ним не торопилось, так как в его виды не входило возвращать даточных, принятых в регулярную службу, прежним владельцам. Однако, по фискальным соображениям, было невыгодно об этом заявлять открыто, так как даточных надо было немедленно уравнивать в правах и жалованье с солдатами, набранными из вольницы, и взять на государственный бюджет. Поэтому до начала Северной войны, вероятно, этот запрос был оставлен без последствий, а в дальнейшем солдаты из даточных были приравнены к солдатам из вольницы со всеми вытекающими отсюда материально-правовыми последствиями.

18 июня 1700 г. в связи с решением правительства о выступлении полков к шведской границе последовал указ о создании из вновь сформированных в Москве полков двух «генеральств», т. е. дивизий. При создании дивизий было решено отказаться от комплектования их только вольницей (дивизия Головина) и только даточными (дивизия А. А. Вейде), поэтому вновь созданные дивизии были смешанного состава.

Дивизии Головина: полки из даточных М. Фливерка, И. Мевса, А. Больмана, Т. Гундертмарка; полки из вольницы: М. Трейдена, И. Трейдена, К. Иваницкого, П. Девсона. К этой дивизии было прикомандировано пять полковников, «у которых солдатских полков нет».

Дивизия А. А. Вейде: полки из даточных Т. Юнгора, И. фон Вердена, М. фон Дельдина, Н. Балка, А. Гордона; из вольницы полк В. фон Шведена. Кроме того, к этой дивизии было причислено семь полковников, «у которых полков нет». Еще семь полковников, у которых не было полков, были откомандированы в распоряжение генерала А. И. Репнина³⁶.

Такое распределение полков и полковников по дивизиям наталкивает на мысль, что первые две намеревались довести до 13 полков. Не исключена возможность, что это собирались сделать, влив в них формируемые в пределах Новгородского, Псковского и Смоленского разрядов воинские части. Намерение это удалось реализовать лишь частично, и дивизии московского набора вступили в Северную войну, имея по девять полков каждая (по восемь пехотных и одному драгунскому).

³⁵ ЦГАДА, ф. 1210, д. 18671, л. 196, д. 18671, л. 196.

³⁶ Там же, д. 18664, лл. 39—41.

Дивизия Репнина в составе девяти пехотных полков к началу войны не успела прибыть на театр военных действий.

Несмотря на все трудности формирования, следует признать, что России в кратчайший срок удалось создать костяк регулярной армии.

Я. Е. ВОДАРСКИЙ

СЛУЖИЛОЕ ДВОРЯНСТВО В РОССИИ В КОНЦЕ XVII—НАЧАЛЕ XVIII в.

К концу XVII в. дворянское войско потеряло свое значение. Главную роль стали играть солдатские и рейтарские полки. Они комплектовались первоначально из даточных людей, разночинцев, беспоместных и мелкопоместных дворян (детей боярских, имевших менее 24 дворов крепостных людей)¹. Рекрутская система комплектования армии, введенная в 1699—1705 гг., закрепила классовый состав вооруженных сил, в которых рядовые комплектовались из податных сословий, а офицерский состав — из дворян. Поэтому большой интерес представляют почти не изученные еще вопросы о численности служилого дворянства и распределении крепостных людей, принадлежавших ему. Состояние разработки источников и рамки настоящей статьи позволяют осветить это только в общих чертах.

Приступая к комплектованию новой армии в 1699 г., правительство создало специальное учреждение — Генеральный двор и потребовало от всех владельцев крепостных людей представить сведения («сказки») о числе имевшихся у них крепостных дворов.

Поступившие «сказки» были объединены по группам владельцев и внесены в особые реестры (книги)². Запись в реестре включала указание на чин владельца (боярин, стольник

¹ А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 187—188; Н. П. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. СПб., 1909, стр. 212.

² ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 6188, 6188а, 6190, 6191, 6195 и алфавиты (кн. 661, 662 и 664).

и т. п.), перечисление его владений и итог дворов. «Сказки» и записи были объединены в три группы: «высшие чины», дворяне и духовенство. В группу «высших чинов» вошло 342 человека, принадлежавших к 137 родам. Они имели 121 137 дворов. В группу дворян вошло 15 920 человек, принадлежавших к 3264 родам. Они имели 238 897 дворов. Всего во владении дворян, по их собственным показаниям, находилось 360 034 двора.

Правильны ли эти подсчеты? Для ответа необходимо определить численность служилого дворянства и выяснить, насколько верно подсчитаны сведения «сказок» и насколько они полны.

В 1699—1701 гг. из дворян было сформировано 12 драгунских полков (12 234 человека). Кроме того, существовала еще дворянская конница (1180 человек) и было 2078 «начальных людей». В этих частях находилось 15 492 служилых дворянина³. Но «сказки» подавало не только служилое дворянство, а и отставные помещики, недоросли, вдовы и незамужние. Их численность можно определить только приблизительно путем следующего расчета. В 1636—1639 гг. на 16 980 служилых дворян приходилось 2300 вдов и недорослей (вероятно, в это число вошли также отставные и незамужние), составляющих 12% общего числа⁴. Можно предположить, что доля их к концу XVII в. не изменилась. Если так, то в 1699 г. 13 632 служилых дворянина составляли 88%, а вдов и прочих было около 1860 человек. Это дает надежный материал для анализа. Но часть мелкопоместных дворян (число их еще не установлено) служила в других полках вместе с даточными из крепостных.

Число дворов, подсчитанное по «сказкам», содержится в справке, составленной в декабре 1710 г., вероятно, в целях сравнения с итогами переписи 1710 г.⁵ Ввиду важности этого

источника приведу его целиком: «В нынешнем 710 году декабря в (число не указано. — Я. В.) день выписано в Помесном приказе из сказок, каковы в прошлом 700 году збираны на Генеральном дворе о зборе даточных солдат, по переписным книгам 186 году дворового числа, а что за какими чинами, и то писано ниже сего: за святейшим патриархом — 8842, за архиереи — 13 388, за монастыри и за церквами — 104 704, за сибирским царевичем — 217, за бояры — 52 073, за окольными — 12 401, за думными дворяны — 3743, за думными дьяки — 500, за комнатными стольники — 52 322, за стряпчим с ключом — 317, за стольники — 116 897, за стряпчими — 10 008, за дворяны — 2435, за жильцы — 2964, за дьяки — 988, за именитым человеком Строгоновым — 2990, за начальными людьми — 2021, дворового чину за людьми — 655, за гостми — 277, за людьми нижних чинов — 72 575, за отставными и за недорослями, и за вдовами и за девками — 29 988. Всего за вышеписанными чинами — 490 305».

Объединив в группу «высших чинов» сибирского царевича, бояр, окольных, думных дворян, думных дьяков, комнатных стольников и стряпчего с ключом, получаем 121 293 дворов, т. е. число, близкое к приведенному выше итогу этой группы (полной точности в подсчетах в XVIII в. ожидать, конечно, нельзя). Объединив стольников, стряпчих, дворян, жильцов, «начальных людей», людей «дворового чина», людей «нижних чинов», отставных, недорослей, вдов и незамужних в группу дворян, получаем 238 443 двора, т. е. тоже очень близкий итог. Всего во владении дворянства находилось 359 736 дворов. Следовательно, приведенный выше подсчет по группам можно считать правильным.

Труднее определить, насколько полны сведения в «сказках».

Общий итог в 360 тыс. дворов у дворянства подтверждается намеченным числом даточных. С помещиков и вотчинников предполагалось взять 7338 даточных, по одному с 50 дворов, всего с 366 900 дворов⁶.

За светскими феодалами, по Справке 1710 г. (включая дьяков, гостей и Строганова), значился 363 371 двор. По

землевладения в России в начале XVIII в. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук». Л., 1933, стр. 208 и сл.; см. также: «Очерки истории СССР», стр. 186.

⁶ См. статью М. Д. Рабиновича «Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны» в настоящем сборнике.

³ Л. Г. Бескровный. Реформа армии и создание военно-морского флота. — «Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, стр. 347. П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892, стр. 160.

⁴ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 46. А. И. Яковлев. Приказ сбора ратных людей. М., 1917, стр. 259.

⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5194, лл. 288—289. Подсчет общего числа дворов за дворянством и духовенством см.: К. В. Сивков. К истории

уточненным мною данным, за ними было 435 924 двора⁷. Разницей владели мелкопоместные, имевшие по 5—10 дворов. Мелкопоместных насчитывалось, вероятно, 7—15 тыс. человек. Вместо даточных с них брали деньги.

Исключив дворы дьяков, гостей и Строганова, мы получим округленно 360 тыс. дворов, находившихся, по приведенным данным, во владении русского дворянства в начале XVIII в. В действительности дворов было, вероятно, больше, так как «сказки» составлялись по переписным книгам 1678 г., за 22 года до сбора сведений (но в них учтены купленные и уступленные дворы).

Итог 360 тыс. дворов, неполно характеризующий обеспеченность дворянства крепостными людьми, все же пригоден для использования, так как охватывает 82% всех крепостных дворов, т. е. число, достаточное для вполне обоснованных выводов.

Рассмотрим обеспеченность крепостными людьми группы «высших чинов», насчитывавшей 342 человека.

54 человека имели менее 30 дворов и 53 человека — от 30 до 100 дворов. Эти 107 человек владели только 3661 двором. Остальные 235 человек имели около 117 тыс. дворов. По числу крепостных на первом месте были роды Черкасских (11 198 дворов), Нарышкиных (11 113), Голицыных (7860), Салтыковых (7758), Одоевских (5319), Долгоруковых (4999), Шереметевых (4443), Прозоровских (3953), Куракиных (3824), Головиных (3732), Стрешневых (3048) и Ромодановских (2998). Больше всех крепостных было у боярина М. Я. Черкасского, которому принадлежали села Иваново и Павлово (8931 двор), затем у Б. А. Голицына (1669), Н. И. Репнина (1660), Ю. Ю. Одоевского (1622), Ф. А. Головина (1606) и некоторых других. Свыше 2 тыс. дворов имел только Черкасский, свыше 1 тыс. дворов — всего 20 человек, в том числе 17 из перечисленных выше родов (из других были Н. И. Репнин, Н. И. Бутурлин — 1126 дворов и И. Б. Троекуров — 1444). Таким образом, 12 родов владели более 70 тыс. дворов, а 17 их представителей — более 30 тыс. дворов.

⁷ Я. Е. Водарский. Численность населения и количество помещиковотчинных земель в XVII в. (По писцовым и переписным книгам). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964». Кишинев, 1966, стр. 222.

В группе дворян насчитывалось 15 920 человек, составлявших 3264 рода. Из них 2050 родов имели менее 30 дворов каждый (всего 17 628 дворов), 619 родов имели от 30 до 100 дворов (всего 34 855 дворов). Эти 2669 родов (81%) владели лишь 52 483 дворами (22%), а 596 родов (19%), имевших свыше 100 дворов каждый, владели 186 414 дворами (78%). Больше всего дворов было у родов Долгоруковых (2552 двора), Волконских (2332), Щербатовых (1681), Львовых (1575), Плещеевых (1496), Бутурлиных (1386), Волинских (1381), Леонтьевых (1343), Воейковых (1341), Наумовых (1305) и некоторых других. Свыше 2 тыс. дворов имело только 2 рода, свыше 1 тыс. дворов — 17 родов (включая и два первых), владевших всего 24 321 двором. Таким образом, для группы дворян, как и для группы «высших чинов», было характерно сосредоточение подавляющего числа крепостных дворов во владении относительно небольшого числа родов.

Высшие должности в вооруженных силах занимали в начале XVIII в. представители дворянской верхушки: бояре, окольные, стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы, входившие в состав «московского списка». В 1681 г. в этом списке значилось 6385 человек⁸. По Справке 1710 г., они владели 254 тыс. дворов (71%).

Сохранился подсчет числа крепостных дворов у дворян, находившихся в средних и унтер-офицерских чинах⁹. Подполковники имели 17 дворов, майоры — 137, ротмистры — 224, капитаны — 159, поручики — 461, прапорщики — 756, сержанты — 159, капралы — 18. Этот подсчет неполный, так как итог (1931 двор) меньше указанного в Справке 1710 г. (2021 двор), но все же он дает представление, хотя и очень приблизительное, об обеспечении дворян — «начальных людей».

Таким образом, в начале XVIII в. в России было всего около 30 тыс. феодалов дворян. Они занимали руководящие посты в вооруженных силах и служили рядовыми в пехотных полках и дворянской коннице. Дворянство составляло около 25% армии, собственно же дворянская конница — только 1%.

16 тыс. дворян владели, по неполным данным, 360 тыс. дворов крепостных людей (82%) из них 235 человек

⁸ В. О. Ключевский. Сочинения, т. VI. М., 1959, стр. 391.

⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5194, лл. 286—287; см. также: «Очерки истории СССР», стр. 193.

имели 117 тыс. дворов (27%). Это была верхушка правящего класса. В руководящий слой входило 6 тыс. человек. Они владели 137 тыс. дворов (31%). 20—25 тыс. прочих служилых дворян имели 181 тыс. дворов (42%).

Приведенные данные наглядно характеризуют численность служилого дворянства и распределение дворов крепостных людей между отдельными группами правящего класса в конце XVII—начале XVIII в.

Г. А. НЕКРАСОВ

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ РОССИИ НА БАЛТИКЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

За послевоенный период вышел ряд исследований советских историков, посвященных проблемам истории русского флота, выяснению его значения при разрешении задач внешней политики и его роли в дипломатических демаршах и в русских десантах в Швецию в конце Северной войны. Работы Е. В. Тарле, Б. С. Тельпуховского, С. А. Фейгиной, Т. К. Крыловой, Л. А. Никифорова и других характеризуют внешнеполитический аспект создания Балтийского флота и обрисовывают его место в военных операциях. Конкретные же вопросы истории русского военно-морского искусства, системы комплектования, организации и управления флотом рассмотрены в трудах Е. А. Разина, Е. И. Порфирьева, А. А. Строкова, Л. Г. Бескровного и др. В них предпринимаются обобщения ряда важных проблем истории развития флота, а также рассматриваются материально-техническая база его строительства и характер боевой подготовки матросов. Интерес к истории русских морских вооруженных сил наблюдается и среди зарубежных буржуазных историков, которые подчеркивают, что Петр I, так же как и Екатерина II, заботился об укреплении флота, составлявшего одну из основ морского могущества России на Балтике¹.

¹ Укажем, например, работы: Г. Кирхгоф. Влияние морской силы в Балтийском море на историю прибалтийских государств в XVII и XVIII столетиях. СПб., 1908. Перевод с немецкого; А. Munthe,

Однако в существующей историографии вопроса встречаются довольно заметные расхождения в цифровых данных о корабельном составе Балтийского флота первой четверти XVIII в. Численность деревянного парусного флота довольно трудно определить ввиду недолговечности строительного материала, используемого при постройке кораблей, а также частых их поломок и ремонтов. Нередко находящиеся в починке суда не включались в официальные росписи и, следовательно, при составлении их не учитывались. В этом отчасти кроется причина разноречивости сведений о корабельном составе Балтийского флота, сообщаемых в работах дореволюционных и советских авторов.

Основным критерием для установления точного числа боевых единиц Балтийского флота в первой четверти XVIII в. служат многочисленные источники, сохранившиеся в архивах. На основании их можно составить полный список кораблей. Первая попытка подобного рода была предпринята еще в конце XVIII в. адмиралом А. С. Шишковым². В составленном им списке, однако, было много неточностей и отсутствовали данные о размерах кораблей. Тем не менее список Шишкова послужил отправной точкой для последующего уточнения состава русского флота, осуществленного в 1853 г. в публикации «Морского сборника»³.

Но еще раньше, в 1848 г., ценные материалы, почерпнутые из документов Главного морского архива, были обнародованы в статье А. Соколова⁴. В приложениях к ней приводятся довольно полные списки судов Балтийского флота в 1725 г., перечни строившихся в 1725—1729 гг. кораблей, данные о состоянии корабельных верфей, списки морских офицеров и корабельных мастеров, сведения о численности морских команд, о финансировании флота и пр.

Karl XII och den ryska sjömakten, t. 1—2. Stockholm, 1924—1925; R. C. Anderson. Naval wars in the Baltic, 1521—1850. London, 1910, p. 207, 293; M. Mitchell. The Maritime History of Russia (848—1948). London, 1949, p. 68—69, 73 (французский перевод: M. Mitchell. Histoire maritime de la Russie (848—1948). Paris, 1952).

² А. С. Шишков. Список кораблям и прочим судам всего российского флота, ч. I. СПб., 1799.

³ «Список кораблей и фрегатов, построенных в царствование императора Петра Великого». — «Морской сборник», 1853, т. IX, стр. 143—149.

⁴ А. Соколов. Русский флот при кончине Петра Великого. 1725 г. — «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. VI. СПб., 1848, стр. 254—328.

Последующим этапом по сбору сведений о численном составе Балтийского флота явилась работа С. И. Елагина⁵, которая была положена в основу последней по времени попытки собрать наиболее полные данные о флоте, предпринятой Ф. Ф. Веселаго в 1872 г.⁶ Веселаго привлек разнообразные архивные материалы: ведомости о строении кораблей, книги о судах и пр. Его ценный труд доныне является наиболее обстоятельным справочным изданием.

Настоящая статья ставит целью на основании комплексного изучения ряда новых архивных источников с привлечением опубликованных материалов внести ряд уточнений в списки, составленные Веселаго, а также в бытующие в советской историографии данные о боевой мощи и развитии Балтийского флота в первой четверти XVIII в. Основанием для этого послужили обнаруженные нами в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в бумагах «Кабинета Петра Великого» указы и мемориалы Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину и списки кораблей⁷. Для сопоставления этих материалов нами привлечены еще слабо использованные исследователями документы обширной публикации Морского министерства царской России «Материалы для истории русского флота»⁸, а также документы о составе и состоянии флота, опубликованные в ПСЗ⁹, в «Чтениях ОИДР»¹⁰ и пр.

Русский регулярный Балтийский флот был создан в ходе Северной войны. В борьбе с могущественным противником — военно-феодальной Швецией — молодой русский флот способствовал разрешению важнейшей внешнеполитической задачи — выходу России к Балтийскому морю. Созданный в короткий срок, он одержал серьезные победы над шведским флотом.

⁵ С. И. Елагин. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого с 1702 по 1725 г. СПб., 1867.

⁶ Ф. Ф. Веселаго. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.

⁷ Г. А. Некрасов. Новые источники о численности и корабельном составе русского Балтийского флота в 1715—1725 гг. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сборник. М., 1961, стр. 296—300.

⁸ «Материалы для истории русского флота» (далее — МИРФ), ч. I—IV. СПб., 1865—1867.

⁹ ПСЗ, т. 44, ч. I (Книга штатов), отд. 2. СПб., 1830, стр. 2—6.

¹⁰ «Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717—1720 годах». — «Чтения ОИДР», 1859, кн. 4.

Правительство Петра I придавало большое значение военно-морским силам. Если перед Северной войной Россия фактически не располагала регулярным флотом, то к 1715 г. ею уже был создан крупный Балтийский флот. Среди бумаг «Кабинета Петра Великого» нами обнаружен заслуживающий внимания недатированный документ «Мемория господину адмиралу»¹¹. Эта собственноручная записка Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину. На основании источниковедческого анализа ее составление можно отнести к январю—апрелю 1715 г.¹², т. е. ко времени, когда планировалась и велась подготовка активных морских десантов на побережье Швеции с целью принудить ее к подписанию мира с Россией¹³.

«Мемория» Петра I характеризует обширную программу строительства Балтийского флота из 27 линейных кораблей и 6 фрегатов, осуществляющуюся с 1714 г. и к 1721 г. успешно перевыполненную¹⁴. В этом документе упоминаются наиболее выдающиеся корабельные мастера, работавшие в России в первой четверти XVIII в.: Ричард (Рыцарь) Козенц (Козанц), Ричард Броун и Федосей Скляев¹⁵.

«Мемория» позволяет уточнить численность боеспособного Балтийского флота к весне 1715 г. («пред кампаниею»). В источнике говорится о 22 линейных кораблях¹⁶, 5 фрега-

¹¹ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого (далее — Каб. ПВ), отд. I, д. 40, лл. 459—461.

¹² Г. А. Некрасов. Указ. статья, стр. 296—298.

¹³ С. А. Фейгина. Аландский конгресс. М., 1959, стр. 486—492 и сл.

¹⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. 1, д. 44, л. 579. Роспись Балтийского флота, май 1719 г.; д. 56, лл. 743—744. Роспись Балтийского флота 1721 г.

¹⁵ О них и о времени их службы см.: МИРФ, ч. III, стр. 281—284; «Чтения ОИДР», 1859, кн. 4, стр. V, 42, 56—59, 71—73; Ф. Ф. Веселаго. Список..., стр. 8—19; А. П. Шершов. История военного кораблестроения. М., 1940, стр. 212; А. Соколов. Указ. статья, ч. VI, стр. 306—307.

¹⁶ Поименно «Мемория» называет не все линейные корабли. Среди «годных» для плавания упомянуто 22 корабля, из них: 70- и 64-пушечные — «Леферм», «Св. Екатерина», «Шлиссельбург», «Нарва», а остальные — «Москва», «Ингерманланд», «Ревель», «Св. Александр», «Марльбург», «Лесная» — без названий; 50- и 54-пушечные — «Полтава», «Рига», «Пернов», «Михаил», «Гавриил», «Рафаил», а остальные — «Уриил», «Селафаил», «Варахаил», «Ягудиил», «Перл» и «Девоншир» — без названий. О других линейных кораблях, которые не включены в этот список «годных», сказано, что хотя они «и число пушек имеют довольно, но за лехкостию ядр в линейныя причтены быть не

тах, 5 шнявах и 1 бомбардирском судне¹⁷. В «Мемории» поставлена задача заложить в 1715 г. еще 5 новых линейных кораблей (2 из них 80-пушечные и 3—70-пушечные)¹⁸, а также построить 1 фрегат (32-пушечный), 1 шняву (18-пушечную) и 2 бомбардирских судна. Таким образом, Петр I стремился в кратчайший срок довести численность Балтийского флота до 27 боеспособных линейных кораблей.

Полный состав Балтийского флота на 1715 г. по сравнению с данными «Мемории» был несколько иным. Из сопоставления сведений, сообщаемых ею, с опубликованными документами¹⁹ можно определить общую численность флота в 1715 г. в количестве 23 линейных кораблей²⁰, 7 фрегатов²¹ и 5 шняв.

В дальнейшем молодой русский флот численно увеличивался. Среди документов «Кабинета Петра Великого» имеется

могут». Следует обратить внимание и на то, что в состав «годных» линейных кораблей «Мемория» включает девять кораблей (без названий), еще к весне 1715 г. не законченных постройкой и не спущенных на воду; к ним относятся: «Ингерманланд» (спущен 1 мая 1715 г.), четыре корабля — «Уриил», «Селафаил», «Варахаил» и «Ягудиил» (спущены в Архангельске в июне 1715 г., но в течение этого года еще не прибывшие в Балтийское море), «Москва» (спущен 27 июля 1715 г.), «Ревель» (спущен в 1717 г.), «Св. Александр» (спущен в 1717 г.), «Лесная» (спущен в 1718 г. с вооружением 90 пушек).

¹⁷ Названий фрегатов, шняв и бомбардирского судна источник не приводит.

¹⁸ Закладка этих кораблей затянулась. Только Р. Козенц заложил 9 августа 1715 г. «Гангут» (80 пушек) и «Нептунус» (70 пушек); остальные корабли («Фридрихштадт» — мастера Р. Броуна и «Фриде-Макар» — мастера Ф. Скляева) были заложены уже в 1716 г., как и бомбардирское судно «Дондер» («Гром») (Ф. Ф. Веселаго. Список..., стр. 118).

¹⁹ МИРФ, ч. I, стр. 601, 618—619, 632—633; ПСЗ, т. 44, ч. I, стр. 2—3.

²⁰ В это число не включены четыре корабля, построенные в Архангельске и в 1715 г. в Балтийское море еще не прибывшие. Приводим список 23 кораблей (1715 г.) и число пушек на них: «Ингерманланд» (70), «Нарва» (70), «Шлиссельбург» (64), «Св. Екатерина» (64), «Перл» (50), «Рафаил» (50), «Леферм» (70), «Пернов» (50), «Арондель» (40), «Полтава» (54), «Виктория» (56), «Михаил» (50), «Гавриил» (50), «Рандольф» (50), «Антоний» (46), «Рига» (50), «Оксфорд» (50), «Армонт» (48), «Фортуна» (48), «Лансдоу» (40), «Москва» (64), «Девоншир» (52), «Марльбург» (64).

²¹ Названия семи фрегатов: «Эсперанс» (40), «Св. Петр» (32), «Св. Павел» (32), «Самсон» (36), «Илия» (30), «Штандарт» (24), «Св. Иаков» (20) (МИРФ, ч. I, стр. 632; ПСЗ, т. 44, ч. I, стр. 2).

любопытное свидетельство о состоянии флота в мае 1719 г.²² Эта роспись флота представляет собой своеобразный отчет, содержащий ценную информацию; благодаря ему мы уточняем численность флота, получаем сведения о «надежных» и о требующих ремонта кораблях, об их строителях и пр.

К маю 1719 г., перед началом военной кампании (по данным указанного источника), состояние Балтийского флота выражалось в следующих цифровых показателях: «надежных» (боеспособных) линейных кораблей было 12; «ненадежных» (нуждающихся в починке) — 5 кораблей; спущенный на воду 30 мая 1719 г. корабль «Исаак Виктория». Следовательно, всего числилось 18 линейных кораблей. Это число кораблей, однако, неточно: в анализируемой росписи не упомянуто 5 кораблей («Селафаил», «Ягудиил», «Уриил», «Варахаил» и «Рафаил»), участвовавших в морских операциях 1719 г.²³

Сопоставим архивные данные, найденные нами, с опубликованным реестром судов от 22 мая 1719 г. (предназначенных для участия в военной кампании), в котором названо 22 линейных корабля и 5 фрегатов²⁴. В реестре не указаны находившиеся в починке два корабля — «Леферм» и «Полтава»²⁵, а «ненадежные» корабли («Лондон», «Британия», «Перл», «Арондель» и «Рандольф») включены в состав флота, предназначенного для боевых операций, в которых они принимали участие²⁶. Кроме того, в реестре от 22 мая 1719 г. не упомянут спущенный 30 мая 1719 г. корабль «Исаак Виктория». Так, реальная численность боеспособного флота к лету 1719 г. составляла 23 линейных корабля, 6 фрегатов и 6 шняв²⁷.

²² ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 44, л. 579. Роспись русского флота. Документ не датирован, но на основании анализа его содержания и сопоставления его с опубликованными источниками он может быть датирован временем между 17 и 28 мая 1719 г. (Г. А. Некрасов. Указ. статья, стр. 298—299).

²³ С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 496.

²⁴ МИРФ, ч. II, стр. 365—367.

²⁵ Об их ремонте в июне—июле 1719 г. см.: МИРФ, ч. II, стр. 379, 390, 391. Эти два корабля действительно не участвовали в операциях на Балтийском море в мае—июле 1719 г. (С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 495—498).

²⁶ В июне 1719 г. около острова Ламеланда стоял в боевой готовности русский флот в составе 21 линейного корабля (от 90 до 40 пушек на каждом) с общим вооружением в 1236 пушек (С. А. Фейгина. Указ. соч., стр. 497).

²⁷ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 44, л. 579; ПСЗ, т. 44, ч. I, стр. 3; МИРФ, ч. II, стр. 355—356, 365—367.

В последующие годы строительство флота не прекращалось. К 1721 г. он представлял внушительную силу; в его составе были новые, недавно построенные корабли, число которых в то время вдвое превышало число боеспособных шведских судов. Среди неопубликованных материалов «Кабинета Петра Великого» нами обнаружена «Сравнительная роспись шведского и русского флота, сочиненная в Кабинете, 1721 г.» На основании этой «Росписи» можно установить довольно точно состав русского флота в начале 1721 г.: 28 линейных кораблей (от 96 до 46 пушек), 10 фрегатов, 10 шняв, 2 бомбардирских судна и 4 прама или блокгауза²⁸.

Ввиду большого интереса, который вызывает «Роспись» начала 1721 г., приводим названия всех 28 линейных кораблей, упомянутых в ней: «Фридрихштадт» (96)²⁹, «Гангут» (92), «Лесная» (90), «Норд Адлер» (88), «Св. Петр» (86), «Скляева» (88)³⁰, «Рамзов» (88)³¹, «Св. Александр» (74), «Нептунус» (74), «Ревель» (68), «Ингерманланд» (66), «Москва» (66), «Св. Исаакий» («Исаак Виктория») (66), «Астрахань» (66), «Св. Екатерина» (66), «Пангалов» (66)³², «Леферм» (66), «Выборг» (64)³³, «Шлиссельбург» (64), «Марльбург» (60), «Полтава» (54), «Вахмейстер» (54), «Девоншир» (52), «Рандольф» (50), «Перл» (50), «Арондель» (48), «Армонт» (48), «Британия» (46)³⁴.

При сопоставлении кабинетной «Росписи» 1721 г. со сведениями, опубликованными в «Материалах для истории русского флота»³⁵, можно прийти к выводу, что кабинетная «Рос-

²⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 56, лл. 743—744; Г. А. Некрасов. Указ. статья, стр. 300.

²⁹ В скобках указано число пушек на кораблях.

³⁰ Имеется в виду еще не названный корабль (мастеоа Ф. Скляева) — будущий «Фриде-Макар», спущенный 5 марта 1721 г. (Ф. Ф. Веселаго. Список..., стр. 16—17).

³¹ Корабль «Св. Андрей» (мастера Г. Рамза), спущенный 3 февраля 1721 г. (там же, стр. 16—17).

³² Корабль «Пантелеймон Виктория» (французского мастера Пангалло), спущенный 27 июля 1721 г. (МИРФ, ч. II, стр. 612; Ф. Ф. Веселаго. Список..., стр. 16—17).

³³ Корабль до 1721 г. назывался «Св. Екатерина» (Ф. Ф. Веселаго. Список..., стр. 12—13).

³⁴ В этой росписи отсутствуют три боеспособных корабля — «Селафаил» (52), «Варахаил» (52), «Рафаил» (32), которые были в составе вооруженной ревельской эскадры в марте 1721 г. (МИРФ, ч. II, стр. 550).

³⁵ Там же, стр. 546—550, 571.

пись» относится к январю 1721 г. (до спуска в феврале—июле 1721 г. кораблей «Св. Андрей», «Фриде-Макар» и «Пантелеймон Виктория»), в то время как росписи, помещенные в «Материалах», относятся к марту 1721 г. За это время (с января по март) ряд кораблей, очевидно, был починен, а другие корабли, наоборот, были отправлены на ремонт. Например, «Леферм», названный в кабинетной «Росписи» среди исправных кораблей, в апреле 1721 г. уже находился в ремонте³⁶. Следовательно, число кораблей на 1721 г. надо увеличить: 28 кораблей (кабинетной «Росписи») плюс 3 корабля, которые в нее не включены («Селафаил», «Варахаил» и «Рафаил»), плюс два корабля («Ягудиил» и «Уриил»), которые готовились для кампании 1721 г. «сверх объявленных»³⁷. В итоге численность линейных кораблей достигнет 33 единиц. Но не следует забывать, что деревянный парусный флот легко подвергался поломке, корабли часто выбывали из строя и ставились на ремонт, поэтому реальное число боевых кораблей в 1721 г. составляло около 28, хотя именно состав росписей кораблей в течение года мог и меняться.

Для проверки возьмем «Реестр кораблям», которые «будут в кампании 1721 г.»³⁸ Тут перечислено 27 линейных кораблей и названо еще два корабля «сверх объявленных» («Ягудиил» и «Уриил»). Всего, следовательно, в 1721 г. было 29 линейных кораблей, а по «Росписи» на 5 августа 1720 г.³⁹ в портах Балтийского моря находился 31 линейный корабль, в числе которых не упомянут «Рандольф», купленный в Англии еще в 1712 г. и числящийся в 1721 г. в списках боеспособных кораблей.

Данные примеры позволяют заключить, что при определении численного состава флота необходимо конкретизировать датировку по месяцам года, а не за весь год. Следует помнить, что тот или иной корабль мог выйти из строя и уже не быть включенным в очередной список флота.

Кабинетная «Роспись» начала 1721 г. уточняет и именно состав 10 фрегатов: «Эсперанс» (44), «Самсон» (32), «Карлс-

³⁶ Там же, стр. 566. Письмо Петра I Ушакову от 29 апреля 1721 г. из Риги.

³⁷ МИРФ, ч. II, стр. 549.

³⁸ Там же, стр. 548—549.

³⁹ ПСЗ, т. 44, ч. I (Книга штатов), отд. 2, стр. 3.

крон вапен» (34), «Феникс» («Стор-Феникс») (32), «Венкер» (30), «Лансдоу» (24), «Пинк Александр» (24), «Данск Эрн» (24), «Кискен» (18), «Кроншлот» (16)⁴⁰. В этой «Росписи» отсутствует фрегат «Св. Иаков» (16), купленный в Голландии в 1711 г.⁴¹ и числящийся среди боеспособных в 1721 г.⁴², а также два фрегата, построенные в Голландии («Амстердам Галей» (32) и «Крон деливде» (32)), которые прибыли в Россию⁴³. Таким образом, в 1721 г. в России было 13 фрегатов.

По сведениям Ф. Ф. Веселаго, Россия в 1721 г. имела 27 линейных кораблей, 12 фрегатов, 3 бомбардирских судна, более 170 галер⁴⁴. В действительности же Балтийский флот в 1721 г. имел 28 линейных кораблей и 13 фрегатов. Корабельная артиллерия, установленная на русских линейных кораблях, насчитывала тогда 1898 пушек⁴⁵, в то время как шведский флот имел 1600 орудий⁴⁶.

В России в первой четверти XVIII в. на укрепление флота затрачивались значительные суммы денег: если в 1715 г. расходы на флот составляли свыше 700 тыс. руб., то в 1721 г. расходовалось более 1100 тыс. руб.⁴⁷; в 1724 г. эта сумма была доведена до 1200 тыс. руб.⁴⁸ В Швеции в 1720 г. расходы на вооружение военно-морского флота равнялись только

⁴⁰ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 56, лл. 743—744. В этой росписи названы фрегаты «Кроншлот» и «Пинк Александр», о которых нет сведений у Веселаго в его «Списке...» и в документах 1721 г., помещенных во II части МИРФ. В МИРФ (ч. II) также нет упоминания о фрегатах «Эсперанс» и «Венкер».

⁴¹ По данным Веселаго, этот фрегат вооружался от 22 до 32 пушек («Список...», стр. 76). У А. Соколова (указ. статья, стр. 302) сказано, что на вооружении «Св. Иакова» 20 пушек; время покупки — 1713 г.

⁴² МИРФ, ч. II, стр. 549.

⁴³ А. Соколов. Указ. статья, стр. 292; Ф. Ф. Веселаго. Список..., стр. 78—79.

⁴⁴ Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота. М.—Л., 1939, стр. 35. Эти же данные сообщает и Е. И. Порфирьев (Е. И. Порфирьев. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952, стр. 268).

⁴⁵ Кроме того, на русских фрегатах в 1721 г. было установлено 542 орудия (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 56, лл. 743—744).

⁴⁶ Там же. Сравнительная роспись русского и шведского флотов в 1721 г.; д. 44, л. 571. Сравнительная таблица мощи русской и шведской корабельной артиллерии в 1721 г.

⁴⁷ Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, стр. 48.

⁴⁸ А. Соколов. Указ. статья, стр. 318.

99 679 далеров серебром⁴⁹, (на русские деньги того времени около 50 тыс. руб.).

В Северной войне военно-морские силы Швеции понесли большой урон. В начале войны (в 1700 г.) Швеция располагала тремя эскадрами, в составе которых было 42 линейных корабля (от 104 до 46 пушек) и 12 фрегатов (от 36 до 20 пушек); общее количество артиллерии на линейных кораблях достигало 2700 орудий⁵⁰. Для посадки на эти корабли шведы имели свыше 13 тыс. матросов⁵¹. Кроме того, они могли использовать для военных целей 800 торговых судов, вооружив их артиллерией⁵².

Мощная военная машина, состоявшая из хорошо вооруженных войск и сильного флота, была приведена Карлом XII в движение для борьбы с Россией и ее союзниками. Первое десятилетие войны подорвало основные силы Швеции. Армия шведского короля уменьшилась от ударов русских войск под Полтавой, в Прибалтике и Финляндии. Большие потери понес и шведский флот: часть его была уничтожена в сражениях, другие суда погибли от штормов и непогоды, а некоторые сгорели и сгнили⁵³⁻⁵⁴.

В сражении при Гангуте (1714 г.) русскими был захвачен 34-пушечный шведский фрегат «Элефант», 6 больших галер и 2 шхербота. В мае 1719 г. у острова Эзель командор Н. А. Сенявин после 4-часового боя захватил шведский 52-пушечный корабль «Вахмейстер», который после починки вошел в состав русского флота, а также 34-пушечный фрегат «Карлскрона» и 12-пушечную бригадину «Вестинс-шлюп»⁵⁵. У острова Гренгама в 1720 г. русские овладели 4 шведскими

⁴⁹ Э. Берендтс. Государственное хозяйство Швеции. СПб., 1890, стр. 533.

⁵⁰ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 89, л. 339. Роспись шведского флота 1700 г., д. 74, лл. 29—31. «О бытии его ж советника Татищева (Василия Никитича.—Г. Н.) в Карлскроне», сентябрь 1725 г.; Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. М., 1946, стр. 28; Г. Кирхгоф. Указ. соч., стр. 211—212.

⁵¹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 89, л. 339. Роспись шведского флота 1700 г.

⁵² Кирхгоф. Указ. соч., стр. 211—213; Э. Берендтс. Указ. соч., стр. 410.

⁵³⁻⁵⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 74, лл. 29—31.

⁵⁵ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 23, л. 68; д. 7, лл. 137—138. Реляция о сражении у о. Эзель; «Чтения ОИДР», 1859, кн. 4, стр. 75.

фрегатами⁵⁶. Всего русские в Северной войне захватили у шведов линейный корабль, 6 фрегатов, 11 шняв и несколько мелких судов⁵⁷.

Весьма заметный урон понес шведский флот и от датчан. Только в 1715 г. они захватили в морском сражении у шведов 4 линейных корабля и фрегат⁵⁸.

От былой мощи в 42 линейных корабля у шведов к концу войны (1721 г.) осталось всего 27 линейных кораблей, из которых только половина сохранила еще некоторую боеспособность, а остальные суда были старыми, ветхими, гнилыми и совсем не пригодными для плавания без «великой починки»⁵⁹. В 1722 г. шведский государственный советник гр. Г.-Г. Ливен говорил М. П. Бестужеву, что шведский флот теперь не вооружается, так как шведы «не в состоянии найти ни пяти кораблей вооружить»⁶⁰.

Морская война на Балтике не только привела в плачевное состояние шведские корабли, адмиралтейство и гавани, но нанесла большой ущерб и датскому флоту. Несмотря на захваченные в боях со шведами морские трофеи, он был заметно ослаблен⁶¹, в то время как русский флот, наоборот,

Письмо Н. А. Сенявина от 11 июня 1719 г. из Ревеля; МИРФ, ч. II, стр. 368—369.

⁵⁶ А. П. Шершов. Указ. соч., стр. 214.

⁵⁷ В материалах «Кабинета Петра Великого» указаны следующие захваченные корабли (в скобках — число пушек и год захвата): «Вахмейстер» (54, 1719), «Карлскрона» (34, 1719), «Элефант» (34, 1714), «Стор-Феникс» (32, 1720), «Венкер» (30, 1720), «Кискен» (22, 1720), «Данск Эрн» (18, 1720) и «Вестинс-шлюп» (12, 1719) (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 44, л. 580). Шведские шнявы, взятые русскими и вошедшие в состав русского флота: «Крефт» (16), «Астрель» (14), «Элеонора» (14), «Полюкс» (14), «Эингорн» (8), «Фалк» (8), «Крейсер» (8), «Бернгардус» (6), «Бот Гедан» (10) и «Гукор Ласорер» (6), (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 40, лл. 450—451. «Реэстр» русского флота 1724 г.).

⁵⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 88, лл. 86—87.

⁵⁹ Там же, д. 52, лл. 732—733. Секретное донесение из Швеции в Кабинет (август 1720 г.); д. 56, лл. 743—744. Сравнительная роспись русского и шведского флотов в 1721 г.; д. 22, лл. 316, 322—323, 395. Та же роспись 1721 г.; Г. Кирхгоф. Указ. соч., стр. 367.

⁶⁰ АВПР, ф. Сношения со Швецией, 1722 г., д. 6, л. 48. Реляция М. П. Бестужева от 14 мая 1722 г. из Стокгольма.

⁶¹ Датский флот в 1725 г. насчитывал 25 линейных кораблей, из которых 16 было годных, 2 — негодных, 6 — в починке и 1 корабль («Шлезвиг») вновь отстраивался. Кроме того, датчане имели 14 фрегатов, из них: 9 годных, а остальные были гнилые или в ремонте; 5 пра-

окреп и занял господствующее положение среди флотов северных держав⁶².

Петр I и его русские современники по достоинству оценили роль флота в достижении окончательной победы над Швецией. В противоположность этому шведское командование оставило в последние годы войны свои корабли почти в полном бездействии. На гравюре, выпущенной в России в честь заключения Ништадтского мира, были начертаны следующие слова: «Конец сей войны таким миром получен ничем иным, токмо флотом, ибо землю никаким образом достигнуть было того невозможно ради положения места, понеже в Финляндии сухим путем пребезмерной трудности проход, ради каменной и узкой дороги и бескормицы, и почитай невозможный»⁶³.

К концу царствования Петра I (1724 г.) военно-морской флот России насчитывал 34 линейных корабля, 15 фрегатов, 4 прама, 10 шняв⁶⁴ и до 100 мелких судов и

мов (в том числе один в починке) и 11 галер (2 из них плохие). Матросов было 4859, из них «настоящих» около 3 тыс. (АВПР, ф. Сношения России с Данией, 1725 г., д. 4, лл. 165—166, 186. Роспись датского флота, май 1725 г.; 1724 г., д. 4, л. 169). Русский посланник А. П. Бестужев доносил 16 июня 1724 г. из Копенгагена, что датчане с трудом могут вооружить 6 линейных кораблей и 6 фрегатов, потому что их флот находится в слабом состоянии и гниет (АВПР, ф. Сношения России с Данией, 1724, д. 4, л. 169).

⁶² Г. Кирхгоф. Указ. соч., стр. 367; M. Mitchell. Op. cit., стр. 68—69, 73.

⁶³ Б. С. Тельпуховский. Указ. соч., стр. 159.

⁶⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 40, лл. 450—451. «Реэстр коликое число Российского флота имеется: кораблей и фрегатов и протчих, и в которых годех спущены и кем деланы, таже которые покупные и взятые швецкия (далее — «Реэстр»). «Реэстр» 1724 г. представляет собой ценный источник для установления действительного состава Балтийского флота на данный год. Приводим полный список линейных кораблей и фрегатов. 34 линейных корабля: «Фридрихштадт» (96 пушек), «Гангут» (92), «Лесная» (90), «Св. Петр» (88), «Св. Андрей» (88), «Фриде-Макар» (88), «Норд Адлер» (88), «Нептунус» (72), «Св. Александр» (70), «Ревель» (68), «Св. Екатерина» (66), «Исаак Виктория» (66), «Пантелеймон Виктория» (66), «Астрахань» (66), «Леферм» (66), «Дербент» (66), «Ингерманланд» (64), «Москва» (64), «Выборг» (64), «Шлиссельбург» (64), «Марльбург» (60), «Виктория» (56), «Полтава» (54), «Св. Михаил» (54), «Рафаил» (54), «Не тронь меня» (54, спущен 25 апреля 1725 г.), «Девоншир» (52), «Британия» (50), «Вахмейстер» (50), «Страфорд» (50), «Армонт» (50), «Рандольф» (50), «Перл» (50), «Принц Евгений» (50); 15 фрегатов: «Стор-Феникс» (34), «Лансдоу» (32) «Крейсер» (32), «Яхт-Гунт» (32), «Рафаил» (32), «Самсон» (32).

КУТУЗОВ КАК ВОЕННЫЙ ПЕДАГОГ —
ДИРЕКТОР КАДЕТСКОГО КОРПУСА

галер⁶⁵. На стапелях адмиралтейства тогда находилось 5 линейных кораблей и фрегат (в 32 пушки, готовый к спуску)⁶⁶. Число команды на всех кораблях доходило до 28 тыс. человек⁶⁷. Петербургская верфь ежегодно отстраивала по четыре линейных корабля⁶⁸. Русская кораблестроительная техника шагнула далеко вперед. Во время посещения (в 1725 г.) шведской военно-морской базы Карлскруны В. Н. Татищев видел там машину для подъема кораблей, сделанную в Петербурге⁶⁹.

Роль флота во внешней политике России 20-х годов XVIII в. была огромна. Ее определил с исключительной четкостью в своей депеше от 9 января 1724 г. французский посланник в Петербурге Ж. Кампредон: Петр I «еще долго будет пользоваться на севере тем превосходством, которое обеспечивает ему положение его владений. При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска... Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг»⁷⁰.

Россия в середине 20-х годов XVIII в. действительно располагала хорошо организованными вооруженными силами, в том числе флотом, обеспечившими ее обороноспособность и преобладающее положение на Балтике.

«Винт-Гунт» (32), «Амстердам Галей» (32), «Крон деливде» (32), «Карлскрон вапен» (30), «Штандарт» (28), «Данск Эрн» (24), «Пинк принц Александр» (24), «Кискен» (22), «Св. Иаков» (16).

⁶⁵ Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, стр. 57.

⁶⁶ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 40, лл. 453, 564. Это линейные корабли: 1) заложенный Петром I (100-пушечный); 2) мастера О. Ная (54); 3) мастера Р. Козенца (66); 4) мастера Р. Броуна (54), а другой 54-пушечный «Не тронь меня», готовый к спуску, того же мастера, включен (без названия) в «Реэстр» 1724 г.; 5) мастера Г. Меншикова (70).

⁶⁷ А. П. Шершов. Указ. соч., стр. 215.

⁶⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, д. 40, лл. 450—453, «Реэстр» 1724 г.

⁶⁹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, д. 74, л. 3. Дневная записка В. Н. Татищева, сентябрь 1725 г., Карлскруна.

⁷⁰ Сборник РИО, т. 52, стр. 144—146.

В литературе скупо освещены военно-педагогические взгляды М. И. Кутузова. Об этой стороне его деятельности было известно лишь из кратких свидетельств биографов великого полководца¹ и немногочисленных воспоминаний современников². Отмечая заслуги Кутузова на посту директора Кадетского корпуса, они не уделяли должного внимания тому новому, что было им внесено в военно-воспитательную систему, и полагали, что он лишь продолжил линию своих предшественников³. В трудах по истории военно-учебных заведений сведения о пребывании Кутузова на посту директора корпуса касаются главным образом чисто формальных данных о его деятельности и почти не затрагивают существа его военно-педагогической системы. Так А. В. Висковатов отметил некоторые важные нововведения Кутузова, однако его деятельности как военного педагога на посту директора уделял незаслуженно мало внимания⁴. Беглые упоминания о Кутузове — директоре корпуса — содержатся в небольших работах Н. А. Антонова и А. П. Карабанова и в книге о военно-учебных заведениях Н. Мельницкого⁵.

¹ Ф. Синельников. Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского... ч. 2. СПб., 1813, стр. 45—47; «Жизнь и военные подвиги генерал-фельдмаршала светлейшего князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского». СПб., 1813, стр. 37; «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости... Михайле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском», ч. 1. СПб., 1814, стр. 44—45. В книге «Картина жизни, военных и политических деяний... М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского» (М., 1813, стр. 23) бегло упомянута служба в Кадетском корпусе, но время пребывания на посту директора указано неточно.

² А. И. Михайловский-Данилевский. Черты из жизни князя Кутузова-Смоленского. — «Отечественные записки», 1820, № 4; «Записки Сергея Николаевича Глинки». СПб., 1895, стр. 114—116, 119—123; Ф. Глинка. Взгляд на прошедшее. — «Москвитянин», 1846, кн. 2, стр. 35—37; «Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1808». — «Русская старина», 1874, № 2.

³ Ф. Синельников. Указ. соч., ч. 2, стр. 46.

⁴ А. В. Висковатов. Краткая история 1-го кадетского корпуса. СПб., 1832.

⁵ А. Н. Антонов. 1-й кадетский корпус. Краткие исторические сведения. изд. 2. [СПб.], 1906, стр. 14—15; А. П. Карабанов

Известная недооценка деятельности Кутузова как военного педагога имеется и в работе советского историка Г. П. Богоявленского, который считал, что среди разносторонней деятельности полководца «педагогическая работа занимает довольно скромное место», а кратковременное пребывание в должности директора корпуса (1794—1797 гг.) «не дало ему возможности широко проявить себя в этой области»⁶. Однако не следует рассматривать деятельность Кутузова как военного педагога чисто формально, включая в нее лишь тот отрезок времени, когда он и номинально, и по существу был на должности, непосредственно связанной с педагогической деятельностью. В действительности он почти всегда по должности военного командира уделял внимание воспитанию и обучению войск.

Наряду с работами, в которых в общей форме рисуется военно-педагогическая деятельность Кутузова, стали появляться публикации документов, связанных с этой тематикой. Так, Н. Дубровин опубликовал несколько документов, характеризующих методы обучения и воспитания войск Кутузовым в период, когда он командовал Бугским егерским корпусом⁷. К этому же времени относится приказ Кутузова батальонным командирам Бугского егерского корпуса, содержащий «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно» (1786 г.). «Примечания» излагали методику боевой подготовки егерской пехоты с учетом ее назначения и специфической тактики. Этот документ, в котором заложены основы системы Кутузова по обучению и воспитанию войск, был в 1955 г. опубликован Ю. Н. Яблочкиным. Автор предисловия Л. Г. Бескровный чрезвычайно высоко оценивает «Примечания», ставя их в один ряд с «Полковым учреждением» Суворова⁸.

Первая работа, которая в широком плане посвящена военно-педагогической деятельности Кутузова, также принад-

125-летний юбилей 1-го кадетского корпуса. СПб., 1857; Н. Мельницкий. Сборник исторических сведений о военно-учебных заведениях в России, т. I, ч. 1. СПб., 1857, стр. 117—118.

⁶ Г. П. Богоявленский. Кутузов на посту директора военного учебного заведения. — «Советская педагогика», 1943, № 7, стр. 32.

⁷ Н. Дубровин. А. В. Суворов среди преобразователей екатеринской армии. СПб., 1886, стр. 125—128.

⁸ «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно» Предисловие Л. Г. Бескровного. М., 1955, стр. 4.

лежит Л. Г. Бескровному⁹. Автор справедливо отмечает, что взгляды Кутузова на подготовку воинов имели важное значение не только в свое время, но и для последующего развития русского военного искусства. Л. Г. Бескровный характеризует Кутузова как последователя П. А. Румянцева и А. В. Суворова — наиболее ярких представителей русской прогрессивной военной школы XVIII в.

С выходом в свет многотомного издания документов Кутузова¹⁰ исследователи получили возможность по-новому оценить его военно-педагогические взгляды. Весь комплекс документов полководца рисует его как учителя и воспитателя солдат и офицеров. В процессе подготовки сборника были обнаружены ранее не известные материалы, в частности приказы Кутузова по Сухопутному кадетскому корпусу, и другие документы, связанные с управлением корпусом.

Настоящая статья ставит задачей раскрыть деятельность Кутузова как военного педагога на посту директора Кадетского корпуса. Это должно способствовать дальнейшему выяснению его военно-педагогических взглядов.

К моменту окончания Артиллерийской и инженерной школы уже были известны хорошая теоретическая подготовка Кутузова и его склонность к педагогической деятельности. Вначале эта сторона его дарования отмечается весьма сдержанно, однако с течением времени появляются все более высокие оценки его как педагога и воспитателя. Назначение его директором Сухопутного кадетского корпуса, одного из известнейших привилегированных дворянских учебных заведений того времени, было признанием выдающихся качеств Кутузова-педагога в общем комплексе его многостороннего дарования.

В декабре 1759 г. выпускник Артиллерийской и инженерной школы Кутузов был оставлен «при школе к вспоможению офицерам для обучения прочих»¹¹. В его формулярном списке за 1763 г. отмечалось: «...подкомандных своих со-

⁹ Л. Г. Бескровный. Кутузов как воспитатель русских войск. — «М. И. Кутузов». Материалы Юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947, стр. 161—170.

¹⁰ «М. И. Кутузов». Документы, т. I. М., 1950; т. II. М., 1951; т. III. М., 1952; т. IV, ч. I. М., 1954; т. IV, ч. II. М., 1955; т. V. М., 1956.

¹¹ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 6.

держит, воинской экзерциции обучает порядочно и к сему тщание имеет...»¹²

До нас дошли документы, которые хотя и не показывают методы и организацию военно-учебной практики Кутузова, но достаточно ярко говорят о ее результатах. Так, в реляции главнокомандующего Крымской армией о сражении под Алуштой (1774 г.) сказано: «Московского легиона подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадерский свой батальон, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат...» А в аттестате по этому же поводу говорилось, что Кутузов «отличал себя пред прочими... и приведением вверенного ему грендерского батальона в наилучшую исправность и познание службы...» Чрезвычайно положительный отзыв был дан в 1777 г. Луганскому пикинерному полку, командиром которого был Кутузов. «Во всех частях как внутренне, так и наружно, равно и в военной экзерциции» полк был приведен в состояние, «которого только желать можно от конных полков»¹³.

Талант Кутузова как воспитателя войск развернулся в период командования войсками Бугского егерского корпуса, когда им были составлены упомянутые выше «Примечания». Многие положения этого наставления позднее были с успехом применены Кутузовым в Кадетском корпусе.

К тому времени Кутузов прошел более чем 30-летнюю службу в армии. «Он имел полные сведения как в теории, так и в практике каждого рода военной службы, ибо находился во всех из них», — писал близкий к нему А. И. Михайловский-Данилевский¹⁴. Глубокий ум и широта интересов сочетались в Кутузове с огромными знаниями, которые он искренне стремился передать своим воспитанникам. «Генерал Кутузов... получил в свое управление столь обширную часть, требующую и знания, и опытности, и попечения...», — писал один из его современников¹⁵. Как военный педагог Кутузов опирался не только на свой личный опыт. Он плодотворно

¹² «М. И. Кутузов». Документы, т. V, стр. 597.

¹³ Там же, т. I, стр. 17, 14, 24.

¹⁴ А. И. Михайловский-Данилевский. Указ. статья, стр. 123.

¹⁵ «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости... Михайле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском», ч. 1, стр. 44.

использовал принципы обучения и воспитания войск, выработанные и другими передовыми русскими военными деятелями.

В конце XVIII в. развитие военного искусства заставило предъявить новые, повышенные требования к подготовке офицерского состава. Кутузов по-новому разрешил вопрос о соотношении общего и профессионального образования. Не ослабляя внимания к изучению основ наук и к общей подготовке учеников, он многое сделал для направления учебного процесса в сторону его большей воинской специализации. По уставу Кадетского корпуса 1766 г. в нем велись занятия по военным дисциплинам под общим названием «военное искусство». Важным нововведением Кутузова было включение в число дисциплин специального курса военной тактики. Он учредил класс тактики не только для кадетов, но и для офицеров-преподавателей.

Кутузов принадлежал к тем высокообразованным людям своего времени, которые сознавали, что без овладения основами точных наук и прежде всего математики невозможно решить задачи общего образования; что знание математики — одно из важнейших условий развития и использования вооружения, что ее изучение дисциплинирует систему мышления, позволяет правильнее оценивать обстановку и решать тактические задачи. Стремясь усилить математическую подготовку будущих офицеров, он писал в одном из приказов: «Кадетам, которые не окажут твердое знание в арифметике, положить в лагерное время удобные часы для скорейшего окончания оной»¹⁶. В другом приказе Кутузов писал в общем плане о важности приобретения знаний, «особливо в математике, теорию к военной практике относительную»¹⁷, подчеркивая тем самым, что математика является теоретической основой военной практики.

Кутузов не считал себя свободным от непосредственной преподавательской деятельности, несмотря на то, что преподавательский состав корпуса был довольно сильным¹⁸. Введя

¹⁶ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 354.

¹⁷ Там же, стр. 358.

¹⁸ При Кутузове в корпусе преподавали математику А. Ю. Крафт (сын академика И. В. Крафта, автора учебников физики, математики и механики, по которым велось преподавание в корпусе) и академик Н. И. Фус (ранее в течение 10 лет работавший помощником Л. Эйлера). Фус был автором учебников алгебры и геометрии. Писатель и путешественник, доктор медицины, академик Н. Я. Озерецковский пре-

в корпусе «преподавание теоретической тактики», он «сам нередко, в кругу офицеров, читал кадетам тактические лекции»¹⁹.

Его метод преподавания требовал активности слушателей. Так, «фигуры он поручал чертить кадетам»²⁰. Кутузов читал лекции по военной истории, принимал экзамены по курсам тактики и военно-инженерного искусства, иногда вел опросы по курсу всемирной истории. Непосредственное общение с учащимися позволяло директору оценивать правильность и эффективность преподавания в корпусе, предупреждать отставание в учебной программе, выявлять способных учеников. Современники отмечали, что Кутузов в корпусе «обращал особенное внимание на молодых людей, оказывавших успехи; приглашал таковых к себе, преподавая им сам уроки в науках и в словесности»²¹. Уместно заметить, что Кутузов как истинный педагог умел распознавать склонности своих учеников, умел и направлять их дальнейшую деятельность. Он был объективен и проницателен и там, где это не было связано с военной специальностью. Однажды, присутствуя при чтении сочинений выпускников корпуса, директор заинтересовался сочинением С. Н. Глинки и, когда тот кончил, обнял его и сказал: «Нет, брат! ты не будешь служить, ты будешь писателем»²².

Не ограничиваясь изменениями в программах преподавания в сторону превращения корпуса в профессиональное военно-учебное заведение, Кутузов предпринял и организационную перестройку. В ноябре 1796 г. он подал Павлу I доклад о необходимости ввести в корпусе военную организацию и вместо разделения кадетов по возрастам²³ разделить

подавал словесность в старших классах корпуса. О последнем тепло вспоминает в своих «Записках» С. Н. Глинка («Записки Сергея Николаевича Глинки», стр. 98—100). Вел преподавание в корпусе профессор философии и истории Х. И. Безак. Географию преподавал капитан И. Завалишин (отец декабриста Д. И. Завалишина). Некоторые сведения о преподавательском составе корпуса содержатся в ЦГВИА, ф. 314 (1-й кадетский корпус), дд. 36, 3880, 8042, 8043.

¹⁹ «Жизнь и военные подвиги... М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского», стр. 37.

²⁰ А. В. Висковатов. Указ. соч., стр. 30—31. Примечание.

²¹ А. И. Михайловский-Данилевский. Указ. статья, стр. 133.

²² «Записки Сергея Николаевича Глинки», стр. 121—123.

²³ По уставу корпуса, составленному в 1766 г. И. И. Бецким, кадеты были разделены на пять возрастов.

их на роты. Новое административное деление он начал вводить постепенно вскоре после прихода в корпус. Уже в документах начала 1795 г. мы встречаем наряду с упоминанием «кадетов военных возрастов» и упоминания рот. Новая организация подготавливалась и введением в летних лагерях воинского распорядка, и серьезным обучением воспитанников «военной экзерциции», за чем особенно внимательно следил Кутузов. Новая организация была оформлена в январе 1797 г. Учащихся разделили на четыре мушкетерские и одну гренадерскую роты. Кадеты младшего возраста остались в «отделении малолетних»²⁴.

Введение воинской организации отразилось на всех сторонах внутренней жизни корпуса, по новому руслу направило учебный процесс. Возвращаясь к оценкам, которые давали современники деятельности Кутузова, мы видим, как ошибались те из них, которые говорили, что он «положился не делать никаких в постановлениях его (корпуса.—Р. А.) существенных изменений»²⁵. Современники же отмечали, что Кутузову «обязан корпус учреждением строгой дисциплины, сообразной с воинскими правилами»²⁶. Крепкая дисциплина, основанная на субординации, служила в глазах нового директора одним из залогов нравственного воспитания. Он всегда говорил, что дисциплина и субординация — «душа службы»²⁷. Кутузов восстановил дисциплину и внутренний порядок, которых не хватало в корпусе при прежнем директоре: «Граф Ангальт обходился с вами, как с детьми, — сказал Кутузов кадетам в 1794 г., приняв корпус, — а я буду обходиться с вами, как с солдатами»²⁸. Кутузов имел в виду подготовку учащихся к будущим офицерским должностям, специализацию обучения, изучение основ военного дела. Он понимал, что пренебрежение к дисциплине впоследствии может быть перенесено на их службу в армии²⁹.

²⁴ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 356—358, 361.

²⁵ Ф. Синельников. Указ. соч., ч. 2, стр. 46.

²⁶ «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости... Михайле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском», ч. 1, стр. 45.

²⁷ «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно», стр. 39. Почти в тех же словах это повторено в циркулярном предписании Кутузова дивизионным начальникам Молдавской армии от 18 июня 1811 г. («М. И. Кутузов». Документы, т. III, стр. 458).

²⁸ «Записки Сергея Николаевича Глинки», стр. 114.

²⁹ Требовательность и строгость сочетались в Кутузове с мягкостью. Учившийся при нем в корпусе И. С. Жиркевич так описывает:

Многие методы обучения и воспитания будущих офицеров Кутузов перенес в корпус из своего опыта войскового командира. Решительный противник формализма, особенно в методах обучения, он еще в Бугском егерском корпусе (1788 г.) требовал: «Приемами много не заниматься, учить без пустого стуку...»³⁰ В основу обучения войск Кутузов ставил не достижение формальных знаний, а понимание предмета. Прежде всего «основательно вникнуть должно в образ той службы, к которой он (егерь. — Р. А.) определен», — писал он в «Примечаниях»³¹. В Кадетском корпусе он также стремился сосредоточить внимание на основных вопросах военного обучения.

Большое значение придавалось улучшению учебного процесса. Кутузов поощрял наглядность преподавания и проведение практических занятий. При нем корпус приобрел географические карты, «печатные оригиналы для рисовальных классов», так называемое «Руководство о машинах» Крафта (с чертежами), таблицы логарифмов, тесаки, разборные учебные гранаты, которые по специальному заказу корпуса изготовлялись на Сестрорецком оружейном заводе³².

Еще будучи командиром Бугского егерского корпуса, Кутузов требовал, чтобы время учения солдат было использовано полностью, чтобы преподавание вели квалифицированные и добросовестные офицеры, а занятия проводились небольшими подразделениями. Это дает возможность уделить больше внимания обучаемым, «дабы каждому егерю не торопясь показывать, что ему примечать должно». В том же приказе он писал: «За ленивыми и незнающими офицерами присмотреть рачительно, чтобы при сем ученьи не напрасно время пропадало»³³.

Позже в Кадетском корпусе, он также неустанно внушает преподавателям и ученикам: «Надеюсь, что не погубят они в праздности драгоценного времени, но приобретут знания,

директора корпуса: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров» («Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1808», стр. 216).

³⁰ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 126.

³¹ «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно», стр. 45.

³² «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 350, 356, 369; ЦГВИА, ф. 314, д. 8043, л. 154.

³³ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 125.

нужные благородному человеку во всяком состоянии»³⁴. Тем самым он подчеркивал, что в учении надо видеть не только узкопрофессиональный смысл, но и широкую практическую ценность для любого рода деятельности.

Кутузов добивался высокой успеваемости учащихся, ставя при этом успеваемость в прямую зависимость от прилежания. Для воздействия на нерадивых учеников он предложил завести особую книгу и заносить в нее «о ленивых свое замечание». «Сия книга, — писал он, — при выпуске уважаема будет более других аттестатов». Случаи проявления ленивости и неуспеваемости никогда не оставлялись без внимания. Для неуспевающих назначались дополнительные занятия даже в каникулы, и при этом отмечалось, что наказанию кадеты подвергаются «за нерадение». Эти меры проводились последовательно и неуклонно³⁵.

Внимание Кутузова к прилежанию, стремление воспитать в учениках трудолюбие, настойчивость и работоспособность свидетельствуют о его высокой оценке человека по морально-волевым качествам (помимо одаренности, способностей и знаний). Достижение этого было неразрывно связано с поддержанием твердой дисциплины. Однако, напоминая о значении дисциплины, директор корпуса никогда не поддерживал ее жестокостью. Небезынтересно вспомнить, что он говорил о наказаниях в «Примечаниях»: «К сему присовокупить должно умеренность в наказаниях, различая прилежно прямую должность воина от некоторых по себе маловажных излишеств, природные недостатки от нехотения и ошибку по новостям недавно вступившего от ослушания и преодолевая медленность ус[п]ехов терпением»³⁶.

При наложении взысканий Кутузов часто преследовал цели не столько наказания провинившегося, сколько воспитания всего коллектива³⁷. Той же цели — воспитания всего коллектива — служили поощрения преподавателей, которые «трудолюбием своим, особливим искусством и успехом во обучении кадет приобретают одобрение»³⁸.

³⁴ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 358.

³⁵ Там же, стр. 361, 370; см. также: ЦГВИА, ф. 314, д. 38, лл. 21, 35, 38 об., 72 об.

³⁶ «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно», стр. 43.

³⁷ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 370—371.

³⁸ ЦГВИА, ф. 314, д. 8043, л. 135—135 об.

Требовательность Кутузова к учащимся отражалась в его аттестациях выпускников. «Рассмотрев с крайнею строгостию каждого достоинства, поведение и успехи в науках»³⁹, он соответствующим образом представлял выпускников к офицерским чинам. В одном из списков выпускников из 80 человек 7 получили такую характеристику: «В науках пред прочими весьма отстали, а потому наравне с другими и не аттестуются. Представляются в унтер-офицеры»⁴⁰. О высокой принципиальности Кутузова в этом вопросе свидетельствует один из его рапортов Павлу I. Представляя список выпускников корпуса, директор писал: «В списке поставлены они не по какому другому старшинству, как по наукам и поведению»⁴¹. Строгость оценок он сочетал с желанием учесть склонности учащихся, ходатайствовал о распределении их именно в те полки, в которых они хотели служить⁴². Из числа выпускников 1797 г. в виде исключения один из кадетов был даже отправлен в морские батальоны, «ибо желает служить во флоте»⁴³. Здесь, как и в ряде других случаев, проявился один из принципов военно-воспитательной системы Кутузова — индивидуальный подход к учащимся.

Кутузов сосредоточивал свое внимание на обучении кадетов не только качествам профессионального военного, но и на формировании в них высокой нравственности и того «воинского духа», который «преоборяет все обстоятельства, не находит препон ни в каких предприятиях»⁴⁴.

Как истинный патриот, Кутузов считал одной из основных задач воспитание глубокой преданности Родине. Выпускникам корпуса он говорил: «Где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, искренно желающего вам счастья и который совершенно награжден за любовь к вам вашей славою, вашею честью, вашею любовью к отечеству»⁴⁵. Вчитываясь в документы Кутузова, мы не можем не заметить, как настойчиво повторяет он мысль о том, что основная сила в армии — солдат. Эта мысль пронизывает всю военно-

³⁹ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 349.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 26 (Военно-походная е. и. в. канцелярия), оп. 152, д. 16, лл. 205—206 об.

⁴¹ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 371.

⁴² Там же, стр. 372.

⁴³ ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 3842, лл. 5—6.

⁴⁴ «М. И. Кутузов». Документы, т. III, стр. 458.

⁴⁵ «Записки Сергея Николаевича Глинки», стр. 122.

педагогическую систему Кутузова, он старается привить будущим офицерам уважение и любовь к солдатам.

Неоднократно отмечал Кутузов связь результатов обучения с личностью преподавателей. В Бугском егерском корпусе он указывал на ответственность командиров за обучение солдат. Вот что он писал в связи с обучением егерей прицельной стрельбе: «По искусству и числу сих людей (хороших стрелков. — Р. А.) узнать можно годность ротного командира»⁴⁶. В Кадетском корпусе он возлагал ответственность за успеваемость воспитанников на ротных командиров: «Худые успехи господ кадетов в классах относиться будут не малою частию к нерачению ротных командиров, в чем они будут и ответственны яко воспитатели и единственные наставники их нравственности»⁴⁷. Естественно, что Кутузов при этом имел в виду действительные знания, а не формальные отметки.

Кутузов всегда отличало внимание к вопросам охраны здоровья своих подчиненных. Несмотря на то, что масштабы его деятельности менялись и расстояние от него до солдата росло, он никогда не забывал о нуждах воина. Еще в своем наставлении для обучения бугских егерей на первое место он ставил «содержание солдата» как основу «доброты и прочности всякого воинского корпуса»⁴⁸. В Кадетском корпусе он также заботился о здоровье воспитанников, рекомендовал проводить осмотры и следить, чтобы больные были освобождены от занятий⁴⁹. Для директора не существовало мелочей. Он следил за поддержанием порядка в корпусном лазарете, за прививками оспы. Особое внимание уделял он качеству питания воспитанников и требовал подавать ему «ежедневно записки, какое прошедшего дня для господ воспитанников было кушанье, и объяснить во оных о доброте припасов»⁵⁰.

Современники отмечали беспримерную «попечительность его о благе вверенного ему юношества»⁵¹. Директор заботился об обеспечении всем необходимым воспитанников кор-

⁴⁶ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 126.

⁴⁷ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 361.

⁴⁸ «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно», стр. 41.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 314, д. 38, л. 60 об.

⁵⁰ «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 352.

⁵¹ «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости... Михайле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском», ч. 1, стр. 45.

ОРУЖИЕ, ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ В XVIII—XIX вв.

пуса и прежде всего неимущих. Он ходатайствовал о выдаче денег на экипировку выпускаемых из корпуса кадетов, «многие из коих в рассуждении бедного состояния способов не имеют, чем бы экипироваться и доехать к полкам»⁵². Уважая личность каждого воспитанника и не желая унижать достоинства бедных учеников, Кутузов позаботился, чтобы они не знали об источниках их обмундирования. С. Н. Глинка вспоминает, что директор велел втайне от этих кадетов снять с них мерки и пошить на них к выпуску мундиры, которые были потом им розданы якобы от имени родных⁵³.

Готовя будущих офицеров, внушая им, каким должен быть образцовый командир, Кутузов, несомненно, имел в виду, что вскоре они сами станут учителями солдат и в какой-то мере используют принципы военно-воспитательной системы Кадетского корпуса. Роль воинского командира как педагога была тем значительнее, что во времена Кутузова основной контингент армии состоял из неграмотных крестьян. Из них надо было воспитать боеспособных солдат. Создание национальных армий в отличие от наемных требовало от солдат сознательного отношения к своему делу, своим обязанностям в бою. Оставаясь верным своему классу, Кутузов готовил офицеров для выполнения задач, которые не всегда совпадали с истинными интересами народа (почему и степень сознательности в русской армии всегда была, разумеется, относительной). Однако воспитание в будущих офицерах высоких моральных качеств, силы воли, трудолюбия и дисциплинированности, подчеркнутое внимание к нравственному элементу, которым отмечена деятельность Кутузова, имеют непреходящее значение.

Военное искусство и военная организация казахов не были предметом специального исследования дореволюционных ученых. Исключением является небольшая этнографическая заметка Ч. Ч. Валиханова об оружии казахов, написанная в начале 60-х годов XIX в.¹ Кроме того, А. И. Левшин дал краткую подборку сведений об оружии и военной организации казахов². Довольно богатый и ценный фактический материал об этом содержится в статье «Замечания о киргизской степи», опубликованной в 1856 г. в неофициальной части «Астраханских губернских ведомостей» (№ 29, 30). М. И. Иванин в своем обобщающем труде распространил отдельные выводы и на казахов³. Некоторые сдвиги в изучении проблемы намечались лишь в последнее время, с выходом в свет работ А. А. Рослякова «Основные черты военной системы азиатских степняков» и «Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках»⁴. В первой из них Росляков обращает внимание на преимущества и недостатки военной системы кочевников-степняков, особенности и основные черты, присущие в определенной степени военной организации казахов-кочевников в изучаемый нами период. Особенно ценны замечания автора об изменениях военной системы кочевников Азии в период расцвета у них феодализма — в XIV—XVIII вв. Однако военное искусство собственно казахов не стало предметом исследования Рослякова.

¹ Ч. Ч. Валиханов. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 463—468.

² А. И. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. СПб., 1832, стр. 49—52.

³ М. И. Иванин. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.

⁴ А. А. Росляков. Основные черты военной системы азиатских степняков. — «Известия Туркменского филиала АН СССР». Ашхабад, 1951, № 2, стр. 11—17; он же. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV вв. — «Ученые записки Туркменского государственного университета», вып. XXI. Ашхабад, 1962, стр. 185—244.

⁵² «М. И. Кутузов». Документы, т. I, стр. 372.

⁵³ «Записки Сергея Николаевича Глинки», стр. 122.

Ранние сведения об оружии казахов встречаются в русских источниках конца XVII в. Так, в показаниях русских послов в Казахстане Ф. Скибина и М. Трошина записано: «А бой-де у них лушной и копейный, а пушек-де нет и мелкаго, длиннаго огненнаго ружья мало...»⁵ В воеводском наказе дворянину Федору Феофилову (1699 г.) тоже упоминается о луках и «огненных ружьях», которыми были вооружены «воинские люди Казачьей орды»⁶. Пробывший в Казахстане около двух лет (1731—1732 гг.) русский посол М. Тевкелев доносил, что казахи вооружены луками и ружьями «без замков с фитилями»⁷. По сведениям, относящимся к последней четверти XVIII в., оружие казахов состояло из луков, пик, сабель, «укрючин» и ружей. В частности, прибывшее в июне 1772 г. к Яицкому городку многотысячное войско казахов имело на вооружении, по их заявлению, «ружья, стрелы и копии»⁸. В источниках того времени упоминаются также «медные шеломы», кольчуги и панцири⁹.

Более подробные сведения о вооружении казахов относятся к XIX в. Поручик Я. Гавердовский в 1803 г. писал, что оружие казахов «состоит в сабле, копье, луке (джая) и колчане (сайдак) со стрелами (ок)», а также ружьях «с фитилями и без оных» и камче, или плети. Из военных доспехов он упоминает «сделанные из железных колец кольчуги или панцири и из железных листов плоские шапки»¹⁰. Доктор С. Большой, проживший в Казахстане довольно долгое время, добавляет к этому перечню ножи и кинжалы¹¹. В записках С. Б. Броневского, хорошо знакомого с бытом казахов, назван еще и чекан (айбалта), упоминавшийся,

⁵ «Сыскное дело 1697 г. о дороге в Хиву». — «Русский архив», 1867, кн. 3, стр. 399.

⁶ «Акты исторические», т. V. СПб., 1842, № 288, стр. 521.

⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. 30, 33, 35, стр. 44, 86, 87.

⁸ И. Г. Рознер. Яик перед бурей. М., 1966, стр. 165, 168.

⁹ Ф. Ефремов. Странствование... в киргизской степи, Бухарии, Хиве... изд. 3. Казань, 1811, стр. 48; [И. Г. Андреев]. Описание Средней орды киргиз-кайсаков... — «Новые ежемесячные сочинения», 1796, ч. 115, стр. 57; ч. 117, стр. 72.

¹⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 86, стр. 153.

¹¹ С. Большой. Замечания о киргизах. — «Сын отечества», 1822, ч. 80, стр. 55—56.

кстати, под названием «топор» и в документах первой половины XVIII в.¹² В 30-х годы XIX в. А. И. Левшин писал, что казахи «сражаются копьями, саблями, стрелами, ружьями и чеканами; а для защиты от неприятельских ударов надевают на себя панцири и иногда шлемы»¹³.

Наиболее распространенными, традиционными видами древнего казахского оружия были луки и копьа.

Луки казахи приобретали у монголов, китайцев, калмыков, а также в Средней Азии и у башкир. Луки собственного изготовления уступали по качеству покупным. Особой известностью пользовался так называемый тюркский сложный лук¹⁴.

Стрелы делались из камыша (длиной 1,5 аршина) или из березового дерева. Они имели четырехстороннее хвостовое оперение и железный, иногда бронзовый, наконечник. Наконечники в зависимости от назначения различались по форме: двухгранные — для охоты, четырехгранные — для войны. Необходимой принадлежностью данного вида оружия были колчан для стрел (курамсак) и чехол для лука, носившиеся на поясном ремне. Степень распространения и назначение луков в разное время у казахов были различны. В 1732 г. М. Тевкелев писал, что казахи «сайдаков употребляют мало, а в войне имеют большую часть ружья»¹⁵. Однако художник оренбургской экспедиции Джон Кэстль в середине XVIII в. и капитан И. Г. Андреев в конце XVIII в. утверждали, что на вооружении казахов часто были луки¹⁶. С прекращением войн и набегов на смену сложному луку приходил простой охотничий лук. К середине XIX в. лук и стрелы в Казахстане становятся редкостью. В 1865 г. Л. Мейер отметил, что лук и стрелы казаками «совсем оставлены» и «молодое поко-

¹² «Записки... Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды». — «Отечественные записки», 1830, ч. 42, № 121, стр. 174—175»; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 166, стр. 426.

¹³ А. И. Левшин. Указ. соч., ч. III, стр. 49.

¹⁴ Б. Адлер. Луки и стрелы Северной Азии. — «Русский антропологический журнал», 1903, № 3-4, стр. 187—193.

¹⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 33, стр. 86.

¹⁶ «Journal von der Anno 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan der Kirgis-Caysack Tartarischen Horda... Reise, dargestellt durch John Castle...» (Ch. Schmidt. Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Großen, T. 2. Riga, 1784, Anhang, S. 137); [И. Г. Андреев]. Указ. статья, ч. 115, стр. 57.

ление не умеет ими владеть». А спустя три года М. Красовский писал, что в Казахстане «оружия этого давно уже нигде нет и в помине»¹⁷.

Древним национальным видом казахского оружия были копья. Копья изготавливались обычно из соснового дерева. Их толщина равнялась 3,5 см, а длина — 150—195 см. Казахское копье имело трехгранный железный наконечник с кистью из черного шелка или конского волоса в месте соединения наконечника с древком, а на другом конце — петлю для удобства ношения. Иногда у копий вместо металлического наконечника был просто заостренный и обугленный конец. Именно такие копья наряду с плетью были наиболее распространенным оружием казахов в начале XIX в. По сообщению Мейера, копья сохранялись у казахов и в 60-х годах XIX в. Однако с прекращением войн, междоусобных столкновений казахское копье также вытеснялось другими видами оружия, более пригодными для охоты.

Следующим видом национального казахского оружия был чекан — небольшой своеобразный топорик на длинной рукоятке с острым округлым железным лезвием (длинной 1,5 четверти) в виде полумесяца (отсюда — айбалта: ай — месяц; балта — топор)¹⁸. Упоминания о чекане как боевом оружии казахов встречаются чаще всего в документах XVIII—первой половины XIX в. Но и в конце XIX в. имели место случаи, когда казахи были вооружены чеканами.

На вооружении у казахов имелись также кривые сабли (кльч), как правило, персидского, турецкого или бухарского изготовления. Более всего ценились высококачественные персидские «исфагани», называвшиеся казахами «наркескен» (разрубающие верблюда)¹⁹. Мейер утверждает, что сабли самими казахами не изготавливались. Свидетельства Андреева и Валиханова опровергают подобное утверждение. Однако преобладание в Казахстане привозных сабель совершенно

¹⁷ Б. Адлер. Указ. статья, стр. 188, 192; А. И. Савич. Извлечение из рассказа кайсака Кентай Бебешева. — «Географические известия РГО», 1848, вып. 1, стр. 8; Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 250; Красовский. Область сибирских киргизов, ч. III. СПб., 1868, стр. 37.

¹⁸ «Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды». М., 1859, стр. 58; Л. Мейер. Указ. соч., стр. 250.

¹⁹ А. И. Левшин. Указ. соч., ч. III, стр. 50; Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 464.

бесспорно. Владельцами сабель ввиду их дороговизны были представители верхушки казахского общества²⁰.

В XIX в. на смену кривым саблям постепенно пришли «сапы» или «шапы», похожие на среднеазиатские шашки. В старину, утверждал Валиханов, «это орудие мало употреблялось».

Казахи употребляли также особые ножи или прямые пудсабли различной длины (селебе, жекеауыз), кинжалы собственного изготовления и хивинские (узбекские) ножи (пшак) с роговыми ручками. Все эти виды оружия носились на поясе в специальных ножнах (кын). Весьма вероятно, что на вооружении казахов были и булавы.

Ружья (мултук) у казахов были, как правило, фитильные²¹. Дальность таких ружей была невелика. Лишь имевшиеся у султанов «длинные и тяжелые ружья» били на расстояние до 700 шагов. Все же наличие огнестрельного оружия обеспечивало казахам определенные преимущества в сражениях с противниками, вооруженными только копьями и луками. По свидетельству Тевкелева, в 30-х годах XVIII в. ружья составляли большую часть вооружения казахов²². Это было время напряженной борьбы казахского народа с джунгарскими завоевателями. По утверждению Палласа, каждый зажиточный казах обыкновенно имел огнестрельное оружие²³. О «довольном количестве» у казахов ружей «с фитилями и без оных» писал в 1803 г. Гавердовский²⁴. В 60-х годах XIX в., получив из России ружья с ударно-кремневыми замками, казахи, по утверждению Мейера, даже пренебрегали фитильными ружьями. Однако это относилось, очевидно, лишь к верхушке казахского общества, так как вообще у казахов в тот период ружей осталось сравнительно

²⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 70, стр. 139.

²¹ Государственный архив Оренбургской обл. (далее — ГАОО), ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия), оп. 1, д. 2, л. 4; «Journal von der Anno 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan der Kirgis-Caysack Tartarischen Horda... Reise, dargestellt durch John Castle...». S. 87, 137.

²² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 33, стр. 86; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 4.

²³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб., 1773, стр. 571—572.

²⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964, док. 86, стр. 153.

немного. Распространение огнестрельного оружия в Казахстане ограничивалось царизмом. Но казахи с давних пор покупали ружья в Бухаре, Хиве и Ташкенте, и только некоторая часть их поступала из России. По-видимому, имели место случаи изготовления ружей и самими казахами. В одном из архивных документов 1733 г. сообщалось, что «в их-де киргизской земли... делают всякое ружье»²⁵. Порох также приобретался в среднеазиатских городах и в России, но вместе с тем он зачастую изготовлялся и самими казахами²⁶. Свинцовые пули и фитили также делали сами казахи.

Из военного снаряжения или защитных боевых доспехов казахам были известны панцири и кольчуги (саут), а также шлемы. Об этом свидетельствует, в частности, Витзен, пользовавшийся источниками конца XVII—начала XVIII в.²⁷ В начале 40-х годов XVIII в. джунгарский владетель Галдан-Церен производил даже «побор пансирами» с казахов Старшего жуза²⁸. Кольчуги упоминаются и в источниках XIX в.²⁹ К военному снаряжению казахов Валиханов относит специальный поясной ремень (калта) и патронташ из сайгачьих рогов (бир атар).

К распространенным видам оружия, употреблявшегося на охоте и в повседневной хозяйственной жизни кочевников-скотоводов, относились нагайки (камчи), укрюки и соилы. «Укрючины», или укрюки (курък), представляли собой деревянные шести с прикрепленной на конце и в середине длинной веревкой в виде большой петли³⁰. Из таких же шестов длиной до 3—4 аршин с корневым шарообразным утолщением на конце делались дубинки-соилы (сойыл).

Разумеется, далеко не каждый кочевник-скотовод имел у себя все эти виды оружия. Нередко вооружение казахов

²⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, д. 1, л. 297; см. также: Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 466.

²⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, д. 1, л. 297.

²⁷ [Витзен]. Киргиз-кайсаки и башкирцы были в императорской Кунсткамере. — «Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях, издаваемых при Академии наук», 1734, ч. 29, стр. 116.

²⁸ А. Бирзее. К истории каракалпаков в XVIII веке. — «Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 227.

²⁹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.», док. 86, стр. 153.

³⁰ Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 464; И. П. Шангин. Извлечение из описания экспедиции... в киргиз-кайсацкую степь в 1816 г. — «Сибирский вестник», 1820, ч. 9, стр. 89.

состояло «из укрючин... копий, по большей части деревянных обожженных, топорков, насаженных на палки», и лишь иногда бывали ружья³¹.

Военная организация и военное искусство казахов развивались под влиянием своеобразной хозяйственной жизни и социальной организации казахского народа. Постоянного войска у казахов не существовало, если не считать сравнительно небольших отрядов или дружин из тюленгутов и других феодально зависимых людей у отдельных султанов и ханов³². Ополчения собирались в случае организации набегов или непосредственной угрозы внешнего вторжения. Принцип формирования отдельных отрядов определялся родоплеменной принадлежностью участников похода. Большие отряды могли быть созданы в подобных условиях лишь путем согласия феодально-родовой верхушки нескольких родов. На войне небольшими отрядами ополчения командовали обычно старшины, подчиненные хану. Предводителями больших отрядов ополчений были султаны или прославившиеся уже батыры. Каждый отряд имел свой родовой значок, а более крупные отряды, объединявшие воинов целого племени, — большое знамя (ту), которое тщательно сохранялось в мирное время и «вывозилось только на войну». Значки отдельных родовых отрядов были обычно одного цвета со знаменем племени. Кроме того, для опознавания своих казахи привязывали на руки такого же цвета платки, ленты или же делали нашивки на одежду³³.

Каждый отряд имел свой боевой клич (уран). Ураном было обычно имя какого-нибудь предка или вообще уважаемого сородича³⁴. Ханы и султаны, не смешивавшиеся у казахов с родами, имели особый уран (аркар). Простой народ не мог пользоваться этим ураном. Объединявшие в себе многие племена казахские ханства имели общий уран. Таким ураном всех жузов было слово «алаш» («алача»)³⁵.

Таким образом, длительное время сохранявшаяся родоплеменная структура казахского народа была одновременно и

³¹ [И. Г. Андреев]. Указ. статья, ч. 117, стр. 71—72.

³² «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.», док. 53, стр. 102.

³³ А. И. Левшин. Указ. соч., ч. III, стр. 51.

³⁴ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Приложение 2, стр. 1; «Голос», 1879, № 272.

³⁵ А. И. Левшин. Указ. соч., ч. III, стр. 51—52.

формой военной организации казахов. Это давало знати кочевых племен большую силу и вместе с тем создавало определенные преимущества на случай военных столкновений, чему способствовала также сохранявшаяся и в условиях мирного времени дозорная служба. С развитием феодальных отношений ополчение, однако, теряло свое значение, собиралось все реже.

Отправляясь в поход, каждый кочевник-воин, помимо оружия и пищи, брал с собою одну или несколько сменных лошадей, что позволяло легко совершать значительные переходы. Наличие отборных, выносливых лошадей позволяло отрядам кочевников стремительно атаковать противника, внося замешательство в его ряды. «Вступают в дело перестрелкою с неприступных мест, метанием стрел и, наконец, стремительным нападением толпою с криком «ги!», — писал об этом С. Б. Броневский. — ... Горе тем, которые, не выдержав хладнокровно их натиска, покажут тыл»³⁶. В случае неудачи первого натиска кочевники обычно быстро отходили врассыпную. Это бывало в сражениях с превосходившими силами регулярных войск, имевших артиллерию. Нередко отход после первого натиска был тактическим приемом. Перестроившись, отряды кочевников опять бросались в атаку. Повторяя подобный маневр несколько раз и меняя в случае надобности коней, они изматывали подчас значительно превосходившего их вооружением и численностью противника. Иногда кочевники отходили сами, стараясь оторваться от противника, уйти от боя или, наоборот, увлечь его за собой в безбрежные степи. В степях же на стороне кочевых отрядов были многие преимущества: знание местности, расположения водопоев, умение легко ориентироваться, использовать особенности рельефа и т. д.

Преобладание маневрирования с постоянным уклонением от боя обуславливалось, очевидно, распространенностью в Казахстане феодальных по своему характеру войн, в которых не были непосредственно заинтересованы широкие слои населения, участвовавшие в них обычно в порядке феодальной повинности³⁷. Кроме того, подобная военная тактика

³⁶ «Записки... Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды», стр. 173, 175.

³⁷ А. А. Росляков. Основные черты военной системы азиатских степняков, стр. 13, 15.

казахов вытекала из особенностей кочевого скотоводческого способа хозяйствования.

Хозяйственные потребности (выпас скота) и военные соображения (использование местности для укрытия людей и скота) обуславливали также и необходимость рассредоточения войск на небольшие отряды. А это в свою очередь позволяло каждому воину, каждому отряду действовать более инициативно. Не случайны свидетельства очевидцев, что, «будучи собраны в большую массу», отряды кочевников «действовали гораздо хуже, чем в одиночку и небольшими партиями»³⁸.

Помимо беспрерывно повторявшихся при отступлении неожиданных налетов, отвлекавших внимание и силы противника и прикрывавших подчас уход населения и угон скота, применялись еще обходы и охваты противника, окружения, засады, а также другие приемы, воспринятые из векового опыта набегов, охоты и межродовых столкновений. Довольно давним и действенным тактическим средством, широко использовавшимся казахами во время войн и набегов, служили палы (поджоги степи). Известны случаи использования палов казахами с целью затруднить продвижение царских войск в период Крестьянской войны 1773—1775 гг.³⁹ Неотъемлемой составной частью военного искусства казахов был короткий, стремительный бой. В случае надобности казахи организовывали переправы боевых дружин, населения и своих табунов через большие реки, устраивая камышовые мосты большой прочности и подъемной силы⁴⁰. В заключение следует упомянуть хорошо налаженную службу разведки и сигнализацию казахов. Среднеазиатские города Хива, Ташкент и другие вплоть до первых десятилетий XIX в. в случае военной опасности и внутренних междоусобий приглашали к себе казахских султанов и ханов с их войсками. Правительство Российской империи со времен Петра I также обращало внимание на военную организацию и пыталось выяс-

³⁸ Н. Г. Мякушин. Секретная экспедиция уральских казаков. — «Военный сборник», 1904, № 12, стр. 38.

³⁹ Н. Середя. Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца. — «Вестник Европы», 1870, ч. 6, стр. 642.

⁴⁰ А. Ч. Импровизированные мосты через Сыр-Дарью. — «Уральские войсковые ведомости», 1867, № 23; М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб., 1874, стр. 15—16.

нить боеспособность, как его тогда называли, «кайсацкого войска»⁴¹.

В военном искусстве казахов-кочевников были, однако, и слабые стороны, вытекавшие из родоплеменной структуры и принципа формирования народных ополчений. В частности, далеко не всегда воины и родоначальники тех или иных родов откликались на призыв в ополчение⁴². Родоплеменной принцип формирования народных ополчений затруднял общее управление войском. Между отдельными отрядами не легко было достичь согласованности действий. Тевкелев и П. И. Рычков писали, что «слабость и бессилие (казахов. — Г. С.) в том наипаче состоит, что по застарелым их обычаям в вольности всех их совокупить и под одну власть привести трудно»⁴³. К тому же слабое развитие ремесел у казахов-кочевников все более отрицательно сказывалось на развитии их вооружения, качестве и количестве оружия по сравнению с вооружением оседлых народов.

В конечном итоге присоединение Казахстана к России, приведшее к прекращению внешних вторжений и феодальных усобиц, сделало ненужным не только древнее боевое оружие казахов, но и сохранение их прежней военной организации.

⁴¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 76, 83, стр. 178, 195; док. 50, 70, 219, стр. 109, 146, 552—553 и др.

⁴² Там же, док. 196, стр. 509.

⁴³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», док. 50, 225, стр. 108, 572.

V

Из истории войн

А. А. ЗИМИН

УЧАСТНИК ВЗЯТИЯ КАЗАНИ В 1552 г. ЛИТВИН РАЗМЫСЛ ПЕТРОВ

Наряду с выдающимся русским военным инженером И. Г. Выродковым в инженерном обеспечении взятия Казани в 1552 г. большую роль сыграл выходец из Великого княжества Литовского Размысл Петров. Именно он руководил подготовкой взрыва Казанской крепости, после чего начался штурм Казани русскими войсками. Однако в течение долгого времени в работах, посвященных истории взятия Казани, имя Размысла Петрова даже не упоминалось¹.

Одной из причин этого было недостаточное количество сохранившихся источников. В последнее время найдены новые материалы, позволяющие шире представить деятельность Размысла.

Так, А. Н. Насонов обнаружил новое Сказание о походе на Казань. Оно было источником Летописца о начале царства и составлено не позднее 1553 г., т. е. вскоре после взятия

¹ См., например, Д. К. Жеребов, Е. И. Майков. Русское военно-инженерное искусство в XVI—XVII вв. — «Из истории русского военно-инженерного искусства». Сборник. М., 1952, стр. 36; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 278; Е. А. Разин. История военного искусства, т. II, М., 1957, стр. 359—362; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в.». М., 1955, стр. 364. Несколько слов о Размысле сказано в кн.: Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, т. I. СПб., 1858, стр. 175—176, 181.

Казани. В этом Сказании содержится интересное сведение о сооружении подкопа под Казанскую крепость литвином Размыслом: «Некий же человек бе благочестиваго царя, имене Размысл, родом литвин, сый хитр бе подкопы творити под градныя стены. Сему же повелеша многие подкопы творити под градныя стены»².

О деятельности Размысла было ранее известно из Никонской летописи (более первоначальный вариант рассказа из Летописца начала царства издан только недавно): «Того же месяца августа 31, в среду, призывает государь к себе немчина, именуема Размысла Хитра, навична градскому разорению и приказывает ему подкоп под град учинити. И нача подкоп творити от Булака-реку у околичево у Петровых тур Морозова промеж Тальновых ворот и Тюменьских»³. Говоря о том, что Размысл участвовал в подкопе татарского тайника, шедшего из Казани к реке, Летописец прибавляет: «Государь посылал к воеводам Алексиа Адашева, а с ним Размысла, а велел тот тайник казаньской подкопывати; а велел ему на то дело учеников отставити, а самому болшого дела беречи»⁴. К 1 октября «Размысл... зелие под город поставил», и Казанская крепость была взорвана⁵.

В Казанской истории (составленной около 1564—1565 гг.) рассказывается, что «посла бог ко царю самодержцу, яко ангела своего ко Иусу Навину разорити стены ерихонския, магнитом утвержденных, тако и zde приведе новохитренныя мудрецы, фряги иноземца, служити ему». Эти «хитрецы... учиниша с четырех стран града башни 4 фряжским обычаем, с камением и з землею, крепки и высоки», а также «почаша ночью тайно копати глубокия рвы под Казань град»⁶.

² А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — «Археографический ежегодник за 1960 г.», М., 1962, стр. 19.

³ ПСРЛ, т. 13, полов. 1-я. СПб., 1904, стр. 209. В Летописце начала царства: «Размысла, именуема Хитра» (там же, т. 29, М., 1965, стр. 100). Очевидно, Хитр — его прозвище.

⁴ Там же, т. 13, полов. 1-я, стр. 209—210. В Летописце начала царства говорится, что был послан один Размысл, а Адашев не упоминается (там же, т. 29, стр. 101). В Летописце: «оставити» учеников.

⁵ ПСРЛ, т. 13, полов. 1-я, стр. 215; т. 29, стр. 105.

⁶ «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 140—141. Участник казанского взятия А. М. Курбский, рассказывая о подкопе, не называет того, кто проводил инженерные работы («Русская историческая библиотека», т. 31. СПб., 1914, стб. 192—193).

Память о сооружении подкопа Размыслом сохранялась долгое время.

Еще Исаак Масса писал, что взятию Казани «весьма помог подкоп, доведенный к самому городу под рекой Волгой, каковая мина была устроена искусным инженером Эразмом, по происхождению немцем»⁷.

Выяснить, кто был Размысл, немчин, фрязин (итальянец) или литвин, помогает Воскресенская летопись. Здесь под 1535 г. рассказывается, как литовские люди осадили Стародуб и копали подкоп под крепость. Летописец с горечью замечал, что осаждавшие «того лукавства подкопывания не познали, что наперед того в наших странах не было подкопывания»⁸.

Итак, мастерство подкопа хорошо известно литовским людям. Поэтому сообщение Сказания о походе на Казань о том, что Размысл был выходцем из Великого княжества Литовского, следует признать наиболее вероятным.

В середине XVI в. культурные и экономические связи России с Великим княжеством Литовским и Польшей были разнообразны (в достаточной степени они еще не изучены). Так, по данным А. Вавжинчик, в то время доля России в торговле с Польшей и Литвой составляла от 30 до 50% общей стоимости товаров⁹. Из Кракова на Русь привозили медь¹⁰. Не менее известны на Руси были также «седла лядские»¹¹.

Постепенно налаживались и культурные связи. Из Великого княжества Литовского выехал известный писатель-публицист И. С. Пересветов. В отряде Федора Сапеги он участвовал в войне за венгерскую корону (около 1528—1532 гг.), а позднее (в 1522—1534 гг.) сражался в отряде сандомирского воеводы А. Тенчинского. В 1534 г. Пересветов появился уже в Москве. В середине XVI в. в Москве жило несколько протестантов польско-литовского происхождения. Так, вольнодумец Матвей Башкин якобы «злое учение перенял... от Литвы», от аптекаря Матюшки и

⁷ И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 22.

⁸ ПСРЛ, т. 8. СПб., 1859, стр. 290; т. 13, полов. 1-я, стр. 87.

⁹ A. W a w j u ŋ c z y k. Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosją w XVI wieku. Warszawa, 1956, str. 121.

¹⁰ Там же, стр. 91.

¹¹ РИБ, т. 32, полов. 1-я, стр. 186.

Андрюшки Хотеева¹². С Матиасом Ляхом о новых иконах Благовещенского собора спорил И. М. Висковатый¹³.

С упрочением русско-польских связей в первой половине XVI в. и следует связывать переезд в Россию Размысла Петрова.

О деятельности этого выдающегося строителя несколько лет назад было опубликовано еще одно интересное сведение. Оказывается, что он был строителем Вологодского кремля и был казнен Иваном IV. Описывая полуразвалившиеся стены Вологодского кремля, Штаден сообщал, что «их строитель был казнен, хотя он взорвал Казань; его звали господин Азмус (Herr Asmus)»¹⁴.

Вологодскую крепость начали строить еще осенью 1565 г.¹⁵ По «Вологодскому летописцу», приготвление к ее строительству началось еще в 1564—1565 гг., а основание ее заложено на следующий год¹⁶. Уже летом 1566 г. английский дипломат Антоний Дженкинсон сообщал, что по распоряжению царя в Вологде строится Кремль величиной в 2400 саженьей. Кремль был не достроен¹⁷. Сохранившиеся к 20-м годам XVII в. остатки каменного Кремля имели около 330 саженьей в длину, а в деревянном остроге — 955 саженьей. В 1568—1570 гг. в Вологде также построили большой Софийский собор по образцу московского Успенского.

По мысли Ивана Грозного, опричная Вологда должна была быть явным противовесом крамольному Новгороду с его Софийским архиерейским домом. Местные предания гласят, что царь чуть ли не собирался Вологду сделать новой столицей государства.

¹² ПСРЛ, т. 13, полов. 1-я, стр. 232.

¹³ «Чтения ОИДР», 1858, т. II, стр. 32. Подробнее см.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 170.

¹⁴ «In dieser Stadt ist die Mauer des steinernen Gebäudes, die 6 Klatter dick ist, gesunken und geborsten. Es wird auch im Laufe der Zeit einstürzen. Der Mauermeister ist darum auch hingerrichtet worden, obwohl er dem Großfürsten Kassanen spreugte, er heiß Herr Asmus» (F. Epstein. Heinrich von Staden. Hamburg, 1964, S. 277—278).

¹⁵ ПСРЛ, т. 13, полов. 2-я, стр. 396.

¹⁶ «Вологодский летописец». Вологда, 1874, стр. 23. По М. Н. Тихомирову, рвы для Кремля вырыты в 1565 г., а закладка стен произошла в 1567 г. (М. Н. Тихомиров. Россия в XVI в. М., 1962, стр. 243).

¹⁷ И. Х. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865, стр. 72.

Грозный придавал большое значение строительству на Вологде. Здесь он сам бывал неоднократно во время осенней поездки 1565 г. по русским городам, затем в феврале 1567 г. Иван IV с сыном специально «поехаша на Вологду досматривати градсково основания на Вологде и всякого своего царского на Вологде строения»¹⁸. Летом 1569 г. Иван IV снова был на Вологде¹⁹. Возможно, некоторое время Грозный побывал на Вологде и в 1571 г., когда Москву сжег Девлет Гирей²⁰.

За свою выдающуюся деятельность Размысл был награжден. Он получил в Коломенском уезде поместье, которое к 1577—1578 гг. уже числилось за другим: «За Карпом за Ивановым сыном Жеребятичева, а преж того поместье было за Розмыслом за Петровым сыном: село Очкасово-Коромышева на р. на Москве»²¹. Всего в поместье было 175 четей в одном поле, или 262,5 десятины в трех полях. Судя по названию села, оно было получено Размыслом после 1566 г., когда был казнен И. М. Карамышев — один из участников Земского собора, протестовавших против опричных казней²².

Царская милость в годы опричнины была чревата опасностью. Так произошло и на этот раз. Размысл Петров был казнен, очевидно, в связи с недовольством царя ходом строительства на Вологде. Это произошло до 1576 г., когда Россию покинул Штаден, скорее всего — еще до 1572 г., т. е. до отмены опричнины.

Ключом к поискам причин гибели Размысла может служить одно местное вологодское предание. Однажды Грозный вошел в строившийся Софийский храм, и ему случайно на голову упал сверху какой-то обломок. Этого было достаточно, чтобы царь сразу же решил храм разорить. Но в конце концов дело окончилось тем, что он просто покинул Вологду,

¹⁸ ПСРЛ, т. 13, полов. 2-я, стр. 407.

¹⁹ «Вологодский летописец», стр. 24; «Пискаревский летописец». — «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 78; П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», т. III. М.—Л., 1940, № 36.

²⁰ Вологодский летописец сообщает, что царь тогда, находясь на Вологде, «помышляше в поморския страны» («Вологодский летописец», стр. 74—75).

²¹ «Писцовые книги Московского государства», ч. 1, отд. 1. СПб., 1872, стр. 485.

²² А. А. Зимин. Опричина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 206.

оставив недостроенными и храм, и крепость²³. Судя по «Вологодскому летописцу», Софийский собор «делаша... два года»²⁴. Следовательно, строительство оборвалось где-то в 1570 г., т. е. как раз в том году, когда Москва была свидетельницей страшных казней участников «новгородского заговора». Возможно, в связи с этим и находилась гибель одного из создателей вологодских укреплений, Размысла Петрова²⁵. Само строительство Вологды замерло из-за морового поветрия, опустошившего город в 1571 г.²⁶

В литературе иногда встречается мнение, что «размысл» — смысленный человек²⁷. Однако это просто неудачное толкование прозвища участника взятия Казани. Ни в одном источнике «размысл» как нарицательное имя не упоминается. Заметим, что в писцовой книге записан «Размысл Петров», т. е. «Размысл» — имя-прозвище (Петров — отчество), а не простое указание на его род занятий. Сохранилось известие под 1601 г. о некоем полочанине Андрее Размысловиче²⁸. Возможно, речь идет о сыне Размысла Петрова.

Таковы дошедшие до нас сведения о литвине Размысле Петрове. Имя этого видного строителя должно занять свое место в истории военно-инженерного и строительного искусства.

²³ «Вологодский летописец», стр. 23—24; Н. Суворов. Описание Вологодского кафедрального собора. М., 1863, стр. 4—5. В народе сложена песня на темы этого предания (Г. К. Лукомский. Вологда в ее старине. СПб., 1914, стр. 28—29).

²⁴ «Вологодский летописец», стр. 24.

²⁵ По синодикам Ивана Грозного, на Вологде убит новгородский помещик Петр Андреевич Кропоткин (С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 401).

²⁶ В «Вологодском летописце» говорится, что «того же году был на Вологде мор велик... и тогда Вологда града строение преста». Всего Грозный «был на Вологде три лета и пять месяцев» (стр. 25).

²⁷ В. Даль трактует слово «размысл» как «военный инженер», только со ссылкой на Никоновскую летопись (В. Даль. Толковый словарь, т. IV, СПб. — М., 1882, стр. 37). Слово «размысл» в древней Руси означало «ум», «размышление», «мысль» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стр. 44—48).

²⁸ «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси», т. I. Вильна, 1867, стр. 222; Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, стр. 720.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ГДАНЬСКОМ (ДАНЦИГОМ) В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве имеется небольшое собрание документов «Сношения с Гданьском», сохранившихся (за отдельные годы) с 1697 по 1719 г.¹ Несколько документов этого фонда опубликовано². В материалах документов фонда содержатся дополнительные сведения из истории Северной войны, открывающие, в частности, интересные страницы сложных военно-политических взаимоотношений России с важным портом на юге Балтики — Гданьском. Этот город принадлежал Польше, но благодаря широким привилегиям он осуществлял фактически самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Гданьск, как крупнейший политический и торговый порт Балтийского побережья, где в начале XVIII в. столкнулись экономические и политические интересы многих европейских держав, неоднократно оказывался во время Северной войны в самом центре борьбы и дипломатических переговоров со стороны России, Польши, Англии, Швеции и Пруссии. В этот период положение Гданьска было трудным и незавидным: город постоянно подвергался различным контрибуциям, постоям, конфискациям кораблей и т. п. Междоусобная война в Польше, осложненная вмешательством иностранных держав, вызывала упадок города.

Отношение гданьского магистрата к России определялось нежеланием гданьского купечества считаться с укреплением России на берегах Балтики. Острая конкурентная борьба европейских держав в то время позволила Гданьску упорно отстаивать свои экономические интересы, сохранять старые позиции в южной части Балтийского побережья. Первыми дипломатическими актами, определившими отношение России и Гданьска накануне Северной войны, являются благодарственная грамота Петра I за признание гданьским магистром Августа II польским королем от 3 сентября 1697 г. и ответ-

¹ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 2.

² «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2. М., 1964, № 4330, 4761, 4939—4941.

ная грамота Гданьска от 23 декабря того же года³. Документы 1710—1712 г. касаются характера русско-гданьских отношений в переломный период войны.

В то время русско-гданьские отношения характеризовались в большой степени политическими интересами, они развивались в тесной связи с общей международной обстановкой в Европе и военными действиями в Северной войне. Политические отношения России с Гданьском в продолжение всей Северной войны были натянутыми и нередко враждебными. Петр I все время стремился заставить город не только придерживаться нейтралитета, но и принять активное участие в войне на стороне Польши и России против Швеции.

Переход Гданьска на сторону Станислава Лещинского, военная и денежная помощь Швеции вызывали протесты русского правительства. После 1709 г. они становятся более конкретными и требовательными. Гданьск с момента вступления русских войск в Польшу и перенесения военных действий в Померанию и далее в Швецию становится центром коммуникаций на юге Балтийского моря. Об этом можно судить, в частности, на основании верительных грамот, выданных за подписью Петра I Гданьску.

Верительная грамота Гданьску и инструкция действительному тайному советнику князю Г. Ф. Долгорукому от 23 ноября 1710 г. относительно уплаты контрибуции 300 тыс. ефимков явились подтверждением требований, изложенных в сентябре 1709 г. в Мариенвердере (Мальборке). Одновременно на случай отказа магистрата удовлетворить эти требования был послан указ в Эльбинг бригадирам П. И. Яковлеву и Ф. И. Балку выступить с частью войск, назначенных в Данию, к Гданьску «и всяко устрашать, а буде невозможно обойтита, и бомбардировать дондеже тот город»⁴.

Однако в связи с начинавшейся войной с Турцией Долгорукий был вскоре отозван, а вместо него был назначен генерал-лейтенант Я. В. Брюс. В инструкции от 3 января 1711 г. ему указывалось: «Совершенно того города не бомбардировать, разве что для постраху кинуть некоторое малое число бомб»⁵. Брюсу вменялось также требовать от жителей

Гданьска половину суммы контрибуции взаймы с уплатой долга после войны; срок уплаты контрибуции растягивался до двух—четырёх месяцев. Петр I подчеркивал, что взыскиваемая сумма пойдет на нужды войны, в помощь союзной Дании, поскольку королю «из своей казны для собственных изживений оному вспомочь и денег перевести через невозможно, а особливо при нынешней начинающейся войне с Турцией».

В феврале 1711 г. Брюс прибыл в Гданьск. Гданьский магистрат отказался уплатить контрибуцию⁶. В сентябре Брюс должен был покинуть Гданьск и отправиться в Померанию. В декабре того же года он получил новое назначение в Гданьск, но задержался на некоторое время в Мемеле (Клайпеде) и Эльбинге (Эльблонге). Брюс пробыл в Гданьске март и апрель 1712 г. Он настойчиво добивался от гданьского магистрата исполнения требования Петра I. Уполномоченные Брюса имели несколько бесед с президентом и депутатами Гданьска, «дабы открыть естли их намерения, что ни есть дать, понеже из их комплиментов и отговорок прямого их намерения не можем дознаться». В одном из своих писем Брюс, выражая недовольство по поводу нерешительных действий в отношении Гданьска, писал: «Ежели ныне намерения нет их бомбардировать, то не для чего посылать к ним, понеже довольное число воинов царского величества и артиллерия, которые им вред зело учинить возможно». Обсуждение требований Петра I проходило на совещании 100 гданьских старшин, которые затем через депутатов объявили свое твердое решение, что из-за «нужды и скудости» Гданьск не имеет намерения платить требуемую сумму.

Из писем Брюса мы узнаем, что давало Гданьску основание с такой смелостью и упорством отстаивать свои интересы, почему, несмотря на угрозы и дальнейшее снижение требуемой суммы до 100 тыс. талеров, магистрат не пошел на соглашение с русским генералом. Брюс сообщал, что магистрат получил собственноручное письмо Августа II, которое обнадеживало гданьских жителей в его непосредственной помощи и заступничестве на случай более энергичных действий русского царя. Надежда на поддержку польского короля была причиной того, что бургомистры и стар-

³ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1697 г., д. 1, 2.

⁴ Там же, 1710 г., д. без номера. Эта грамота упоминается в кн.: И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. 4. М., 1837, стр. 406, 407, 496—499.

⁵ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1711 г., д. 1, док. 1, 2.

⁶ Там же, док. 4, 7.

шины города «не имеют никакого страха, чтоб им что за оное учинилось». Уже по отправлении Брюса в Гданьск были получены известия от уполномоченных, что разносятся слухи в городе, что король прусский подговаривает магистрат не платить контрибуцию и обещает свою помощь. Брюс в разговоре с прусским советником говорил, «что тамо обносилось в простом народе, что его королевское величество прусский будто обещал в нужное время гданчанам войсками своими вспоможение учинить, ежели да токо есть, то его царскому величеству оное не бес противности будет». На вопрос прусского советника: «Оные ратные бездельные речи произошли от кого?» — Брюс отвечал, что о том говорит весь Гданьск, особенно в «кофейных домах, где больше еще того могут посказати»⁷. Эти данные характеризуют существовавший тогда интерес европейских держав, в том числе союзников Петра I, к гданьскому вопросу.

В числе документов фонда 367 важное место занимают Конвенция от 27 октября 1713 г., заключенная между Россией и Гданьском в Мариенвердере относительно уплаты городом 300 тыс. прусских гульденов русскому царю и дозволения его жителям свободно торговать в России и во вновь приобретенных шведских областях⁸, а также копия грамоты Петра I гданьскому магистрату от 11 декабря 1713 г. о предании забвению всех недружелюбных действий города⁹ и копия ратификационной грамоты на Конвенцию от 30 апреля 1714 г.¹⁰ Конвенция 1713 г. была заключена только после переговоров с Гданьском генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова, который прибыл в Мариенвердер с большим войском, чтобы, наконец, закончить затянувшееся дело об удовлетворении требований Петра I.

Бесспорный интерес представляет документ от июля 1714 г. под названием: «Перевод с пасквильного письма из Гданска в Амстердам о жалобах шведов как на Польшу, помогающую ее неприятелям, так и на Голландию, посылающую свои корабли на помощь россиянам, коих не токмо советуют учить мореплаванию и комерции, но не посылать

⁷ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1711 г., д. 1, док. 6, 7.

⁸ Там же, оп. 2, 1713 г., д. 4. Текст этой конвенции см.: Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 5. СПб., 1880, стр. 109—110.

⁹ ЦГАДА, ф. 367, оп. 2, 1713 г., д. 3.

¹⁰ Там же, оп. 1, 1714 г., д. 4.

туда товаров и разных военных припасов, также не допускать строить гаваней»¹¹. Пасквиль составлен в форме письма одного друга из Гданьска к другому в Амстердам. Это письмо явилось своеобразным откликом растерянного противника на новые успехи России и укрепление ее связей с Голландией и Польшей. Автор письма пишет с гневом: «Царское славолюбие распространяется не только в приращении государства его, но и также в том, чтоб укрепить владычество свое над Балтийским морем; для имени пристанищ на том море начал он самую несправедливую войну против Швеции; а ради удержания таковых пристанищ ту ж войну он продолжает». Известно, что в борьбе против России Швеция применяла самые различные методы, в том числе распространение вредных слухов, пасквильных писем и прокламаций¹². В большей своей части они исходили из Гданьска. При известном отношении гданьского магистрата к России и симпатиях к Швеции не исключена возможность его непосредственного участия или прямого попустительства к печатанию враждебных России пасквилей и прокламаций. Возможно, что настоящее пасквильное письмо 1714 г. является одним из серии подобных писем, напечатанных славянским шрифтом в захваченной шведами близ Гданьска типографии; можно указать, например, на соответствующий указ Петра I и постановление русского правительства от 1708 г.¹³

От мая 1715 г. сохранилось несколько паспортов, перенятых русскими у гданьских шкиперов и купцов, отправленных с железом из Стокгольма в Гданьск¹⁴, который все это время не прекращал торговли со Швецией, открыто нарушая нейтралитет в Северной войне.

Документы 1716 г. отражают события, связанные с пребыванием Петра I в феврале—апреле того же года в Гданьске, когда город служил главной квартирой русских сухопутных войск фельдмаршала Шереметева, предназначенных для действий против Швеции. В росписи поставленных на квартиры в Гданьске и Вердере русских полков указывается, что еще с 1715 г. в этих городах было распо-

¹¹ Там же, оп. 1, 1714 г., д. 2, лл. 1—36.

¹² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. М., 1862, стр. 177.

¹³ ПСЗ, т. IV. СПб., 1830, № 2188.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1715 г., д. 1.

ложено 6210 человек¹⁵. Декларация Петра I, подписанная им 17 апреля в Гданьске, с предъявлением ряда требований магистрату, в случае неисполнения которых Гданьск объявляется неприятельским городом¹⁶, затем декларация от 29 апреля гр. Шереметева и кн. Долгорукова об объявлении Гданьска неприятельским городом за враждебные поступки против России и согласие со шведами¹⁷⁻¹⁸ и ответные декларации от 27 апреля и 9 мая гданьского магистрата¹⁹ характеризуют резкое осложнение в то время русско-гданьских отношений. Первая декларация является ультимативным подтверждением требований Петра I, предъявленных Гданьску 28 февраля²⁰, вскоре по приезде русского царя в город в связи с нарушением последним условий конвенции 1713 г. Декларация Петра I от 17 апреля состоит из требований: 1) прекратить всю коммерцию и корреспонденцию со Швецией до окончания войны; 2) содержать четыре капера, каждый из которых должен иметь 12 пушек и 40 человек; 3) послать на эти каперы русских офицеров и нескольких матросов или заплатить 200 тыс. ефимков и снабжать прибывающие в город русские каперы провиантом и всем необходимым; 4) предоставить два или три транспортных судна, если такие понадобятся русским войскам, чтобы перевести амуницию из Гданьска в Копенгаген. В случае неисполнения положенных требований Петр I угрожал употребить силу. Предполагаемая высадка десанта в Швецию требовала напряжения всех сил и ресурсов союзных стран, а гданьские военные и транспортные суда могли бы послужить важным подспорьем для этого предприятия. Петр I категорически требовал выступления Гданьска, как города, принадлежащего Речи Посполитой, на стороне союзников. В ответ на это Гданьск занял враждебную позицию и 27 апреля дал резко отрицательный ответ. Кроме того, он обратился за помощью к Англии и Голландии²¹, начал готовиться к защите. В последующей декларации России от

¹⁵ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1716 г., д. 1, док. 3.

¹⁶ Там же, оп. 2, 1716 г., д. 5.

¹⁷⁻¹⁸ Там же, д. 6.

¹⁹ Там же, оп. 1, 1716 г., д. 1, док. 6; оп. 2, 1716 г., д. 7.

²⁰ И. И. Голиков. Указ. соч., т. 6. М., 1837, стр. 98. Контрибуция была уплачена Гданьском.

²¹ А. Г. Брикнер. История Петра Великого, т. IV. СПб., 1882, стр. 511.

29 апреля Гданьск объявлялся неприятельским городом. Указывалось, что Гданьск, будучи частью Речи Посполитой, не участвует в войне со Швецией и против интересов Северного союза оказывает шведам «всякое вспоможение». Декларация 29 апреля была вручена городским властям накануне возвращения Петра из Королевца (Кенигсберга), куда он отбыл еще 18 апреля для встречи с Ревельской эскадрой²². С появлением русского флота в гданьской гавани городской магистрат согласился удовлетворить требования России, оговорив при этом, что «ежели б какой-нибудь ущерб случился, то за оные собственными такими кораблями вознаградить». В первом пункте ответной декларации гданьского магистрата разрешалось содержать в городе для соблюдения интересов России русского агента или комиссара, как это дозволялось другим иностранным государствам.

Рассмотрение отношений России с Гданьском в тот период расширено возможностью привлечения и другого рода документов, как, например, писем и мемориалов города к Петру I. Во время пребывания Петра I в Гданьске городское купечество постоянно направляло к царю своих депутатов с представлениями и письмами по поводу своих нужд, в том числе об освобождении от постоев и налогов, которые взимались помимо поставки провианта для русского войска²³. Гданьский магистрат неоднократно просил также не задерживать их корабли, возвращавшиеся из Швеции, и даже позволить свободную торговлю²⁴.

В связи с действиями русских войск летом 1716 г. по высадке десанта в Швеции отметим письмо канцлера Г. И. Головкина, которое было написано в июле бургомистру и советникам Гданьска, с сообщением об отправлении к ним русского фрегата за оставшейся в городе амуницией и провиантом. В этом письме канцлер просит гданьский магистрат в соответствии с известным соглашением Петра I с Гданьском дать также в помощь свои корабли. Он писал: «С вышеупомянутым фрегатом дали б под те припасы и провиант для транспорту в Копенгаген столько судов, в которые бы то, что в тот фрегат нагружено быть не может, нарузить»²⁵.

²² И. И. Голиков. Указ. соч., т. 6, стр. 114.

²³ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1716 г., д. 1, док. 1, 2, 4, 5, 7.

²⁴ Там же, д. 5.

²⁵ Там же, д. 2.

С последними документами собрания тесно связана заключенная между Россией и Гданьском конвенция 19 (30) сентября 1717 г.²⁶ Эта конвенция явилась закреплением достигнутых соглашений и прежде всего относительно установления русского агентства в Гданьске и участия города в войне на стороне Северного союза. Она была результатом предварительных переговоров генерал-поручика В. В. Долгорукова, начатых еще в июне 1717 г. с энергичных представлений Гданьску относительно исполнения ультиматума Петра I от 17 апреля 1716 г.²⁷ Конвенция 1717 г. была подписана со стороны России В. В. Долгоруковым.

Особый интерес представляет сохранившаяся переписка одних из первых представителей русского агентства в Гданьске — Л. Ланчинского и Г. Эрдмана, а также переписка с русским правительством и гданьским магистратом в 1717—1719 гг. генерала А. И. Репнина и капитан-поручика Н. П. Вильбоа, действующих в то время в Речи Посполитой. Эта переписка касается характера деятельности русских агентов в Гданьске и одновременно дальнейшего развития русско-гданьских отношений. С помощью ее восстанавливается следующая связь событий тех лет. В соответствии с полномочиями русского агентства в Гданьске была составлена и первая инструкция Долгорукова секретарю Ланчинскому от 30 сентября, по которой ему вменялось в обязанность наблюдать за исполнением конвенции 1717 г. не только со стороны Гданьска, но и со стороны русских войск, курьеров, посыльных, чтобы они «Конвенции его царского величества с городом Гданьском, заключенной и ратифицированной, не нарушали, в которой положено, чтоб ничего в гданьских землях не брать, а буде кто того не послушает, то ему секретарю сослать их силою, кто бы ни был»²⁸. Но политика Гданьска оставалась прежней, он воздерживался от выполнения конвенции и продолжал оживленную торговлю со Швецией, изыскивая новые, обходные пути. Гданьск широко пользовался активными торговыми связями Пруссии со Швецией для приобретения шведских товаров.

²⁶ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1717 г., д. 3, 7. Текст этой конвенции см.: Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. 5, стр. 171—177.

²⁷ ЦГАДА, ф. 367, оп. 2, 1717 г., д. 2, док. 1.

²⁸ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1717 г., д. 3, док. 1. В собрании находятся письма русского агента в Гданьске П. Готовцева. Они написаны крайне неразборчиво (там же, 1714 г., д. 1).

Ланчинский неоднократно сообщал о прибытии все новых и новых партий железа из Швеции в Королевец и Пилау, откуда они переправлялись в Гданьск. Так, 1 ноября 1717 г. он писал: «Пред четырьмя днями еще пришло сюды 2 шмака з железом и известью, и понеже может быть здешнее купечество, усмотря мое молчание, отважило себя швецкие товары в Пилаве из неприятельских судов перегрузя прямо сюды возит под притвором будто из Королевца идут». По прибытии этих кораблей Ланчинский отправил письмо гданьскому вице-президенту фон Бемелю с представлением о нарушении конвенции, где он требовал задержать корабли со шведским товаром, арестовать и допросить под присягой шкиперов Ф. Берга и Як. Блюма, наказать купцов Эхмана и Сведка, которым были привезены эти товары. В конце своего представления Ланчинский рекомендовал магистрату опубликовать «жестокий, подробный указ, запрещающий всем бюргерам и жителям торговать и корреспондовать со Швецией, тако ж де и привозить товары из той неприятельской земли сюды... , каким бы способом сие не было, которья купеческая острога изобресть бы могла»²⁹. Городской секретарь от имени магистрата обещал немедленно исполнить требуемое, затем последовал письменный ответ с извещением об удовлетворении этих требований; кроме того, магистрат принял резолюцию: «Что естли которой купец противу конвенции торговать будет и тем наведет на город Гданск такую тягость и претензию... , то всего имения движимого и недвижимого лишится, буде же его имение к тому недозволено, то в тюрьму на вечное житье брошен будет». Вместе с тем магистрат объявлял, что в случае необходимости Гданьск будет продолжать торговлю с Королевцем как городом союзной Петру I державы; это обеспокоило Ланчинского, который заметил, что «здешния будут всегда извиняться, мы-де со Швецией не торгуем, но с Королевцем»³⁰. В своих сообщениях Петру I русский агент просил прислать инструкцию, «как поступать впредь», когда гданьские купцы привезут новые шведские товары из прусских городов, чтобы не осложнить отношения с Пруссией. Тем временем с наступлением зимы и закрытием гданьской гавани торговля со Швецией не только не прекратилась, но и расширилась,

²⁹ Там же, 1717 г., д. 4, док. 13.

³⁰ Там же, док. 1, 6.

в том числе увеличился вывоз гданьского хлеба. Ланчинский сообщал в ноябре: «Великому быть суды привозу железа и иных шведских товаров из помянутого города зимним путем»³¹. Что касается представлений Ланчинского относительно исполнения другой части конвенции, гданьский магистрат обещал в скором времени внести первую сумму денег, а задержку вооружения каперов объяснил тем, что ожидает согласия на это польского короля и сейма³². В январе 1718 г. Ланчинский был отозван, и на его место 7 февраля прибыл Г. Эрдман с инструкцией, определяющей его обязанности: «Имеете по всякой почте в канцелярию посольскую писать о всех случаях, которые тамо в конвенции и инструкции Ланчинского положены». Вопрос о вооружении гданьских каперов продолжает беспокоить Петра I, и он вменяет в обязанность Эрдману объявить магистрату, что в случае невыполнения конвенции и особенно пунктов, касающихся вооружения каперов, будет применена сила, для чего в землях Речи Посполитой оставлен генерал Репнин с дивизией. В течение трех месяцев Эрдман тщетно добивался положительной резолюции. Ответ был получен в апреле. В нем магистрат заявил, что город не смог внести в срок первой части назначенной суммы, потому что не нашлось достаточного количества ефимков, а относительно вооружения каперов он определенно ответить ничего не может, так как еще ждет решения польского короля и сейма³³. После этого, 21 апреля генерал Репнин по приказу Петра I выступил по направлению к Гданьску. Это заставило Гданьск направить к Петру I в Ревель своего уполномоченного К. Бонгорста и просить о милости³⁴; в ноябре Гданьск заплатил часть требуемой суммы в серебре; в январе следующего года в связи с настоятельными просьбами Августа II Репнин покинул предместья Гданьска.

Еще в 1717 г. по приказу Петра I в гданьский порт был отправлен капитан-поручик Н. П. Вильбоа с флотилией. Он имел инструкцию наблюдать за движением гданьских кораблей в Швецию и обо всех нарушениях сообщать посольскому секретарю Ланчинскому³⁵. И Вильбоа строго придерживался этой инструкции, чем вызвал большое недовольство

гданьского магистрата. Направленный в 1718 г. в Петербург гданьский секретарь Бонгорст усиленно просил Петра I дать указ капитану Вильбоа, чтобы он не нарушал 5-го пункта конвенции, так как «жестоким осмотрением кораблей, уже и без того разоренных, торгу более и более воспрепятствует»³⁶. В конце 1718 г. Вильбоа покинул Гданьск. Но в 1719 г., когда по вступлении русского галерного флота в шведские шхеры были захвачены гданьские корабли, Вильбоа вторично был направлен в гданьский порт и крейсировал там вплоть до 1720 г. Петр I писал тогда Эрдману в Гданьск: «Взяты от наших военных кораблей суды гданские, идущие в Швецию с разными товарами, а больше с хлебом и солью, а также с амуницией и на вооружение флота потребными припасами, что неприятелю нашему ко усилению и продолжению войны против нас». И Эрдман получил приказ передать магистрату, что взятые корабли конфискуются, а люди объявляются военнопленными, в случае же дальнейшего нарушения конвенции захваченных людей будут считать каторжниками³⁷. Борьба Вильбоа против контрабандной торговли Гданьска со Швецией была упорной, с острыми конфликтами. Так, летом 1719 г. на гданьском рейде произошло сражение между русским фрегатом и двумя шведскими судами, прибывшими в Гданьск за продовольствием, в котором Швеция в это время испытывала большую нужду. Только после получения предупредительной грамоты Петра I от 30 октября гданьский магистрат вынужден был поступиться своими интересами, пресечь отпуск хлеба и встать на сторону Вильбоа³⁸. Таким образом, в течение всей Северной войны Петр I, несмотря на позицию европейских держав, не отказывался от надежды рассматривать Гданьск как город-союзник, который должен нести соответственно этому обязанности и помогать России.

³⁶ Там же, 1719 г., д. 8.

³⁷ Там же, д. 1, 2.

³⁸ Там же, д. 10.

³¹ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1717 г., док. 2, 4, 7, 8.

³² Там же, д. 3, док. 3.

³³ Там же, 1718 г., д. 5, док. 1, 2, 3.

³⁴ Там же, д. 7.

³⁵ Там же, 1717 г., д. 3, док. 2.

МИССИЯ А. И. ОСТЕРМАНА В ШВЕДИЮ В 1719 г.

Международная ситуация в конце Северной войны охарактеризована в общих чертах в ряде исторических исследований.

Но существует аспект проблемы, связанный с попытками России выйти из войны на основе программы, выработанной лично Петром I, которая донныне еще недостаточно изучена.

Решение военных задач, поставленных в Северной войне руководящими политическими деятелями России во главе с Петром I, выдвинуло к 1718 г. новую задачу — добиться выхода из войны и удержания территорий, которые обеспечивали бы существование Русского государства как морской державы и безопасность новой его столицы — Петербурга. С этим связана поездка А. И. Остермана в Стокгольм. Освещение этого эпизода и составляет содержание настоящей статьи.

Противодействие западных держав оказалось серьезным препятствием для успеха двустороннего конгресса русских и шведских представителей, собравшихся в мае 1718 г. на острове Лефе Аландского архипелага и в течение полутора лет бесплодно обсуждавших перспективы и условия мирного договора. За стенами конгресса энергично действовали сторонники завершения Северной войны на основе программы, решительно противостоявшей требованиям, которые выдвигались Россией. Английская дипломатия добивалась лишения России значительной части ее завоеваний в Прибалтике и передачи шведских Бремена и Вердена на Везере Ганноверу, находившемуся в личной унии с английским королевством¹.

Играя на отходе от России ее союзников, Дании и Ганновера, испугавшихся усиления ее влияния, шведский представитель на Аланде Герц составил проект русско-шведского союза, который должен был вернуть Швеции утраченное ею положение в Северной Европе. За уступку России Лифляндии и Эстляндии, но не Выборга, без которого русская дипломатия считала Петербург не в безопасности, Герц тре-

бовал эквивалента из датских владений, не достижимого без русской военной помощи, а также сохранения за Швецией Бремена и Вердена.

Русский представитель на конгрессе Остерман не сразу оценил эту попытку Швеции втянуть Россию в новую войну с ее бывшими союзниками, хотя он и писал в Петербург, что «их шведское намерение весьма не туды клонитца, куды мы чаяли». Куда клонились шведские планы, видно из записки Герца, в которой он предлагал заключение союза между Россией и Швецией на следующих условиях: так определить сухопутные границы Финляндии, чтобы Швеция «с земской стороны ничего так легко опасатца не имела», потому что занятая Россией часть Финляндии, которая возвращалась Швеции, оказывалась с моря «весма заключена»; осуществить союз двух договаривающихся государств, а если бы Англия стала чинить препятствия предлагаемому плану, то сопротивляться ей соединенными силами; добиться соглашения с прусским королем, уступив ему Штеттин, за что Швеции передать Эльбинг. В этой же записке предлагалось дать Швеции компенсацию за счет Дании: «От Дании совершенная сатисфакция соединенными силами отыскана быть имеет»; найти эквивалент для союзника России — герцога Мекленбург-Шверинского, за который бы он уступил Швеции свое герцогство. Предполагался обмен Мекленбург-Шверина на Курляндию. Последнее условие мотивировалось тем, что, когда Швеция «с королем аглинским розделаетца», она сохранит на континенте только Померанию, что не может обеспечить ее безопасность и «весьма недоволено есть по той стороне моря фигуру какую делать». Проект Герца предусматривал возвращение Швеции Бременского и Верденского герцогств².

Не останавливаясь на этом авантюрном проекте, скажем только, что тайная цель его заключалась в том, чтобы вовлечь Россию в войну с Данией и Англией, которая бесспорно оказала бы Дании энергичную поддержку на море; при этом единственной союзницей России оказалась бы ею же побежденная и разоренная войной Швеция. Таков был проект Герца, задуманный в условиях, когда тройственный англо-франко-голландский союз превращался в четверной с привлечением в него Австрии и с признанием прав Ганно-

² Там же, ф. Дела Аландского конгресса, 1718 г., д. 6, лл. 428—432, 510, 516.

¹ ЦГАДА, ф. 50 (Сношения России с Голландией), 1718 г., д. 5, лл. 176—178, 261—267.

вера на Бремен и Верден. Последнее шло вразрез с русской программой присоединения Прибалтики, так как при сохранении Россией ее завоеваний и при уступке Бремена и Вердена Ганноверу, а Штеттина — Пруссии Швеция лишилась бы почти всех своих континентальных владений. Расхождение Петра I с его союзниками, кроме Пруссии, грозило в случае принятия изложенного проекта привести к открытой войне с ними с единственной целью обеспечения за Россией территорий, уже прочно ею занятых.

В этот момент Остерман, вообще человек дальновидный, не понял ситуации и, недооценивая опасностей, сопряженных с проектом Герца, в первую очередь неизбежную полную военную и дипломатическую изоляцию России, кажется, склонялся в пользу предложенного плана.

Между тем в начале января 1719 г. в Вене был подписан подготовленный в Лондоне договор императора Карла VI, Георга I как ганноверского курфюрста и Августа II в качестве саксонского курфюрста, предназначенный служить заслоном от русской и прусской экспансии, угрожавшей будто бы Польше. Договаривающиеся стороны обязались взаимно оказывать помощь друг другу в случае нападения на них и препятствовать вмешательству Пруссии и России в пользу мекленбургского герцога, против которого готовилась имперская экзекуция, порученная Ганноверу³.

В самом конце октября 1718 г., видя бесконечное сознательное затягивание шведами переговоров на конгрессе, чтобы добиться тем временем соглашения с бывшими союзниками России, Остерман предлагал в личном письме Шафирову завершить переговоры, минуя конгресс.

По-видимому, отказ Остермана от плана Герца, одно время привлекавшего его, произошел не без влияния донесения русского посла в Гааге Б. И. Куракина от 7 октября, которое, как можно предполагать, стало известно Остерману. Критическое отношение опытного в западноевропейских делах Куракина к проекту русско-шведского союза вызвало и у Остермана охлаждение к перспективе совместной со Швецией войны за ее имперские владения. Куракин считал, что сближение со Швецией и заключение с ней военного и политического союзов ценой охлаждения отношений с за-

³ W. Michael. Ein schwieriger diplomatischer Fall aus dem Jahre 1719. — «Historische Zeitschrift», 1902, Bd. 88, Neue Folge, S. 66—68.

падными державами и прямой вражды с ними не соответствуют русским интересам и прямо опасно для России. По мнению Куракина, Россия была заинтересована в дружбе с государствами, способными вместе с ней держать Швецию в узде. Поэтому он считал вредным весь обсуждавшийся на Алаиде проект, угрожавший изолировать Россию в Западной и Центральной Европе и втянуть ее в новый длительный военный конфликт по существу без союзников⁴.

Самостоятельно ли или под влиянием гораздо более опытного Куракина Остерман уже в конце 1718 г. пришел к выводу о бесперспективности конгресса и о желательности решать вопрос об условиях мира за его пределами, но все же в двухстороннем порядке.

Когда в конце 1718 г. умер Карл XII, а затем в Швеции был судим и казнен пользовавшийся его доверием Герц, перспективы заключения русско-шведского мирного договора еще более ухудшились: в Стокгольме усилилось английское влияние, и против русской программы мира решительно выдвинулась английская, предусматривавшая возвращение Швеции завоеванных Россией провинций и передачу Ганноверу Бремена и Вердена.

Единственный оставшийся верным союзник России — Пруссия, колебавшаяся, впрочем, в своей внешнеполитической ориентации, была преисполнена тревоги. Прусский двор обращался в Петербург с советами, рекомендуя умеренность и посылку русского и прусского дипломатов непосредственно в Стокгольм. В апреле 1719 г. Фридрих-Вильгельм I писал Петру I о безусловной необходимости ускорить заключение мира со Швецией, удовлетворившись умеренными уступками. «В. ц. в. видите сами, что почти все европейские державы объединяются против его и моей возрастающей мощи», — писал король, явно преувеличивая при этом свое значение⁵.

Но уступка Лифляндии и Эстляндии лишила бы Россию коммуникаций не только с Пруссией, но и со всей Западной Европой, а также возможности содержания флота на Балтийском море, так как узкий проход на нем близ Ревеля поставил бы под угрозу русское мореплавание.

⁴ ЦГАДА, ф. 50, 1718 г., д. 5, лл. 374—382. В неполном виде пространная записка Куракина опубликована в «Архиве кн. Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 329—340.

⁵ ЦГАДА, ф. 50, 1719 г., д. 1, лл. 85—88.

Трудно установить, кто первый выдвинул мысль о желательности посылки в обход Аландского конгресса представителя в Стокгольм. Был ли это Остерман или прусский король, неизвестно, потому что даты их писем сами по себе не могут служить здесь доказательством того или иного приоритета. Эта мысль могла иметь хождение на самом конгрессе и за его стенами в дипломатических кругах, и оба корреспондента Петра I только сформулировали ее. Во всяком случае царь отнесся вначале очень неодобрительно к предложениям и предположениям прусского короля и писал ему, что против нежелательного для Пруссии оборота дел в Северной Европе единственное средство — твердость и прочность их союза; посылка же представителей в Стокгольм способна только создать впечатление о слабости России и поднять дух населения Швеции: «... народ противу нас к продолжению войны возбудить». Перенос переговоров в шведскую столицу Петр I считал в этот момент «за самой прямой способ ко уничтожению Аландского конгрессу», к чему стремились противники непосредственного соглашения России со Швецией. Завершал Петр I свои соображения следующим наставлением, обращенным к его единственному напуганному и колеблющемуся союзнику: «И обнадеживаю я в. к. в., что я по прежней моей экспе-риенции никакова другаго пути, кроме твердости, не вижу, чрез которой бы мы резонабельной мир с Швециею получить и то, что мы оба желаем, одержать могли, и ежели б я инако поступал и при многих зело опасных случаях одними угрозами дал себя устрашить, то б я того не достиг, что ныне чрез божию помощь явно»⁶.

Пассивная в войне Пруссия стремилась к активной роли в переговорах, и это беспокоило Остермана, который опасался, что лояльное отношение к ней затруднит для России решение ее собственных задач. Но сохранить этого слабого и нетвердого союзника было необходимо тем более, что Венский договор Австрии, Ганновера и Саксонии, явно направленный против России и Пруссии, крайне осложнял обстановку.

Насколько английскую дипломатию тревожило наличие в Балтийском море русского военного флота, видно из донесения резидента Англии в Петербурге Джеффериса, напи-

⁶ ЦГАДА, ф. 50. 1719 г., д. 1, лл. 89—96.

санного им в конце марта 1719 г. Передавая английскому статс-секретарю по иностранным делам Стенгопу слова Петра I, что два лучших флота в мире — русский и английский, Джефферис писал: «... если уж теперь он ставит свой флот выше голландского или французского, то отчего не предположить, что через несколько лет он признает свой флот равным нашему или даже превосходящим его? Короче, корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю и сделать из них моряков»⁷.

Между тем перемена на шведском троне, на который после смерти Карла XII вступила его сестра Ульрика-Элеонора, и устранение Герца изменили тенденции дипломатического ведомства Швеции только в одном отношении: она отказалась от плана союза с Россией и завершения войны за счет ее союзников, неприемлемого, как мы уже писали, для Петра I, но по-прежнему не решалась закрепить за Россией договорным путем завоеванные ею территории.

В июне 1719 г. Петр I подошел с флотом к Гангуту и вызвал к себе с Аланда Остермана. Антиправительственное выступление в Англии в это время сторонников претендента на престол Якова Стюарта (так называемых якобитов) создавало, впрочем, иллюзорную перспективу ослабления внешнеполитической активности Англии, чем Петр I, недостаточно осведомленный о внутреннем ее положении, решил воспользоваться. Отвергнув в свое время советы прусского короля и Остермана о посылке представителя в Стокгольм, он решил теперь этими советами воспользоваться, хотя пребывание английского посла Картерета в Швеции, где он склонял правящие круги к непримиримой позиции в отношении России, не обещало успеха такому шагу. Царь подписал 10 июля грамоту к шведской королеве; в ней он сообщал о том, что он не возобновит военных действий, рассчитывая на завершение переговоров на конгрессе, но что условия, выдвигаемые на нем шведскими уполномоченными, совершенно неприемлемы. Шведы используют конгресс для отсрочки действий русского флота и для переговоров за спиной России с ее бывшими союзниками. Петр I предлагал Ульрике-Элеоноре заключить с Остерманом прелиминарный до-

⁷ «Сборник РИО», т. 61, стр. 515—516, 536—537.

говор о мире с Россией и Пруссией с последующей ратификацией его на Аланде. Царь писал, что если бы переговоры на Аланде велись без проволочек, «то б никогда такого поступка мы не учинили, но порядочною негоциациею то дело окончать велели»⁸.

Условия будущего мира, сообщаемые через Остермана, сводились к сохранению за Россией завоеванных ею Ингрии, Кексгольма с округом в Карелии, Эстляндии с Ревелем и Выборга с «барьером», как Россия требовала на Аландском конгрессе; но Петр I шел на одну уступку, которая должна была облегчить шведскому правительству заключение мира и сохранение им «лица» перед общественным мнением правящих кругов Швеции: Россия готова была уплатить денежную компенсацию за Лифляндию, либо требовала оставления ее за Россией на 40-летний срок, рассчитывая на изменение международной ситуации к концу этого периода в благоприятную сторону для русской внешней политики.

Пруссия должна была получить Штеттин с округом до реки Пены за денежную компенсацию или на условиях срочной ипотеки, а при последующем возвращении Штеттина Швеции Пруссии предстояло получить за него 4 млн. ефимков, что ввиду тяжелого состояния шведских финансов обеспечивало сохранение Пруссией Штеттина⁹.

Сумма, которую Россия готова была уплатить за Лифляндию, не должна была превышать 2 млн. ефимков; в крайнем случае Остерман мог согласиться на 20-летний срок уступки Лифляндии России, но ни в коем случае не должен был соглашаться на иностранную гарантию возвращения Лифляндии Швеции. Речь могла идти только об отсрочке дискуссии со Швецией по лифляндскому вопросу, а не о перерешении его.

Остерман 12 июля прибыл в Швецию. В беседе с супругом королевы, гессен-кассельским наследным принцем, Остерман убедился в несклонности принца к миру на предложенных условиях¹⁰.

Только 18 июля Остерман получил аудиенцию у королевы Ульрики-Элеоноры. Она спросила Остермана, может ли

⁸ ЦГАДА, ф. 96 (Шведские дела), 1719 г., д. 20, лл. 19—22; Гос. архив, разр. XV, д. 20, лл. 6—7.

⁹ Там же, лл. 23—26.

¹⁰ Здесь и далее по журналу А. И. Остермана. — Там же, лл. 85—118.

он сделать еще какие-либо предложения, на что Остерман ответил отрицательно. Находившиеся тут же гессен-кассельский принц и канцлер Кронгиельм в один голос заявили, что на основе ультимативных требований царя Швеция в переговоры не вступит и что «они никогда себя к миру принуждать не допустят». Королева очень резко говорила о действиях русского флота против шведского побережья, начатых к этому времени, на что Остерман отвечал, что во время войны естественно поступать по-неприятельски, руководствуясь военными соображениями, тем более что на конгрессе шведы не обнаружили стремления к миру. Он не преминул напомнить о жестокости шведской армии, проявленной ею, когда она вступила в русские пределы, о чем «жалостные памяти и ныне явны». На это шведы отвечали «со многими иными чванными словами». Тон этой аудиенции и характер взаимных препирательств, какой приняли на ней переговоры, сохранились и в дальнейших беседах Остермана со шведскими представителями, которые, возлагая все надежды на Англию и ее посла Картерета, продолжали тактику проволочек, применявшуюся ими на конгрессе. Картерет же, находившийся в Стокгольме, поддерживал неуступчивость шведов в отношении России, хотя Остерман предупреждал своих собеседников, «что они тужить будут о том, что нынешние добрые диспозиции е. ц. в-ва к миру пропустили и на предложенных от него резонабельных кондициях миру не учинили».

23 июля королева прислала Остерману отрицательный ответ на предложения Петра I, но перед лицом русского флота с десантными отрядами на нем шведское правительство опять попыталось затянуть переговоры. Через два дня Остерман получил официальное предложение удовлетвориться уступкой России Эстляндии с Ревелем, причем ему угрожали подписанием договора с Англией, «которая им великия обещания чинит». Остерман не без основания говорил, что английские обещания сулят Швеции не помощь, а гибель, так как оружием Россию к «непристойному миру» принудить не удастся; Англия же, которая дорожит своими торговыми связями с Россией, не вступит «в такую дальную, опасную и убыточную войну». Заключив договор с Георгом I, утверждал Остерман, Швеция придет «в апсалутную зависимость от короля аглинского и от его дискреции» будет зависеть. Отчасти соглашаясь с ним, шведы решительно от-

казывались пойти на уступку Лифляндии, и тут Остерман открыл готовность русского дипломатического ведомства согласиться на временную передачу России этой провинции.

В последних числах июля Картерет имел аудиенцию у королевы, но о содержании их беседы Остерман ничего узнать не смог, не считая того, что ему еще раньше было сообщено, а именно: что английский посол не скупится на обещания и на деньги для подкупов. Прощальная аудиенция у королевы происходила 30 июля; Остерман получил ответную грамоту Ульрики-Элеоноры и просил ее предложить более приемлемые условия, которые продвинули бы дело мира.

Взоры правящих верхов Швеции были с надеждой обращены на английского посла. Остерман был подвергнут полной изоляции. Лишь 5 августа 1719 г. он смог выехать из Швеции и на другой день, переночевав в пути, прибыл на флот к Петру I, у острова Ламеланда. Он доложил царю о своей в сущности безрезультатной миссии.

В ответной грамоте шведская королева писала о готовности Швеции заключить «справедливой, безопасной и... пристойной мир» и выдвигала два варианта территориальных уступок России из занятых ею территорий: Швеция соглашалась уступить России Нарву с округом, Выборг и Кексгольм, но требовала возвращения остальной Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. Другой вариант сводился к уступке Швецией Нарвы и Эстляндии с Ревелем, но к возвращению Швеции, кроме Финляндии с Выборгом, Лифляндии с Ригой и Кексгольма. Об Ингрии и Петербурге в этих предложениях речи не было; очевидно, они признавались в прочном русском владении. Эти условия Россию, конечно, удовлетворить не могли. Что касается Пруссии, то Ульрика-Элеонора выражала согласие обсудить вопрос о Штеттине, что не могло уже представлять интереса, потому что к этому времени Пруссия вступила в переговоры со Швецией при посредничестве Англии.

Петр I, рассмотрев вместе с министрами, приехавшими на флот, шведский ответ, приказал прервать переговоры на Аланде, если русский ультиматум не будет принят в трехнедельный срок. В таком случае, писал царь, «принужденны мы уже будем такие крепкие меры воспринять, каковые мы для получения безопасного и постоянного мира за пристойно изобретем».

В его грамоте шведской королеве содержалось сообщение, что военные действия он, царь, решил прекратить, так как Остермана заверили в Швеции, что это будет способствовать заключению мирного договора. Причиной такого решения были, однако, не шведские заверения, а то, что 15 августа английский флот вышел из Копенгагена в Балтийское море и, как говорится в «Журнале или Поденной записке... Петра Великого...», «наш флот не в таком состоянии был, чтобы против обоих флотов, аглинского и шведского, стоять мог»¹¹.

Но ни дипломатическая, ни военная помощь Англии не могла уже помочь побежденной Швеции. Уступив Ганноверу под давлением Англии Бремен и Верден, а Пруссии — Штеттин, Швеция не смогла вернуть больше ничего из потерянного в войне, кроме занятой русскими войсками части Финляндии (без Выборга), которую Россия с самого начала переговоров соглашалась возвратить ей. После еще двух кампаний русского флота Швеция была вынуждена принять условия, привезенные Остерманом летом 1719 г.

Когда через два года в Ништадте снова велись переговоры между Россией и Швецией, английский статс-секретарь по иностранным делам Тоунсэнд прямо писал английскому посланнику в Стокгольме Финчу, что шведов надо убедить принять любые условия, потому что продолжение войны «может кончиться только полной гибелью шведских короля и королевства»¹². Англия, добившаяся для Ганновера Бремена и Вердена, испытывала в это время кризис, связанный с крахом Компании южных морей.

Английское правительство, не желавшее допустить русский военный флот на Балтийское море, вынуждено было примириться с превращением России в морскую державу, обладавшую хорошо защищенными военными базами на Балтике и развивавшую на ней свое торговое и военное мореплавание.

¹¹ «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», изданная Щербатовым, ч. II СПб., 1772, стр. 92—93.

¹² «British Diplomatic Instructions», vol. I. London, 1922, p. 160.

ЗАМЕТКИ О ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ 1812 г.

Русская военная пропаганда 1812 г. — одна из интереснейших, но до последнего времени малоизученных страниц истории Отечественной войны. Лишь в последнее время стали появляться посвященные ей исследования и публикации. Однако ряд важных сторон этой большой и сложной темы не получил еще должного освещения в историографии. Не выяснены, в частности, некоторые обстоятельства военно-пропагандистской деятельности русского командования в начальный период войны. Настоящие заметки и ставят своей целью частично восполнить этот пробел.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ИЗДАНИЯ «ВОЕННЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

В 1959 г. Л. Г. Бескровным в архиве Военного министерства была обнаружена записка двух профессоров Дерптского университета — А. С. Кайсарова и Ф. Рамбаха, предлагавших учредить при Главной квартире походную типографию. В записке, проникнутой принципами просветительской идеологии, предусматривался выпуск на русском, немецком и польском языках армейской газеты или, как было сказано в записке, «ведомостей». Записка была подана командованию за несколько дней до начала кампании, дерптские профессора были спешно вызваны в Главную квартиру, и их предложения положены в основу агитационной деятельности русского штаба¹.

Записка Кайсарова и Рамбаха явилась результатом их сугубо частной инициативы и была одобрена Александром I не потому, что он разделял изложенные в ней взгляды, а лишь благодаря особому стечению обстоятельств в чрезвычайной обстановке кануна войны. Поэтому разыскания вокруг этого документа не давали возможности судить о том, пред-

¹ Записка А. С. Кайсарова и Ф. Рамбаха опубликована в сборнике документов «Листовки Отечественной войны 1812 года» (М., 1962, стр. 145—150) (далее — «Листовки»). Подробнее см.: А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

принимались ли самим командованием какие-либо практические меры по налаживанию военно-пропагандистской работы еще до подачи записки Кайсарова и Рамбаха. Подготовка к столь ответственному политическому делу если и имела место, то тщательно скрывалась, и свидетельства источников о ней немногочисленны.

В этом отношении заслуживает пристального внимания еще один недавно найденный документ, хранящийся в Военно-ученом архиве ЦГВИА. Он представляет собой писарский текст на листе бумаги обычного для военных канцелярий того времени типа и формата.

Документ датирован 16 апреля 1812 г., собственного заголовка, подписи или указания на автора не содержит. Приводим полный его текст:

«В Главной квартире российской армии признается по многим отношениям полезным издавать военные ведомости.

Цель сего издания есть, с одной стороны, воспламенить в войнах наших рвение к защите и славе своего отечества и утверждать вообще во всех подданных его величества усердие к благу империи, а с другой стороны, смешивать все расчеты неприятеля в разсуждении сведений о силе, положении, настоящих и будущих действий нашей армии.

Посему газету сию составят следующие статьи:

1. Высочайше издаваемые манифесты, указы и прокламации как от высочайшего имени, так и от начальников войск.
2. Донесения начальников войск о действиях армии и положении ее.
3. Известия изнутри России, относящиеся к важным предметам.
4. Военные анекдоты, свидетельствующие о разных оказанных войнами нашими на поле брани благородных поступках.
5. Известия иностранные, в особенности о неприятельском войске и земле, оным занимаемой.

Невозможно в точности начертать предварительно всех правил, коими надлежит руководствоваться при издании военных ведомостей. Разные, имеющие встретиться обстоятельства должны определять каждый раз средства к достижению вышеозначенной цели.

Ведомостей сих предполагается издавать еженедельно по одному номеру на русском, немецком и французском языках, не применяясь буквально к переводу».

На полях помета рукою М. Б. Барклая-де-Толли: «Зная время, когда сия газета должна выходить, ее выдавать по мере, как иметь будет к оному материал»².

Настоящий документ бесспорно свидетельствует о том, что еще за два месяца до начала кампании русский штаб был всерьез озабочен организацией пропагандистской борьбы с наполеоновской агрессией. Очевидно, проект был составлен по поручению Барклая-де-Толли кем-то из его сотрудников. Не исключено, что читал этот документ и Александр I, с 14 апреля 1812 г. находившийся в Вильно. Происхождение проекта каким-то образом связано с теми предположениями относительно развертывания агитационной работы в армии, которые в последние месяцы перед войной высказывались Барклаем-де-Толли. 22 января 1812 г. он представил Александру I доклад, где подробно изложил свои взгляды на подготовку борьбы с Францией. В ряду самых неотложных мер военный министр поднимал вопрос и о возбуждении антинаполеоновских настроений в Европе, о том числе в самой Франции, средствами печатной пропаганды. «Самое благоприятное воздействие будут иметь прокламации», — писал Барклай-де-Толли, полагая, что русская пропаганда должна быть активной, наступательной, неустанно обнажать пороки установленного Наполеоном режима угнетения европейских стран и привлекать тем самым симпатии их народов на сторону России³.

Однако доклад Барклая-де-Толли, касавшийся лишь общих вопросов военно-политического характера, никаких конкретных рекомендаций не содержал. Порядок и способы, при помощи которых следовало наладить военно-агитационную работу, должны были быть определены, очевидно, после одобрения царем доклада в целом. Проект издания военных ведомостей и явился, по всей видимости, одной из попыток реализации этих замыслов Барклая-де-Толли.

В намеченных в проекте пунктах обнаруживается известная общность с упомянутой выше запиской дерптских профессоров, особенно в том, что касается состава и содержания

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18159, л. 18. Приношу глубокую благодарность научному сотруднику ЦГВИА Л. Б. Леонидову за помощь в расшифровке пометы М. Б. Барклая-де-Толли.

³ «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая, т. 6. М., 1962, стр. 269—270.

ведомостей. Но в других своих частях анонимный проект заметно уступает записке Кайсарова и Рамбаха. В нем лишь очень кратко определены цель издания, перечень тех «статей», которые предполагалось помещать, и порядок выпуска ведомостей, по поводу чего в Главной квартире еще не сложилось, очевидно, единого мнения, что видно из приведенной выше резолюции Барклая-де-Толли.

В проекте отсутствует какая-либо аргументация в пользу предполагаемого издания, в то время как в записке Кайсарова и Рамбаха необходимость создания в армии агитационного центра обосновывалась с широких идейно-философских позиций и была отмечена высоким пониманием роли печатного слова в предстоявшей войне. Если в проекте военным ведомостям предполагалось придать охранительно-монархическую направленность («утверждать вообще во всех подданных его величества усердие к благу империи»), то записка дерптских профессоров была лишена каких-либо верноподданических черт, ее пронизывали гражданственно-патриотические мотивы, и последующая деятельность Кайсарова и Рамбаха по выпуску в 1812 г. публицистической литературы вполне соответствовала этим установкам их записки⁴.

В проекте ни слова не сказано и о том, на какой типографской базе имелось в виду печатать ведомости, кто должен был их составлять, редактировать, распространять и т. д. В записке же дерптских профессоров все это было предусмотрено самым подробным образом. Более того, Кайсаров и Рамбах возлагали на себя обязанности по закупке типографского оборудования, найму наборщиков и печатников и доставлению сформированной ими походной типографии в Главную квартиру, где они предлагали свои услуги не только в качестве организаторов всего дела, но и как авторы и редакторы агитационной литературы и брались одновременно за ее распространение. Эта тщательная и продуманная система практических мероприятий представляла для командования особенно большую ценность в связи с тем, что в 1812 г. типографская техника в русской армии (она состояла лишь из четырех печатных станков, прикомандированных к квартирмейстерской части) была очень мало приспособ-

⁴ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года. Канд. дисс. М., 1965, стр. 252—285, 360—407, 459—465, 535—539.

соблена для печатания в сколько-нибудь массовом масштабе пропагандистской литературы, а тем более для выпуска этой литературы на иностранных языках⁵.

Последнее обстоятельство и определило, видимо, то предпочтение, какое было отдано при организации военно-пропагандистского центра записке Кайсарова и Рамбаха, именно ей, а не возникшему еще за полтора месяца до того проекту издания военных ведомостей. Проект был отложен, и о его дальнейшей судьбе красноречивее всего свидетельствует название того дела, в котором он, вероятно, уже со времен Отечественной войны и находился: «Разные предположения, но невыполненные проекты 1812 г.». Однако при всем том ознакомление с этим документом бесспорно расширяет наши представления о подготовке русского командования к войне 1812 года.

ПЕРВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ВОЙСКАМ

Долгое время среди историков было принято считать, что единственными обращениями русского командования, оповестившими войска и население о начале войны, явились «Приказ нашим армиям» Александра I и его же рескрипт председателю Государственного совета и Комитета министров Н. И. Салтыкову. Автором и того, и другого документов, датированных 13 июня, был адмирал А. С. Шишков, который незадолго до того сменил М. М. Сперанского на посту государственного секретаря и сопровождал Александра I в армию для писания правительственных манифестов и воззваний⁶. Как и все выходящее из-под пера Шишкова — крайнего приверженца патриархально-консервативных устоев, оба эти документа, выдержанные в торжественно-патетических тонах, были проникнуты религиозно-монархическими мотивами. «Приказ нашим армиям» и рескрипт Салтыкову получили широчайшую известность в дореволюционной историографии. Они всячески поднимались ею на щит, восторженно и панегирически комментировались, без конца публиковались в исторических трудах и популярных изданиях. Между тем эти царские обращения

⁵ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года, стр. 50—52.

⁶ «Краткие записки адмирала А. Шишкова», изд. 2. СПб., 1832, стр. 7—10.

не имели того значения, какое стремилась придать им старая историография. В те же дни в Главной квартире был издан еще один агитационный документ, возвестивший начало войны: приказ Барклая-де-Толли войскам с призывом отразить нашествие армии Наполеона.

По сравнению с остальными агитационными приказами русского командования за 1812 г., которые многократно печатались и достаточно известны в литературе, этот приказ Барклая-де-Толли представляет собой чрезвычайно редкое издание⁷. Единственная его публикация, принадлежавшая Д. Н. Бантыш-Каменскому⁸, осталась не замеченной историками, и столь примечательный памятник военно-агитационной литературы 1812 г. был предан забвению вплоть до самого последнего времени, когда в 1962 г. он вновь увидел свет в сборнике документов «Листовки Отечественной войны 1812 года».

До нас дошли три типографских экземпляра приказа и несколько его современных оригиналу рукописных копий⁹. Последнее косвенно указывает на заметное распространение приказа в русском обществе эпохи войны 1812 года. Текст, напечатанный Бантыш-Каменским, имеет некоторые различия по сравнению с типографским экземпляром, а это заставляет предполагать, что приказ Барклая-де-Толли был опубликован здесь не по типографскому экземпляру, а по одной из рукописных копий, которые расходились среди населения.

Официально приказ Барклая-де-Толли был выпущен в тот же день, что и упомянутые выше царские обращения. Это явствует из пометы на том типографском экземпляре, который сохранился в делах канцелярии главнокомандующего. Вверху первого листа, в месте, обозначающем время издания документа: «июня... дня», вписано число 13¹⁰.

⁷ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика 1812 года (Опыт источниковедческого изучения). — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 169—172, 185—186.

⁸ Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 1. СПб., 1847, стр. 98—99. Пользуясь случаем принести глубокую признательность Н. И. Казакову, обратившего мое внимание на публикацию Д. Н. Бантыш-Каменского.

⁹ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика 1812 года, стр. 185; «Листовки», стр. 21—22.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 103, оп. 209г, св. 51, д. 55, л. 39.

Однако, как выясняется из обнаруженных недавно архивных материалов, подготовка этого приказа относится к несколько более раннему времени.

В «Журнале входящим делам по секретной части» за 12 июня записано отношение сотрудника канцелярии военного министра полковника Койленского П. М. Волконскому, ведавшему квартирмейстерской службой в русской армии. От имени Барклая-де-Толли этим отношением предписывалось «в походной типографии квартирмейстерской части напечатать как можно поспешнее и как можно больше экземпляров препровождаемого при сем приказа и его по мере отпечатания присылать в дежурство Военного министерства, сохранив, однако, оный до своего времени в тайне»¹¹. (Напомним, что походная типография Кайсарова и Рамбаха прибыла в Главную квартиру только в конце июня—начале июля, чем и было вызвано в данном случае обращение к квартирмейстерской типографии, уже за несколько недель до того находившейся в Вильно.)

Прежде всего совершенно бесспорно, что в отношении Койленского речь шла именно о разбираемом здесь приказе Барклая-де-Толли, поскольку никаких других его приказов за 12 и 13 июня отдано не было.

Видимо, 12 июня приступили к печатанию приказа. Во всяком случае никак иначе нельзя объяснить тот факт, что уже на следующий день, 13 июня, в канцелярию Барклая-де-Толли была препровождена первая партия тиража в количестве 210 экземпляров и очень скоро еще две партии — по 590 и 200 экземпляров. Общий тираж приказа, полученный 13 июня в канцелярии Военного министерства, составлял таким образом 1 тыс. экземпляров¹².

Стало быть, если уже в течение 12 июня были предприняты столь деятельные усилия по отпечатанию приказа, потребовавшие многих часов напряженного труда, можно вполне обоснованно заключить, что сам этот приказ написан был не позднее первой половины дня 12 июня. Ведь на подготовку текста приказа, а он был составлен очень обдуманно и осмотрительно, также должно было уйти какое-то время.

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3520, л. 105—105 об.

¹² Там же, л. 18.

Вместе с тем хорошо известно, что первые сведения о переходе «Великой армией» границы, который начался между 9 и 11 часами вечера 11 июня, были получены в русской Главной квартире только поздно вечером 12 июня.

Переправа через Неман совершалась в расположении 2-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Донесение о случившемся начальника его авангарда генерал-майора Всеволожского командиру 2-го корпуса генерал-лейтенанту К. Ф. Багговуту было получено последним лишь в 12-м часу дня 12 июня. Час спустя он отправил с нарочным курьером рапорт о вторжении неприятеля Барклаю-де-Толли в Вильно. Ковенский городничий Бистром со своей стороны оповестил о начавшейся переправе министра полиции А. Д. Балашева. Бистром прибегнул к помощи корчмарей, которые держали в своих руках безотказно действовавшую «летучую почту». Прекрасно ориентируясь в местной обстановке и используя кратчайшие тракты, они доставили сообщение Бистрома так быстро, что оно опередило на несколько часов нарочного курьера с донесением Багговута — последнее поступило в канцелярию Барклая-де-Толли лишь к утру 13 июня. Известие же Бистрома было получено еще вечером 12 июня на балу в Закрете и тогда же доложено Александру I. От него узнал об открытии кампании и Барклаю-де-Толли¹³.

Как бы то ни было, но осознание русским командованием того, что война уже началась, что она стала свершившимся фактом, относится ко времени после получения донесения Бистрома, т. е. в ночь на 13 июня. Первые же распоряжения о действиях в новой обстановке корпусов 1-й и 2-й Западных армий были отданы Барклаем-де-Толли после ночной беседы с царем на утро 13 июня.

Итак, вполне точно устанавливается то, на первый взгляд, трудно объяснимое и парадоксальное обстоятельство, что приказ Барклая-де-Толли, фактически возвестивший начало войны, был составлен за много часов (видимо, примерно за полсутки) до того, как Главная квартира получила первые известия об открытии военных действий! Подтверждение этому находим и в тексте документа. В нем ни слова

¹³ Н. Поликарпов. Отечественная война 1812 года (По материалам Лефортовского архива). — «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 2, стр. 67; № 6, стр. 211—212; он же. Очерки Отечественной войны (По архивным данным). — «Новая жизнь», 1911, № 10, стр. 161—168.

не сказано о самом факте переправы «Великой армии» через Неман. В общих словах в приказе говорится только о том, что наступило время столкновения русских с армией Наполеона, хотя из контекста документа следует, что само начало войны автору приказа представляется в принципе совершенно очевидным: «Воины! Наконец, приспело время знаменам вашим развиться пред легионами врагов всеобщего спокойствия; приспело вам... твердо противостать дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны!..»¹⁴ Естественно, что в листовке, обращенной к войскам и извещавшей их об открытии военных действий, будь она действительно написана после получения сведений о вторжении неприятельской армии в Россию, об этом должно было быть сказано в более ясных и определенных выражениях. Показательно, что и «Приказ нашим армиям» Александра I и его же рескрипт Салтыкову, составленные и в самом деле 13 июня, содержали прямые указания на переход Наполеоном русской границы. В «Приказе» говорилось: «Французский император нападением на войски наши при Ковне открыл первый войну». Рескрипт начинался со слов: «Французские войска вошли в пределы нашей империи»¹⁵.

В то же время в историографии прочно укоренились взгляды, согласно которым для русского командования, хотя и знавшего о военных приготовлениях Наполеона, вторжение «Великой армии» в Россию в ночь на 12 июня было внезапным. «В нашей Главной квартире не полагали, что Наполеон предпринял ее [переправу через Неман] так скоро» (М. Богданович). «Переправа Наполеона явилась для русских неожиданностью». (Н. Левицкий), «Переход французских войск через Неман застал царя, его правительство и Главный штаб врасплох» (Н. Гарнич). «Главная квартира русской армии не ожидала начала войны именно в эти дни. Разведка не сообщала ничего подозрительного до 12 (24) июня» (Л. Бескровный)¹⁶.

¹⁴ «Листовки», стр. 21.

¹⁵ «Краткие записки адмирала А. Шишкова», стр. 8—9.

¹⁶ М. Богданович. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. I. СПб., 1859, стр. 132—133; Бориславский. События в Вильне в 1812 году. — «Военный сборник», 1903, № 6, стр. 39; Н. Левицкий. Война 1812 года. М., 1938, стр. 13; Н. Гарнич. 1812 год. М., 1956, стр. 58; Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года. М., 1962, стр. 272.

В свете этих утверждений, перечень которых можно было бы продолжить, факт составления приказа Барклая-де-Толли с призывом отразить наполеоновское вторжение за много часов до того, как было получено первое известие об этом вторжении и почти за сутки до того, как были отданы оперативные распоряжения войскам, и в самом деле предстает непостижимым и загадочным.

Но верны ли эти утверждения по существу?

Еще А. И. Михайловский-Данилевский, оперируя имевшимися в его распоряжении материалами, полагал, что они «совершенно опровергают укоренившееся ложное мнение, будто Наполеон застал нашу армию врасплох»¹⁷. Однако столь веское суждение историографа не было развито в военно-исторической науке последующих десятилетий. Только в период подготовки к 100-летию юбилею войны 1812 года вновь пробуждается интерес к этому вопросу. Фундаментальное значение для его решения имели труды военного историка Н. Поликарпова, который предпринял тщательное обследование Московского отделения общего архива Главного штаба (иначе называемого Лефортовским архивом). На базе этих разысканий им была осуществлена серия чрезвычайно содержательных исследований и публикаций, в литературе еще достаточно не оцененных и ныне в изрядной мере забытых¹⁸. Поликарпову удалось, в частности, на основе подлинной военно-оперативной документации дать точное описание состояния разведывательной службы в русской армии накануне войны.

Правый берег Немана от устья до Гродно был разделен на кордонные участки, которые охранялись легкими и подвижными казачьими полками. Последние входили в состав авангардов четырех пехотных корпусов 1-й Западной армии, располагавшихся вдоль границы. Разъезды и сторожевые посты этих полков немедленно доносили по команде посредством хорошо налаженной летучей военной почты обо всем, замеченном на границе. Одновременно копии этих донесений посылались для сведения в те полки, дивизии и корпуса, с которыми имелось непосредственное соприкосновение. На-

¹⁷ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 году, ч. I. СПб., 1839, стр. 168.

¹⁸ Н. Поликарпов. Отечественная война 1812 года; он же. Очерки Отечественной войны.

ряду с этим активно действовала и тайная разведка. Для ее ведения привлекались жители пограничных районов, которые под тем или иным видом проникали на левый берег Немана и могли воочию наблюдать все то, что интересовало русское командование. В результате оно регулярно имело в своем распоряжении подробную и хорошо проверенную информацию, а благодаря сопоставлению данных боевой разведки и тайной агентуры могло, по справедливому заключению Поликарпова, «составить довольно верное представление о положении дел у неприятеля»¹⁹.

В том, что это было действительно так, можно убедиться, обратившись непосредственно к документам штаба 1-й Западной армии.

Еще 1 июня Барклай-де-Толли сообщал литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову, предлагая ему приступить к спешному вывозу казенных денег, имущества и архивов в глубь страны: «По достоверным и из разных мест получаемым сведениям неприятель собирает большие свои силы между Ковно и Гродно и хочет в непродолжительном времени сделать вторжение в наши границы»²⁰. 3 июня штабом Барклай-де-Толли были разосланы корпусным командирам секретные предписания, в которых уже прямо указывалось на возможное отступление 1-й армии «в случае переправы неприятеля через Неман» и предусматривались направления и порядок отхода корпусов с целью сосредоточения их в тылу²¹. С 5 июня поступают уже более определенные и впоследствии во многом подтвердившиеся сведения о местах переправы наполеоновских войск через Неман²². В течение последней недели перед вторжением штаб 1-й армии систематически получал сведения о подходе к границе отдельных частей наполеоновской армии, о скоплении здесь больших масс пехоты, конницы и артиллерии, о нарастающем оживлении в стане противника на левом берегу

¹⁹ Н. Поликарпов. Отечественная война 1812 года, стр. 66.

²⁰ Ю. В. Татищев. Вильна и Литовские губернии в 1812—1813 гг. Вильна, 1913, стр. 36—37.

²¹ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII. СПб., 1910, стр. 34; «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 5, стр. 169—170.

²² «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 4, стр. 138; «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII, стр. 43.

Немана, наконец, о подвозе к реке понтонных мостов и других переправочных средств²³. 11 июня, за несколько часов до переправы шеф 1-го Тептярского казачьего полка майор Темиров 1-й доносил об усиленном движении французских войск по направлению к Ковно²⁴.

После всех этих сообщений уже не возникало сомнений в том, что «Великая армия» с часу на час переправится через русскую границу. Еще 10 июня Александр I писал Салтыкову: «Ежечасно ожидаем быть атакованы. С полною надеждою на всевышнего и на храбрость российских войск готовимся отразить неприятеля»²⁵. Более того, в Главной квартире располагали перекрестными известиями и о времени, на которое назначена французами переправа. По данным ряда историков, утром 12 июня Александру I было доложено, что в тот же самый день ожидается переход французами границы²⁶. Накануне, 11 июня, П. Х. Витгенштейн доносил Барклаю-де-Толли: «На нашу сторону хотят делать переправу... в среду, т. е. 12 числа июня», — и далее сообщал: «Переправа имеет быть на Олиту, Стоняво и Пуни, Ковно, Юрбург и Тильзит. В Ковно имеет быть мост, и на оный приготовлены уже все припасы» (кстати, в канцелярии Барклай-де-Толли это донесение 12 июня уже было получено)²⁷. О том, что «сегодняшней ночи имеет быть переправа французам», дважды доносил 12 июня и начальник авангарда 3-го пехотного корпуса Шаховский²⁸. Наконец, Барклай-де-Толли утром того же дня писал П. И. Багратиону: «Все силы неприятельские сосредоточены между Ковно и Меречем, а сего числа ожидается переправа неприятеля через Неман»²⁹. По распоряжению Барклай-де-

²³ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII, стр. 43, 52, 63.

²⁴ «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 6, стр. 211.

²⁵ А. И. Михайловский-Данилевский. Указ. соч., ч. I, стр. 167.

²⁶ «Русский инвалид», 1859, № 70, стр. 283; Н. П. Михневич. Отечественная война 1812 года. — «История русской армии и флота», т. 3. М., 1911, стр. 99; С. Михеев. Отечественная война. — «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 7, стр. 245.

²⁷ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII, стр. 102—104.

²⁸ «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 6, стр. 211; № 8, стр. 281.

²⁹ «Генерал Багратион». Сборник документов и материалов. 1945, стр. 161.

Толли аналогичные уведомления были разосланы 12 июня и корпусным командирам 1-й Западной армии: «По последним полученным известиям от генерал-лейтенанта Тучкова 1-го известно, якобы неприятель приготовился переправиться через реку Неман 12 числа сего месяца»³⁰.

Таким образом, вопреки имеющим хождение в литературе взглядам для русской Главной квартиры переход Наполеоном границы не только не был неожиданным, но, наоборот, уже за две недели до того она была вполне информирована о том, что вторжение начнется в самое ближайшее время. Штаб Барклая-де-Толли был достаточно осведомлен о дислокации и сосредоточении войск противника вдоль границы, о тех пунктах, в которых была намечена переправа, наконец, русское командование располагало точными сведениями о том, что вторжение произойдет именно 12 июня.

После всего сказанного факт составления приказа Барклая-де-Толли и принятия мер к его выпуску в свет еще 12 июня получает свое достоверное объяснение. Заблаговременная его подготовка Главной квартирой ожидалась, как мы видели, на точном и разностороннем знании военной обстановки и планов противника, на глубоком и безошибочном понимании неотвратимости войны. Именно потому, что утром 12 июня в штабе Барклая-де-Толли были абсолютно уверены в справедливости этой стратегической оценки, и предписывалось изготовить тираж приказа в самом срочном порядке. Но поскольку официального сообщения о переходе границы еще не последовало, было решено подготовку приказа держать «втайне» «до своего времени», т. е. до того, как только такое сообщение поступит.

Заблаговременное заготовление этого приказа свидетельствовало об особой предусмотрительности штаба Барклая-де-Толли в вопросах военной пропаганды, о той роли, которая отводилась им подъему морального духа войск уже с самого начала борьбы с нашествием.

В этом отношении любопытно сравнить приказ Барклая-де-Толли с «Приказом нашим армиям» Александра I и его рескриптом Салтыкову. Если в них на первое место были выдвинуты фигура монарха и божественно-провиденциальные силы, благодаря которым сугубо верноподданные народ

и войско поднимаются на борьбу с врагом, то в приказе Барклая-де-Толли, хотя и не лишенном этих черт, преобладали совсем иные мотивы. Приказ обращался непосредственно к войскам — защитникам родины и апеллировал к героическому прошлому русской армии, ее высоким воинским традициям³¹.

Обращает на себя внимание еще одна примечательная особенность приказа. В отличие от остальных приказов Барклая-де-Толли за 1812 г., в том числе и пропагандистских, изданных им от имени главнокомандующего 1-й Западной армией, данный приказ — единственный, который был выпущен от имени военного министра и адресовался ко всем Западным армиям, что практически означало обращение к русской армии в целом. Но не только это должно было определить широкий военно-политический резонанс приказа Барклая-де-Толли. Исходя из всего сказанного, можно вполне основательно считать, что именно он и явился самым первым обращением русского командования, объявившим о начале войны. Раз 13 июня был отпечатан его тираж, а о начале войны уже поступили официальные известия, то в тот же день его, несомненно, стали распространять. Царские документы об открытии кампании были написаны Шишковым только в течение 13 июня, отпечатали же их и разослали в войска и столицы несколькими часами позднее. В правительственных изданиях они увидели свет спустя шесть-семь дней: в «Санкт-Петербургских ведомостях» — 18 июня, а в «Северной почте» — 19 июня 1812 г.

³⁰ ЦГВИА, ф. 474, д. 28, л. 36 об.

³¹ «Листовки», стр. 21.

Классовая борьба и армия

А. П. ПРОНШТЕЙН

ВОЙСКО ДОНСКОЕ НАКАНУНЕ БУЛАВИНСКОГО ВОССТАНИЯ

Характер и движущие силы Булавинского восстания определились в значительной мере теми отношениями, которые сложились в войске Донском к началу XVIII в. Большинство историков отмечает, что войско не состояло уже из единого социального слоя, внутри его наблюдалось классовое расслоение. Это в общем верно, но для всесторонней оценки положения, сложившегося в войске Донском накануне Булавинского восстания, недостаточно, ибо упускается тот чрезвычайно важный момент, что указанное расслоение происходило в рамках казачества — еще единого феодального сословия, сохранявшего в неприкосновенности на протяжении долгого времени особую военную и политическую организацию.

Что же представляла эта особая сословная военная и политическая организация — войско Донское — к началу XVIII в.?

С момента появления на Дону казаков правительство сразу оценило их значение для хозяйственного освоения «Дикого поля» и обороны юго-восточных границ России от агрессии турок и их вассалов. Вместе с тем оно понимало, что основную массу казачества составляли тяглые люди, бежавшие от крепостнического гнета. Получив свободу и имея

оружие, они были социальной силой, опасной для феодально-крепостнического государства.

Учитывая эти обстоятельства, правительство стремилось сохранить вооруженную силу казачества, но при этом подчинить его своей власти. Между тем осуществить это было не легко. И в XVI, и в первой половине XVII в. небольшая по численности, но единая в своей ненависти к крепостническим порядкам «община» донских казаков оказывала стойкое сопротивление самодержавно-крепостническому правительству, вооруженные силы которого к тому же были еще очень удалены от казачьих владений.

В рамках казачьего сословия с самого начала шел процесс социальной дифференциации, увенчавшийся уже в XVIII в. переходом казачьей верхушки в ряды дворянского сословия. Но в конце XVII в. этого еще не наблюдалось. Потребовался длительный период времени, пока старшине удалось превратить свои хутора и слободы в крупные хозяйства с применением труда зависимых людей и, опираясь на свое экономическое положение, добиться уравнивания в правах с дворянством. До тех же пор, пока этого не случилось, верхушка войска Донского цепко держалась за свои казачьи сословные права и привилегии, ибо они открывали ей большие возможности для приобретения в будущем прав и привилегий дворянства.

Масса рядового казачества тоже была заинтересована в сохранении своего положения как особого военного сословия. Отстаивая свои права, она тем самым боролась против закрепощения со стороны старшин и самодержавно-дворянского государства. И если ей это удавалось, то потому, что каждое посягательство на права казаков встречало с их стороны упорное сопротивление, выливавшееся часто в крупные социальные движения.

В силу того, что и старшина, и рядовые казаки, хотя и по разным причинам, были заинтересованы в сохранении прав казачества как особого военного сословия, нередки были случаи, когда они объединялись.

Историческое развитие войска Донского привело к тому, что с последней четверти XVII в. донское казачество стало превращаться в замкнутое сословие.

В предыдущий период все оказавшиеся на Дону очень легко принимались в казаки и записывались в состав войска. Для этого требовалось лишь личное желание, «потому что.

Доном, — как писал в 1666 г. Г. Котошихин, — от всяких бед освобождаютца»¹.

Но уже с середины XVII в. этого становилось недостаточно. Для того чтобы быть зачисленным в войско и стать «добрым» казаком, надо было обзавестись конем, воинским оружием, а для этого требовались определенные средства. Кроме того, в хозяйствах разбогатевших казаков все большее значение приобретало использование труда зависимых или наемных людей. А так как наиболее удобным элементом для этого оказывалась масса бездомного и голодного люда, бежавшего на Дон от крепостнического гнета, то его перестали принимать сразу в ряды казаков. В войсковой грамоте от 12 сентября 1673 г., например, указывалось, что, хотя на Дону находится много беглых, «вы, атаманы-молодцы» не только «ни одного человека не прислали беглого... но тех беглых людей... у себя в городках для всяких работ держите»².

Эти люди именовались на Дону бурлаками и не имели права казачества. Про одного из них, например, прямо сказано, что он у Кирилла Матвеева «работал черную работу, а не в казаках служил и в круги не хаживал»³. В подобном же положении находились и другие бурлаки.

С того момента, как верхушка казачества стала использовать в своих хозяйствах труд бурлаков, она выступила решительным противником зачисления их в ряды казаков⁴.

Правда, полностью закрыть доступ в казачество было невозможно. В войнах и походах ряды войска быстро сокращались, и необходимо было их пополнять. Но теперь уже зачисляли в казаки с разбором. Для этого нужно было прожить на Дону не один год и обзавестись хозяйством; но и при этом казаком становился только тот, кого причисляло к этому званию войско на кругу⁵. А так как «одомовленных» кандидатов с каждым годом становилось все больше, то и их принимали не сразу. Постепенно на Дону образова-

¹ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб., 1906, стр. 135.

² ЦГАДА, ф. 111 (Донские дела), оп. 1. Донские дела (далее — ДД), 1673 г., д. 13, лл. 2—4.

³ Там же, 1688 г., д. 5, лл. 643—650.

⁴ Там же, д. 22, лл. 5—37.

⁵ Там же, д. 9; «Дополнения к Актам историческим», т. XII. СПб., 1872, стр. 163; А. Леонов. Как поступали в казаки в старое время. — «Донские областные ведомости», 1862, № 39, 46.

лись довольно многочисленные группы людей «семейных», «сказочных» и пр., занимавших промежуточное положение между бурлаками и казаками, так и не принятых в ряды казачества. Казачество же все больше и больше превращалось в обособленное сословие.

Положение казачества как замкнутого военного сословия определялось характером земельных отношений, сложившихся в войске. Уже в первой половине XVII в. казаки заявляли, что они «служат и прямят великому государю с травы и воды». Однако в тот период эта формула в большей степени выражала административно-политические отношения войска Донского с московским правительством. Ввиду того, что земля находилась под угрозой непрерывных разорений от набегов, она эксплуатировалась очень слабо и не превратилась еще в основное средство производства; в силу этого землевладение не могло стать условием отбывания воинской службы.

С последней четверти XVII в. земля начала приобретать значение основного условия хозяйственной жизни на Дону. Вместе с тем окончательно сложилось положение казачества как служилого сословия. Рядом жалованных грамот, данных войску в разное время и закрепленных значительно позже жалованной грамотой Екатерины II 1793 г.⁶, государство, выступившее в качестве верховного владельца земли, передавало ее всему войску Донскому в вечное владение. Полученную таким образом землю войско передавало в пользование станицам, от которых казаки получали ее по паям. За пользованием землей казаки должны были нести военную службу со своим конем, в полном вооружении и обмундировании. Так сложилось казачье землевладение, которое, по характеристике В. И. Ленина, было формой «средневекового пользования землей за службу»⁷ и при которой каждый казак являлся лишь условным держателем земельного участка.

Большое значение имело для казаков исключительное право на безборочную ловлю рыбы в реках донского бассейна и в Приазовье.

Непрерывно участвуя в войнах и будучи постоянно в нарядах и «раскомандированиях», казаки редко могли лично

⁶ ПСЗ, т. XXIII, № 17126.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 315.

работать в своих хозяйствах. Но, обладая монопольным правом на донские земли и воды, они широко пользовались наемным трудом пришлых людей, которые не имели казачьих прав и вынуждены были работать у них по найму. А. А. Новосельский на большом материале показал, что уже в последней трети XVII в. «наемный труд широко применялся на Дону» и что не только старшины, но и «казаки многих пришлых с Руси людей держат у себя в городках для всякой работы»⁸.

Феодалные права войска Донского на землю определяли особенности в организации управления и суда на Дону. Из них же вытекали личные права и привилегии казачества.

Прежде всего казаки пользовались несравненно большей личной свободой, чем, например, крестьяне. Правда, право личной свободы донских казаков было относительным, но все же оно существовало. Даже во второй половине XVIII в. Г. А. Потемкин, например, заявлял, что крестьяне, которых зачисляли в казаки, «счастливы в новом своем звании, не будучи уже больше подвержены перемене помещиков»⁹. Закабалить донских казаков юридически было невозможно. Подавляющее большинство задолжавших казаков получали льготу от службы на один—три года, чтобы за это время поправить свое хозяйство¹⁰; многих, наоборот, вне очереди отправляли на службу, отбывать ее за кредитора¹¹, других посылали «в казенную работу для уплаты долга из заработанных денег»¹². Но из большого числа рассмотренных Войсковой канцелярией дел о несостоятельных должниках из казаков только один раз было принято решение об отдаче «в зажив», и то не казака, а казачьего сына Ивана Чирскова, и лишь до тех пор, «пока ему действительно в службу очередь наступит»¹³. Во всех остальных случаях строго

⁸ А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. — «Исторические записки», т. 27, стр. 206.

⁹ ЦГВИА, ф. 52 (Г. А. Потемкин), д. 90, л. 18 об. — 19.

¹⁰ Государственный архив Ростовской обл. (далее — ГАРО), ф. 338 (Станичные правления), оп. 1, д. 35, л. 16; д. 276а, л. 1; д. 290, л. 3; д. 652, лл. 1—2; ф. 341 (Войсковая канцелярия войска Донского), оп. 1, д. 11, л. 4; оп. 2, д. 269, лл. 297, 319, 467 и др.

¹¹ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 55, лл. 7—8 и др.

¹² Там же, ф. 341, оп. 3, д. 2, л. 700; д. 3, л. 73 об.

¹³ Там же, д. 5, л. 16 об. Об отдаче «в зажив» как форме закабаления см.: Е. Н. Кушева. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М., 1952, стр. 249—260.

предупреждалось, что «в зажив» казаков отдавать нельзя. Разумеется, старшинам удавалось закабалить бедных казаков. Но делалось это в нарушение юридических прав казачества и принимало особые формы, сдерживаясь до известной степени сословными правами донских казаков.

Как представители свободного сословия, казаки войска Донского в отличие от тяглых людей были свободны от государственных податей и повинностей, в том числе и от рекрутчины.

Важной привилегией донских казаков было право беспошлинной торговли. Получив еще в 1615 г. право на свободную торговлю в украинских городах предметами их военной добычи, донские казаки постепенно добились расширения и закрепления своих торговых привилегий. Когда в начале XVIII в. в низовьях Дона была устроена застава и был введен внутренний таможенный контроль, то со стороны одного из таможенных чиновников была сделана попытка распространить его на донских казаков. Однако казаки пожаловались правительству и добились отмены контроля¹⁴.

Одной из древних привилегий донских казаков было получение «царского жалования» за службу. Казакам выдавали его регулярно и в XVII, и в XVIII вв., причем в количественном отношении оно непрерывно росло. Так, если в первой половине XVII в. присылали ежегодно до 400 четв. хлеба, то к концу века казаки стали получать до 6,5 тыс. четв.¹⁵

Имели казаки и некоторые другие привилегии. Они, например, очень дорожили правом носить одежду старого покроя и бороду. В 1705 г. атаман легкой станицы Савва Кочет с гордостью говорил в Посольском приказе: «И тем-де они, донские казаки, перед иными народами от него, великого государя, пожалованы и взысканы, что к ним и по сие

¹⁴ ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 11, л. 10 об и др. И. Прянишников. Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864, стр. 23—24. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1471, лл. 41—42.

¹⁵ В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, стр. 44—46 и приложение II; «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. 3. СПб., 1907, стр. 67; «Донские войсковые ведомости», 1864, № 7; В. П. Загоровский. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. — «Из истории Воронежского края», Сборник статей. Воронеж, 1961, стр. 141—147.

число о бородах и платье великого государя указу не при-
слано, и платье-де они ныне носят по древнему своему
обычаю»¹⁶.

Права и привилегии донского казачества ставили его
в особое положение по сравнению с другими феодально за-
висимыми сословиями России. В тот период, когда крепост-
ничество, по словам В. И. Ленина, стало принимать «наибо-
лее грубые формы» и «ничем не отличалось от рабства»¹⁷,
казачьи вольности для угнетенного крестьянства могли быть
лишь заветной мечтой, так как они прежде всего означали
освобождение от крепостной зависимости.

Таким образом, казачество стало особым сословием фео-
дального общества, наделенным особыми правами и привиле-
гиями. Оно было заинтересовано в сохранении их и было
готово их отстаивать.

Но в рамках этого единого сословия феодального об-
щества шел, как уже отмечалось, процесс социальной диффе-
ренциации. Процесс этот имел свои особенности, на которые
следует обратить внимание.

Порвав пути крепостнического и холопского состояния,
донские казаки с гордостью говорили о своей свободе и ра-
венстве¹⁸. Однако уже в то время равенство казаков было
в большей степени видимое, чем действительное. Хотя основ-
ную массу приходивших на Дон людей составляли предста-
вители низших социальных слоев населения, которым осо-
бенно тяжело жилось в крепостнической России, на Дону
поселялись и богатые крестьяне, и торговцы, а в отдельных
случаях и дворяне. Известно также, что одним из атаманов
войска Донского в 20-е годы XVII в. был князь Иван Ва-
сильевич Друцкий¹⁹. Все эти люди были выходцами из
крепостнической России XVI—XVII вв., где сословное не-
равенство составляло основу отношений между людьми.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 111, оп. 1. Донские книги (далее — ДК), д. 21,
л. 245.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 70.

¹⁸ «Историческое описание земли войска Донского», изд. 2. Но-
вочеркасск, 1903, стр. 57.

¹⁹ «Материалы для истории войска Донского». Сборник област-
ного войска Донского статистического комитета, вып. XIII. Новочер-
касск, 1915, стр. 169—171; А. А. Новосельский. К вопросу
об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского
государства в первой половине XVII века. — «Исторические записки»,
т. 16, стр. 58—64 и др.

Естественно, что представления о сословном неравенстве со-
хранились у них и на Дону.

Но еще большее значение имел процесс обогащения не-
большой группы казаков за счет военных походов, торговли,
захвата лучших пастбищ и рыбных ловель, ростовщичества
и других средств. Ради своего обогащения домовитые ка-
заки не считались ни с чем. Даже во время Крестьянской
войны под предводительством Степана Разина, которой они
явно не сочувствовали, многие из них ссужали «воровских
казаков, голутвенных людей, ружьем и платьем... отпу-
скали для добыч исполу». И делалось это лишь для того,
чтобы «те донские казаки с теми посыльщики своими добыч
их делили»²⁰. Все это привело к тому, что уже в середине
XVII в. казачество распалось на две группы.

Большая часть домовитых казаков селилась в низовьях
Дона, где были благоприятные условия для быстрого обога-
щения. Отсюда легче было совершать военные походы.
Низовому войску шло и царское жалование. Сразу заняв
особое положение по сравнению с другими казаками, низо-
вое казачество продолжало обогащаться и в дальнейшем,
чему способствовало использование в их хозяйствах труда
военнопленных и работных людей²¹.

Жители верховых станиц в большинстве своем состояли
из голутвенных казаков. Из царского жалования им почти
ничего не доставалось, а участие их в военных походах было
под контролем низовых казаков. А так как часто многие из
них по бедности не имели необходимого снаряжения, то
брали его у зажиточных казаков на кабальных условиях.

И все же нет оснований преувеличивать социальный ха-
рактер деления казаков на низовых и верховых. Среди вер-
ховых тоже очень скоро выделилась прослойка «дюжих» ка-
заков, «которые войску служат». Когда же со второй поло-
вины XVII в. на Дону стали утверждаться как ведущие
отрасли хозяйства земледелие и скотоводство, процесс со-
циальной дифференциации пошел более быстро как на Ниж-
нем, так и на Среднем Дону. Уже в третьей четверти XVII в.
деление казаков на низовых и верховых по существу поте-

²⁰ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов, т. I. М., 1954, № 106, стр. 154.

²¹ «Дополнения к Актам историческим», т. XII, стр. 197—198,
214 и др.

ряло свое значение. В то же время более резко обозначилось деление их по имущественному признаку на голутвенных и домовитых.

Социальное расслоение и непримиримость классовых интересов в войске Донском выявились с особой силой во время Крестьянской войны под предводительством Степана Разина²².

Расправляясь с представителями социальных верхов, Разин и его приверженцы охотно принимали в свою среду работных людей и крестьян и со своей стороны боролись за их интересы²³.

В то же время домовитые казаки, а особенно старшинская верхушка, стремились к союзу с московским правительством. От него они получали жалование, а в нужном случае — вооруженную силу для «усмирения» голятьбы. Поэтому, как только началось восстание под руководством Разина, богатые казаки и старшины заняли определенную позицию, послав «ото всех прямых донских казаков» с доном в Москву атамана Михайлу Самаренина²⁴. Столь же определенной была позиция богатых казаков и старшинской верхушки и во время Булавинского восстания²⁵.

Деление казаков на домовитых и голутвенных не было простым делением на богатых и бедных.

Положение среднего и домовитого казачества определялось прежде всего не богатством (хотя к нему оно тоже стремилось), но теми правами и привилегиями, которыми обладало казачье сословие. Только опираясь на них, домовитое казачество могло поддерживать свое экономическое положение.

В XVII в. домовитые казаки заняли господствующее положение в войске и составили тот слой среднего, зажиточного казачества, на которое опиралось правительство в своей политике на Дону. Однако и оно не было однородным по своему составу. В силу специфических условий существования казачества из его среды прежде всего выделились

²² «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов, т. I, № 57, стр. 91; № 171, стр. 235.

²³ Там же, № 36, стр. 69.

²⁴ Там же.

²⁵ «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)». Сборник документов, М., 1935, № 66, стр. 238—239; Н. С. Чаев. Булавинское восстание (1707—1708). М., 1934, стр. 34—35.

вожди-атаманы, заняв особое положение в войске. Правда, в XVI и XVII вв. атаманские должности были выборные и временные, и на первых порах действительно было так, что атаман, сложивший по какой-либо причине свои обязанности, возвращался в лоно рядовой массы казачества и в правовом отношении ничем от нее не отличался, так что еще в первой половине XVII в. донские казаки заявляли, что «все они меж себя равны»²⁶. Но такое положение сохранилось недолго. Преимущества, которыми пользовались войсковые и станичные атаманы, были настолько значительными, что казачья верхушка стремилась удерживать эти должности в своих руках. Так, с 1636 по 1661 г. должности войсковых атаманов войска Донского занимали всего семь человек. В течение этих 25 лет каждого из них избирали по нескольку раз, а Наума Васильева, бывшего в общей сложности атаманом около 13 лет, даже 5 раз²⁷. Во второй половине XVII в. войсковые атаманы также избирались из небольшого круга людей, причем этот круг все более сужался. Очень долго атаманом войска Донского был известный думшитель разинского движения Корнилий Яковлев²⁸. С 1680 по 1699 г. почти без перерыва войсковым атаманом был Фрол Минаев, которого избирали 19 раз, а в последующие годы эту должность с небольшими перерывами занимали его сыновья Максим и Василий. В течение этих лет другие представители семьи Фроловых неоднократно занимали должности станичных атаманов и атаманов зимовых и легких станиц. Власть Фроловых в войске в тот период была очень большой, и некоторые из старшин выражали опасение, что «кто-нибудь из Фроловых получит себе вечное атаманство»²⁹.

²⁶ РИБ, т. XVIII. СПб., 1902, стб. 660—661.

²⁷ «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. 2. СПб., 1902, стр. 214.

²⁸ А. И. Данилов. Атаман Корнилий Яковлев. — «Донские областные ведомости», 1904, № 43—44; «Акты, относящиеся к истории войска Донского», собранные генерал-майором А. А. Лишиным (далее — «Акты Лишина»), т. I. Новочеркасск, 1891, стр. 56—104.

²⁹ «Акты Лишина», т. I, стр. 102—189; Л. М. Савелов. Донское дворянство, семья Фроловых на Дону. М., 1914; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. 2, кн. IV, гл. XVIII. СПб., [6/г], стб. 837, 1379—1380. Опасения старшин о превращении Фроловых в «вечных» атаманов частично оправдались, когда 18 января 1718 г. на Дон была послана грамота, в которой указыва-

Уже в первой половине XVII в. войсковой и станичные атаманы войска настолько отделились от общей казачьей массы, что их начали именовать старшинами³⁰. Со временем это понятие несколько расширилось, и старшинами стали называть не только атаманов, но и вообще всех «знатных людей», к числу которых относились и бывшие атаманы, сохранявшие вес и влияние в войске, а также их родственники.

Постепенно понятие «старшина» приобрело социальный смысл. Отличительным признаком старшины становился не военный опыт и не административные качества, а занимаемая должность и накопленное богатство. Приобретенное благодаря особому положению атаманов, прежде всего во время походов и набегов, но также и при дележах угодий, оно укрепляло положение старшин в войске, делая их наиболее сильными претендентами на занятие атаманских и прочих должностей.

Таким образом, к концу XVII в. из общей массы казачества в войске Донском выделилась особая привилегированная группа донской старшины. Формально она отличалась от других казаков тем, что ее представители занимали выборные атаманские должности в войске. Фактически это была уже потомственная корпорация людей, обладавших богатством и пользовавшихся большим влиянием.

Богатство и влияние в войске дали в руки старшины большую власть. Уже в XVII в. казаки часто именовали старшин «советниками» войскового атамана³¹. И это соответствовало действительности, так как атаманы очень прислушивались к мнению старшин, а когда возникала необходимость решить особенно важные дела, атаманы, прежде чем вынести их на войсковой круг, устраивали «тайные круги с старшиною малыми людьми»³². Если казаки все же пытались провести на кругу угодные им решения, старшина уже имела достаточно сил, чтобы этого не допустить. Так

дось Василию Фролову быть войсковым атаманом «для показанных твоих к нам, великому государю, услуг и верности впредь до нашего великого государя безперемменно, и тебе б войсковому атаману Василию Фролову, видя нашу царского величества к тебе милость, служить нам, великому государю, верно» (ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1718 г., д. 31 л. 23).

³⁰ «Историческое описание земли войска Донского», стр. 392—393.

³¹ «Акты исторические», т. III, № 296, стр. 477.

³² ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДК, д. 4, лл. 1—19.

было, например, в 1683 г. во время распределения царского жалования на кругу. По словам подьячего, привезшего его войску, «казаки никаких слов не говорили», ибо «только-де они почали было говорить о сорочках», которых не было прислано, «атаман-де Фрол Минаев, Иван Семенов и старшина закричали, о чем шуметь»³³.

Процесс социального расслоения в войске Донском, закрепляемый правительственной политикой, настолько отделил старшин от рядовой массы казачества, что уже в 80-х годах XVII в. казаки именовали их «станищными бояры и воеводы»³⁴, а активное участие их в подавлении Крестьянской войны под предводительством Степана Разина и других народных волнений вызывало у рядового казачества такую острую ненависть к ним, что казаки выражали горячее желание у «войсковых старшин головы резать и бородами связывать и через якару вешать...»³⁵ Впрочем, так они и поступали. Когда, например, в мае 1708 г. казаки во главе с Кондратием Булавиным заняли Черкасск, то, как отмечалось в письмах Булавина на Кубань и к запорожским казакам, «чинили суд» «на своих прежде бывших старшин, на Лукьяна Максимова, на Ефрема Петрова с товарищи», «и тех неправедных старшин своих... за их неправду и многое разорение, приговоря войском, казнили их смертью»³⁶.

Во второй половине XVII—начале XVIII в. противоречия между старшинами и рядовой массой казачества в отдельные периоды достигали большой остроты. В целом же старшин и рядовую массу казачества объединяли общие социальные интересы, и потребовался еще длительный период времени, в течение которого старшины, превратившись в землевладельцев, окончательно отделились от казачества и влились в ряды дворянского сословия.

Итак, социальная обстановка на Дону в начале XVIII в. характеризуется тем, что казачество как сословие постепенно превращалось в особое, замкнутое военное сословие феодального общества. В рамках этого сословия шел интенсивный процесс социальной дифференциации, причем из об-

³³ Там же, ДД, 1683 г., д. 31.

³⁴ «Дополнения к Актам историческим», т. XII, стр. 271.

³⁵ Там же, стр. 280.

³⁶ «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)». Сборник документов, № 246, стр. 461, 463; № 243, стр. 457—459.

щей массы казачества выделились три основные группы: среднее казачество, голытьба, старшинская верхушка.

Начало XVIII в. характеризуется обострением противоречий в войске Донском. Это выразилось прежде всего в усилении давления на социальные низы Дона — голытьбу и пришедших беглых людей. Нет необходимости останавливаться на этом вопросе, ибо он всесторонне освещен в ряде работ советских историков, и особенно подробно в недавно вышедшей книге Е. П. Подъяпольской³⁷. Следует только отметить, что на голытьбу и пришедших беглых людей наступали и великорусские дворяне, и донские старшины. Казалось бы, что интересы у дворян и старшин общие. На самом же деле великорусские дворяне старались захватить донские земли, а беглых вернуть их владельцам. Донские же старшины стремились к тому, чтобы превратить донские земли и беглых крестьян в объект крепостнической эксплуатации. Следовательно, у великорусских помещиков, поддерживаемых государственной властью, с одной стороны, и у донских старшин, с другой, в борьбе с беглыми были не только общие интересы, но и противоречия. Говоря иначе, социальная политика правительства, направленная на передачу донских земель великорусским помещикам и возвращение им беглых, была непопулярна не только у голутвенного и недавно пришедшего на Дон люда, но и у зажиточного казачества и даже его верхушки — старшины.

Все казачество было недовольно также политикой абсолютистского государства, направленной на ликвидацию казачьей автономии и казачьих вольностей. Казачество не желало мириться с наступлением самодержавно-абсолютистской монархии на его права и привилегии, со стремлением правительства построить крепость в непосредственной близости от земли донских казаков и даже на ее территории, с лишением «права убежища» и «права внешних сношений», с вмешательством государственной власти непосредственно в войсковые распоряжения, с предписанием Петра I азовскому губернатору «донских казаков ведать, как вас бог вразумит»³⁸.

Так сложилась обстановка в войске Донском к началу XVIII в. Она определила прежде всего участие всего рядо-

³⁷ Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. М., 1962, стр. 54—69.

³⁸ «Акты Лишина», т. I, № 150, стр. 234.

вого казачества в Булавинском восстании, особенно в первый период восстания. Не сразу и далеко не все из них отошли от восстания на последующих его этапах. Во всяком случае 7 мая 1708 г. А. Д. Меншиков доносил царю, что «все они (донские. — А. П.) казаки заодно»³⁹; 10 мая 1708 г. о том же сообщал Петру I азовский губернатор И. А. Толстой⁴⁰, а находившийся на Дону кн. В. В. Долгорукий 15 июля 1708 г. также отметил, что «все (донские казаки. — А. П.) изменили сплошь»⁴¹.

Обстановка, сложившаяся в войске к началу XVIII в., определила, почему в ходе восстания совсем иной оказалась позиция старшин. В целом, особенно после взятия восставшими Черкаска, они выступали в качестве душителей народного движения наравне с правительственными карательными отрядами. Однако на начальном этапе восстания некоторая часть старшин примыкала к нему, надеясь извлечь из восстания кое-какие выгоды для себя. Но как только старшины увидели, что движение народных масс стало принимать невыгодный для них оборот, они стали на путь предательства.

Уже на первом этапе восстания определилось, что из всех социальных прослоек казачества единственной и до конца последовательной силой было голутвенное казачество. Оно боролось не только против наступления самодержавной власти, но прежде всего против феодально-крепостнического гнета, от которого голытьба страдала больше всего. Близкое по своему социальному положению к крестьянству, голутвенное казачество не прекратило борьбы и после того, как в конце 1708 г. на Дону восстание было разгромлено. Не желая сдаваться на милость победителя, многие голутвенные казаки бежали в Центральную Россию, Поволжье и Запорожье и там приняли участие в антифеодальной борьбе, продолжавшейся еще в 1709 и 1710 гг. Немало голутвенных казаков, спасаясь от преследования карателей, ушли вместе с Игнатом Некрасовым на Кубань.

³⁹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VII, ч. 1. Пг., 1918, стр. 634.

⁴⁰ «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)». Сборник документов, стр. 236.

⁴¹ Там же, стр. 298.

О ДЕЙСТВИЯХ ПОВСТАНЦЕВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

Специфика крестьянского движения летом 1774 г. на Правобережье связана с тем, что большая часть территории Правобережья оказалась расположенной за пределами движения головной армии Пугачева (особенно это было характерно для районов Пензенско-Воронежского края). Преследуемый правительственными отрядами, стремясь как можно быстрее попасть на Дон, Пугачев оставлял позади себя огромный повстанческий район.

В свое время отдаленность основной территории Правобережья от места следования главной армии Пугачева дала основание С. И. Тхоржевскому характеризовать крестьянское движение в этом районе как «пугачевщину без Пугачева», т. е. как «стихийное движение, в котором сам Пугачев не участвовал»¹. Действия повстанческих отрядов, отмечает далее Тхоржевский, «отражали в себе не общий план восстания, а весь сложный переплет чисто местных условий и порожденных ими мотивов поведения»². Таким образом, формула Тхоржевского «пугачевщина без Пугачева» означает отрицание как существования связей повстанцев Правобережья с Пугачевым, так и наличия у Пугачева на третьем этапе Крестьянской войны определенного плана восстания. Точка зрения Тхоржевского так или иначе отражала общую линию всей предшествующей историографии.

Эта точка зрения находит своих последователей и в настоящее время. Так, П. П. Вершигора пишет: «Партизанскую войну (речь идет о Крестьянской войне 1773—1775 гг. — Л. П.) вели главным образом разрозненные отряды, связанные с главной армией идейно, но не организационно»³.

¹ С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930, стр. 9.

² Там же.

³ П. П. Вершигора. Военное творчество народных масс. М., 1961, стр. 361.

Несколько абсолютизирует организационную разобщенность повстанческой борьбы на Правобережье и Л. Д. Рысляев⁴.

Переход Пугачева через Волгу послужил сигналом к восстанию на Правобережье. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что во всех направлениях от пройденного Пугачевым пути — Алатырь, Саранск, Пенза, Петровск, Саратов — не осталось ни одного села или деревни, которые не были бы затронуты движением. За короткий срок восстанием была охвачена большая часть Пензенско-Воронежского края. Это движение представляло для правительства Екатерины II не меньшую опасность, чем движение самого Пугачева.

Быстрота передвижения служила серьезным препятствием для связей между Пугачевым и повстанцами. Тем не менее, несмотря на трудности, которые возникали у Пугачева на третьем этапе Крестьянской войны, наличие общего плана борьбы у Пугачева и организационных связей повстанческих отрядов с ним, хотя и спорадических, отрицать нельзя. С одной стороны, эти связи поддерживались самим Пугачевым посредством указов и распоряжений, обнародованных им на правом берегу Волги, с другой — их искали сами повстанцы.

Член Военной коллегии Пугачева И. Творогов на допросе показал, что «во всех местах (Алатыре, Саранске, Пензе, Петровске. — Л. П.) жители не противились, но, встречая везде с хлебом и солью, давали в толпу нашу вооруженных людей, хлеб и фураж, по силе (пугачевских. — Л. П.) указов, им данных...»⁵ Так, на подступах к Саранску 26 июля Военной коллегией за подписью И. Творогова, секретаря А. Дубровского и повытчика Г. Степанова был издан указ, согласно которому к моменту вступления главной армии в город «для всемилостивейшего государя Петра Федоровича, который с победоносной армией шествовать соизволит через написанный город Саранск для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву», должно было быть приготовлено: 12 пар лучших лошадей под артиллерию, хлебные припасы для казачьего войска

⁴ Л. Д. Рысляев. Пугачев в Саратове. — «Вестник Ленинградского университета», 1962, № 8; он же. Крестьянская война 1773—1775 гг. в Нижнем Поволжье. Автореф. канд. дисс. Л., 1963.

⁵ «Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг.». Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1961, стр. 190.

и фураж для коней, «дабы им в чем недостатка восполнить не могло»⁶. Подобный же указ был издан Пугачевым на подступах к Пензе⁷. Существовали, по всей видимости, и другие, не дошедшие до нас указы Пугачева того времени. Так, Творогов засвидетельствовал, что иногда являлись к Пугачеву «из крестьян такие люди, которые просили от него себе указов о наборе в толпу его людей, кои (Пугачев. — Л. П.) им и давал»⁸.

Связь Пугачева с повстанцами осуществлялась также и через те небольшие отряды, которые отпочковывались от главной армии Пугачева и действовали по распоряжению самого Пугачева или по заданию его ближайших сподвижников. Целью таких отрядов, посылаемых Пугачевым, было оказание помощи крестьянству на местах. На прибывших пугачевцев крестьяне смотрели как на посланцев Петра III, с санкции которых можно чинить суд и расправу над своими угнетателями. Так, дворцовый крестьянин села Тазина Федоров, будучи в одном из таких небольших отрядов, состоящем из 20 человек, побывал в селе Шуватове Пензенского уезда. Крестьяне этого села с хлебом и солью встретили пугачевцев. Они обратились к повстанцам с просьбой повесить помещичьих управителей. Пугачевцы немедленно учинили расправу над старостой этого села, повесив его на слезе собственного дома⁹. Точно такой же отряд из «старых казаков» был послан Пугачевым из Пензы. Первым пунктом, куда прибыл отряд, была деревня Гузинцы. Выслушав жалобы крестьян на выборного, который «при зборе помещичьего оброку причинял им несносные обиды», повстанцы при содействии крестьян тут же на господском дворе повесили выборного. Далее путь этого отряда пролегал через деревни Мокровку и Куроедовку. В последней повстанцы расправились с зажиточным крестьянином Алексеем (фамилия неизвестна), который «по ево достатку» нарушал правила при организации рекрутских наборов¹⁰.

⁶ «Пугачевщина», т. I. Из архива Пугачева (Манифесты, указы и переписка). М.—Л., 1926, стр. 67.

⁷ Там же, стр. 69.

⁸ «Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг.», стр. 190.

⁹ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 467, ч. 8, л. 334 об.

¹⁰ Там же, лл. 335 об. — 336.

Иногда связь главного войска с повстанцами на местах осуществлялась через ближайших сподвижников Пугачева. Так, в начале августа в Саранском, Пензенском и Петровском уездах действовал отряд, возглавляемый пугачевским полковником Фалковым. В деревне Мочкажоровой, в селах Тазине и Березняки, где побывали повстанцы, крестьяне торжественно встречали отряд Фалкова, а некоторые присоединялись к нему. Особенно большое влияние производили на крестьян речи Фалкова, который «по повелению государя Петра Федоровича» провозглашал «народу волю, непослушание помещикам, освобождение от выплаты подушных денег, оброка и рекрутских поборов сроком на 12 лет»¹¹. Обычно крестьяне тут же присягали «Петру Федоровичу».

В отряд Фалкова вступил Фирс Иванов. Это был крестьянин помещика Киндякова села Ильинского (Сурали) Саранского уезда¹². Вместе с отрядом Фалкова он прошел путь от своего родного села до Петровска. Здесь Иванов получил боевое крещение. Однако, не доезжая до Петровска, Фирс вместе с тремя крестьянами покинул отряд Фалкова, чтобы продолжить борьбу в родных краях. Очень скоро Иванов создал большой повстанческий отряд, который, по словам главнокомандующего П. Панина, приволил «в ужас здешний край»¹³. Повстанцы, руководимые бесстрашным Ивановым, в предместьях Курсуни одержали одну из крупнейших побед на Правобережье, вступив в бой с отрядом карателей, возглавляемым комендантом Симбирской крепости Рычковым. На поле боя правительственный отряд понес большие потери: были убиты капитан Рычков и 30 человек из его команды, 50 человек захвачены в плен¹⁴.

Сами повстанцы, находясь вдали от руководителя Крестьянской войны, через своих наиболее способных, смелых и энергичных представителей пытались преодолеть столь свойственные крестьянским восстаниям локальность и неорганизованность. Деятельность повстанческого отряда, возглавляемого Иваном Ивановым, — наглядное тому доказательство. На основании найденных нами источников можно считать установленным, что его настоящая фамилия — Иван

¹¹ Там же, ф. 1274 (Панины-Блудовы), д. 181, л. 251.

¹² Там же, л. 250 об.

¹³ «Сборник РИО», т. 6, стр. 187.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 255.

Иванов сын Родионов¹⁵. Он был крепостным крестьянином села Каменки Пензенского уезда, принадлежавшего княгине А. А. Голицыной. На основании найденного нами показания Родионова, данного им в Симбирской провинциальной канцелярии, удалось установить, что это был грамотный, пользующийся среди односельчан авторитетом человек, по профессии иконописец¹⁶. Мысль об участии в борьбе под руководством Пугачева у Родионова и его единомышленников созрела задолго до появления Пугачева в Пензенском уезде. Как только в конце июля 1774 г. от земского села Каменки стало известно, что войско Пугачева из Саранска движется в направлении к Пензе и что воевода и воеводский товарищ уже бежали из города, Иван Родионов вместе со своими односельчанами выехал в деревню Куваку, расположенную вблизи Каменки, где на сходе крестьян этой и других деревень и сел было решено послать Родионова вместе с крестьянином Ал. Григорьевым и с написанным «им, Иваном, образом богоматери» к Пугачеву. Решение крестьян послать своих односельчан к Пугачеву говорит о том, что крестьяне княгини Голицыной давно ожидали Пугачева, связывая с его именем получение вольности и освобождение от тягостных повинностей.

В Пензе Пугачева еще не было, тогда И. Родионов и Ал. Григорьев выехали ему навстречу. Под селом Яссы (возможно, Исса) они встретили пугачевских казаков, которые, узнав о том, что они крестьяне и едут к «царю Петру Федоровичу», отвели их в лагерь Пугачева. Родионов принял присягу и, получив от Пугачева указ, запечатанный в пакет, двинулся в обратный путь. Факт вручения указа Родионову, выборному представителю крестьянства, свидетельствует о том, что с момента перехода на правый берег Пугачев уделял внимание организации восстания и распространению антикрепостнических идей на Правобе-

¹⁵ Это следует из донесения А. В. Суворова П. Панину (ЦГАДА, ф. 1274, д. 174, л. 366), из списка мест в Пензенской провинции с указанием побед и поражений повстанцев (там же, д. 183, л. 292), из показания попа М. Михайлова (там же, д. 190, л. 254), из показания М. Еромолаева (там же, ф. 349 (Тайная канцелярия), оп. 2, д. 7414, л. 5). В литературе и большинстве источников он действует под именем Ивана Иванова.

¹⁶ В экстракте показания говорится об Иване Иванове следующее: «Грамоте и писать умеет, художество имеет иконописное» (ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 388).

режье. Как видно из показания Родионова, Пугачев спрашивал, «откуда он и какой человек».

В Каменке после возвращения Родионова от Пугачева с санкции бурмистра И. Сурова и старосты Х. Васильева в торжественной обстановке собрался новый сход, на который явились крестьяне не только села Каменки, но и окрестных селений: Сергеева, Никольского, Владыкино, Мещерского и др. На этом сходе Родионов зачитал указ, привезенный от Пугачева, текст которого до нас не дошел. Как видно из показания Родионова, «он, Иван, читал (указ), в котором написано: божьею-де милостию мы, Петр III, император и самодержец Всероссийский... жалуем-де сим имянным нашим указом с монаршим, отеческим нашим милосердием всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственной нашей короне»¹⁷. Брат Ивана Ефим Родионов на допросе сообщил: «Видел он, что брат ево, Иван, приехал от того называющегося царя и привес с собой указ..., а тот указ на сходе им братом ево читан, и написан тот указ именем государя Петра Федоровича и крестьянам от помещиков делает вольность и от платежа подушных денег и от рекрутской отдачи увольняет и жалует солеными озерами безпошлинно»¹⁸.

Сравнивая показания братьев Родионовых с манифестами, обнародованными Пугачевым, нетрудно убедиться, что Иван Родионов получил от Пугачева один из замечательнейших документов, обнародованных Пугачевым на правом берегу Волги: указ от 18 июля 1774 г. (возможно, он был именован). Тут же на сходе указ еще раз вслух для всех был прочтен земским А. В. Козловым.

Возвращение И. Родионова с указом Петра III произвело на крестьян большое впечатление. «Чему и обрадовались они», — сообщил на допросе Родионов. Привезенный от Пугачева указ освобождал крестьян от крепостной неволи. Появление посланца с указом от Пугачева было сигналом для активного выступления крестьян на борьбу против своих угнетателей.

Кроме указа с изложением программы борьбы, Пугачев дал И. Родионову, как показал он вторично, «секретной указ,

¹⁷ Там же, л. 390 об.

¹⁸ Там же, д. 394 об.

по которому он во всех жительствовах, в коих он в разезде, должен был (с крестьян. — Л. П.) в послушании ему, Пугачеву, брат подписки»¹⁹. Этот «секретный указ» с точки зрения организации восстания имел не меньшее значение, чем манифест от 18 июля. Распространение его в Пензенском крае имело своей целью привлечь как можно большее число крестьян на сторону Пугачева.

За сравнительно небольшой промежуток времени И. Родионову удалось объединить вокруг себя большое число повстанцев. Предводителю пензенского дворянства Чемесову уже 5 августа стало известно, что в «злойдейском гнезде» (как он именовал Каменку — центр повстанцев) собралась «толпа» числом «до 5 тыс. человек»²⁰. Несмотря на то что эти данные исходят из официальных источников и, безусловно, не лишены преувеличения, в количественном росте повстанческого отряда едва ли можно сомневаться.

Сам И. Родионов был талантливым военачальником, отважным и энергичным борцом за народное дело. Выполняя распоряжение Пугачева, пытаясь увеличить силы борющихся крестьян, он ездил по селам и деревням с чтением указа Пугачева. В селах Макарове, Зубрилове, Богородицком, Никольском, Александровском, Архангельском, в деревнях Куваки, Варешки, Ивановские Верги и других он объявлял крестьянам, что будут они «государевы, а не господские»²¹. Надо заметить, что крестьяне относились к указам «Петра III» с чрезвычайной бережностью. И. Родионов, как видно из показания, носил манифест Пугачева «всегда при себе» как самую дорогую реликвию, а для чтения «оного указу в разных жительствовах» давал копию²². Под руководством И. Родионова крестьяне громили помещичьи имения, захватывали их имущество, жестоко расправлялись с помещиками. Крестьяне сами признавали, что они «пришли в великую мятежность и находились в противностях и непослушаниях... почти месяц». Силы восставших настолько окрепли, что они начали думать о захвате Пензы и истреблении там дворянских фамилий²³. Жаркая схватка

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 393.

²⁰ «Жизнь Ефима Петровича Чемесова». — «Русская старина», т. 72. СПб., 1891, стр. 8.

²¹ «Пугачевщина», т. III. М.—Л., 1931, стр. 66—67.

²² ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 388 об.

²³ «Пугачевщина», т. III, стр. 65, 66.

между повстанцами и правительственными отрядами произошла 8 августа в 30 верстах от Пензы, близ села Загоскина. По сообщению упомянутого выше Чемесова, повстанцы «со всею упорностью на месте стояли» и отступили, понеся большие потери, после «немалого» сопротивления.

Поражение под Загоскином, однако, не означало отказа от борьбы. И. Родионов и его ближайшие сподвижники, вдохновленные манифестами Пугачева, были полны решимости бороться и собирать новые силы. С этой целью, отправив брата в Каменку, сам он направился в Саратов к Пугачеву, чтобы «просить команды против уланов»²⁴. Новая попытка И. Родионова связаться с вождем Крестьянской войны Пугачевым говорит о желании повстанцев Правобережья снова наладить связь с Пугачевым. Очевидно, убедившись в непрочности крестьянского войска, И. Родионов намеревался получить от Пугачева боеспособный вооруженный отряд. На допросе И. Родионов показал, что «в команде его было восемь человек мужиков и с ними ездил в Саратов к называемомуся царем з жалобы на уланов, что они их сыскивают, и просил против их команды, точию ему команды не дали»²⁵.

Из показания И. Родионова и его брата остается неясным, получил ли И. Родионов помощь от Пугачева. Ответ на этот вопрос дает показание И. Коренева. «А его, Ивана, с названным им, Пугачевым, из яицких казаков полковником Иваном Ивановым сыном, а прозвания — не знает, дав ему в команду 300 человек, послал для набрания ему ж, Пугачеву, в службу охотников, в Воронежскую губернию и в прочие места, где только можно оных набрать»²⁶. Сопоставление этих показаний приводит к выводу, что они хронологически зафиксировали одинаковые периоды в ходе Крестьянской войны, ибо в показании Коренева речь идет о событиях, происходивших в период движения Пугачева из Саратова в направлении Камышина²⁷.

Из показания Коренева следует, что отправка его в Воронежскую губернию с отрядом в 300 человек есть результат стремления И. Родионова получить помощь от Пугачева.

²⁴ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 388 об.

²⁵ Там же.

²⁶ «Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг.», стр. 91.

²⁷ Там же.

Одновременно оказание помощи И. Родионову совпадает с общими планами Пугачева в тот период. Тот же Коренев, следовавший с Пугачевым из-под Оренбурга до Саратова, говоря о замыслах народного вождя, сообщил, что Пугачев намеревался идти к Черкасску, а оттуда через Воронеж и Тулу на Москву, чтобы занять царский престол²⁸.

Интерес Пугачева к Воронежской губернии не случаен. Непосредственно примыкая к территории войска Донского, она должна была служить плацдармом для нового наступления повстанческой армии на Москву. Пугачеву очень важно было заручиться поддержкой крестьян и других слоев населения этой обширной и населенной губернии.

Вернувшись от Пугачева, И. Родионов вместе со своими сподвижниками с неиссякаемой энергией продолжал бороться за освобождение крестьянства. Чувствуя безвыходность положения, И. Родионов отдал пугачевский указ на хранение крестьянину Семену Сергееву, проживавшему на хуторе господ Нарышкиных, в 20 верстах от села Аркадака²⁹. В ноябре И. Родионов попал в руки карателей.

Таким образом, приведенный материал дает нам основание сделать вывод о том, что Пугачев и отдельные повстанческие отряды были связаны не только идейно, но и организационно. Поведение населения города Инсара, одного из крупнейших центров повстанческой борьбы Правобережья, представляет собой наглядный пример попыток повстанцев преодолеть узкие рамки локального восстания и внести в него определенные моменты организации.

Волнения в Инсаре начались задолго до того, как Пугачев вплотную приблизился к городу. Еще 22 июля 1774 г. предводитель инсарского дворянства Машков указывал воеводе Болдыреву на необходимость принятия мер предосторожности³⁰, однако, не получив поддержки, вынужден был самостоятельно отдать распоряжение об учреждении караулов, о невыезде из города без билетов и паспортов, о неотлучке дворян. 25 июля, когда стало известно, что Пугачев занял Алатырь, панические настроения в городе

²⁸ «Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг.», стр. 92; см. также: А. И. Андрущенко. Документы о Крестьянской войне 1773—1775 гг. на Дону и в Нижнем Поволжье. — «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 209.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 388 об.

³⁰ Там же, Госархив, разр. VI, д. 504, ч. 4, л. 125.

усилились. Но особая тревога охватила город, когда пришли вести о взятии Пугачевым Саранска, где была учинена расправа над дворянами. В такой обстановке местная администрация обратилась к жителям Инсара и уезда с призывом «явиться для защиты города». Местные власти добивались мобилизации для защиты города всех людей, способных держать оружие. Предполагалось всех собравшихся разделить на две части, одну из которых отправить на борьбу против Пугачева, а другую — оставить для защиты города. Однако попытка местных властей организовать защиту города натолкнулась на сильное сопротивление населения. Из уезда, как видно из донесения воронежскому губернатору Н. Штеневу, ни один человек в город не явился, а собравшиеся в городе однодворцы заявили дворянству: «Что-де вы деритесь, а мы драгца не будем и, наклоня головы, пойдем к нему (Пугачеву. — Л. П.) и встретим с хлебом и с солью»³¹.

В городе началось восстание. Воевода Болдырев вместе со своим заместителем и инсарским дворянством, захватив с собой денежную казну, бежали из города. Возможно, что жители Инсара ожидали появления Пугачева в самом городе, но этого не произошло. Тогда на городском сходе было решено отправить к Пугачеву делегацию во главе с Григорием Моисеевым. Встреча произошла в селе Ухтинке под Пензой, где находился в это время лагерь Пугачева. Надо заметить, что Пугачев, не имея возможности ни задержаться долго на одном месте, ни организовать центр борьбы, относился к выборным посланцам с чрезвычайным вниманием. Пытаясь поддержать в народе боевой дух, он выдавал представителям народа указы. Надпись на указе «выборному Григорью Моисееву с мирскими людьми» свидетельствует о том, что Моисеев получил от Пугачева именной манифест, датированный 1 августа и подписанный Твороговым, секретарем Дубровским и понытчиком Степановым, который по содержанию представляет собой разновидность манифеста от 18 июля.

2 августа 1774 г. депутация Григория Моисеева возвратилась в Инсар. На привезенном именном указе, который дошел до нас в подлиннике, сохранилась помета: «Получен в Инсарском яму августа 2 дня 1774»³². Получение манифеста

³¹ Там же.

³² Там же, д. 467, ч. 8, л. 248. Этот указ впервые был обнаружен Р. В. Овчинниковым («Ленинградская правда», 6 октября 1962 г.).

имело для повстанцев Инсара, точно так же как и для повстанцев, руководимых И. Родионовым, большое мобилизующее и революционизирующее значение, ибо пугачевский манифест отражал интересы трудового народа, их самые сокровенные мечты и надежды. Документ, призывающий к истреблению дворянского рода, отныне узаконивал борьбу крепостного народа против своих угнетателей. Инсарцы решили «всем миром» поддержать Пугачева и с оружием в руках отстаивать полученную свободу.

Подполковник Бедряга, возглавлявший карательный отряд, посланный для подавления восстания в Инсаре и уезде, доносил впоследствии, «что нашел в сих уездах нещастных дворян, целыми фамилиями... убитых от собственных их крестьян, однодворцев и ямщиков»³³. Сопротивление жителей Инсара и окрестных сел и деревень было окончательно сломлено только в середине сентября. Более 2 тыс. восставших было подвергнуто наказаниям. Григорий Моисеев, посланец народа к Пугачеву, хранивший его указ, был засечен плетью до смерти³⁴. Однако до последнего момента для восставшего народа манифест Пугачева, который, как сообщал Бедряга, «чернь в весьма важном секрете содержала»³⁵, оставался символом веры в свободу, добро и справедливость.

Манифест, обращенный непосредственно к населению Инсара, подтверждает еще раз, что летом 1774 г. Пугачев пытался идейно и организационно поддержать повстанческое движение, широко распространившееся на Правобережье. Однако отсутствие постоянного центра борьбы на Правобережье, который Пугачев не мог создать из-за преследования правительственными войсками, и быстрое передвижение главной армии Пугачева приводили к тому, что подавляющее большинство повстанцев непосредственно не могло связаться с вождем Крестьянской войны и вынуждено было упорно сражаться самостоятельно.

Несомненно, что в практике повстанческого движения Правобережья подобного рода попыток связаться с Пугачевым было гораздо больше. Не обо всех из них дошли до нас сведения. Есть основания полагать³⁶, что подобного рода по-

³³ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 467, ч. 8, л. 247.

³⁴ Там же, д. 247.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, ф. 1274, д. 178, л. 139.

пытка была предпринята однодворцами Покровской слободы города Керенска. В реестре лиц Керенска, привлеченных к ответственности по делу Пугачева, говорится: «Оной же Покровской слободы однодворцы приговаривали, что от оной их слободы послан на паре в Саратов в злодейскую Пугачева толпу, дабы оная толпа и еще в Керенске быть могла для защищения их, однодворцев, от судей».

А. И. АНДРУЩЕНКО

ПУГАЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ И КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ МИР

Вопрос о влиянии русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на судьбы пугачевского восстания мало изучен в нашей историографии. Русско-турецкая война оттянула на театр военных действий почти все военные резервы. Гарнизоны в районе восстания состояли преимущественно из инвалидов команд и иррегулярных войск. В условиях обострения внутренних противоречий феодального общества этих войск оказалось недостаточно для подавления начавшегося пугачевского восстания.

Перед лицом массового движения народа растерялись даже высшие военачальники в районе восстания. Екатерина II писала А. И. Бибикову: «Весьма опасаясь, что Деколлонг, если на него устремятся (повстанцы. — А. А.), не ударил бы лицом в грязь: мне кажется, что он ни на себя, ни на людей своих надежды не имеет, ни они на него»¹. Начальник первой карательной экспедиции против пугачевцев генерал-майор В. А. Кар при первых успешных контрударах повстанцев под видом болезни сбежал в Москву, за что был уволен из армии². По словам императрицы, он «так худо действовал, что только увеличил зло»³.

¹ «Сборник РИО», т. 13, стр. 395. Генерал-поручик И. А. Деколлонг был командиром Сибирского корпуса, охранявшего Сибирскую линию.

² Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. 2. СПб., 1884, стр. 151—162.

³ «Сборник РИО», т. 13, стр. 383.

Низкие боевые качества офицеров, командовавших гарнизонами, разумеется, сыграли известную роль. Однако главной причиной успехов восстания на первых порах была массовая поддержка его трудовым людом и, в частности, солдатами, которые целыми командами переходили на сторону восставших. Можно указать, например, на сдачу повстанцам отряда бригадира Билова под Татищевой крепостью, переход на сторону Пугачева части войск генерала Кара и полковника Чернышева под Оренбургом, сдачу Пугачеву гарнизонов ряда крепостей Яицкой и Саратовской линий, Саратова и других пунктов.

Русско-турецкая война 1768—1774 г. всей своей тяжестью легла на плечи трудящихся, и без того страдавших от непрерывно растущих феодальных повинностей, дворянского и чиновничьего произвола, усиления национально-религиозного гнета. К январю 1774 г. восстанием была охвачена огромная территория Оренбургской, Казанской, Астраханской, западной части Сибирской (Тобольской) губерний⁴.

Пугачев и его сподвижники за несколько месяцев создали значительные по тому времени вооруженные силы. Главная повстанческая армия под непосредственным предводительством Пугачева к январю 1774 г. насчитывала до 30 тыс. человек, имела более 100 пушек и в течение шести месяцев успешно осаждала важный военно-политический форпост царизма на юго-востоке империи — Оренбург. Под начальством яицкого казака И. Н. Зарубина (Чики) находилась армия в 15 тыс. человек с десятками пушек, прочно блокировавшая несколько месяцев провинциальный город Уфу. Многотысячные отряды захватили Красноуфимск, Мензелинск, Осу, Яицкий и Гурьев городки и др., длительное время осаждали такие военно-административные центры, как Кунгур, Екатеринбург. Возникли сравнительно устойчивые повстанческие районы: Яицкий, Оренбургский, Волжско-Самарский, Уфимский, Исетский, Красноуфимско-Кунгурский, Екатеринбургский, Западно-Сибирский. В течение длительного времени восставшие господствовали на огромной территории России, пытаясь установить политическую власть по образцу военно-казацкого самоуправления.

Сначала пугачевское восстание не вызвало при дворе и среди дворянства серьезного беспокойства. Все полагали, что

⁴ Губернии даются в границах областной реформы 1775 г.

«мятеж» на Яике «по примеру прошлых лет» будет быстро ликвидирован. Совет, созданный Екатериной II в начале войны с Турцией, обсудив сообщение о начавшемся восстании, признал, что «возмущение не может иметь следствий, кроме что расстроит рекрутский набор и умножит ослушников и разбойников»⁵. Для того чтобы сократить социальные резервы восстания, совет принял предложение Екатерины II о прощении всех «шатающихся по берегу Каспийского моря и в других местах беглых донских и яицких казаков», а также «военных». Сенат опубликовал соответствующий «плакат». Последний срок явки был назначен на 1 апреля 1774 г.⁶ Однако неожиданный разгром повстанцами экспедиции генерала В. А. Кара в ноябре 1773 г. произвел ошеломляющее впечатление. Началось паническое бегство оренбургских и казанских дворян, чиновников, купцов в укрепленные города и за пределы губерний. По словам А. И. Бибикова, Казань он застал в конце декабря 1773 г. «в страхе и смятении», и «из уезда сего города и прилегающих провинций к Оренбургу почти все дворянство и другие лучшие люди выехали»⁷.

Локализовать восстание в заволжских губерниях царским генералам не удалось. Правда предпринятое весной 1774 г. генеральное наступление карательных войск под общим командованием генерал-аншефа А. И. Бибикова закончилось крупным поражением повстанцев. Однако Пугачев сумел создать на Урале новую армию. Он совершил стремительный поход по Зауралью, Уралу, Приуралью, вышел в середине июля 1774 г. на Волгу, взял Казань. Даже последовавшее затем тяжелое поражение под Казанью не прервало похода Пугачева на правобережье Волги, где крестьянство с нетерпением ждало его появления. Пожар антифеодальной войны с июля 1774 г. мощным шквалом разнесся по Поволжью, грозя распространиться по всей России.

Царское правительство вынуждено было перебросить ряд полков в Поволжье, где спешно формировалась вторая карательная экспедиция под командованием А. И. Бибикова. К январю 1774 г. было отправлено 5527 человек пехоты и кавалерии.

⁵ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 1. СПб., 1869, стр. 437—439.

⁶ Там же, стр. 439—440; ПСЗ, т. XIX, № 14058.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 73—73 об.

лерии⁸ в дополнение к имевшимся там 3313 солдатам под командованием генерала Ф. Ю. Фреймана⁹. Одновременно были созданы дворянские ополчения. Эти силы смогли разбить повстанцев под Оренбургом, Уфой и в других местах, но преградить пугачевцам путь на правую сторону Волги они оказались бессильными. В такой обстановке немедленное заключение мирного трактата с Турцией становилось острой потребностью.

Получив 23 июля 1774 г. известие о подписании мира с Турцией, Екатерина II велела Г. А. Потемкину немедленно предписать генералам действующих войск спешить в Поволжье для организации подавления восстания, оставив лишь «самое нужное число генералов при войсках для возвращения полков в Русь»¹⁰. В июле 1774 г. главнокомандующим карательными войсками стал генерал-аншеф П. И. Панин.

В распоряжение его в августе 1774 г. было передано 16 полков кавалерии и пехоты, 7 гусарских поселенных эскадронов, 4 легкие полевые команды, свыше 3500 донских и «малороссийских» казаков, не считая дворянских и купеческих ополчений, насчитывавших несколько тысяч человек¹¹. По поводу этих действительно крупных сил Екатерина II в письме П. И. Панину от 30 июля 1774 г. писала: «Итак, кажется, противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была»¹².

Таким образом, заключение Кючук-Кайнарджийского мира резко изменило соотношение сил в пользу царизма. Плохо организованное, плохо вооруженное, недисциплинированное войско повстанцев в конечном итоге потерпело поражение. Мир с Турцией предотвратил распространение Крестьянской войны на территорию Центральной России и тем самым уменьшил силу удара по господствующему классу дворянства и всей крепостнической системе.

⁸ Д. А. Анучин. Действия Бибикова в Пугачевщину. — «Русский вестник», 1872, т. 99, стр. 469; Н. Дубровин. Указ. соч., т. 2, стр. 167, 179.

⁹ «Русский вестник», 1872, т. 99, стр. 473; ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 504, ч. 1, л. 204—204 об.

¹⁰ «Сборник РИО», т. 13, стр. 419—420.

¹¹ ГБА, ОР, ф. Паниных, папка VIII, д. 1, л. 61 об., 62.

¹² Там же, л. 62 об.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ КРЕСТЬЯН В 1812 г.

Отечественная война 1812 года вызвала в стране не только патриотический подъем, но и надежду крепостных крестьян на освобождение от гнета. Туманные заявления правительства о необходимости борьбы за свободу и независимость давали повод для этих надежд. Вера, что после изгнания французских захватчиков они получат свободу, делала крестьян еще более решительными в борьбе с врагом.

Непрерывно происходившие крестьянские волнения в первые годы XIX в. не прекращались и во время Отечественной войны 1812 года. Они имели место, в частности, в Прибалтике. Уже 29 июля 1812 г. рижский военный губернатор сообщал в Петербург, что в Верровском округе возникли среди крестьянства «беспорядки и буйства». Для подавления этих волнений было предписано «из состоящих в ведомстве его внутренней стражи Митавского и Рижского батальонов без малейшего потеряния времени отправить в Верро одного исправнейшего офицера с командой 40 человек»¹. Затем оказалось, что этих сил недостаточно. Из Пскова была послана конно-артиллерийская рота регулярных войск. Но в связи с тем, что на Псковщине также начались волнения, она была возвращена. На подавление крестьянских волнений в Лифляндской и Псковской губерниях генералу П. Х. Витгенштейну пришлось выделить отряд из своего корпуса. В одном из донесений псковского губернатора Витгенштейну сообщалось, что в Невельском, Суражском, Городецком и Велижском уездах «крестьяне от внушения неприятельских войск к мнимой вольности вышли из повиновения. . . На сей конец я и прошу отрядить в мое распоряжение хотя один эскадрон и 200 казаков»². Наиболее упорную борьбу повели крестьяне Суражского уезда в имениях гр. П. А. Зубова. Против них была послана команда в 300 человек. Но весь этот отряд был разгромлен³.

¹ ЦГВИА, ф. 1 л. (Канцелярия Военного министерства), оп. 1, д. 2565, л. 1.

² Там же, д. 2584, л. 23.

³ Там же.

В Невельском уезде восставшие крестьяне помещика Рокоссовского «дом его и имение разграбили до такой степени, что не оставили ни дверей, ни окон, ни полов, которых бы не изрубили в куски»⁴. К крестьянам примкнули затем крепостные помещика Савельева и крестьяне казенного ведомства села Стаек. И все они, «будучи вооруженными пиками и кольями, напали на фольварок помещика Вышинского и не только изграбили имение, но и лишили бы его и жизни, если бы Вышинский не успел, при обороне себя, одного ранить, а другого застрелить»⁵. На подавление восстания крестьян Невельского и Городецкого уездов П. Х. Витгенштейн вынужден был выделить отряд из двух эскадронов. Мятеж был подавлен. Крестьян вновь вынудили исполнять барские работы⁶.

24 августа крестьяне Новоржевского и Порховского уездов, объединившись с отрядом рекрутов, напали ночью на село Костомары, убили помещика Колюбакина и забрали господское добро. В Краснопольском уезде восставшие крестьяне помещика Репнинского захватили деревню Каменки, «потом, соединясь других вотчин с крестьянами, составили толпу до 500 человек»⁷. На подавление краснопольских крестьян был послан воинский отряд под командой поручика Колтковского. Но этот отряд был разбит. Витгенштейну против крестьян пришлось посылать целый полк. И только после этого «возмутители были схвачены»⁸ и по приговору военно-полевого суда казнены. Следует отметить, что восставшие крестьяне в Краснополе истребляли мелкие французские отряды.

На подавление крестьян Вольмарского уезда из Риги была послана рота. Крестьянские волнения на территории Витебской губернии, начавшиеся летом, повсеместно продолжались до глубокой осени. В одном из донесений витебского губернатора сообщалось, что в ночь на 18 октября «неизвестные люди» напали на управляющего имением помещицы Щуковой Иосифа Каменского, «которые жгли его и мучили до того, что он на другой день умер»⁹. Губернатор дважды просил оказать ему помощь воинскими частями, так как по-

⁴ ЦГВИА, ф. 1 л., оп. 1, д. 2584, л. 23.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 25.

⁷ Там же, л. 24.

⁸ Там же, л. 27.

⁹ Там же, д. 2565, л. 31.

лицейских сил было недостаточно. Но в эти дни шло сражение за Полоцк, и Витгенштейн отказался выделить силы для расправы с крестьянами. Однако крестьянские волнения усиливались, и губернатор обратился за помощью в Петербург. На подавление витебских крестьян были посланы воинские команды из Полоцка, Витебска и Себежа¹⁰.

Крестьяне помещиков Малиновского и Репнинского в Полоцком уезде с начала июля «взбунтовались, вышли из повиновения у своих господ, — говорилось в донесении в Петербург, — и разграбили казенный магазин в деревне Дворище и своих помещиков прогнали»¹¹. Против полоцких крестьян был послан отряд Московского драгунского полка под командой поручика Квятковского. Крестьяне деревни Дворище встретили карателей, будучи вооруженными «ружьями, пистолетами, кольями». Отряд вынужден был отступить, преследуемый крестьянами до деревни Казулино, где 9 августа ночью он был окружен. И «бунтовщики со стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли оную, убив до смерти 2 человека драгун, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили бесчеловечно, потом перевязали схваченных ими одного унтер-офицера и 11 человек рядовых драгун и отвели в Полоцк к французам»¹². Пришлось посылать эскадрон драгун под командой майора Шонгофа. И только на этот раз удалось разгромить бунтующих крестьян. По приговору военного суда «зачинщики» дворовый человек Даниил Макаров, Семен Грачуха и Ларион Куренок были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был немедленно приведен в исполнение в местах их жительства, а Даниил Макаров был повешен в деревне Казулино «на том месте, где им разбита была та команда»¹³.

Крестьяне Дризинского уезда «собрались во множественном числе и, засевши в большой лес, из оного делали нападения... на помещиков». Посланной против них воинской команде удалось «разными уговорами и страхом принудить тех бунтовщиков разойтись по своим домам». Организаторы этого выступления крестьяне Афанасий Кавзель и Гавриил Гузик были преданы суду и «в страх и к воздержанию других казнены смертью: повешены в разных местах, где подоб-

¹⁰ Там же, л. 34.

¹¹ Там же, д. 2584, л. 16.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 17.

ные от крестьян бунты начались, прочие их соучастники по мере каждым учиненного преступления наказаны телесно и отданы их помещикам»¹⁴.

Вся территория Витебской губернии была охвачена крестьянскими волнениями. С момента вторжения наполеоновских войск усилились крестьянские волнения по всей территории Белоруссии. Так, крестьяне Борисовского повета, укрывшись в лесах, создали там отряды самообороны и повели ожесточенную борьбу одновременно с вражескими отрядами и местными феодалами. Они нападали на имения, забирали хлеб. Крестьяне деревни Тростяны Борисовского повета, организовавшие партизанский отряд, убили своего помещика Глазко за то, что последний попытался заставить их нести феодальные повинности и в период оккупации. Французская администрация, устанавливаемая на оккупированной территории, брала под свою защиту помещиков по их просьбе. Так, французский отряд подавил восстание крестьян в имении кн. Радзивилла. В Могилевской губернии для охраны помещиков наполеоновская администрация учредила особые отряды. Подобные карательные отряды создавались неприятелем по просьбе помещиков и в других губерниях. Минский вице-губернатор сообщал, что «крестьяне кн. Радзивилла слободы Пирашевской, выйдя из повиновения помещику, оказали столько буйства, что исправник принужден был истребовать воинскую команду для усмирения их, но когда приблизился с оною к селению, то крестьяне вышли в поле в намерении противиться...»¹⁵

Почти вся территория Белоруссии в течение июля—августа была охвачена крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые вооруженные схватки. За сентябрь 1812 г. из 28 уголовных дел, рассмотренных в Минской губернии, 25 относились к крестьянским волнениям.

Более массовый характер носили крестьянские протесты в Смоленской губернии, где они в еще большей степени сочетались с героической борьбой с вражеским нашествием.

Слухи об антифеодальных выступлениях на оккупированной и прифронтовой территории быстро разносились по всем губерниям. Так, в сообщении московского губернатора говорилось: «Во многих селениях нет ни самих помещиков, ни

¹⁴ ЦГВИА, ф. 1 л., оп. 1, д. 2584, л. 17.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 14, л. 28.

управляющих от них, отчего крестьяне находятся без управления, пускаются в своеволие»¹⁶. Массовый размах крестьянских волнений был в Волоколамском уезде, где крестьяне целыми селами выходили из повиновения. Местные власти и вотчинная администрация были бессильны справиться с крестьянами. Комитет министров 24 сентября предписал генералу Ф. Ф. Винценгероде, «чтобы он на место к взбунтовавшимся крестьянам отрядил достаточную команду и изыскал зачинщиков возмущения, в страх другим велел их повесить»¹⁷. Против волоколамских крестьян было послано два полка.

В антифеодальных выступлениях принимали участие и крепостные рабочие городов Московской губернии. В июле вспыхнуло волнение на бумажной фабрике Мещанинова в Богородске под влиянием слуха, что скоро все крепостные будут освобождены. По жалобе рабочих шелковой фабрики Лазарева в Богородске по предписанию Сената было произведено расследование. Выяснилось, что повод к беспорядкам подает сам владелец фабрики «тем, что, приводя им скудное содержание, довел их до такого убожества, которое в состоянии было лишить их дальнейшей надежды к поправлению своего состояния»¹⁸. Над рабочими издевались, и в этом особенно отличался поручик Чиж. Он «забыл человечество, дошел до того, что мастерового Елесеенкова травил собакою»¹⁹. Подобное выступление произошло и на серпуховской бумажной фабрике купца Н. Борисова.

Из Калужской губернии шли сообщения о начавшихся там крестьянских волнениях. Малоярославский земский исправник доносил губернатору: «Жители некоторых селений, а наипаче Овчининской экономической волости, выходят из послушания, требования земской полиции выполнять отказываются, ссылаясь на близость неприятеля»²⁰. С освобождением территории от противника дворяне Калужской губернии в еще большей степени испытывали страх перед опасностью крестьянских волнений, так как в руках крестьян

¹⁶ ГИАМО, ф. 4 (Канцелярия московского дворянского депутатского собрания), д. 812, л. 1.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 30, л. 207.

¹⁸ ГИАМО, ф. 17 (Канцелярия московского губернатора), оп. 96, д. 4, л. 60.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 2, д. 113, л. 15.

оказалось много трофейного оружия. 23 ноября калужский губернатор доносил царю: «Многочисленные победы, доставившие им разная добычи, в оружиях состоящая, и навык к сражениям могут иногда поселить в них род некоторого буйства...»²¹ Правительство приняло меры к изъятию у крестьян-партизан, действовавших на территории Калужской и Смоленской губерний, оружия.

Массовые антифеодальные выступления имели место и в отдаленных от театра военных действий губерниях: Вологодской, Костромской, Казанской, Пермской, Пензенской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Оренбургской, Саратовской, Екатеринославской, Лифляндской, Тамбовской и многих других.

Приведем некоторые факты из истории борьбы крестьян Нижегородской губернии. Восставшие крестьяне Сергачского уезда послали делегацию в Петербург «с мирским приговором для исходатайствования им вольности»²². А крестьяне вотчины Мусиной-Пушкиной Семеновского уезда избрали из своей среды «поверенных» Ф. Потапова, Д. Николаева и Ф. Филиппова и подали через них губернатору жалобу на вотчинного начальника Г. Куничкина, который «делает с крестьян непомерный сбор денег с побоями и угрозами»²³. В ожидании ответа на свою жалобу они отказались нести повинности. Но губернатор жестоко расправился с крестьянами. Ф. Потапов умер от истязаний в тюрьме, а Д. Николаев был сослан в Сибирь.

Крестьяне Бугурусланского уезда Оренбургской губернии послали в Петербург своих поверенных «к изысканию мнимой вольности», а своей помещице Нагадкиной заявили о несогласии «ходить на барщину». «Дабы пресечь неустройство сие», губернатор послал на усмирение крестьян воинский отряд, где ему приказано было «оставаться до совершенного приведения крестьян в повиновение»²⁴. В ряде уездов Тамбовской губернии крестьянские волнения подавлялись силой воинских команд.

В Приуралье, на территории Сарапульского и Елабужского уездов происходили волнения среди татар и башкир. Они были подавлены силой оружия, а крестьянский вождь Файзула Мунасынов был приговорен к пожизненной каторге. Усилились волнения и среди приписных крестьян, составлявших значительную часть рабочих крепостных мануфактур Урала. На Белорецкий, Верхне-Исетский и Гороблагодатский заводы был послан отряд в 800 человек²⁵. Волнения охватили Ирбитский, Екатеринбургский и Камышловский уезды. Пермский губернатор вынужден был лично объезжать места волнений, охвативших до 20 тыс. человек. На подавление волнений ему потребовалось несколько батальонов войск. Крупное выступление крестьян произошло в имениях заводчика А. И. Яковлева. В Вологодской губернии эти волнения начались по поводу отсылки до 400 крепостных из имений Вологодской губернии на уральские чугуноплавильные заводы, принадлежавшие Яковлеву. Против крестьян была послана воинская команда. Повстанцы рассеяли карателей. Пришлось отряжать усиленный отряд. На требование «покориться» они отвечали: «Живыми в руки не дадимся. Во владения Яковлева идти не согласны, разве всех нас изрубят и отдадут ему трупы»²⁶. Выступление было подавлено. Главных «зачинщиков» волнения старосту Модеста Иванова, сотского Алексея Васильева, крестьянина Алексея Петрова, а также отставного солдата Ивана Михайлова наказали при собрании прочих кнутом, у первых трех вырезали ноздри и, заклеив, сослали в Сибирь на каторжную работу, а последнего — на поселение²⁷.

Восстали крестьяне того же Яковлева, пытавшегося в Череповецком и Устюжно-Железопольском уездах Новгородской губернии отобрать 220 крестьян для отправки на уральские заводы. Здесь крестьяне оказали еще более упорное сопротивление. На подавление их была послана команда 6-го Башкирского полка. Но «сии крестьяне, составив из себя 600 человек, вооруженных пиками, берданками, рогатками, ружьями и даже двумя пушками, поклялись между собой присягою, чтобы никого не выдавать, и объявили ясно земской полиции, что они никакой власти не слушают»²⁸.

²¹ «Бумаги из эпохи 1812—1814 годов. Донесения сенатора Каверина». — «Русский архив», 1871, № 10, стр. 1622.

²² ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 20, л. 1.

²³ Государственный архив Горьковской обл., ф. 5 (Нижегородское губернское правление), оп. 42, д. 33, л. 4.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 2, д. 113, л. 4.

²⁵ Там же, д. 159, л. 172.

²⁶ Там же, д. 159, л. 7.

²⁷ Там же, ф. 1263, оп. 3, д. 45, л. 313.

²⁸ ЦГВИА, ф. 1 л, оп. 1, д. 2584, л. 46.

Новгородский губернатор вынужден был сообщить, что они не поддаются «увещеванию и не приходят в повиновение, не впускают отряд 6-го Башкирского полка в свои селения, арестовали у себя чиновников земской полиции, причинили им бесчеловечные побои и что сии их поступки делали худые влияния и на прочие селения»²⁹. Тогда послали весь 6-й полк. Полковник Шайдаров пытался сначала уговаривать крестьян, но безуспешно. Полк вынужден был отступить от Череповца к деревне Глины, где его также встретили «коляями и пиками, и одному башкиру проломили голову»³⁰. К месту происшествий был послан из Петербурга полковник Чуйкевич. Однако и его всяческие «увещевания» не дали должных результатов. К крестьянам был послан архиепископ Паиссий, но «коликко сей пастырь ни старался уговаривать и увещевать к спокойствию и повиновению, они, отринув сие, остались при прежнем упорстве и возмущении». В ожесточенных схватках «крестьяне, невзирая на самую смерть, дрались и отражали башкирцев отчаянно так, что сам г. Чуйкевич и прочие чиновники, тут находившиеся, поражены и биты»³¹. Волнения были, однако, подавлены силой оружия.

Рассмотренные факты крестьянских выступлений, охвативших значительную часть территории России, свидетельствуют о том, что классовая борьба в стране не только не прекращалась, а еще более обострилась в период Отечественной войны. Массовый героизм в борьбе с захватчиками укреплял веру в право получения свободы. В условиях могучего патриотического подъема в стране антифеодальные выступления сочетались с борьбой за национальную независимость Родины.

В целом антифеодальная борьба в 1812 г. явилась важной предпосылкой нового подъема движения масс против крепостного строя.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 2, д. 159, л. 128.

³⁰ Там же, л. 130.

³¹ Там же, лл. 141, 169.

СОЛДАТЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ 20-х ГОДОВ XIX в.

В настоящей статье делается попытка раскрыть роль и значение участия солдат в движении крестьян в сравнительно узкий, но богатый политическими событиями период 1825—1829 гг. В 1825 г. Россия, по словам В. И. Ленина, «впервые видела революционное движение против царизма»¹.

Было бы, пожалуй, неправомерно представлять участие отставных солдат и унтер-офицеров в крестьянских выступлениях одним лишь следствием влияния на них выступлений декабристов. Сочувствие и участие «нижних чинов» в крестьянском движении прежде всего обуславливалось их происхождением, совпадением интересов крестьянства и солдатских масс в борьбе против самодержавия. В солдаты, как правило, отдавались наиболее обездоленные, отличавшиеся «строптивостью» крестьяне. И естественно, несмотря на то, что самодержавие постоянно использовало солдат для подавления крестьянских протестов, в целом ряде случаев мы встречаемся не только с фактами сочувственного отношения солдатских масс к крестьянам и их антикрепостнической борьбе, но и с примерами, когда отдельные солдаты и унтер-офицеры активно участвовали в волнениях крестьян и были «зачинщиками» выступлений против феодалов и феодального государства, становились во главе крестьянских масс. Чаще всего среди них встречаются либо отставные, либо отпускные солдаты. В связи с этим не случайно помещики выражали явное неудовольствие существовавшим положением, согласно которому уволенные из армии «нижние чины» не возвращались в крепостное состояние, следовательно, были не подвластны им, хотя и оседали на прежнем месте жительства.

Дворянство иногда высказывало сомнения в благонадежности целых воинских подразделений. Примером тому могут служить события 1826 г. в Киевской губернии, когда помещики, напуганные слухами о предстоящей «резне» господ, обратились в соответствующие инстанции с просьбой полностью заменить воинский гарнизон, расположенный в пре-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 315.

делах Уманского уезда². По их мнению, солдаты этого гарнизона по длительности пребывания на одном месте вступили в дружеские отношения с местным населением, «слишком обжились с мужиками». Поэтому помещики просили прислать для своей защиты кавалерийские части.

Сложившееся в Уманском уезде положение было связано с появлением в его пределах солдата А. Семенова, который под видом «майора» с толпой крестьян, добровольных его помощников, разъезжал по уезду, «заковывая посессоров в железа», некоторых из них при этом бил «немилосердно», отменял барщину и называл себя посланником царя «для ареста помещиков и объявления мужикам свободы от повинностей»³. Все это нашло громадный отклик среди крестьян.

С фактом прямого сочувствия крестьянам и их борьбе со стороны «нижних чинов» мы встречаемся и во время подавления волнений крестьян в имении Кусовникова в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии⁴. Солдаты расположенной поблизости от имения артиллерийской части прямо осуждали действия гарнизонной команды, весьма ретиво исполнявшей свои карательные функции. Солдаты-артиллеристы открыто возмущались жестоким (варварским, по их выражению) сечением крестьян. Желая всячески поддержать восставших крестьян, солдаты говорили им, что «за правду всё выдерживают»⁵. Интересно отметить неодобрительное отношение солдат к тем крестьянам, которые изменили общему делу и уговаривали «мир» покориться. Сочувствие к крестьянам проявляли и отдельные офицеры из той же артиллерийской части. По свидетельству крестьянина села Солсгубовка Исаия Григорьева, артиллерийский капитан сказал им, что если они принесут повинную помещику, то их «от девяти десятого пересекут плетью»⁶. Это предупреждение еще больше укрепило крестьян в правоте их действий.

В рассматриваемые годы были случаи и непосредственного участия офицеров в отставке в крестьянских выступлениях.

² ЦГВИА, ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала), оп. 4/847, св. 20, д. 260, л. 16; «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», М., 1961, стр. 43. На территории Уманского уезда до начала событий весны 1826 г. дислоцировались части Днепровского пехотного полка.

³ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 20, д. 260, л. 12.

⁴ Там же, св. 18, д. 191.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Там же, л. 3 об.

ниях. Можно сослаться на дело об отставном корнете В. Выроцком, обвиненном в «возмущении к неповиновению» крестьян помещиков Карабановых Валуйского уезда Воронежской губернии. Выроцкий, по его признанию, отстаивал «законное» право крестьян «быть казенными»⁷.

Постоянным советчиком удельных крестьян села Череватова Ардатовского уезда Нижегородской губернии, борющихся против злоупотреблений приказной администрации и заводимой общественной запашки, выступал подпоручик в отставке П. Иванов⁸⁻⁹. Крестьяне в данном выступлении не ограничились сопротивлением вводимой общественной запашке и самовольно завладели частью посевов, урожаем с которых свезли в свои амбары. Характерно, что крестьяне регулярно собирались на тайные сходки, посылая ходяков к Иванову «для советов» по различным вопросам¹⁰.

Из других фактов участия отставных офицеров в выступлениях крестьян можно упомянуть волнение крестьян деревни Комбурлеевки Александровского уезда Херсонской губернии. Это выступление крестьян примечательно участием в нем уволенного из армии поручика Яковлева, внушавшего в разговорах «крестьянам мысли о свободе». Более того, Яковлев призывал их к «борьбе за улучшение своего положения»¹¹. Все это не могло не сказаться на характере данного выступления крестьян.

Нельзя, конечно, полагать, что подавляющая масса солдат и тем более офицеров относилась сочувственно к борьбе крестьян, поддерживала их. Солдаты нередко весьма жестоко обращались с крестьянами. В таких случаях в крестьянской среде говорили о солдатах, что они «басурманились»¹².

Конкретные формы участия «нижних чинов» в движении крестьян были самыми разнообразными. Так, отставной сол-

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1582 (6-й департамент Сената), оп. 22, д. 99443, л. 11 об.

⁸⁻⁹ Там же, оп. 3, 1829 г., д. 8453; ф. 515 (Главное управление уделов), оп. 18, д. 98; «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 709.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1582, оп. 3, 1829 г., д. 8453, л. 27.

¹¹ М. Я. Стецкевич. Крестьянские волнения в вотчинах Бутурлиных в 1825—1827 гг. — «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. I (IV). Л., 1957, стр. 153—174.

¹² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 282 (Собрание документов Музея Революции), д. 570, л. 4.

дат С. Николаев, придя на господский двор помещицы Алсуфьевой в селе Озерки Мокшанского уезда Пензенской губернии, открыто говорил о «вольной земле» и что все бежавшие на те земли помещичьи крестьяне будут не только вольными, но что им «дадутся ч земли, и дома». Об этом же он говорил на базаре в окружении многих крестьян. Результаты подобных «бесед» и в данном случае не замедлили сказаться: более 30 крестьян упомянутой помещицы бежали на «вольные земли»¹³. Вследствие распространения отставным солдатом Е. Максимовым слухов о заселении на «новой линии» за Уралом бежали и крестьяне помещиков Филатова и Апраксина из Сердобского уезда Саратовской губернии¹⁴. Отставной боцман П. Белоглазов на подторжье базара крупного села «при многих людях» из разных деревень также говорил крестьянам о наличии указа о поселении помещичьих крестьян на «новой линии»¹⁵. О произведенном эффекте мы узнаем из рапортов уездной администрации: на другой же день «после сего происшествия» начались побегии крестьян многих помещиков¹⁶.

В апреле 1826 г. по селениям Кузнецкого уезда Саратовской губернии ходил отставной солдат И. Матюгин и всюду рассказывал о предстоящей «воле» и об отмене подушных платежей¹⁷. Интересно, что в его рассказах о «скорой воле» нашли своеобразное отражение декабрьские события 1825 г. в Петербурге. Так, Матюгин, ссылаясь на письма своих сыновей, служивших якобы при государе, говорил, что «господ секут и третью елку оных уже насаживают»¹⁸. Надежды крестьян на свободу основывались на слухах о том, что царь-де собирался дать крестьянам волю, да злодеи помещики до этого не допустили. Отсюда следовал вывод: необходимо уничтожить всех дворян.

Распространялись слухи, ставившие под сомнение законность правления Николая I. Так, отставной солдат Краснов в конце 1828 г. говорил старосте и крестьянам села Елшанки Хвалынского уезда Саратовской губернии буквально следующее: «Разве у нас государь-император Николай Павло-

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1582, оп. 3, 1826 г., д. 7360, л. 4 об.

¹⁴ Там же, оп. 2, 1826 г., д. 6661.

¹⁵ Там же, д. 6705.

¹⁶ Там же, л. 4 об.

¹⁷ Там же, оп. 3, 1826 г., д. 7359.

¹⁸ Там же, л. 3 об.

вич? Он не государь, а самозванец, не жалсет России, разоряет ее». Далее Краснов убеждал своих слушателей в том, что действительный царь — Константин¹⁹.

Примеры, когда во главе движения становились отставные или отпускные солдаты и унтер-офицеры, не единичны. В этом отношении весьма показательны выступления крестьян шести деревень помещика М. Мельницкого в Демьянском уезде Новгородской губернии, когда крестьяне оказали не только вооруженное сопротивление военной команде, но и организовали нападение на нее²⁰. Главным организатором крестьян выступил отпускной унтер-офицер Маковецкий, сумевший поднять крестьян на вооруженную борьбу. Познания его в военном деле помогли восставшим крестьянам в выборе позиции. Опорным пунктом стала деревня Березна, с трех сторон огибаемая глубокой рекой, а с четвертой стороны надежно прикрытая болотом и глухим лесом.

Крестьяне Мельницкого на протяжении четырех лет (1823—1827 гг.) отыскивали вольность по духовному завещанию их прежнего умершего владельца, не желая слышать «ни о каком повиновении»²¹. Для самообороны восставшие крестьяне собрали до 200 ружей и, испытывая нехватку в людях по малочисленности имения (109 ревизских душ), привлекли на свою сторону «разного рода беглых и сторонних людей», благо их было много в окрестных лесах²². В результате принятых мер крестьяне с успехом отразили первую попытку правительственных органов подавить волнение при помощи 3-го батальона 5-го егерского полка. Крестьяне, не дожидаясь начала карательных операций, сами неожиданно напали на батальон, ранили часть солдат и захватили изрядное количество оружия²³. Против крестьян были направлены еще три батальона регулярных войск. Крестьяне изменили тактику борьбы и вместо открытого вооруженного сопротивления стали уходить в близлежащие леса. В результате в се-

¹⁹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, 1828 г., д. 9.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной), оп. 4, 1827 г., д. 347; ЦГАОР СССР, ф. 109 (III отделение собственной е. и. в. канцелярии), 4-я эксп., 1826 г., д. 89; ЦГВИА, ф. 1 л. (Канцелярия Военного министерства), оп. 1, д. 3597; см. также: «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 691.

²¹ ЦГВИА, ф. 1 л, оп. 1, д. 3597, л. 1.

²² Там же.

²³ Там же, л. 2; ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 4, 1827 г., д. 347, л. 25.

лениях к моменту занятия их правительственными войсками оставались лишь малолетние дети, женщины и немощные старики. Обозленный неудачей, сенатор Баранов приказал жечь Березну, служившую «столь долгое время сборным и укрепленным местом всем бунтовщикам, и по местоположению оной бунтовщики имели возможность со вредом действовать против военных команд»²⁴. Жестокое и бессмысленное действие удивило Николая I, заметившего по этому поводу, что даже на неприятельской территории русская армия не позволяла себе подобных действий по отношению к населению покоренной страны.

Что касается унтер-офицера Маковецкого, то он, как «главный возмутитель» крестьян, постоянно уверявший их в предоставлении им в скором времени свободы, был лишен звания и определен в солдаты навечно без права выслуги²⁵. В ходе карательных действий в деревне был схвачен и отставной солдат Литовского уланского полка, который, по донесению Баранова, также «много способствовал к поселению в крестьянах духа буйности и неповиновения»²⁶.

Во время выступления государственных крестьян трех волостей в Холмском уезде Псковской губернии²⁷ находившийся в отпуске рядовой лейб-гвардии саперного батальона (имя которого в документах не сохранилось) убеждал крестьян не слушать присланного для расследования губернского чиновника и советовал не платить оброка. В результате подобного «действия на умы» крестьян вся вотчина за короткое время пришла в «совершенное неповиновение»²⁸. Крестьяне решительно отказались подчиниться земской полиции, самовольно сменили и заключили под стражу волостного голову и земского писаря, избрали из своей среды новых волостных старшин. Для подавления волнения местные власти просили срочно ввести в вотчину 710 человек воинской ко-

²⁴ ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 3597, л. 4; ЦГАОР СССР, ф. 109, 4-я эксп., 1826 г., д. 89, л. 4.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 4, 1827 г., д. 347, л. 26.

²⁶ ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 3597, л. 2. Документ не зафиксировал его фамилии.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, 4-я эксп., 1826 г., д. 76; 1827 г., д. 57; оп. 86, 1827 г., д. 5; см. также: «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 702.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 86, 1826 г., д. 5, л. 25—25 об.; «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 112.

манды (по числу дворохозяев). Весьма показательно также и то, что военный суд приговорил 13 наиболее активных крестьян к смертной казни через повешение. Однако Николай I не решился утвердить столь суровый приговор.

Следует отметить, что крестьяне добились в своей борьбе частичного успеха: суду были преданы прежний волостной голова, земский исправник и писарь за незаконные поборы и прочие злоупотребления²⁹.

В числе 67 «зачинщиков» волнений крестьян помещика И. Д. Грубецкого в Обоянском уезде Курской губернии, выступивших с требованием предоставления им свободы из помещичьего владения, находились отставные из улан Сидоров и унтер-офицер Данилов³⁰. Оба они «за научение крестьян к неповиновению» (а Сидоров еще и за «сочинение им просьб») были преданы военному суду. Данное волнение также отличалось большим упорством, и для его подавления потребовалось четыре эскадрона Нежинского конно-егерского полка. Крестьяне были убеждены, что «твердым упорством» они получат «свободу от подданства» помещику³¹. Уверенность в справедливости выдвинутых требований позволила крестьянам мужественно перенести все наказания, после которых значительная часть их снова отказалась подчиниться. После этого правительственные органы прибегли к массовым репрессиям. Кроме семи крестьян, преданных военному суду, по личному повелению Николая I трое «зачинщиков» были наказаны кнутом, свыше 60 крестьян проведены сквозь строй в тысячу человек с последующей ссылкой первых трех — на каторгу, остальных — в крепостные арестанты³².

Заметную роль в движении крестьян отставные солдаты и унтер-офицеры сыграли и в ряде других выступлений в рассматриваемые годы³³.

Несмотря на жестокие наказания, отставные «нижние чины» и в последующие годы принимали деятельное участие в крестьянском движении³⁴. Многочисленные факты участия

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 4, 1826 г., д. 365, лл. 100—103.

³⁰ ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 37, 1827 г., д. 161, л. 5.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 4-я эксп., 1827 г., д. 92, л. 1.

³² ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 37, 1827 г., д. 161, л. 21.

³³ См., например, ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 4, 1827 г., д. 337; 1829 г., д. 377 и др.

³⁴ «Документы о революционном выступлении усть-куломских крестьян 1841—1843 гг.». Сыктывкар, 1939, стр. 31—112.

отставных «нижних чинов» в крестьянских выступлениях в 40-е годы XIX в. приводит в своей монографии Н. М. Дружинин³⁵. Сведения о выступлении целой группы отставных солдат во главе движения крестьян содержатся и в работе П. Г. Рындзюнского³⁶. Тем самым в отличие от XVIII в., когда случаи активного участия отставных солдат и унтер-офицеров в крестьянском движении были фактами единичными, в первой половине XIX в. источники отмечают более тесное единение солдатских масс и крестьянства.

В целом участие солдатских элементов в крестьянской борьбе не меняло характера последней. Так же, как и крестьяне, они боролись против крепостнического гнета. Однако отпускные и отставные солдаты и унтер-офицеры, за время службы в армии накопившие большой жизненный опыт, с более широким кругозором и более верными представлениями о действительности, своим участием в общекрестьянском движении вносили в него элементы организованности, придавали большую решимость и упорство борьбе крестьян, вынуждая тем самым господствующий класс к некоторым уступкам. Не последнее место занимало владение ими военными навыками, которые они иногда не без успеха применяли в своих действиях на стороне крестьян. Напомним волнения крестьян Демьянского уезда Новгородской губернии, когда для преодоления организованного сопротивления крестьян потребовались усилия четырех батальонов регулярных войск.

³⁵ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II. М., 1958, стр. 483, 488, 489, 492 и др.

³⁶ П. Г. Рындзюнский. Движение государственных крестьян Тамбовской губернии в 1842—1844 гг. — «Исторические записки», т. 55, стр. 322 и сл.

VII

Новые материалы по военной истории

Р. И. КОЗИНЦЕВА

АСТРАХАНСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в. (Опыт изучения сказок астраханцев)

Источников для детального и всестороннего исследования состава стрелецкого войска Астрахани сохранилось немного: архивы местных учреждений уничтожались во время восстаний. Этот пробел не может быть полностью восполнен материалами, отложившимися в центральных учреждениях. Поэтому приобретают интерес сказки астраханцев, хранящиеся в фонде Астраханской приказной палаты¹.

Большая часть этих сказок принадлежит астраханским стрельцам, что дает возможность проанализировать в различных аспектах их состав после подавления Крестьянской войны.

Сказки сохранились за ряд лет. Наиболее ранние из них относятся к 1674 г., затем — к 1681—1682 гг., к 1685—1686 гг., к 1690—1691 гг., и, наконец, есть группа сказок за 1702 г. Все эти сказки являются остатками более крупных, но утраченных комплексов документов, отложившихся в результате периодически повторявшихся переписей жителей Астрахани. Установить, в какие годы XVII в. проводились переписи, трудно. Наиболее раннее упоминание о переписи

¹ Ленинградское отделение Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ), ф. 178.

относится к 1614 г.² Другое свидетельство содержит указание на то, что перепись проводилась в 1670 г., накануне Крестьянской войны. Так, в 1674 г. сторож Приказной палаты показал: «Во 178 г. по приказу... воеводы И. С. Прозоровского... перед воровским казаческим в Астрахань приходом не за большое время велено было в Астарахани переписывать дворы у астраханских жителей, всяких чинов у людей письменному голове Григорию Олексееву сыну Борису и купчие имать для справки»³. В сказках 1682 г. также имеются ссылки на какие-то переписи, материалы которых до нас не дошли⁴.

Первой переписью, документы которой сохранились, является перепись 1674 г. Проводил ее голова астраханских конных стрельцов казанец Г. И. Жуков. Задачи, стоявшие перед ним, определены памятью воеводы И. М. Милославского. Жукову надлежало «переписать в Астарахани в Кр[емле] и Белом городех дворы и во дво[рех] всяких чинов астраханских ж[ите]лей, и у них детей и братей, и плем[яни]ков, сосед и подсоседников, и на дворы... крепости и с тех крепостей и... списки за руками [брать?]. И Григорий Жуков в старом и в нов[ом] в каменных городех всяких людей астраханских жител[ей] и в них людей и их детей и братей и [племян]ников и соседей и подсоседников переписывал и хто по какой крепости дворами владеет у тех людей за [их] руками с крепостей имал списки и [ска]ски, и те подлинные списки и ска[ски] в сем столпу ниже сего»⁵.

Если сопоставить инструкцию Жукову с инструкциями Поместного приказа во время переписи, проводившейся в 1677—1678 гг., то оказывается, что в них отсутствует пункт о проверке документов на право владения дворами⁶. Эта проверка была обязательным условием при составлении писцовых, а не переписных книг. В Астрахани же, как видно из инструкции Жукову, обе задачи — проверка документов на

² ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 206. Текст инструкции переписчику приведен в статье: И. В. Степанов. Гулящие работные люди в Поволжье в XVII в. — «Исторические записки», т. 36, стр. 160.

³ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 6449, сстав 751.

⁴ Там же, д. 8650, сставы 94, 11.

⁵ Там же, д. 6426.

⁶ «Переписная книга 1678 г. по Нижнему Новгороду». — «Русская историческая библиотека», т. XVII. СПб., 1898; стб. 356; «Устюг Великий». М., 1883, стр. 143; «Торопец». М., 1883, стр. 9; «Рязань». М., 1884, стр. 27.

право владения дворами и перепись людей, в них обитающих, — ставились одновременно. Фактически же, как видно из всех сохранившихся сказок, в одних переписях упор делался на осуществление первой задачи, в других — на обе. Этим объясняются некоторые существенные различия в содержании сказок.

Сказки, отложившиеся в результате переписи 1674 г., содержат ответы на два вопроса: на каком основании испрашиваемый владеет дворовым местом и двором и почему у него нет на руках документов, подкрепляющих его право на владение. Таким образом, сказки 1674 г. давали исключительно те лица, которые по каким-либо причинам утерали документы или их вообще не имели. Лица же, обладавшие документами, сказок не давали, а предъявляли переписчику свои купчие, закладные, меновные: с них снимались копии, которые заверялись владельцами и подклеивались в «столп» Приказной палаты⁷. На вопросы, предусмотренные инструкцией, о составе двора, о наличии соседей и подсоседников, наемных людей ответов в сказках нет.

В конкретных условиях Астрахани, определявшихся подавлением Крестьянской войны 1670—1671 гг. и рядом мероприятий правительства по ликвидации ее последствий, проверка дворовладельцев и их прав имела для местной администрации определенный смысл. Стрелецкие разборы, сокращение числа стрелецких полков и их численности, переселение целых полков в новые слободы, отвод новых участков в городе другим группам населения («всяким чинам дворцового рыбного промысла», монастырским бобылям и крестьянам, переводимым в посад и др.) основательно изменяли размещение городского населения. Итоги этой перестройки и должна была отразить перепись 1674 г.

Перепись 1681—1682 гг. проводил симбирянин У. В. Мошенский. От нее сохранилось 502 сказки; наиболее ранние датируются августом 1681 г., последние — 16 апреля 1682 г. За некоторые дни до нас дошло более 20 сказок. Приводим текст одной из сказок: «190 г. генваря в 14 день по указу великого государя в Астарахани на съездем дворе симбирину Устину Васильевичу Мошенскому сказал по святой непорочной евангельской заповеди господни ей же ей ей

⁷ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 6449, стб. из 1119 сставов. Сказки датированы 2—25 июля.

в правду астраханской пешей стрелец полковника Антонова приказа Яковлева Рубкова Ивашка Якимов. Родиною я казанец, стрелецкой сын, а ис Казани в Астрахань прислан с отцом своим на переведенье тому 27 лет. А в соседях у меня живет стрелец того ж приказу Фетька Власов царегородец. А детей у меня и иных соседей и подсоседников, и купленных ясырей, и наемных роботных гулящих людей нет. А двором владею по купчей. То моя и скаска. А скаску писал того ж приказу сотинной Васька Плошин»⁸.

При проведении переписи 1681—1682 гг. в отличие от переписи 1674 г. сохранность документов, подтверждающих право владения двором, не освобождала от дачи сказок; копии этих документов, не заменяя сказок, были приложением к ним. Сказки 1681—1682 гг. содержат сведения о лицах мужского пола, живущих во дворе; таким образом, выполняется обычное требование инструкций переписчикам, о котором упоминалось выше. Это дает основание сопоставить перепись 1681—1682 гг. с переписями 1677—1678 гг., проводившимися во многих городах русского государства, в том числе и в городах Поволжья, а сказки 1681—1682 гг. предположительно рассматривать как черновые, первичные материалы для составления переписной книги по Астрахани. Сказки 1681—1682 гг. более обстоятельны, чем сказки 1674 г., в них сообщаются некоторые биографические данные; их дают не только дворовладельцы, но и обитатели чужих дворов. Необходимо подчеркнуть, что в сказках отсутствуют сведения о занятиях, торгах и промыслах стрельцов и посадских людей, а также о размерах посадского тягла. Очевидно, эти вопросы в отношении данных социальных групп совершенно не интересовали опрашиваемых. Сведения же о занятиях и промыслах людей, социальное положение которых было неустойчиво (гулящие люди, закладчики), встречаются чаще; к ним администрация проявляла более пристальное внимание.

От переписи 1690—1691 гг., проводившейся стольником Н. П. Титовым, сохранилось 109 сказок⁹. Подавляющее большинство их (102) не содержит данных о людях, живущих во дворе; они бедны биографическими сведениями, т. е. по типу ближе к сказкам 1674 г., нежели 1681—1682 гг. Среди сказок

⁸ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 8650, сстав 37.

⁹ Одна датируется 24 октября 1690 г., остальные — февралем—октябрем 1691 г.

1690—1691 гг. находится три сказки, которые можно назвать «коллективными».

Приводим текст одной из них. 1691 г. апреля 16 пешие стрельцы приказа (полка) Галачалова сказали: «После смутного времени с прошлого 181 году с разбору... Одоевского отведено и дано нам место, где жить всему приказу и строить стрелецкую слободу..., и мы в том указном месте с того числа и по се время живем и дворишка свои сами строим; да в той нашей слободе, хто иных чинов живет своими дворами, а не стрельцы, и по какому они указу и по каким крепостям дворами владеют, про то те люди сами скажут»¹⁰. Очевидно, только «иных чинов» люди должны были давать индивидуальные сказки, а 300 стрельцов полка, от имени которых была дана общая сказка, освобождались от этой обязанности. Естественно, что такая система опроса во много раз сокращала количество документов, отложившихся в результате переписи, упрощала ее, но одновременно и обезличивала, обедняла сказку, которая отвечала лишь на один вопрос: на каком основании стрельцы данного приказа живут в стрелецкой слободе.

От остальных переписей — переписи 1685 г., проведенной стольником и подполковником московских стрельцов Р. Ф. Рыкуновым (16 сказок); переписи 1702 г., проведенной стольником Д. Н. Елагиным (51 сказка, все написаны на гербовой бумаге), — сохранились лишь фрагменты.

Из краткого обзора видно, что наиболее богаты содержанием сказки 1681—1682 гг., их число (502) позволяет сделать статистическую обработку. Поэтому мы и остановимся на анализе сказок 1681—1682 гг.

Из общего числа 502 сказок 281 (56%) принадлежит стрельцам, 89 (17,7%) — вдовам стрельцов, посадских людей и других астраханцев, 55 (10,9%) — посадским людям, 24 (4,8%) — записным плотникам, 17 (3,4%) — гулящим людям; одною — пятью сказками представлены другие категории населения (слободчики, пушкари, сторожа, церковный причт, патриаршие, монастырские и митрополичьи закладчики и служебники и др.).

Общее число астраханских стрельцов определялось 1,5 тыс. человек. В указе 1672 г., данном воеводе Н. Н. Одоевскому, предусматривалось комплектование двух

¹⁰ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 12010.

конных и двух-трех пеших стрелецких полков численностью 300 человек (не более)¹¹. Наш источник, следовательно, охватывает 19% общего числа астраханских стрельцов.

Рассматривая наши данные более дифференцированно, по полкам, видим, что в приказе астраханских пеших стрельцов Рубкова по документам на выдачу жалованья стрелецким полкам за 1681—1682 гг.¹² числился 291 человек; мы же располагаем 83 сказками, т. е. сведениями о 28% состава этого полка. Численность приказа пеших стрельцов Менна равнялась 283 человекам; 38 сказок охватывают около 13% полка; 90 сказок полка пеших стрельцов Дигильбова охватывают 30% состава полка. Очевидно, наиболее полно нашим источником охвачены стрельцы двух пеших полков.

Место рождения опрашиваемых указано в подавляющем большинстве сказок. Лишь в 37 сказках о нем нет сведений. Уроженцами Астрахани было 105 человек, Алатыря — 4, Арзамаса — 3, Вологды — 3, Вятки — 5, Галича — 2, Ельца — 2, Казани — 16, Костромы — 3, Москвы — 6, Мурома и уезда — 5, Нижнего Новгорода и уезда — 11, Самары и уезда — 5, Санчурска — 2, Свияжска — 2, Серпухова — 2, Симбирска — 3, Тамбова — 3, Уржума — 4, Уфы — 3. Царевкококшайска — 3, Чебоксар — 5, Шешминска — 2, Яранска — 4, уроженцев Балахны, Барминской волости, Брянска, Васильсурска, Владимира, Вязьмы, Елабуги, Кадомского уезда, Каргополя, Киева, Космодемьянска, Кокшенги, Коломны, Путивля, Саранска, Саратова, Смоленска, Суздаля, Тихвина, Устюга Великого, Шацка, Ярославля и «малороссийских городов» — по одному человеку, иноземцев — 17 человек (в том числе поляков — 6, «польской породы г. Вязьмы» — 1, «иноземцы-смолянине» — 3, «волоской земли выходец из плена» — 1, «москвитин, иноземский сын» — 1, «новокрещен» — 1).

Таким образом, наибольшее число стрельцов были уроженцами Астрахани (43% стрельцов, место рождения которых известно), уроженцами Средней и Верхней Волги — 22%, поляков и выходцев из Смоленской земли — 7%.

О социальном происхождении стрельцов мы располагаем весьма неполными данными. 185 человек из 281 не сообщили таких сведений. Из 96 человек более половины (51) оказа-

лись сыновьями стрельцов, 7 — крестьянами (в том числе 1 монастырский и 1 «государев»), 3 — сыновьями крестьян, 4 — сыновьями посадских людей, 1 — казачьим сыном, 1 — сыном записного плотника, 1 — чернослободцем, 2 — солдатами, 1 — сыном боярским, 17 — иноземцами, 1 — «новокрещеном», 7 человек прибыли в Астрахань уже будучи стрельцами. Из числа стрельцов, не сообщивших сведений о своем происхождении, 14 человек были переведенцами. Ввиду того что в Астрахань правительство переводило, как правило, стрельцов и посадских людей, можно соответственно увеличить численность этих двух групп.

Преимущественное (но не исключительное) комплектование стрелецких полков за счет сыновей стрельцов и одновременно включение в полки чрезвычайно пестрой по социальному составу молодежи, которая, уходя в Астрахань, порывала с тяглом отцов, определяли состав астраханских стрельцов.

Из стрельцов, которые не были уроженцами Астрахани, в город прибыли «своею охотою» 43 человека, «в работе» — 3, в стрельцах и в «солдатском строю» — 5, переведены на жительство в Астрахань из других городов — 27¹³, сосланы — 4¹⁴, вышли из плена — 4¹⁵, «бежали от башкирского разгрома» — 1 шешминец, «новокрещен» — 1; нет сведений относительно 88 стрельцов.

Из 3, показавших, что они прибыли «в работе», на стругах, 2 были крестьянами (1 монастырский и 1 «государевой Тетюшской волости») и 1 — стрельцом-нижегородцем. Можно предположить, что значительная часть людей, прибывших в Астрахань «своею охотою», тоже приплыла на судах.

Длительность проживания в Астрахани характеризуется следующими цифрами. Из 281 стрельца менее 10 лет жили в городе 4 человека, 10—11 лет — 10, 13—18 лет — 30, 20—29 лет — 60, 30—39 лет — 16, 40 лет и более — 6 человек,

¹³ Переведены из Казани — 7, Чебоксар — 4, Яранска — 4, Уржума — 2, Каргополя, Космодемьянска, Кокшенги, Москвы, Санчурска, Саранска, Симбирска, Царевкококшайска — по одному; неизвестно откуда — 2. Из 27 переведенцев 11 — стрельцы и стрелецкие сыновья; остальные могли быть или посадскими, или также стрельцами.

¹⁴ В том числе 2 из Москвы (в 1657 и 1667 гг.), по одному из Костромы (1652 г.) и Галича (1665 г.).

¹⁵ В том числе 1 самарец, стрелецкий сын, был взят на Волге и вышел из плена в 1647 г.; 1 «родом малороссийских городов», вышел в 1665 г.; 1 взят «в малых летах», не помнит откуда, вышел в 1674—1675 г.; 1 иноземец «волоские земли».

¹¹ «Акты исторические», т. IV, № 227.

¹² ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 8350, 8459.

105 человек, как уже упоминалось, были астраханцами; о 50 стрельцах сведений нет.

Таким образом, пришедших в Астрахань после Крестьянской войны оказалось всего 14 человек (из них 4 иноземца, 1 арзамасец, сын боярский). Подавляющее большинство (94%) стрельцов, длительность проживания которых в Астрахани известна, были коренными астраханцами или жили в городе до Крестьянской войны. Меры правительства, уничтожившего после 1671 г. наиболее активных представителей стрельецких масс, не обновили существенно состава астраханских стрельцов.

Из 281 стрельца 266 имели свои дворы, у 11 не было дворов, относительно 4 нет сведений. Подавляющее большинство дворов (214) было построено на участках, выделенных государством («данных», «указных») владельцу двора или его отцу. 4 стрельца владели дворами «истари», 48 человек — по крепостям. Из числа стрельцов, не имевших своих дворов, 3 жили у родных, 1 — «в чужом дворе», 3 — в соседях (в том числе 1 — у вдовы, которой он продал свой двор, 1 — у пушкаря, 1 — неизвестно где), 4 — на «государском дворе». По-видимому, в данном случае речь идет о дворах, которые служилые люди ставили «государевыми казенными деньгами»¹⁶.

Стрельцы, не имеющие дворов, составляли всего 3,9% ко всему числу опрошенных стрельцов; среди других слоев населения этот процент был значительно выше (не имело дворов 20% — посадских людей и 82% — гулящих людей).

Зарегистрирован один случай сдачи пешим стрельцом в наем двора гулящему человеку.

В состав семьи стрельцов входили малолетние дети, взрослые неотделенные сыновья и родственники, живущие вместе. Большая часть из них также была стрельцами. Так, из 281 стрельца у 23 человек во дворе жили сыновья-стрельцы, у 2 — зятья, у 6 — братья, у 7 — пасынки, у 1 — племянник и у 2 — отчимы. Таким образом, родные были стрельцами почти у 15% давших сказки.

Родственники, живущие во дворе стрельца, но сами не являвшиеся стрельцами, встречаются значительно реже. У одного стрельца живет во дворе отчим, гулящий рабочий

человек, у другого — зять, посадский человек, у третьего — брат, пономарь; у одного — сын, записной кормщик, у другого — сын, «не в службе, кормитца работою, делает на митрополичьи учуги рукавицы восьмой год». Не стрельцы жили менее чем у 2% родственников, давших сказки.

Кроме родственников, во дворе у стрельцов жили наемные и купленные люди. Наемные люди зарегистрированы у двух стрельцов: конный стрелец полка Мартыанова показал, что на его «извозном дворе живут работных людей 3 человека», пеший стрелец полка Рубкова сказал, что у него живут 2 наемных человека и «купленный калмык». «Купленные девки» (в том числе 1 «татарской породы») жили еще у двух стрельцов.

Таким образом, «купленные» были примерно у 1% стрельцов. Для других групп астраханского населения этот процент выше — у посадских людей и у вдов он достигает почти 4. Наемные же люди не зарегистрированы ни у кого, кроме упомянутых выше двух стрельцов. Однако это обстоятельство отнюдь не исключает самого широкого применения стрельцами труда сезонных работников в период навигации на Волге. Нельзя забывать, что перепись, проходившая в то время, когда навигации не было, охватила лишь людей, более или менее постоянно живущих (во всяком случае зимовавших) в Астрахани.

29 стрельцов, живших в своих дворах, показали, что у них имеются соседи. По своему социальному положению соседи были: стрельцами — 20 человек, посадскими людьми — 4, записными плотниками — 1, гулящими людьми — 3, неизвестный — 1. Необходимо отметить, что среди соседей были и родственники: брат родной, посадский человек; зять, гулящий человек; 2 двоюродных брата, в том числе 1 стрелец; 2 отчима, в том числе 1 гулящий человек и 1 записной плотник.

В сказках посадских людей и других групп населения Астрахани также имеются сведения о соседях¹⁷. Извлекая из этих сказок данные о стрельцах и объединяя их со сведениями, полученными из стрельецких сказок, мы получаем следующие цифры. В 502 сказках астраханцев содержится упоминание о 32 стрельцах, живших в «соседях». Из них 20 жили

¹⁶ П. Смирнов. Города Московского государства, т. I, вып. 1. Киев, 1917, стр. 30.

¹⁷ Ср. В. Н. Колоченкова. К вопросу о соседях как социальной категории. — «Русское государство в XVII веке». Сборник статей. М., 1961, стр. 201—207.

у стрельцов, а из этого числа 12 — у своих однополчан. 2 стрельца жили у посадских людей, 8 — у вдов, 1 — у пуш-каря, 1 — у неизвестного. Эти данные представляют интерес для изучения такой малоисследованной категории населения русского города, как соседи. Экономической зависимости между дворохозяевами и соседями на основании нашего источника установить не удалось.

Необходимо отметить, что, несмотря на стремление правительства обеспечить стрельцов дворами, процессы социально-экономического развития приводили к расслоению стрелецкой массы. Одни стрельцы становились соседями (по-видимому, жильцами); немногие заводили предприятия, используя труд купленных и наемных людей. Специфика использованного нами источника не позволила более выпукло и отчетливо отразить этот процесс.

Т. С. МАЙКОВА

ВОЕННЫЕ «ЮРНАЛЫ» ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ (По материалам ЦГАДА)

В петровское время широкое распространение получают повседневные записки, называемые «юрналами», «диурналами» или «журналами». Это большая группа различных по содержанию источников. Журналы вели сам Петр I, его военачальники, офицеры и капитаны, руководители экспедиций и придворные врачи. Журналами в то время часто назывались и дневниковые записи частного характера. Официальные журналы, содержащие сведения по военной истории, можно разделить на повествовательные, описывающие действия армии и флота и другие события¹, и делопроизводственные, отражающие деятельность военных учреждений, входящую и исходящую документацию, прием и выдачу боеприпасов и снаряжения и т. п.

В настоящей статье рассматриваются только официальные журналы повествовательного характера, имеющие перво-

¹ Часто в состав таких журналов входят и копии некоторых документов.

степенное значение для военной истории: журналы Петра I и офицеров русской армии и флота.

В «Лексиконе вокабулам новым» «юрнал» определяется как «поденная записка всяких случаев»². Журналы петровского времени были прежде всего отчетными документами, но в то же время они были важным средством внешней и внутренней информации, наконец, им придавалось и историографическое значение. Это тройное назначение журналов определяет их ценность как исторического источника.

Собранные нами сведения о журналах извлечены из материалов ЦГАДА³ и опубликованных источников. Помимо самих журналов, интересные данные содержатся в переписке Петра I, его кабинет-секретаря А. В. Макарова, Г. И. Головкина и других лиц, особенно в письмах, связанных со сбором материалов для «Истории Свейской войны», черновых материалах к ней и «мемориях»⁴ Петра I и А. В. Макарова.

Источниковедение XVIII в. разработано недостаточно, мало занимались и военными журналами петровского времени, хотя постоянно использовали их как источники. В статье В. Н. Строева, довольно подробно излагающей историю создания «Истории Свейской войны», приводятся краткие сведения и об основных источниках «Истории» — походных журналах Петра Великого и участии А. В. Макарова в их составлении⁵. Недостаточное знакомство с архивными материалами привело автора к ошибочным выводам о деятельности кабинет-секретаря: повседневное ведение журналов смешано с их обработкой для «Истории».

Краткие сведения о военных журналах находим в предисловиях к сборникам документов.

Есть только две специальные источниковедческие работы о военных журналах петровского времени: статьи А. П. Гла-

² «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 88. СПб., 1910, стр. 382. «Лексикон» был составлен по распоряжению Петра I и правлен им.

³ Используются фонды ЦГАДА: Кабинет Петра Великого (далее — Каб. ПВ), оба отделения, Письма разных лиц на русском языке, Синодальная типография, Госархив (разр. XXI), Исторические сочинения, Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел.

⁴ Краткие перечни намеченных для выполнения дел.

⁵ «200-летие Кабинета его императорского величества». СПб., 1911, стр. 45—50.

голевой о журналах походных канцелярий фельдмаршалов Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова⁶. В этих работах приводятся ценные сведения по истории архивов походных канцелярий, обстоятельно описываются все сохранившиеся подлинники и копии журналов, тщательно анализируется их содержание, сообщается, какие документы привлекались при их составлении, и определяется их ценность как исторических источников.

Наиболее полное и всестороннее освещение исторических работ петровского времени и особенно «Истории Свейской войны» дано в книге С. Л. Пештича, но военными журналами автор специально не занимается, в книге находим лишь краткие упоминания о журналах⁷.

Журналы петровского времени возникли на основе древней традиции. Еще в XVI—XVII вв. при царском дворе, в Разряде, в Приказе тайных дел велись разрядные книги, «Дворцовые разряды», «Вседневные записки». Это были систематические записи о военных походах, о перемещениях войск, об укреплении городов, о продвижении военных и придворных чинов по службе, о дипломатических делах. В Приказе тайных дел подробно записывались все выходы и поездки царя, дворцовые караулы и по распоряжению царя Алексея Михайловича делались ежедневные записи о погоде⁸. Особенно тщательно описывались военные походы, для чего собирались сведения и из других приказов, в первую очередь из Разряда. Д. Ф. Масловский называл Разрядную книгу Полоцкого похода Ивана Грозного 1563 г. «первым известным нам журналом военных действий»⁹. Ценные сведения по военной истории находим и в статейных списках русских послов — источнике, близком по форме и содержанию к журналам XVIII в. Статейные списки сохранились и в петровское

⁶ А. П. Глаголева. Повседневные записки князя А. Д. Меншикова. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956, стр. 159—183; она же. «Дневные записки» военно-походной канцелярии Б. П. Шереметева как исторический источник. — Там же, вып. X. М., 1962, стр. 208—225.

⁷ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, стр. 91, 92, 124, 131 и др. При этом повторяется ошибка В. Н. Строева: «Своеобразным корабельным журналом» считается, по видимому, не корабельный журнал, а сводный текст, составленный для «Истории» (там же, стр. 92).

⁸ Ср. ниже, стр. 373, 379.

⁹ Д. Ф. Масловский. Записки по истории военного искусства в России, вып. 1. СПб., 1891, стр. 4, 154.

время, но их практическое (а следовательно, и историографическое) значение неуклонно снижалось, их вытесняла частая, иногда почти ежедневная переписка послов с Петром I и Г. И. Головкиным. Журналы петровского времени, несомненно тесно связанные по своему происхождению с «повседневными записками» XVII в., значительно отличаются от них и по содержанию, и по форме, что вызвано особыми условиями жизни страны в период преобразований и Северной войны¹⁰.

По всей вероятности, на возникновение и распространение журналов оказала влияние и западная традиция, принесенная долго служившими в русской армии офицерами-иностранцами (П. Гордон, Л.-Н. Аларт, Р. Х. Боур, К. И. Крюйс)¹¹.

Тесная связь журналов XVIII в. с русской традицией XVII в. особенно наглядно раскрывается на примере возникновения походных журналов Петра I. Так называемые «Походные журналы Петра Великого»¹² — это большая группа значительно отличающихся друг от друга по содержанию дневниковых записей, которые велись как самим Петром I, так и другими лицами, и не только во время походов и путешествий царя, как это утверждает в своей книге С. Л. Пештич¹³, но почти непрерывно с 1695 по 1725 г.¹⁴

По мнению В. Гиппиус, вести походный журнал Петра I впервые начал один из бомбардиров Преображенского полка в мае 1695 г. Доказательством этого утверждения были неоднократные упоминания в тексте журналов 1700—1702 гг.

¹⁰ Переход к новым формам документации совершался, разумеется, постепенно. Так, до учреждения коллегий в еще сохранившихся приказах велись не «журналы», а книги, подобные «Вседневной книге Пушкарского приказа» за 1701—1703 гг. («Полтава». Сборник статей. М., 1959, стр. 202).

¹¹ Из опубликованной Н. Г. Устряловым записки шведского генерала В.-А. Шлиппенбаха от 14 мая 1719 г. узнаем, что его адъютант вел журнал военных действий, кроме того, особые записки вел сам генерал (Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. СПб., 1863, стр. 221—224). При составлении «Истории Свейской войны» был использован какой-то «польский диаприуш», присланный в 1707 г. из Варшавы (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 20, л. 66—66 об.).

¹² Значительная часть их издана (см. ниже).

¹³ С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 90.

¹⁴ Кабинетный журнал продолжался и в царствование Екатерины I.

выражений «наш полк», «наша рота»¹⁵. Эта же точка зрения изложена в работах М. М. Богословского, С. И. Елагина и С. Л. Пештича¹⁶. Но это утверждение справедливо только для 1700—1702 гг. В ЦГАДА нами найдено подлинное письмо секретаря Посольского приказа М. Ларионова А. В. Макарову¹⁷, из которого мы узнаем, что первый походный журнал Петра I был заведен по инициативе Н. М. Зотова, ведавшего в походах 1695—1696 гг. Посольской походной канцелярией. Журнал вели подьячие Аверкий Леонтьев и другие, а после возвращения из второго Азовского похода этот черновой текст по поручению Н. М. Зотова был обработан Ларионовым. В ЦГАДА хранится подлинный журнал походов 1695 и 1696 гг.¹⁸ Подьячие записывали: «кому что прикажет Никита Моисеевич записать, или и сам кто что у себя в обозе услышит или от кого уведает»¹⁹. В кратких записях, однообразных и примитивных (без каких бы то ни было пояснений), описываются путь каравана (журнал называет себя «плавающим»), городки, в которых останавливались, погода и, наконец, военные действия.

Сохранились и собственноручные петровские журналы. Петр I вел записи нерегулярно, главным образом во время военных кампаний. В ЦГАДА хранятся собственноручные

¹⁵ В. Гиппиус. Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. СПб., 1883, стр. 185.

¹⁶ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. I. М., 1940, стр. 309; [С. И. Елагин]. Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и морские журналы Н. А. Сенявина и графа Апраксина (далее — «Извлечения»). СПб., 1866, предисловие; С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 90.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1719 г., д. 6, лл. 34—38.

¹⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, оп. 6, д. 102. О подлинности журнала свидетельствуют внешний вид рукописи, местами черновой характер записей, пометы («в 1 часу ночи все бывшее писать»), буквенная цифирь, в конце рукописи зашифрованная подпись, записи о получении и отправлении почты в Москву и другие города и вольный перевод голландского морского чина «шаутбенахт» («сиречь шутнощной»). Текст журнала очень близок к изданному (СПб., 1853), но есть и различия, свидетельствующие о том, что публикация воспроизводит другую, менее полную рукопись (может быть, журнал, переработанный М. Ларионовым).

¹⁹ ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1719 г., д. 6, лл. 34—38.

петровские журналы за 1715, 1716, 1718, 1719, 1721 и 1722 гг. Почти все они написаны на печатных календарях. Немногочисленные петербургские журналы Петра содержат метеорологические сведения, краткие записи о спуске кораблей и т. п. Иногда Петр вел журнал попеременно с Макаровым²⁰.

Одновременно и независимо от собственноручных петровских записей журналы велись лицами из ближайшего окружения Петра I, сопровождавшими его в походах и путешествиях или жившими при дворе. Во время первого заграничного путешествия Петра путевые журналы вел кто-то из членов посольства, возможно денщик царя²¹. По мнению В. Ф. Ратча, эти журналы вели бомбардиры: Аким Сенявин и др.²² Ф. В. Туманским опубликованы более подробные путевые журналы Петра за эти же годы; А. И. Андреев считал их пространной редакцией, выполненной Г. Гюйссеном на основании указанной выше краткой редакции и каких-то других источников²³.

Походные журналы 1700—1702 гг. велись в бомбардирской роте Преображенского полка. С 1698 г. писарями этой роты были И. К. Муханов и Л. Кутуков²⁴, возможно, что именно они и вели эти записи. По данным Ратча, журнал 1700 г. писал бомбардир Кочетов²⁵. П. Н. Петров называет эти журналы «преображенскими походными журналами», которые велись «при государе в дежурстве»²⁶. Примером «преображенского походного журнала» (помимо вошедших

²⁰ «Походный журнал 1721 г.». СПб., 1855. Подлинник его в Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 2, лл. 211—254.

²¹ «Походные журналы 1697—1698 гг.». СПб., 1853; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. III, СПб., 1858. Приложения, стр. 589—620.

²² В. Ф. Ратч. Петр Великий как артиллерист и как капитан бомбардиров. — «Артиллерийский журнал», 1857, № 2, стр. 97.

²³ А. И. Андреев. Петр I в Англии в 1698 г. — «Петр Великий». Сборник статей. М.—Л., 1947, стр. 63—103; Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях... Петра Великого, ч. 3. СПб., 1787, стр. 56—70.

²⁴ А. Чичерин, С. Долгов, А. Афонасьев. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683—1883 г., т. IV. СПб., 1883. Приложения, стр. 9.

²⁵ В. Ф. Ратч. Указ. статья, стр. 97.

²⁶ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 37.

в издание «Путевые и походные журналы») может служить «Поденная роспись осады Нотебурга»²⁷.

С созданием в 1704 г. Кабинета Петра I под руководством кабинет-секретаря А. В. Макарова ведение журналов сосредоточивается в Кабинете и становится более регулярным. Макаров вел записи сам или попеременно с И. А. Черкасовым и другими чиновниками Кабинета²⁸. Черкасов иногда заменял кабинет-секретаря при Петре, в таких случаях он и вел записи в журнале²⁹. И в отсутствие царя в Кабинете продолжали прилежно записывать происходящие события³⁰.

За некоторые годы сохранилось до пяти журналов, частично повторяющих и в значительной степени дополняющих друг друга³¹.

Все петровские журналы и особенно собственноручные журналы сухопутных и морских кампаний — важнейший источник для изучения русской военной истории³². Они дают ценные сведения о действиях русской армии и флота, о стратегии и тактике, о развитии русской военной мысли, о строительстве укреплений, о кораблестроении, о постройке гаваней, об испытании и применении в бою различных видов оружия и его усовершенствовании³³, о военных советах

²⁷ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 15, лл. 1—7. Была напечатана отдельно в 1702 г. и вошла в состав Марсовой книги.

²⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, оп. 6, д. 103, лл. 141—147; д. 20, лл. 68—76; отд. I, кн. 27, ч. 2, л. 1—18; ч. 1, л. 480 и сл.; «Походный журнал 1714 г.». СПб., 1854 (V); «Походный журнал 1723 г.». СПб., 1855 (II); см. также: «Определение о содержании дел в Кабинете его величества» 1721 г. в ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 94, лл. 1—5 (опубликовано в кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945. Приложение, стр. 171—173).

²⁹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 64, л. 905; кн. 68, л. 1094.
³⁰ «Походные журналы 1715 г.». СПб., 1855 (III); «Походные журналы 1718 г.». СПб., 1855 (IV) и «Походные журналы 1719 г.». СПб., 1855 (IV).

³¹ «Извлечения», предисловие. Так, к 1722 г. относятся: собственноручный петровский журнал с 15 июля по 24 октября (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 2, лл. 434—506); кабинетный журнал, писанный А. В. Макаровым и кем-то из его помощников (там же, лл. 353—422 об.); обстоятельный кабинетный журнал (упоминается там же, л. 507); там же, лл. 439—554 об.; там же, кн. 72, лл. 161—197.

³² А. П. Глаголева считает, что журналы Шереметева — более ценный источник, чем журналы Петра I (указ. статья, стр. 224—225).

³³ «Извлечения», стр. 74 и др.; «Походный журнал 1706 г.». СПб., 1854, стр. 92—93.

русского командования, о деятельности Петра I и его военачальников. Есть в них и краткие биографические сведения об офицерах армии и военно-морского флота, о корабельных мастерах.

Действия союзных войск и датского флота, шведской армии и флота, английского флота, военные советы представителей русского командования с союзниками, дипломатическая история, тесно связанная с историей войны, — все это также нашло довольно подробное отражение в журналах Петра I³⁴.

Сведения по военной истории есть и в журналах зарубежных путешествий Петра I. Так, в «Обстоятельном журнале о вояже его царского величества в 1716 и 1717 гг. в Голландию и Францию» сообщается, что 10 апреля 1717 г. Петр I узнал о намерении шведов высадить десант к русской границе и тотчас был послан указ фельдмаршалу Шереметеву о соответствующих приготовлениях³⁵.

Помимо описания военных действий флота, любопытны и такие сведения, как запись о том, что в Петербурге приготовленную к спуску яхту «везли улицею новопостроенною машиною»³⁶, или рассказ о спасении в 1710 г. у Березовых островов провиантских судов и галер, отнесенных льдами в открытое море: по приказу Петра I два фрегата пробились сквозь льды и вывели все суда в гавань³⁷.

В канцеляриях фельдмаршалов Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова журналы велись регулярно, причем в них заносились также и копии входящих и исходящих документов. Журналы эти обстоятельно изучены А. П. Глаголевой³⁸.

Генералы Л.-Н. Аларт, А. И. Репнин и Р. Х. Боур также вели регулярные журнальные записи, о чем свидетельствуют отрывки из дневника Аларта, дошедшие до нас в составе «Записок» Юста Юля, написанная Алартом

³⁴ «Извлечения», стр. 50—51, 65, 89, 92, 100, 123.

³⁵ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 14, л. 168.

³⁶ «Извлечения», стр. 126.

³⁷ Там же, стр. 19; ср. «Письма и бумаги императора Петра Великого» (далее — П. и Б.), т. X. М., 1956, прим. к № 3710.

³⁸ См. выше, стр. 370. Походные журналы Б. П. Шереметева вел, по-видимому, некто Кузьма Попов (ЦГАДА, Каб. ПВ, оп. 6, д. 55, л. 39).

«История Петра Великого»³⁹, выписки из журналов 1701—1706 гг., присланные Репниным в Кабинет по просьбе А. В. Макарова для «Гистории Свейской войны»⁴⁰, и многочисленные упоминания журналов Репнина в переписке и «мемориях» Макарова⁴¹. Журнал Боура за 1715 г. сохранился в составе военно-походного журнала Б. П. Шереметева. По-видимому, были журналы также и у Я. Ф. Долгорукова и А. А. Вейде⁴². В «Записках» П. Н. Крекшина упоминаются журналы за 1709 г. генерал-лейтенанта Я. В. Брюса, генерал-поручика К.-Э. Ренне и коменданта Полтавы А. С. Келина. В «Поденную записку» включен «Экстракт из журнала генерал-майора Лессия» (1719 г.)⁴³

Офицеры, командовавшие более мелкими соединениями, вероятно, также вели регулярные журналы, но найти их в ЦГАДА не удалось.

До нас дошло много «юрналов», описывающих отдельные сражения и осады городов и крепостей. Возможно, что и эти журналы были частью регулярных повседневных записок. Составлялись такие «юрналы» обычно командирами действовавших соединений. Так, взятие Ревеля описано в журнале Боура⁴⁴. Интересен обстоятельный рассказ «Юрнала или Поденной росписи, что под крепостью Нарвой чинилось» (1704 г.)⁴⁵. О разгроме шведами под Клецком отряда С. П. Неплюева и Д. Апостола узнаем из по-

³⁹ «Записки Юста Юля, датского посла при Петре Великом (1709—1711)». М., 1899, стр. 359—369; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 12 (перевод). Упоминание о дневнике Аларта см. в «Чтениях ОИДР», 1861, кн. 4, смесь, стр. 52.

⁴⁰ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 17, лл. 125—141, 147—156; Д. Ф. Масловский. Северная война. Документы 1705—1708 гг. — «Сборник военно-исторических материалов» (далее — «Сборник ВИМ»), вып. I. СПб., 1892, стр. 298—315; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 409—410.

⁴¹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 2, лл. 105 об., 149; там же, оп. 6, д. 54, л. 30.

⁴² А. П. Глаголева. Указ. статья, стр. 219; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 65, л. 290 об.

⁴³ «Библиотека для чтения», т. 97, ч. 2. СПб., 1849, отд. III, стр. 40, 46, 65, 83—87; см. также: «Труды Русского военно-исторического общества», т. III. СПб., 1909, стр. 261—268; «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира» (далее — «Поденная записка»), ч. II. СПб., 1772, стр. 111—116.

⁴⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 65, л. 304 (упоминание).

⁴⁵ Там же, кн. 19, л. 327.

ходного журнала Неплюева (с 1 марта по 19 апреля 1706 г.)⁴⁶. Сохранился и «Журнал действий полковника Шувалова под Нейшлотом» (1714 г.)⁴⁷. В нем приведена роспись офицеров (по чинам и полкам), сражавшихся под командованием И. М. Шувалова, кратко описываются военные действия, количество пленных, трофеи и потери и сообщается, кто оставлен в гарнизоне взятого города.

В «мемориях» Макарова упоминаются журналы военных действий: отряда И. И. Бутурлина у деревни Лаппола, полковника В. Н. Зотова о взятии Арнсбурга и Ревеля, В. Д. Корчмина, командовавшего артиллерией под Бауском, и журнал К.-Э. Ренне об осаде Браила. И. И. Бутурлин вел журнал во время Прутского похода⁴⁸.

Однако не все командиры вели журналы, так, не было их у М. М. Голицына. В тех же «мемориях» Макаров пишет: «Об акции у Лаппола князь Михайла Михайловича вынять из ево писем»⁴⁹.

Вели журналы и офицеры, посылавшиеся в разведку, так, в «Поденную записку» включен журнал майора Телепнева, посланного с отрядом в разведку в 1720 г.⁵⁰

На основании журналов составлялись реляции о военных действиях⁵¹, при этом часто реляцией служила просто часть журнала, иногда же текст журнала при составлении реляции значительно сокращался. Журнал полковника Шувалова был напечатан в «Ведомостях» в Москве и в Петербурге как реляция⁵². «Обстоятельная реляция о взятии города Выборга», напечатанная в Москве 12 июля 1710 г., —

⁴⁶ «Русская старина», 1891, октябрь, стр. 25—32.

⁴⁷ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 21, лл. 517—527 об.; издан в кн.: А. З. Мышлаевский. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. СПб., 1893, стр. 225—231 и «Материалы для истории Гангутской операции» (далее — МИГО) вып. III, Пг., 1914, стр. 65—73.

⁴⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 65, л. 304; там же, оп. 6, д. 46, л. 14 об.; д. 33, л. 21 об.; отд. I, кн. 30, лл. 113, 80—81.

⁴⁹ Там же, отд. I, кн. 65, л. 304.

⁵⁰ Там же, оп. 6, д. 106, л. 44 об.; «Поденная записка», ч. II, стр. 135.

⁵¹ Для их составления привлекались и другие документы (донесения, росписи трофеев, списки пленных и т. п.), но основным источником были журналы.

⁵² «Ведомости времени Петра Великого», вып. II. М., 1906, стр. 198—200.

это часть журнала (по-видимому, Ф. М. Апраксина) с 21 марта по 30 апреля, правленная Петром I и Макаровым. Отрывком журнала, также правленного Петром, безусловно является и реляция о взятии Кексгольма⁵³.

В Адмиралтействе, в корабельном и галерном флоте регулярному ведению журналов придавалось еще большее значение, чем в армии.

В походной и домовой канцелярии генерал-адмирала Ф. М. Апраксина записи делались повседневно, в них описывались действия самого Апраксина и частей армии и флота, находившихся под его командованием. В ЦГАДА хранится «Экстракт из журнала адмирала Апраксина 1708 г.» о действиях русского флота в финских шхерах, о высадке отряда полковника Толбухина на Березовых островах, о победе над шведами у местечка Ракобор и о сражении на Неве⁵⁴. В «мемориях» Макарова упоминается журнал Апраксина, рассказывающий об осаде Выборга⁵⁵. О действиях галерного флота в Финляндии в 1713 и 1714 гг. мы узнаем также из очень подробных апраксинских журналов⁵⁶. Сохранились и журналы генерал-адмирала за 1716—1719 гг.⁵⁷ Особенно интересны в этих «журналах» описания военных советов. Наряду со «словесными консилиумами» устраивались продолжавшиеся по нескольку дней советы, для которых каждый участник писал свое особое «мнение», затем все «мнения» сводились в «экстракт» и

⁵³ А. З. Мышлаевский. Указ. соч., стр. 117—127; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 20, лл. 263—268, 269—272; «Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г.». М.—Л., 1955, № 15.

⁵⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 20, лл. 162—173 об. «Экстракт» издан в кн.: А. З. Мышлаевский. Указ. соч., стр. 47—53; ср. ЦГАДА, Каб. ПВ, оп. 6, д. 25, лл. 3—4.

⁵⁵ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 65, л. 304. Сам журнал, вероятно, хранится в ЦГАВМФ.

⁵⁶ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 21, лл. 333—347; МИГО, вып. III, стр. 75—119; «Извлечения», стр. 81—108 (без приложений и с некоторыми неточностями). «Экстракт» из этого журнала за время с 7 сентября по 16 октября издан в кн.: «Сборник ВИМ», вып. V. СПб., 1893, стр. 271—272; «Материалы для истории русского флота» (далее — МИРФ), ч. I. СПб., 1865, стр. 571—572.

⁵⁷ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 22, лл. 45—167. Журналы изданы в «Извлечениях», стр. 106—178; «Экстракт из журнала генерал-адмирала графа Апраксина 1719 г.» вошел в «Поденную записку» (ч. II, стр. 106—111); ср. ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, оп. 6, д. 31, лл. 27—31.

вновь совместно обсуждались, после чего выносилось общее решение, подписывавшееся всеми участниками⁵⁸. Журналы 1707 и 1719 гг., опубликованные как «Журналы Петра I», — это журналы Апраксина⁵⁹. Подробные записи велись в походной канцелярии генерал-адмирала и во время Персидского похода⁶⁰.

До нас дошло много журналов и «экстрактов» из журналов вице-адмирала К. И. Крюйса, начиная с 1699 г., с описания поездки Петра (которого сопровождал Крюйс) в Азов и Керчь⁶¹. «Экстракт» из журнала Крюйса за 1705 г., представленный вице-адмиралом в Кабинет по просьбе А. В. Макарова в 1720 г. для «Истории Свейской войны», подробно рассказывает об успешной обороне Кроншлота от нападения шведской эскадры, об укреплении обороны острова. Приводится роспись участвовавших в битве кораблей с указанием численности экипажа и количества пушек, а также роспись трофеев⁶². Весной 1709 г. Крюйс был в Петербурге, и в его «вседневной записке» за это время фиксировались выход и приход судов из Петербурга и Кроншлота, погода, ледоход на Неве и т. п.⁶³ В конторе Крюйса в 1711 г., когда он был в Троицкой крепости, велась «вседневная записка» — ежедневные краткие записи с 18 по 23 июля о действиях русского и турецкого флотов и о погоде⁶⁴. С 1712 г. Крюйс жил в Петербурге и участвовал в управлении Адмиралтейством, где под его наблюдением регулярно записывались сведения о «погодном приключении»;

⁵⁸ МИГО, вып. III, стр. 102, 97—98; «Походный журнал 1722 г.», стр. 139—161. Эти сведения противоречат предположению Е. П. Подъяпольской о том, что решения военных советов в присутствии Петра были его единоличными решениями и не фиксировались (Е. П. Подъяпольская. Военные советы 1708—1709 гг. — «Полтава». Сборник статей. М., 1959, стр. 135).

⁵⁹ См. прим. 132 на стр. 389.

⁶⁰ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 2, лл. 555—557 об.

⁶¹ «Экстракт» из этого журнала напечатан в «Записках гидрографического департамента Морского министерства», ч. VIII. СПб., 1830, стр. 367—394; ср. «Описание дел архива Морского министерства», т. I. СПб., 1877, стр. 4.

⁶² МИРФ, ч. I, стр. 67—77.

⁶³ Там же, стр. 180—181.

⁶⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 13, лл. 606—607 об. Записка издана С. И. Елагиним в «Истории русского флота. Период Азовский. Приложения», ч. II. СПб., 1864, стр. 121—127.

состоянии льдов, действиях флота, работе Адмиралтейства, о приходе в Петербург русских и иностранных судов⁶⁵.

Шаутбенахт галерного флота И. Ф. Бодис и поручик Н. А. Сенявин также систематически вели журнальные записи⁶⁶. В «юналах» Сенявина, прошедшего морскую службу от матроса до адмирала, много ценных сведений о действиях русского и шведского флотов, об учениях на кораблях, о кригсрехтах, русских морских обычаях. В ЦГАДА хранится «Экстракт журналов» Ф. И. Соймонова, дающий новые сведения о Персидском походе⁶⁷.

В журналах офицеров армии и флота отразилась характерная для того времени умелая организация взаимодействия армии и флота. Так, из журнала генерал-майора П. П. Ласси узнаем о действиях пятитысячного десанта под его командованием, доставленного в 1721 г. в Швецию галерной эскадрой⁶⁸. В журнале Сенявина сообщается о высадке в 1708 г. отряда морских гренадеров в Борго, о том, как сам Сенявин осенью того же года командовал гренадерской ротой во время баталии у Сойкиной мызы, когда «шпагою» взяли в плен 1 тыс. шведов. На каждом корабле, на каждой галере также были заведены журналы⁶⁹. В журналах К. Н. Зотова, командовавшего в 1719—1720 гг. кораблями «Девоншир», потом «Лаферм», описываются действия корабля и в виде кратких табличных выписок — содержание приказов Зотова и копии его писем и донесений⁷⁰.

Тщательно фиксировались данные морской разведки. В 1714 г. И. М. Головину было приказано по пути «мерять

⁶⁵ МИГО, вып. III, стр. 121—127; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, оп. 6, д. 49, л. 79—79 об., кн. 27, ч. 2, лл. 228—229; отд. II, кн. 60, лл. 257—348 об.

⁶⁶ ЦГАДА, Каб. ПВ, оп. 6, д. 55, лл. 77—78 об.; «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. X. СПб., 1852, стр. 326—359 (журналы 1705—1708, 1710 и 1712 гг.); «Извлечения», стр. 1—79 (журналы 1705—1718 гг.).

⁶⁷ Л. А. Гольденберг. Федор Иванович Соймонов (1622—1780). М., 1966, стр. 69—78.

⁶⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 22, лл. 382—387; ср. оп. 6, д. 42, лл. 8 об.—9.

⁶⁹ «Описание архива Морского министерства», т. I, стр. 279, 408; МИГО, вып. III, предисловие; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 55, лл. 954—957.

⁷⁰ ЦГАДА, Госархив, разр. XXI, д. 1, ч. 1, лл. 7—34 об., 386—393.

воду и примечать, где корабельный ход и где свободно скампавею от кораблей и записывать имянно». Этот журнал вел капитан Жюрге⁷¹.

Когда корабли стояли в гавани, в корабельные журналы записывали погоду, прибытие и отбытие русских и иностранных кораблей, морские сигналы и т. п. В «Журнале о бывшем в Ревеле шторме 1716 года ноября 9—10» рассказывается о направлении ветров, разрушениях в гавани, повреждениях, причиненных стоявшим в Ревеле кораблям⁷².

На верфях велись журналы, дающие любопытные сведения о строительстве флота⁷³. Московский обер-комендант кн. П. А. Голицын, которому летом 1712 г. было поручено провести построенные на Нердской и Дубенской пристанях грузовые суда из Волги в Тверду, вел путевой журнал с подробным описанием фарватера от Твери до Торжка⁷⁴.

По корабельным журналам писались реляции о морских кампаниях. Реляцию о Гангутской морской баталии Петр I написал по журналу Ф. М. Апраксина, при этом значительно его дополнил⁷⁵.

«Юрнaлы» петровского времени были прежде всего отчетными документами. Обязательность ведения корабельных журналов зафиксирована еще в 1702 г. в «Разсуждении о начинающемся флоте на Остзее», по которому адмиралам предписывалось для проверки исполнения указов ежемесячно требовать от капитанов судов журналы⁷⁶. В петровской инструкции капитану А. Рейсу, командовавшему тремя фрегатами, посланными весной 1710 г. на соединение с датским флотом, рекомендовалось «всему, что в вашем пути случитца, добрую записку держать»⁷⁷. В июле 1711 г.

⁷¹ МИГО, вып. III, стр. 117.

⁷² МИРФ, ч. 2. СПб., 1865, № 1491. Вел этот журнал, по-видимому, капитан-командор П. И. Сиверс, командовавший в то время ревельской эскадрой.

⁷³ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 513—518 (журналы 1703—1704 гг. о строительстве на Олонецкой верфи; возможно, их автором является Ф. С. Салтыков, работавший в те годы на Олонецкой верфи).

⁷⁴ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 21, лл. 127—150.

⁷⁵ А. З. Мышлаевский. Указ. соч., стр. 223—225; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 21, лл. 514, 546, 549; ср. МИГО, вып. III, стр. 87—91.

⁷⁶ П. и Б., т. III. СПб., 1893, № 728.

⁷⁷ Там же, т. X, № 3690.

Крюйс из Троицкого посылал Петру I журналы о действиях русского и турецкого флотов⁷⁸. После морской кампании 1714 г. в адмиралтейскую канцелярию были поданы журналы всех судов корабельного и галерного флотов, участвовавших в этой кампании⁷⁹.

Журналы подавались не только после окончания кампании, но и во время военных действий. В 1714 г. генерал-майор И. М. Голвин, командовавший эскадрой из девяти скампавей, вернувшись к флоту, вручил генерал-адмиралу Апраксину «Журнал о бытности своей на шведской стороне»⁸⁰. В 1721 г. капитан Э. Мишуков, командовавший кораблем «Нейштат», севшим на мель близ острова Эзель, пытаясь оправдаться, послал Петру I письмо и «диурнал» похода в виде таблицы (часы, узлы, сажени, румб, ветер, погода, действия корабля) и «диурналы» всех офицеров и штурманов⁸¹.

Согласно Адмиралтейскому регламенту (1722 г.), по возвращении из плавания капитан корабля был обязан журналы свои и офицеров своего экипажа сдавать командующему флотом вместе с рапортом о состоянии корабля и команды⁸². В Портовом регламенте (1722 г.) повторяется это же предписание, кроме того, из главы, определяющей обязанности вахтенного офицера, узнаем, что он должен был «всему держать журнал и репортовать главному командиру над портом», «записывать, какой нации шкипер..., откуда оной прибыл, с каким грузом и по вся субботы из записной книги делать выписку и посылать к главному командиру над портом»⁸³.

В морских училищах ведение журналов было специальным предметом, о чем свидетельствуют списки учеников навигацкой школы и Морской академии с 1711 по 1724 г.⁸⁴

⁷⁸ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 13, л. 605—605 об.

⁷⁹ МИГО, вып. III, предисловие.

⁸⁰ Там же, стр. 108.

⁸¹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 56, лл. 329—330 об.

⁸² «Регламент Петра Великого... о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской...», ч. II. СПб., 1778, гл. V, пункт 16, стр. 43—44.

⁸³ «Часть вторая регламента морского, в которой определено о всем, что касается доброго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов». СПб., 1722, гл. V, § 16, стр. 42; гл. XVI, § 8, стр. 58—59.

⁸⁴ МИРОФ, ч. III, СПб., 1866, стр. 309, 314, 345; «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. VIII, стр. 593.

Армейские журналы также были официальным отчетным документом. Для записи журналов печатались специальные «журнальные» календари с пробелами для рукописных заметок⁸⁵. В январе 1709 г. по распоряжению Петра I в армию было прислано 2 тыс. карманных календарей «в полдесть, дабы возможно было афицерам на каждый день приписывать свои дела»⁸⁶. Военным уставом 1719 г. генерал-квартирмейстеру поручалось «записную книгу или протокол иметь и войскам все походы и бывшие лагеря записывать и чертежи оным рисовать...»⁸⁷. Журналы сражений и осад, в которых Петр I не принимал участия, пересылались ему вместе с соответствующими чертежами⁸⁸. В январе 1723 г., вернувшись из «низового похода», генерал-адмирал Апраксин привез Петру I журнал коменданта Дербента полковника Томаса Юнгера⁸⁹. Подполковник Ингерманландского полка Бельский, посланный в 1719 г. Апраксиным «в партию», по возвращении рапортовал, что действовал согласно инструкции генерал-адмирала и «подал тому журнал»⁹⁰. Журналы домовой канцелярии Крюйса с записями о погоде, приходе и уходе русских и иностранных кораблей регулярно, через каждые два-три дня пересылались Петру и Меншикову, когда они уезжали из Петербурга⁹¹.

Во время военного суда над Крюйсом в 1713—1714 гг. для следствия использовались морские журналы⁹².

Второй и не менее важной функцией журналов была информация. Петровское правительство широко использовало сообщения о победах русской армии и флота для популяризации своей внешней политики внутри страны и вне ее, для борьбы с внутренней реакцией и внешними врагами.

⁸⁵ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, ч. I. СПб., 1862, стр. 313; ч. II. Приложения, стр. 682; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительственного Синода», т. XX. СПб., 1908, ст. 781.

⁸⁶ П. и Б., т. IX, вып. 1. М.—Л., 1950, № 2959; ЦГАДА, Госархив, разр. V, д. 9, л. 21 об.

⁸⁷ «Книга Устав военной». СПб., 1719, стр. 29; Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 116.

⁸⁸ П. и Б., т. III, № 651, 652, 904, 1010; т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, № 2681, 2722—2732; т. X, № 3903, 4184 и прим.

⁸⁹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 3, л. 4—4 об.

⁹⁰ Там же, кн. 22, л. 127.

⁹¹ Там же, оп. 6, д. 49, л. 79—79 об.; отд. II, кн. 55, лл. 854—859, 862, 958—1032; кн. 56, л. 29; кн. 57, лл. 907—908, 918—921.

⁹² «Описание дел архива Морского министерства», т. I, стр. 40.

Если в начале Северной войны Петр I писал «известительные письма», подробно описывающие военные действия русских войск⁹³, то позже он стал посылать вместе с краткими письмами копии «журналов»: «А для пространного разумения, что делалось, прилагаю журнал»⁹⁴.

Журналы и реляции о малых и больших победах читались в церквях «всему народу» после благодарственных молебнов. Именно так был извещен Петербург в 1719 г. о захвате трех шведских кораблей⁹⁵, а в 1723 г. из только что полученной реляции Матюшкина — о взятии Баку⁹⁶. Реляцию о подвиге сержанта М. Щепотева, захватившего в 1710 г. два шведских адмиральских бота, читали по распоряжению Петра I офицерам Преображенского полка⁹⁷.

Получив известие о победе, Петр требовал немедленной присылки «журналов» и чертежей, «чтоб могли напечатать и разослать»⁹⁸. Он редактировал текст, требовал дополнительных сведений, писал пояснения к чертежам, иногда составлял их сам⁹⁹. Журналы и реляции печатались и гражданским шрифтом, и кириллицей, самостоятельно или в «Ведомостях»¹⁰⁰. 21 июня 1721 г. в Петербурге было получено известие о возвращении из Финляндии галерной эскадры под командованием генерал-лейтенанта Ласси и его журнал, а 24 июня этот журнал был уже напечатан форматом «Ведомостей», но без номера. 19 июля он вышел в Москве как № 2 «Ведомостей»¹⁰¹.

⁹³ Такие письма посылались ближайшим сотрудникам Петра I: А. Д. Меншикову, Ф. Ю. Ромодановскому, сенаторам, послам, в Синод и т. д. (П. и Б., т. I. СПб., 1887, № 103, 111; т. II. СПб., 1889, № 553; т. III, № 680).

⁹⁴ См. письмо Сенату от 30 августа 1722 г., к которому был приложен «Экстракт из журнала», напечатанный в Москве в 1722 г. («Описание изданий гражданской печати», № 701); П. П. Пекарский. Указ. соч., ч. II. СПб., 1862, стр. 526; «Русский вестник», т. 110, М., 1874, март, стр. 36—41; «Северный архив», 1823, № 18, стр. 359—360; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 30, л. 225 об.

⁹⁵ «Извлечения», стр. 100.

⁹⁶ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 3, л. 10; «Походный журнал 1723 г.», СПб., 1855, стр. 21.

⁹⁷ А. Чичерин, С. Долгов, А. Афонасьев. Указ. соч., т. IV. Приложения, стр. 27—28.

⁹⁸ П. и Б., т. III, № 652, 724.

⁹⁹ «Описание изданий гражданской печати», № 13.

¹⁰⁰ Там же, № 383.

¹⁰¹ Там же, № 593; П. П. Пекарский. Указ. соч., ч. II, стр. 538; «Поденная записка», ч. 2, стр. 163—170.

Значительная часть «журналов» (о взятии Нарвы, о сражении под Лесной, о Полтавской битве и др.) была напечатана в виде плакатов с планами сражений. Плакаты эти развешивались на улицах Москвы и Петербурга и рассылались по другим городам¹⁰².

«Журнал» об осаде Нотебурга был напечатан в Москве в 1000 экземпляров¹⁰³. Реляцию о сражении с войсками Левенгаупта в Курляндии 19 июля 1705 г. Петр I получил от Шереметева в Вильно 22 июля, а 24 июля она уже была напечатана¹⁰⁴. Реляцию о сражении под Лесной Шереметеву было приказано «прибить везде по городам и местечкам, чтоб черкасы о той победе ведали», и «продавать везде на Москве и в городех»¹⁰⁵. В 1709 г. из Москвы в Тобольск был послан «ящик с журналы во объявление народа всего Российского государства и в Сибирской стране»¹⁰⁶. Грамоты о победах 1710 г. также рассылались по всем городам¹⁰⁷. Журнал военных действий отряда полковника И. М. Шувалова под Нейшлотом 20—29 июля 1714 г. был напечатан в «Петербургских ведомостях» уже 7 августа¹⁰⁸. Ратификация мирного договора со Швецией была напечатана в 6 тыс. экз.¹⁰⁹

По распоряжению Петра I в Персидский поход взяли из московской типографии «7 художников и всякие принадлежности до печатания с одним станком материалы»¹¹⁰. «Журналы» и реляции о походе печатались и в Москве¹¹¹.

Помимо задач пропагандистских, сообщение «журналов» часто преследовало чисто практические цели. Так в июне 1711 г., дойдя с основными силами до Прута, Петр I отправил идущему вслед с дивизией А. И. Репнину письмо,

¹⁰² Т. А. Быкова. Первые печатные источники о Полтавской победе. — «Полтава», Сборник статей, стр. 352—353.

¹⁰³ П. П. Пекарский. Указ. соч., ч. I, стр. 269.

¹⁰⁴ Там же, ч. II, стр. 119; «Поденная записка», ч. 1, стр. 120.

¹⁰⁵ П. и Б., т. VIII, вып. 1. № 2840; вып. 2. М., 1951, прим. к № 2689. Реляции печатались на одной стороне, чтобы можно было их расклеивать на улицах.

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), кн. 1509, л. 32 об.

¹⁰⁷ П. и Б., т. X, прим. к № 4032.

¹⁰⁸ «Описание изданий гражданской печати», № 138; «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2. М., 1906, стр. 198—200.

¹⁰⁹ П. П. Пекарский. Указ. соч., ч. II. Приложения, стр. 677.

¹¹⁰ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 60, л. 14.

¹¹¹ «Описание изданий гражданской печати», № 701, 702, 708, 710; П. П. Пекарский. Указ. соч., ч. II, стр. 526.

предупреждающее о недостатке воды по пути, и выдержку из журнала, в которой указывалось, где армия останавливалась, каково расстояние между отдельными пунктами, есть ли в них вода и какая¹¹².

«Юрнали» о победах русской армии и флота широко использовались петровским правительством в дипломатических целях в противовес враждебной информации, «неправосплетенной» и распространяемой шведскими дипломатами и их явными и скрытыми союзниками. В «Поденной записке» читаем: «Шведские генералы Красов и Станислав Лещинский, услыша о Полтавской баталии, сочиняли и рассылали ведомости, весьма тому противныя»¹¹³. В. Л. Долгорукий писал в августе 1709 г. из Копенгагена, что шведы «о баталии, бывшей под Полтавою, розглашают, будто король шведский победу одержал и идут будто прямо к Москве»¹¹⁴. После Гангутской победы Петру сообщили, что «из Гамбурга и Кенигсберга писали в фальшивых газетах о нашем флоте, будто весь побит и Ваше величество с одним кораблем спаслися»¹¹⁵.

Реляции и «юрнали» печатались на иностранных языках и рассылались союзным государям и их министрам, русским послам за границей, иностранцам, жившим в Москве и Петербурге, публиковались в иностранных газетах. В августе 1720 г., извещая русских послов о победе над шведской эскадрой при Гренгаме, Петр поручал им «сию ведомость как возможно разгласить, напечатав в газетах»¹¹⁶. В это же время и Остерман просил Макарова прислать реляцию о Гренгаме для отправки русским послам¹¹⁷. Реляции и «юрнали» помогали русским дипломатам опровергать ложные известия, исходявшие из шведских источников, ориентироваться в военной обстановке и тем самым содействовали успеху переговоров, которые им были поручены¹¹⁸.

¹¹² П. и Б., т. XI, вып. 1, М., 1962, № 4542.

¹¹³ «Поденная записка», ч. 1, стр. 225.

¹¹⁴ П. и Б., т. IX, вып. 2, М., 1952, прим. к № 3285.

¹¹⁵ В. Н. Берх. Собрание писем императора Петра I с ответами на оные, ч. 2, СПб., 1829, стр. 283.

¹¹⁶ П. и Б., т. III, прим. к № 756; т. IV, вып. 1, СПб., 1900, № 1372; т. VIII, вып. 2, прим. к № 2689; ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 20, л. 160; МИРФ, ч. II, № 2207.

¹¹⁷ Каб. ПВ, отд. II, кн. 52, л. 420.

¹¹⁸ С. И. Кедров. Русь Петра Великого за границей. Посольство князя Б. И. Куракина в Ганновер в 1709—1710 гг. — «Русский архив», 1905, кн. 1, вып. 3, стр. 409.

Военные журналы петровского времени — официальные отчетные документы и средство информации — были в то же время произведениями историографическими по содержанию и по замыслу¹¹⁹. С. Л. Пештич называет журналы «историческими произведениями особого рода — хроникой современных событий»¹²⁰. О развитии и распространении исторических знаний в период преобразований, об их широком применении в дипломатии и внутренней политике подробно сказано в работах П. П. Пекарского и С. Л. Пештича.

Общеизвестен интерес к истории широких слоев русского общества той поры, начиная от самого Петра I и его сотрудников и кончая безвестным «грамматистом» Славяно-грамматического училища в Переяславле-Рязанском¹²¹. В 1708 г. боярин Т. Н. Стрешнев, ведавший Разрядом, писал Петру I: «Изволь приказать отписать к Мусину, чтоб напечатать книгу походов Вашей милости с Азовских походов все или той книги списать, и в приказех было бы и в дома наши, хто похочет, давать. Истинна пишу, а бес писма такие изрядные дела оставить не надобна...»¹²²

Об историографическом назначении журналов свидетельствуют история их возникновения¹²³, постоянная забота Петра I о ведении журналов, особенно указ 1705 г., согласно которому Посольскому приказу поручалось вести «диариуш» Северной войны¹²⁴, подготовка к изданию сборника журналов и реляций — «Марсовой книги», использование журналов при написании исторических произведений о Северной войне, записи Макарова на полях кабинетных журналов 1723—1725 гг. о внесении в них дополнительных сведений¹²⁵.

¹¹⁹ Ср. С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 90. В. Н. Строев считал журналы Петра I подготовительным материалом для истории его царствования (В. Н. Строев. Указ. соч., стр. 49).

¹²⁰ С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 86.

¹²¹ ЦГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел, № 368/818.

¹²² ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. II, кн. 7, лл. 1133—1134 об.; см. также С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 93—94.

¹²³ См. выше стр. 372. Ср. П. и Б., т. III, № 724.

¹²⁴ Там же, т. IV, вып. 2, прим. к № 1196; ПСЗ, т. IV, № 2040; ЦГАДА, Приказные дела новых лет, оп. 1, 1705 г., д. 72, л. 1; д. 17, л. 18; 1703 г., д. 27, лл. 1—2; д. 20, л. 7 об.

¹²⁵ С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 91—92; ЦГАДА; Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 3, лл. 9 об., 10 об., 207—209.

Военные журналы петровского времени, написанные очевидцами и участниками по следам событий¹²⁶, — исторические источники большой ценности, к тому же в некоторых случаях являющиеся единственными источниками сведений о событиях, об утраченных документах¹²⁷. Ценность журналов как исторических источников подтверждается широким использованием их в исторических трудах, начиная с петровского времени и до наших дней¹²⁸.

Далеко не все военные журналы изданы, к тому же старые публикации не всегда удовлетворяют современным археографическим требованиям. Значительная часть журналов самого Петра I издана, но эти публикации неполны.

¹²⁶ Лишь небольшая часть военных сведений приводится «по ведомостям», но при этом следует иметь в виду, что и само время сообщения ведомостей также интересно и существенно для исследователя, изучающего военную историю. От журналов, писавшихся повседневно, необходимо отличать журналы, написанные позже по требованию кабинет-секретаря Макарова специально для «Истории Свейской войны». Такие журналы составлялись или на основе регулярных записей, или, если систематические записи не велись или не сохранились, по письмам и другим документам. Таковы «журналы служб» Б. П. Шереметева (краткие выписки из походных журналов с реляциями, начиная с Нарвского похода и кончая взятием Дерпта), А. И. Репнина (с 1699 по 1706 г.) и М. М. Голицына (с 1695 по 1722 г.), затребованные Макаровым в 1719—1720 гг. (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 17, лл. 1—204); ср. «Экстракт о службах князя Голицына» в кн.: Д. Ф. Масловский. Указ. соч., вып. 1, стр. 315—326. Представленный в Кабинет в это же время «Журнал служб» П. М. Апраксина написан в отличие от вышеуказанных «как мог упамятовать», что снижает его ценность как источника (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 17, л. 8).

Кроме того, Макаровым и другими чиновниками Кабинета составлялись «юрналы обстоятельные» — сводные тексты, написанные на основании нескольких журналов, современных событиям, и других документов как подготовительный материал для «Истории Свейской войны» (ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 65, л. 304). Следует иметь в виду, что иногда трудно отличить подлинный журнал от копии, сделанной для «Истории», тем более что в отдельных случаях Макаров, по-видимому, работал непосредственно над подлинником журнала, внося в него дополнения и исправления, необходимые для «Истории».

¹²⁷ П. и Б., т. XI, вып. 1, № 4561.

¹²⁸ Ф. И. Соколов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории императора Петра Великого. СПб., 1763; «Поход боярина и большого полку воеводы А. С. Шенна к Азову...» СПб., 1773; Д. И. Шор. Методы инженерного обеспечения осады укрепленных городов и крепостей, применявшиеся в русских войсках в XVI—XVIII вв. — «Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии». Сборник статей. М., 1958. Из 17 статей сборника «Полтава» в 7 использованы походные журналы.

В основное издание «Путевые и походные журналы императора Петра Великого», выходявшее в Петербурге в середине XIX в., вошли далеко не все журналы Петра I, даже собственноручные. К тому же выбор журналов для этого издания случаен. Так, нет в этой серии «Поденной росписи осады Нотебурга», одного из кабинетных журналов 1716 г.¹²⁹, журнала 1718 г.¹³⁰ Помимо собственно петровских и кабинетных, вошли в это издание журналы, которые велись в домашней канцелярии А. Д. Меншикова¹³¹, в Адмиралтействе¹³², на Олонецкой верфи¹³³. Есть и другие издания петровских журналов, но и они не соответствуют современным требованиям. Так, в «Материалах для истории русского флота» издан сводный текст, состоящий из относящихся к флоту сведений, извлеченных из разных журналов за 1703—1725 гг.¹³⁴

Со временем, несомненно, будет осуществлено полноценное издание всех сохранившихся военных журналов первой четверти XVIII в., начало этому положено подготовкой в Институте истории СССР АН СССР к изданию самого значительного исторического произведения периода преобразований, первого труда по русской военной истории — «Истории Свейской войны»¹³⁵. Военные журналы были основным источником «Истории», в нее вошли все важнейшие сведения журналов. «История» была впервые издана М. М. Щербатовым в 1770—1772 гг. под названием «Журнал или Поденная записка императора Петра Великого», но это издание является библиографической редкостью. К тому же издание осуществлено только по одной из сохранившихся редакций этого произведения, не учтены и не использованы другие редакции, многочисленные черновые материалы, отражающие сложную и длительную работу над составлением и редакци-

¹²⁹ ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, оп. 6, д. 14, лл. 14—17 об.

¹³⁰ Там же, д. 16, лл. 1—8 об.

¹³¹ «Походный журнал 1711 г.». СПб., 1854 (IV); ЦГАДА, Каб. ПВ, отд. I, кн. 27, ч. 1, лл. 19—26.

¹³² «Походный журнал 1707 г.». СПб., 1854 (II); ср. записи за 23 и 24 октября 1712 гг. (стр. 7 и 13); «Походный журнал 1719 г.». СПб., 1855 (V), стр. 130.

¹³³ «Походные журналы 1703 и 1704 гг.». СПб., 1854; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 513—518.

¹³⁴ «Извлечения».

¹³⁵ О «Истории» см.: Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М., 1962, стр. 42—45; С. Л. Пештич. Указ. соч., ч. 1, стр. 120, 154.

рованием «Гистории». Все эти материалы особенно важны потому, что «Гистория» не была закончена. В щербатовском издании отсутствует научно-справочный аппарат, нет ни оглавления, ни четких подзаголовков, что затрудняет пользование книгой.

Давно наступила пора заново издать «Гисторию Свейской войны», учитывая нынешний уровень знания источников и современные археографические требования. В этом новом издании «Гистории» должны быть устранены все недостатки щербатовского издания, в частности в примечаниях к тексту или как приложение должен быть дан перечень военных журналов, использованных при составлении «Гистории Свейской войны».

С. О. ШМИДТ

ПРОЕКТ П. И. ШУВАЛОВА О СОЗДАНИИ В РОССИИ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ (1755 г.)

В 1750-е годы было составлено несколько проектов создания в России высшей военной школы, связываемых с именем П. И. Шувалова. Значение проектов как источников по русской военной истории охарактеризовано в книге Л. Г. Бескровного «Очерки по источниковедению военной истории России». Там же кратко изложено основное содержание проектов¹.

Граф Петр Иванович Шувалов (1710—1762 гг.) принадлежал к числу сановников, особенно приближенных к императрице Елизавете. Он, употребляя его собственное выражение, постоянно «обращался в государственных изобретениях». Дом Шувалова, по словам современника, известного ученого-артиллериста М. В. Данилова, «наполнен был весь писцами, которые списывали разные от графа прожекты»². Можно полагать, что в составлении «прожектов» участвовали в ка-

¹ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 180—183; см. также: он же. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958, стр. 180.

² М. В. Данилов. Записки. — «Русский архив», 1883, кн. 2, стр. 54.

кой-то мере и помощники Шувалова. Проекты о создании в России высшей военной школы — звенья обширного плана государственных преобразований, в который входили и судебно-административные, и финансовые, и организационно-хозяйственные, и военные реформы³.

Известно несколько проектов Шувалова о создании высшей военной школы — проекты 1753, 1755 и 1758 гг. Проект 1753 г.⁴ был в 1754 г. передан в Сенат и по сенатским делам известен как проект «о учреждении академии военных наук и о бытии оной при шляхетском кадетском корпусе, определяя вместо профессоров искусных и довольно знающих военнoслужаших»⁵. Этот проект опубликован С. В. Рождественским в 1912 г.⁶

В 1755 г. на основе проекта 1753 г. был создан «Проект об учреждении при шляхетном кадетском корпусе военного департамента для обучения офицеров военному искусству», известный по рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов⁷. Рождественский был знаком с этой рукописью и кратко изложил содержание проекта⁸. В проектах 1753 и 1755 гг. не только мотивирована целесообразность создания высшей военной школы, но и предложена программа обучения и намечен штат преподавателей. Сам Шувалов, очевидно, надеялся стать «шефом» училища⁹.

³ С. О. Шмидт. Проект П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах». — «Исторический архив», 1962, № 6, стр. 100—102; он же. Внутренняя политика царизма в 1725—1762 гг. (глава для III тома «Истории СССР». На правах рукописи, ротاپринт). М., 1962, стр. 26—31; он же. La politique intérieure du tsarisme au milieu de XVIII-e siècle. — «Annales», Paris, 1966, № 1, p. 100—105.

⁴ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 194, лл. 1—15 об.

⁵ См. статью о П. И. Шувалове в Русском биографическом словаре (т. «Шебанов-Шютц»). СПб., 1911, стр. 496).

⁶ С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв., т. I. СПб., 1912. Приложение, стр. 33—43. Содержание проекта изложено в работе: А. П. Барбасов. Артиллерийское образование в России в XVIII в. Автореф. канд. дисс. М., 1961 г.

⁷ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 198, лл. 40—51.

⁸ С. В. Рождественский. Указ. соч., т. I, стр. 28—29. Содержание проекта кратко изложено и в упоминавшейся диссертации А. П. Барбасова.

⁹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 198, л. 42.

Шуваловские проекты организации военного обучения офицеров не могли быть осуществлены, вероятно, из-за начавшейся Семилетней войны. Однако положения проектов нашли дальнейшее развитие в последующих начинаниях Шувалова. Это сказалось уже во второй половине 1750-х годов в изменении программы преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин будущим артиллеристам и инженерам¹⁰. Много схожего с предшествовавшими проектами и в обширном представлении от 27 октября 1758 г. об «учреждении артиллерийского шляхетского кадетского корпуса с классом военной науки». В проекте 1758 г. имеется упоминание о проектах 1753 и 1755 гг. Проект 1758 г. опубликован также в 1912 г. по рукописи, находившейся тогда во 2-м Кадетском корпусе¹¹. Копия проекта 1758 г. помещена на листах 52—90 об. того же архивного дела, где находится копия проекта 1755 г.¹² Содержание проекта 1758 г. (по рукописи ЦГАДА) изложено Рождественским¹³.

Проект 1755 г., судя по наиболее авторитетным библиографическим указателям, до сих пор оставался неопубликованным. Таким образом, с публикацией этого проекта существенно облегчается сравнительное изучение всех трех шуваловских проектов 1750-х годов о создании в России высшей военной школы, а эти «идеи Шувалова представляют значительный интерес, поскольку они составляют важный этап в развитии русской военной мысли XVIII в.»¹⁴.

Этому проекту предшествует пространное предупреждение. Написанное труднодоступным языком, оно тем не менее интересно не только своим конкретным содержанием, но и как образец делопроизводственной стилистики середины XVIII в. Проект 1755 г. публикуется по писарской копии того времени. Орфография текста XVIII в. оставлена без изменений.

¹⁰ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. III. СПб., 1865, стр. 662—663.

¹¹ Н. П. Жерве и В. Н. Строев. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712—1912 гг., т. I. СПб., 1912. Приложение, стр. 4—31. О проекте 1755 г. на стр. 5.

¹² В копии неправильная дата: 1759 вместо 1758 г.

¹³ С. В. Рождественский. Указ. соч., т. I, стр. 30—32.

¹⁴ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России, стр. 183.

Я, обращаясь в розных государственных материях, розыскивая ишу причины какия в них есть. 1) которая подают повод к общему вреду, 2) чтоб познавать недостатки; потом по первому изыскиваю способ чрез средство пресечь их без истребления рода человеческого, отнятием к тому случая, в разсуждении сохранения и самых обыкших в том обращении, не токмо тех, которые бы могли по слабости поползнуться, видя к тому случай. По второму стараюсь то изобретать, чем что к совершенству ближе привести, сему основанию последую, по розным материям поданных дела сочинял; те самыя по действию своему доказатели сей системы, ибо я так мышлю, что в числе немалом народа вкорененное какое либо зло, ни чрез какую строгость совсем искоренено быть не может, а истребление народа бесчисленное, притом не одни винные. Равномерно узнать недостатки, в какой бы оныя материи ни состояли, || в подробность их не входя не-возможно, следственно поправление или приведение в лутчее состояние, быть не может. Того ради свободною и беспристрастною мыслию следует входить в существо рода того зла или материю, и искать причины от чего происходит, или чево недостает поправлять на полезное обращать или совсем искоренять, в разсуждении когда оныя в своем существе поправлены, на полезное обращены или совсем пресечены будут, то и в народе как то зло конец свой возмет, так в других материях совершеннейше будут. Мне случай додал по причине определения меня по высочайшему соизволению самодержицы и государыни моей всемилодивейшей к армии войтить в военныя материи, взяв в разсуждение ее важность, В подробности входя, нашол столько много слабости, сколько плодovit род сего дела, пределов ему нет; и оказалось, что есть бесконечной в своем совершенстве, важность же ево || предпочтенна. Сии обстоятельства требуют, чтоб не токмо всегдашнее прилежание иметь, но и действительно обучать, притом увидел как приуготовляется к тому воспитанием дворянство, и хотя из них по природной остроте народа российского любезнаго нашего отечества, благородныя и быстрыя мысли которой имеет, но руководство недостаточно, отчего великих людей в военном искусстве ожидать худая надежда. Сих ради причин в 753-м году высокоправительствующему Сенату подал предложение, в котором описаны з доказатель-

ством от древнейших времен даже до нынешнего, где и действы войск российских упомянуты, а чрез то показано сколь нужно быть в военном деле науке, и что единственно чрез искуснейших и исправных пред другими воинов не токмо государства таковым в покорение приведены, но монархии вновь возстановлялись, а бывшие испровержены были. ||

л. 41
об. Правда полезное учреждение шляхетско-кадетского корпуса, где обучают розным экзерцициям, ис которых некоторые токмо суть образ познания военной науки, а протчия к воспитанию дворянства с ползою служат, и хотя плод явной из сего источника воспитания есть, и армия ея императорского величества немалое число уже имеет исправных офицеров, так и протчия места по другим их тут обучением получают достойных, но дабы то, что действительно до военнова искусства принадлежит, ис которого бы могли мы иметь великих людей в военном деле сумнительно.

Целость отечества и сохранение народа требует обучать военной науке тех, которые в чины офицерския определяемы будут, чрез чтоб желаемой плод мог последовать, ибо хотя из тысячи, но быть может несколько отменных людей, а конечно многие будут искуснее настоящих, которые ж || и всем приращения не учинят, то останутся такими, каковы ныне есть, а хуже быть не могут, того ради надлежит учредить военное училище на основании приложенного при сем проэкта и следующего разсуждения.

Оному быть должно при кадетском шляхетном сухопутном корпусе по причинам тем: 1) дабы большой суммы не потребовало для содержания, 2) чтоб те, которые во оное училище и определяются, а надобность будет совершеннее знать те науки, что обучали в корпусе, могли б ходить в класы, но притом разсуждается корпус кадетской умножить сорокью человеками, дабы сто из них находились в военном училище, а триста были в кадетах, хотя оные в кадетском корпусе и жить будут, но потребен дом, в котором сию науку обучать, пока при кадетском корпусе построится.

Что касается до командиров, учителей и протчих чинов, то надлежит быть одному шефу того училища, первова или второва || класа персоне, о котором предать на всевысочайшее соизволение ея императорскаго величества, ково соизволит определить указать, одному директору генералитетскава чину, к чему как по знанию так и охоте военнова дела способна признаваю двора ея императорскаго величества

камер-юнкера князь Петра Ивановича Репнина, одному поддиректору, к чему по знанию за достойного признаваю бригадира де Бодана. Учителей шесть, в том числе два полковника, за способных нахожу генерал-адъютанта Николая Муравьева, Ладожского пехотного полку майора барона Элмта, по знанию их, охоте и прилежности (о сих двух в произвождение по армии в полковники от собрания генералитетскава с Военною коллегиею ея императорскому величеству доклад подан).

Подполковников
два

Пример-майоров
два

Аудитор
Профессоров двое,
Перевотчиков двое
Рисовальной мастер
Подмастерья
Писарей двое.

Что же следует до денег, то из новоположенной винной суммы определить как на прибавочных сорок человек кадетов, так на жалованье всем чинам и расходы. При сем училище подлежащие офицерам, то есть ученикам определяется всем равно по двадцати по пяти рублей сверх содержания их обыкновенного, дабы чрез то могли себя содержать как чин офицерской требует. Видится, нет нужды описывать подробно пользы, как велики оныя из сего источника будут, потому что весьма ясно многия из них всяк себе вообразить может, а то что худобы никакой не последует утверждать надежно.

Высокоповеренныя почтенныя члены высокоправительствующаго Сената, || мои милостивыя государи, участие моего сообщества с вами уверяет, что сие по моему мнению весьма полезное и необходимо нужное предприятие снабдено будет согласным вашим разсуждением, ибо не токмо сохранение

тех людей, которые представляются неприятелю к бою, в за-
щищение отечества или других каковых-либо необходимых
причин, но и целость отечества от искусных командиров за-
висит, знающих свое дело, а инаково люди приведенныя
пред неприятеля суть неповинная жертва.

Всепресветлейшая обладательница наша, самодержица
всемилоостивейшая, мать отечества великая Елисавет пример
собою показывает не токмо ползы собственной, ниже славы
не предпочитает благополучию отечества и народа своего,
как то хотя и многожды, но ныне вновь изустно подтвердить
благоволила, что обще все собрание слышать удостоилось, не
упоминаю многочисленныя дела, которыми свою любовь
к отечеству и подданным доказала || и производит, все ея
императорскаго величества действа ясно показывают, что
свое удовольствие, славу и благополучие в благополучии оте-
чества и подданных своих заключает. По сему уповаю, егда
высокоправительствующий Сенат сие мое сочинение, по
моему мнению полезное отечеству, утвердить изволит, без
малейшаго сумнения на всевысочайшую опробацию ея импе-
раторскаго величества подать не оставит.

У подлинного подписано — сенатор граф Петр Шувалов.
1755 году октября 16 дня.

Проект

об учреждении при шляхетном кадетском корпусе военного
департаменту для обучения офицеров военному искусству

I

Каким образом во оной департамент определять.

Не токмо дабы армия непрестанно хорошими офицерами
снабдена была, но и авантаж пред ненаученным дворянством
тем давать надлежит, которые старались что-нибудь вы-
учить. И для того каждой год назначить в корпусе в вы-
пуске 50 человек кадетов, считая в том числе капралов и
ундер-офицеров, и так весь корпус переменитца чрез семь
лет.

Директор шляхетного кадетского корпуса, освидетель-
ствовав по силе закона кадетов, и представить имеет в пра-
вительствующий Сенат о достоинстве их к выпуску атестат,
а как правительствующий Сенат выпуск опробует, то один
список для дачи чинов офицерских в Военную коллегию,

а другой для принятия их к шефу или к директору || воен- л. 45
ного департаменту пошлет. Сии выпускаемые должны знать
во-первых арифметик, геометрию практическую, в чем разу-
меется употребление инструментов при землемерии и при
нивелировании земли, без чего офицеру обойтись невозможно,
формификации, артиллерии по крайней мере главныя осно-
вания, ибо оныя науки в военном департаменте трактованы
быть имеют, потому что они суть части военной науки. При
том же и сие не худо, ежели присылаемые будут знать не-
которые основаны механики, ибо по штату кадетского кор-
пуса ее обучать положено; притом же офицеру оную за не-
нужную почесть невозможно, потому что у нас офицеры
употребляются в разныя должности, где им механическая
основаны потребны как при делании шлюзов, мостов и тому
подобного, умалчивая что она в теорической артиллерии не-
обходима, также нужно знать офицеру историю древнюю и
новую, и географию, какой-нибудь ис чужестранных языков,
эксерциции принадлежащие до афицера, то есть фехтовать,
танцовать и ездить верхом, сие взыскивать на них можно,
чтоб знали, ибо пять лет во упомянутых науках обращатся, л. 45
а не менее полагається. Авантаж же || чина офицерского
предлежит, что многое дворянство с великим трудом дохо- об.
дить должны, а потому что в науке познание ровное быть не
может, то дабы в вышеписанном главном и нужнейшем знали,
а в прочем хотя б хорошее основаны имели, оныя офицеры,
ис четырехсот кадетов состоящие, во сте человеках от всего
содержания их ис кадетского корпуса не исключаютца, и
имеют получать мундиры, в те же сроки шляпы, и словом
все то, что кадеты получают, только мундиры им иметь
офицерские и кушать в той зале с кадетами, только за особ-
ливым столом, и стоять в особливых комнатах, только при
всем том быть подверженным тем правам, которые в кадет-
ском корпусе наблюдаются, и естли какой усмотритца не-
порядок кадетскими офицерами, то объявляется о сем коман-
дующим штапам оным департаментом, которые по важности
оного беспорядка о том репортуют директора, а оной повеле-
вает наказывать выговором, снятием на несколько времени
шпаги, или что по своему разсуждению за благо разсудит.
Из оных офицеров надлежит несколько человек (по разсуж-
дению директора) выбрать старших для наблюдения по-
рядка в комнатах, ис которых по двое имеют дневать || и л. 46
осматривать, чтоб все офицеры были по пробитии зори при

своих квартирах и о сем всякой день репортовать дежурного штап-офицера, а дежурной штап-офицер репортует всякой день полковника, ибо для наблюдения порядка надлежит маорам и подполковникам дежурить при корпусе и начевать в отведенной для их особливой комнате. А ежели кто самовольно без позволения полковника, или по крайней мере дежурного штап-офицера, отлучитца, то полковнику, получа о том репорт, самому репортовать директору, которой оного без позволения отлучившагося штрафует по своему благо изобретению. А дабы такие осмотры были верны, то и самим штап-офицерам иногда ходить ночью по квартирам и осматривать, и кто не явитца, то не токмо тово кто отлучился, но и тово кто осматривал и неправильно репортовал штрафовать.

Для порядку необходимо, чтоб те выпуски с перваго числа генваря были, а чтоб во оном депортаменте состояло сто человек, для того при начале учреждения оного должно все выше помянутое сто человек ис кадетов выпустить, а из оного 50 чрез два года в армию определить, а по прошествии || тех дву лет, уже всякой год во оной на вышепомянутом основании записывать по той причине, чтоб сначала оной клас наполнить, а после ежегодно как в нево приходить, так и из нево выходить по 50 человек, и чтоб во оном депортаменте половина таких находились, кои были год, а другая вновь определенных, естли кто из дворян не будучи в кадетском корпусе, а выучив те науки на своем коште с какими кадеты в военное училище определяются, будет просить о принятии ево в военное училище, таких свидетельствовать и естли по свидетельству найдутца достойны, то представить правительствующему Сенату, где им дадутца прапорщичьи чины, и отосланы будут к шефу военного депортамента, таковым быть не в числе ста человек, и быть им на своем содержании, но поступать с ними так, как с теми, которые выпущены ис кадетского корпуса.

II

Какому порядку и расположению быть при оном депортаменте

Военная наука вообще разделяется в две части: 1) как действовать армию, || 2) как строить крепости. Итак, надлежит разделить депортамент в два главные класа. А по

неже артилерия хотя и часть той науки для действия при армии, только движении оной и другие способности свои имеют правила, то оную присовокупить во второй клас; а по сим класам как росписывать, то предается в диспозицию господина директора, которой должен росписать афицеров по класам; а учитца им от 7 до 11-ть поутру, в понедельник, вторник, четверток и пятницу, в среду до обеда профессору читать универсальную гисторию, то есть все то, что по оной истории до военного дела касается и принадлежит, а после обеда от 2-го до 5-го обер-аудитору толковать военные правы и что до военного суда касается. А в субботу тому ж профессору рассуждать о настоящих политических делах в Европе, также о военных силах европейских держав, а после обеда класам не быть, но директор может послеобеднишня часы распределить по класам в кадетском корпусе, естли усмотрит в чем кто будет недостаточен. Офицер определенной в какой клас, должен обучатца с кадетами и вести себя порядочно и тихо, а естли будут какие непорядки, то дежурной офицер должен о том объявить дежурному || штапу военного училища, которой репортует о том вышней команде, также естли написанной в клас будет не прилежать к науке, то учитель оного класа может репортовать о том полковника оного депортамента или самово директора. Сие также нужно, чтоб директор или старший штап-офицер ходил иногда по класам кадетского корпуса, дабы видеть прилежность тех афицеров, которые учатся в тех классах.

III

Какими людьми и чему оные обучаемы быть должны

Их обучать надлежит не токмо определенным штап-офицерам, но и самому директору.

А сколько каких чинов при том депортаменте находиться будет и на каком содержании, ниже в штате представляется, а обучать им должно следующему.

1) Всеми тому, что до военнова дела касается, как то эксерцицию употребляющуюся в полках, конную и пешую, солдатскую, ундер-офицерскую, гранодерскую, разводить на часы, сменять, различие знать барабанных боев, как салда-

там жить в артелях, эфрейторскую, капральскую, унדר-офицерскую должность... ||

2) Художеству воинскому, каким образом офицеру во всяком фронте обращаться, как в роте и полку повеления давать, как стрельбу всякую производить, как одету салдату быть должно, что на содержание ево дается, как повелении командирския от главного командира до последнего доходят, как исполнению по оным делаются, должности из них каждого, и словом всему что в военном Уставе предписывается, не менее во что салдат рота, полк становитца содержанием, в какие сроки получают вещи мундирные и аммуничные, как оные вещи раздаются и употребляютца, какое порядочное смотрение быть должно, о порядочном того смотрении и бережении и прочему тому подобному, как например жалованье, правиант и фураж роздавать и прочая.

3) Науки военной как всякой фронт устроить, зачав от фронта ефрейторов, даже до фронта полковаго, как во оном поступать, и какие обращения или эволюции делать, и к чему оные потребны, как маршировать, и где какое прикрытие употреблять, каким образом с канвоями и детааша-ментами поступать, как лагерем становитца и ево укреплять и что при том примечать надлежит, как внутри государства маршировать, на квартиры становитца и из них выступить, как во всех случаях || полк содержать в порядке и строгости, об. как суды производить и какие класть за погрешении штрафы, как переписки со всеми местами делать, и какой порядок писменной при полках содержать, читать всех военных афторов и делать на них рефлексии. Разсуждать о всех знатных баталиях и акциях, и разсуждать те погрешности от чего они потеряны, показывать действо артиллерии и употребление ее в баталиях и при осадах; показывать где какое употреблять ружье, изъяснять действие и силу подкопов при осадах, показывать в практике, разсуждать теорически о силе пушного ядра, и показывать в практике как стрелять брешь, также и о силе бомб и где оные употреблять, разсуждать о системах славных инженеров, показывать как вести траншею, сапу, класть ложемент практически, и словом все, что до военной науки касается.

О должности директора и о прочем
надлежащем до оного депортамента

1) Директору оного депортамента иметь должно крайнее старание, чтоб все находящийся под ево смотрением в должностях и учениях были б совершенно исправны и для того не токмо чтоб штап-офицеры и учителя с прилежностию офицеров обучали, но и самому по крайней мере два раза в неделю присудствовать и обучать. ||

2) Материи для сего столь богаты, что никто по разным причинам, обстоятельствам и случаям описать не в состоянии. Того ради несколько оглавленной при сем для примера прилагаю, ис чего плодovitой род сего дела яснее окажется, и для того на основании оглавленных в приложенном при сем под литерою «А» разных пунктов, сочинить вопросныя и ответныя пункты, только чтоб то неотменно на основании военных регулов было; а что им заблагоразсудитца, то оным присовокупить или отменить не возбраняется, ибо оное не иначе как ко удовольствию военного искусства показывается для примера.

3) Он имеет власть по своему рассмотрению с позволения своего шефа делать потребныя учреждения и содержать всех в дисциплине и прилежности, и ежели кто незначительной найдется, таких штрафовать арестом или как заблагоразсудит; а ежели из оных кто часто в такие погрешности впадать будет, то такова, выписав из депортамента, следственно отняв чин, отослать в Военную коллегию для определения в унדר-офицеры, также если из оных в таких погрешностях найдутся, которые офицерскому чину весьма поносны, как то пьянство, воровство и тому подобное, таких отдавать под суд и со мнением || представлять шефу, а шефу представлять правительствующему Сенату для написания в армию в салдаты, или чему по закону достойны будут.

4) Когда офицеры чрез два года бытности их в военном депортаменте представлены к совершенному выпуску будут, то те, которые особливую прилежность, отменную охоту и остроту разума во оном искусстве оказали, имеют получить сверх того чину, в каком они состояли, еще один или два чина больше, а в которых такой отменной остроты разума не окажется, а будет токмо охотно прилежать, то и таких для

других поощрения хотя теми же рангами, которыми они были выпускать, токмо давать двулетнее старшинство, а те, которые особливо себя не отметили, однако ж в преступлениях не бывали, считаются старшинством с того времени, как выдут из военного департамента, те ж, которые к военной службе неспособны, а окажут охоту и прилежность, таких при выпуске писать правительствующему Сенату в какие должности по их чинам достойны или способны явятся.

л. 50 5) Директор имеет состоять || под командою шефа военного училища, которому он о всем репортует и принимает у него повеление.

6) Назначенных же в штате персон определяет для обучения по своему рассмотрению по класам и разделяет по оным число учеников, а за недовольное попечение при таком полезном учреждении сам за всех ответственность имеет.

7) Положенные ж деньги на содержание имеет принимать обер-аудитор всякую треть, и выдавать всем чинам военнова училища, ибо оной обер-аудитор отправляет должность камисарскую.

8) Для показания находящимся во оном класе афицерам, разным манерам движения, должно быть напольных солдат 100 человек, к которых из Санкт-Петербургскаго гарнизона выбрать лутчих и молодых, не выключая их ис тех полков, ис которых взяты будут, а состоять им точно под командою военного класа.

л. 50 об. 9) А чтоб оное учреждение класа не только находящихся и обучаемых в нем ползу производило, но и протчим военного дела людям, то директору оного класа установить должно публичные экзамены, в которых он || своих подчиненных в их обучении публично свидетельствовать имеет, приказывая или сам задавая им задачи, до оного искусства касающихся, которые решены должны быть доказательствами такими, которые не только б не сумнительными были, но и по генеральным правилам и с утверждением военных афторов или истории; понеже не только всякому находящемуся в учении оного класа в той день представить, но свидетельствовать можно вымышленною войною, то есть показав положение места, где она производится, силу с обеих сторон, как ежедневное произведение в оной следует, и как командир повеления отдает, и одним словом все, что случится в целую войну может, только чтоб все было представлено с такими доказательствами, как выше сего сказано, но

и всякому человеку в тот публичный день от себя что вымышленного в ползу военного искусства представить, или на вышеписанном же основании целую войну представить можно. Однако ж такой посторонней человек, все то что той день производить намерится, должен за два дни не только все то сочинение показать, но и дозволения от него требовать оное в публичный день произвести. Времена оным публичным дням быть должны всегда первого числа, при начале

Штат	Число персон	Одному	Всем
Ис тех мест где они кроме того будут состоять	Шеф военного училища из главных генералитета по рангу своему имеет получать жалованья Директор рангу генералитетского по рангу своему имеет получать жалованья	1	
Поддиректор генералитетскова чину . .		1	1800
Полковников		2	1000
Подполковников		2	700
Пример майоров		2	500
Профессоров		2	600
Аудитор		1	350
Переводчиков		2	300
Рисовальной мастер		1	300
Подмастерья		1	100
Писарей		2	50
Сто человек офицеров кои в военном класе обучатца будут		100	25
На книги, инструменты и протчие расходы отпускать повсягодно			650
Итого			12000

ИЗЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА

О Сраженіи съ полкою злодійскою при Бердкенской сторонѣ Января 13 дня 1774 года.

- А Корпусъ построено по командоу Генералъ-маера Валентина Сперкина построено при выхождѣ изъ оренбургскихъ воротъ.
- Б Путь, по которому оной шель изъ Берду.
- С. Въ станамъ злодѣевъ въ оной, наибъ злодѣи по той сторонѣ Буерана въ большіе штатгалъ и съ пушками устроены.
- Д Оной корпусъ построена въ ордере баталіи противъ Буерана.
- Е. Резервъ оного корпуса.
- Ж. Оной резервъ разстроился
- З. Вся корпусъ плыла по раздѣлу на подуртѣніи корпуса бригадира Корфа.
- И. Въ селѣ мѣстѣ пришли оной корпусъ въ замѣшательство.

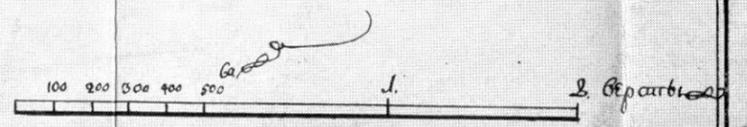
2. Корпусъ построено по командоу бригадира Корфа.

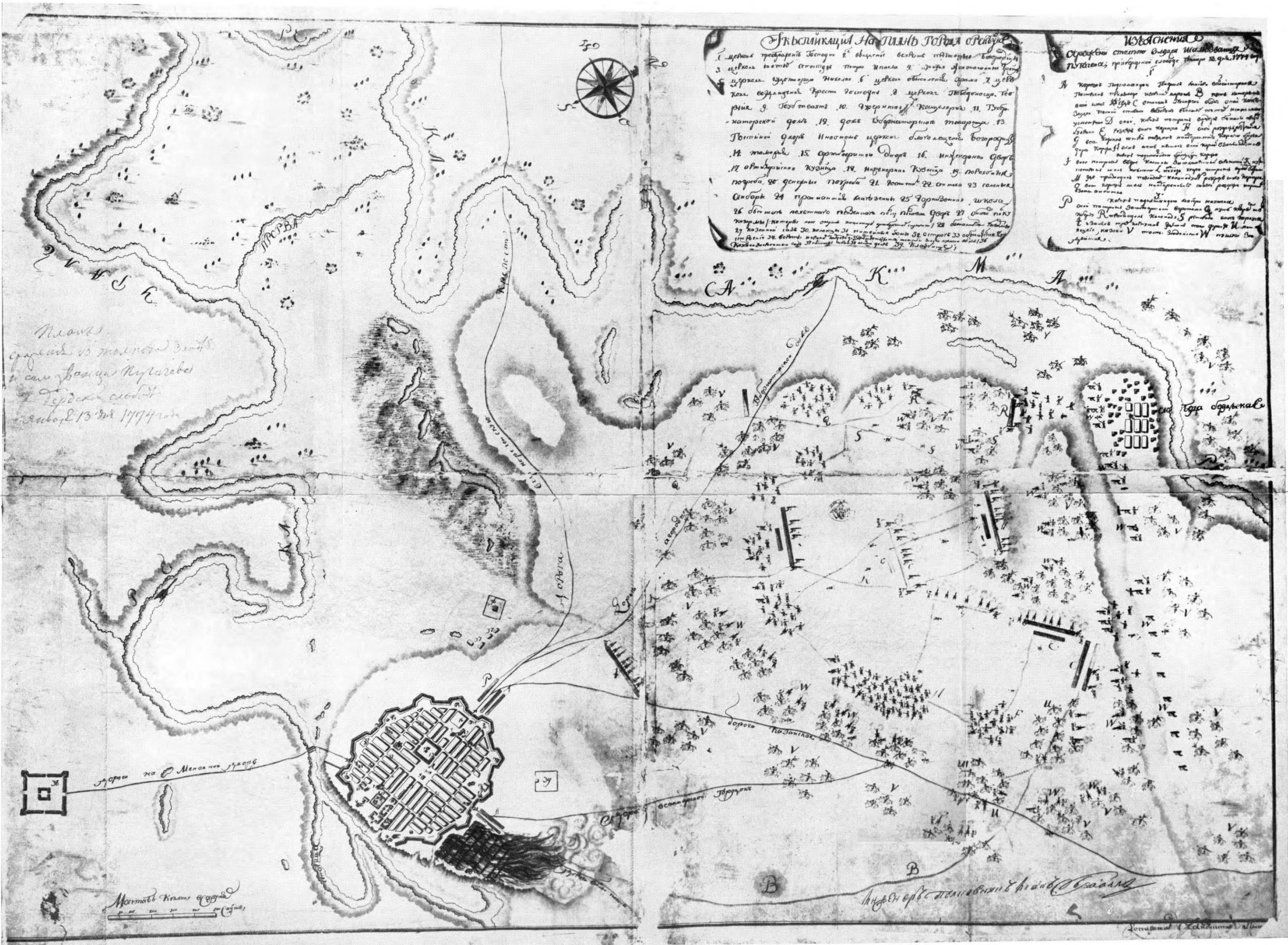
- а. Оной построена въ ордере колонны за самарскими воротами.
- б. Путь, по которому шель изъ высотъ.
- с. Подходъ изъ горъ построена въ ордере баталіи.
- д. Производитъ по злодѣевъ команду.
- е. Резервъ оного корпуса.
- ф. Оной корпусъ шель на подуртѣніи своего резерва и пришли въ замѣшательство.

3.

Корпусъ построено по командоу маера Мауаша.

- а. Оной построена за самарскими воротами.
- б. Путь, по которому шель изъ Берду.
- с. Производитъ команду.
- д. Ретрара оного корпуса.
- е. Изъ войскъ пришли корпусовъ злодѣевъ пани-фронтъ.
- ф. Наши Юнкеры Козалин.
- г. Штатгалъ злодѣевъ.
- и. Пушки злодѣевъ.

СЪВЪСЛЕНІЯ НА ПЛАНЪ ГОРДА ОРЕНБУРГА

1. црква пресвѣтѣ Богородице 2. вѣнчаніе вѣнчаніе патрарха 3. црква свѣтлѣ Антоніи 4. црква свѣтлѣ Николая 5. црква свѣтлѣ Николая 6. црква свѣтлѣ Николая 7. црква свѣтлѣ Николая 8. црква свѣтлѣ Николая 9. црква свѣтлѣ Николая 10. црква свѣтлѣ Николая 11. црква свѣтлѣ Николая 12. црква свѣтлѣ Николая 13. црква свѣтлѣ Николая 14. црква свѣтлѣ Николая 15. црква свѣтлѣ Николая 16. црква свѣтлѣ Николая 17. црква свѣтлѣ Николая 18. црква свѣтлѣ Николая 19. црква свѣтлѣ Николая 20. црква свѣтлѣ Николая 21. црква свѣтлѣ Николая 22. црква свѣтлѣ Николая 23. црква свѣтлѣ Николая 24. црква свѣтлѣ Николая 25. црква свѣтлѣ Николая 26. црква свѣтлѣ Николая 27. црква свѣтлѣ Николая 28. црква свѣтлѣ Николая 29. црква свѣтлѣ Николая 30. црква свѣтлѣ Николая 31. црква свѣтлѣ Николая 32. црква свѣтлѣ Николая 33. црква свѣтлѣ Николая 34. црква свѣтлѣ Николая

ИЗЪЯСНЕНІЯ

Орденъ свѣтлѣ Николая 1. Орденъ свѣтлѣ Николая 2. Орденъ свѣтлѣ Николая 3. Орденъ свѣтлѣ Николая 4. Орденъ свѣтлѣ Николая 5. Орденъ свѣтлѣ Николая 6. Орденъ свѣтлѣ Николая 7. Орденъ свѣтлѣ Николая 8. Орденъ свѣтлѣ Николая 9. Орденъ свѣтлѣ Николая 10. Орденъ свѣтлѣ Николая 11. Орденъ свѣтлѣ Николая 12. Орденъ свѣтлѣ Николая 13. Орденъ свѣтлѣ Николая 14. Орденъ свѣтлѣ Николая 15. Орденъ свѣтлѣ Николая 16. Орденъ свѣтлѣ Николая 17. Орденъ свѣтлѣ Николая 18. Орденъ свѣтлѣ Николая 19. Орденъ свѣтлѣ Николая 20. Орденъ свѣтлѣ Николая 21. Орденъ свѣтлѣ Николая 22. Орденъ свѣтлѣ Николая 23. Орденъ свѣтлѣ Николая 24. Орденъ свѣтлѣ Николая 25. Орденъ свѣтлѣ Николая 26. Орденъ свѣтлѣ Николая 27. Орденъ свѣтлѣ Николая 28. Орденъ свѣтлѣ Николая 29. Орденъ свѣтлѣ Николая 30. Орденъ свѣтлѣ Николая 31. Орденъ свѣтлѣ Николая 32. Орденъ свѣтлѣ Николая 33. Орденъ свѣтлѣ Николая 34. Орденъ свѣтлѣ Николая

Меморіалъ
составленъ въ Оренбургѣ
и санъ Иванъ Николаевичъ
Гордѣнъ
января 13 дня 1774 года

Меморіалъ
составленъ въ Оренбургѣ
и санъ Иванъ Николаевичъ
Гордѣнъ
января 13 дня 1774 года

План сраженія под Оренбургом 13 января 1774 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, л. 148, л. 1)

л. 51 трети, а буде во оной день случитца праздник, то уже неотменно в последующей. ||

По новости сего, дабы определенные штапы, прежде от своих должностей оного училища не отлучены были, пока достойных на их места к тому главные командиры усмотрят, но дабы оне перед другими ровными себе не могли быть безовантажны, то им произвождение свое иметь полковникам по старшинству с армейскими получать чины, на их места вступят сего училища подполковники, а на оных майоры, а всем оным остаться при своем месте. [Таблицу штатов см. на стр. 403].

Л. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ, Р. В. ОВЧИННИКОВ

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА¹

В работах исследователей, изучавших историю Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России, не были использованы такие ценные исторические источники того времени, как планы сражений правительственных войск против армии Е. И. Пугачева². Изучение же картографических материалов показывает, что они существенно дополняют сведения о восстании, о ходе боевых действий.

Первый по времени документ среди картографических материалов о восстании — план сражения отрядов Пугачева с оренбургским гарнизоном 13 января 1774 г. под Бердской

¹ Настоящая статья является продолжением статьи Л. А. Гольденберга и Р. В. Овчинникова «Горнозаводские карты и планы 70-х годов XVIII века как источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева» («Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, стр. 239—267.).

² Военный историк Д. А. Анучин в статье «Действия Бибикова в Пугачевщину» лишь мимоходом сообщил об этих планах, которые хранились в Военно-ученом архиве Военного министерства («Русский вестник», 1872, № 7, стр. 35; № 8, стр. 496). В книге И. Г. Рознера («Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг.», Львов, 1966) даны некоторые планы сражений, но они не сопровождаются комментариями.

слободой вблизи Оренбурга. Это сражение, закончившееся победой восставших, следует отнести к числу наиболее крупных боевых успехов армии Пугачева в конце 1773—начале 1774 г.

В ЦГАДА сохранилась одна из наиболее ранних копий плана в приложении к журналу осады Оренбурга, представленного Рейнсдорпом при донесении в Сенат 27 апреля 1774 г.³ Изображение местности между Оренбургом и Бердской слободой на плане носит схематический характер, нагрузка географическими показателями незначительна. Показаны: контур Оренбургской крепости с двумя воротами — Орскими и Сакмарскими; слобода Бердская обозначена тремя рядами прямоугольников, закрашенных коричневой краской. Рельеф дан отмывкой, особенно тщательно нанесен на план «буерак», сыгравший важную роль в ходе сражения; береговая линия реки Сакмары вычерчена темно-синим цветом (правый берег оттенен утолщенной линией), поверхность — голубым. Приведено всего лишь два названия: «сл. Бердская» и «река Сакмара». План не ориентирован, хотя, как нетрудно заметить, север находится вверху. План имеет линейный масштаб (в 1 дюйме 350 сажен); размер — 40,3 × 50 см. Внизу справа за рамкой надпись: «План копировал геодезии подпоручик Дмитрий Смирнов».

Нагрузка плана специальными показателями довольно значительна. Правительственные войска на исходных позициях показаны прямоугольниками, раскрашенными по диагонали зеленой и розовой красками. На плане нанесено значительное число (более 80) отрядов Пугачева, обозначенных особыми условными обозначениями. Эти значки представляли собой схематизированные изображения всадников. Намечены ареалы отдельных отрядов, окрашенные светло-зеленым цветом. Артиллерия обеих сторон отмечена в виде стволов отдельных орудий. Число пушек (24 — у Рейнсдорпа и 88 — у Пугачева) на плане не совсем точно отражает действительное соотношение: преувеличена сила артиллерии восставших, хотя ее преобладание и сыграло важную роль в сражении.

На плане и в экспликации к нему («Изъяснение плана о сражении с толпою злодейскою при Берденской стороне генваря 13 дня 1774 года») указаны основные этапы и от-

³ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 494, лл. 148 об.—149.

дельные эпизоды действий оренбургских корпусов. Каждое действие, показанное на плане, имеет литерное условное обозначение, которое раскрывается в «Изъяснении». Буквы условных обозначений дислокаций корпусов нанесены на плане разными цветами: черным — А. И. Корфа и красным — С. Л. Наумова. Это позволяет проследить весь ход боевых действий, начиная от построения войск в боевой порядок у ворот Оренбурга до панического бегства обратно в крепость. Так, в отношении корпуса К. Валленштерна сказано: «А. Корпус под командою генерал-майора Валлейстера построен при выходе из Орских ворот; В. Путь, которым оной корпус шел к Берду».

Последующие действия этого корпуса показаны довольно наглядно: «С. В таком положении был оной, как злодеи по той стороне буерака в больших толпах и с пушками усмотрены; Д. Оной корпус построен в ордер-баталии против буерака; Е. Резерф оного корпуса».

Наконец, отмечено и дальнейшее участие корпуса в сражении: «F. Оной резерф разстроился; Q. Весь корпус тянулся по рядам на подкрепление корпуса брегадира Корфа; H. В сем месте пришел оной корпус в замешательство».

Маршрут корпуса Валленштерна (А—В—С) показан красным, отступление — черным пунктиром, район «замешательства» (F, H) розовой краской и точками.

Подробно отмечены и действия третьего корпуса бригадира Корфа: «а. Оной построен в две колонны за Сакмарскими воротами; в. Путь, которым шел к высоте; с. Подходя к горе построен в ордер-баталии; d. Производил по злодеям канонады; е. Резерф онаго корпуса; f. Оной корпус шел на подкрепление своего резерфа и пришел в замешательство».

Маршрут корпуса Корфа (а—в—с) показан красным, а «замешательство» (f) — черным пунктиром.

Действия первого корпуса под командой майора Наумова показаны следующим образом: «а. Оной построен за Сакмарскими воротами; в. Путь, которым шел к Берду; с. Производил канонады; d. Ретирада онаго корпуса».

Маршрут корпуса Наумова (а—в—с) показан красным, а «ретирада» (d) — черным пунктиром.

Особо отмечен на плане один из важных моментов сражения, когда беспорядочно отступающие корпуса кое-как были собраны воедино и под прикрытием конного отряда

подполковника В. И. Могучова отступили к Оренбургу: «е. Из всех трех корпусов зделан паки фронт».

Помимо вышеуказанных условных знаков отдельных отрядов и артиллерийских групп Пугачева, каждая из них имела и литерное обозначение, указанное в «Изъяснении»: «g. Толпы злодейские» и «h. Пушки злодейские».

План убедительно и наглядно показывает военное искусство пугачевских атаманов, осуществивших почти полное окружение неприятеля.

Восставшие имели артиллерию не только на главном оборонительном рубеже вдоль оврага, но почти при каждом из отрядов имелось от двух до пяти орудий, которые, действуя с тыла, привели оренбургские корпуса в «замешательство», а затем и к полной «конфузии».

Потери правительственных войск составляли: 281 убитый, 123 раненых, повстанцами было отбито 13 орудий со всеми снарядами к ним, много оружия, амуниции и боеприпасов⁴. По сведениям И. А. Рейнсдорпа и П. И. Рычкова, потери повстанцев были также велики⁵, тем не менее они одержали большую победу над регулярными войсками в полевом сражении.

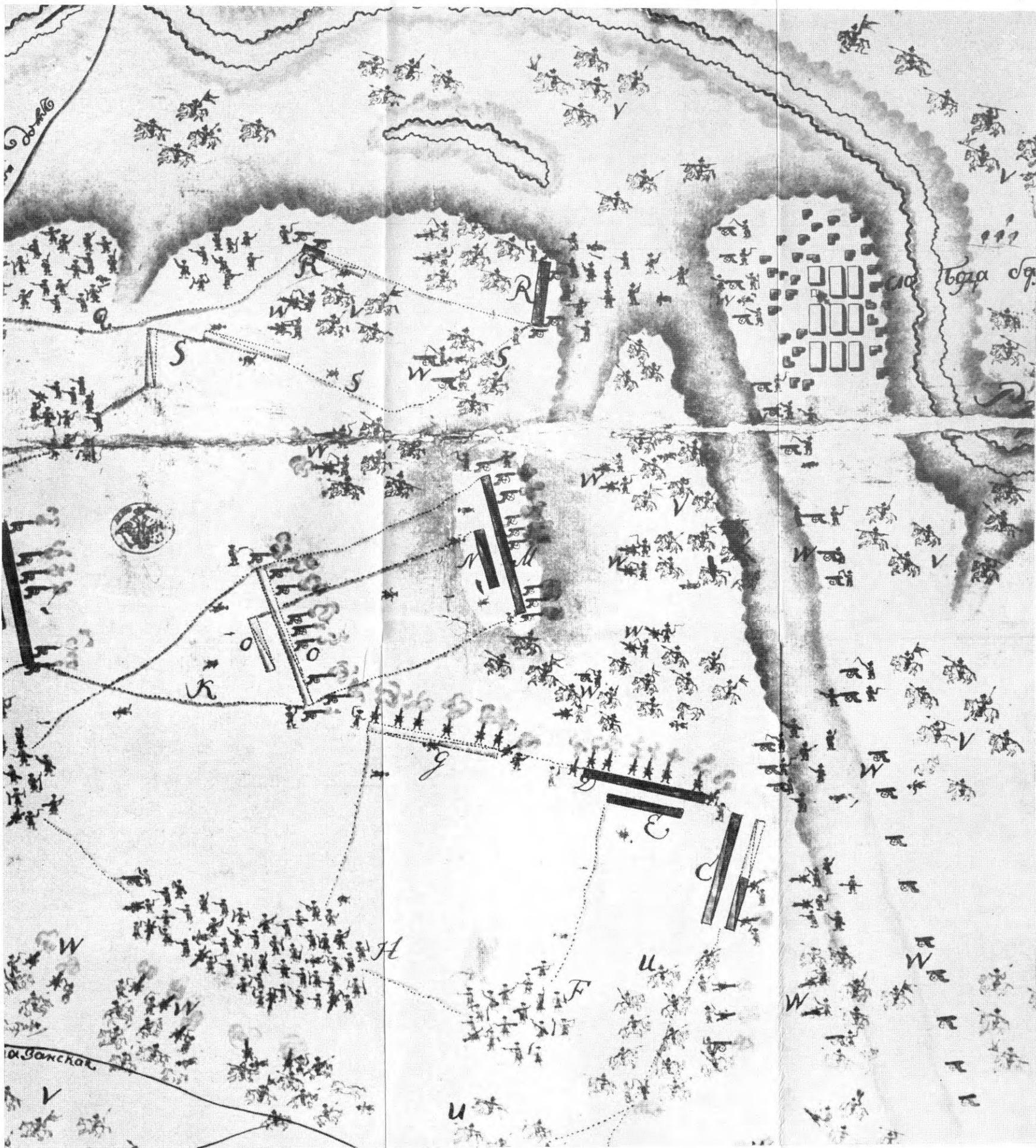
Победа повстанцев под Бердской слободой была настолько внушительной, что сам Рейнсдорп, не скрывая тревоги, писал в рапорте в Военную коллегию 25 января 1774 г.: «И так я, за умалением при сей и при прежних неоднократных выласках людей, без особливої помощи, которой чрез четыре месяца ни с которой стороны дожидаться не могу, выласки против него, злодея, делать уже не в состоянии»⁶. Ввиду угрожаемого положения города и возможности восстания беднейших слоев населения и их перехода на сторону Пугачева Рейнсдорп просил Военную коллегию о скорейшей присылке военной помощи.

Нам удалось установить обстоятельства происхождения картографических материалов о сражении под Бердской слободой. 17 января Рейнсдорп просил генерала Валленштерна

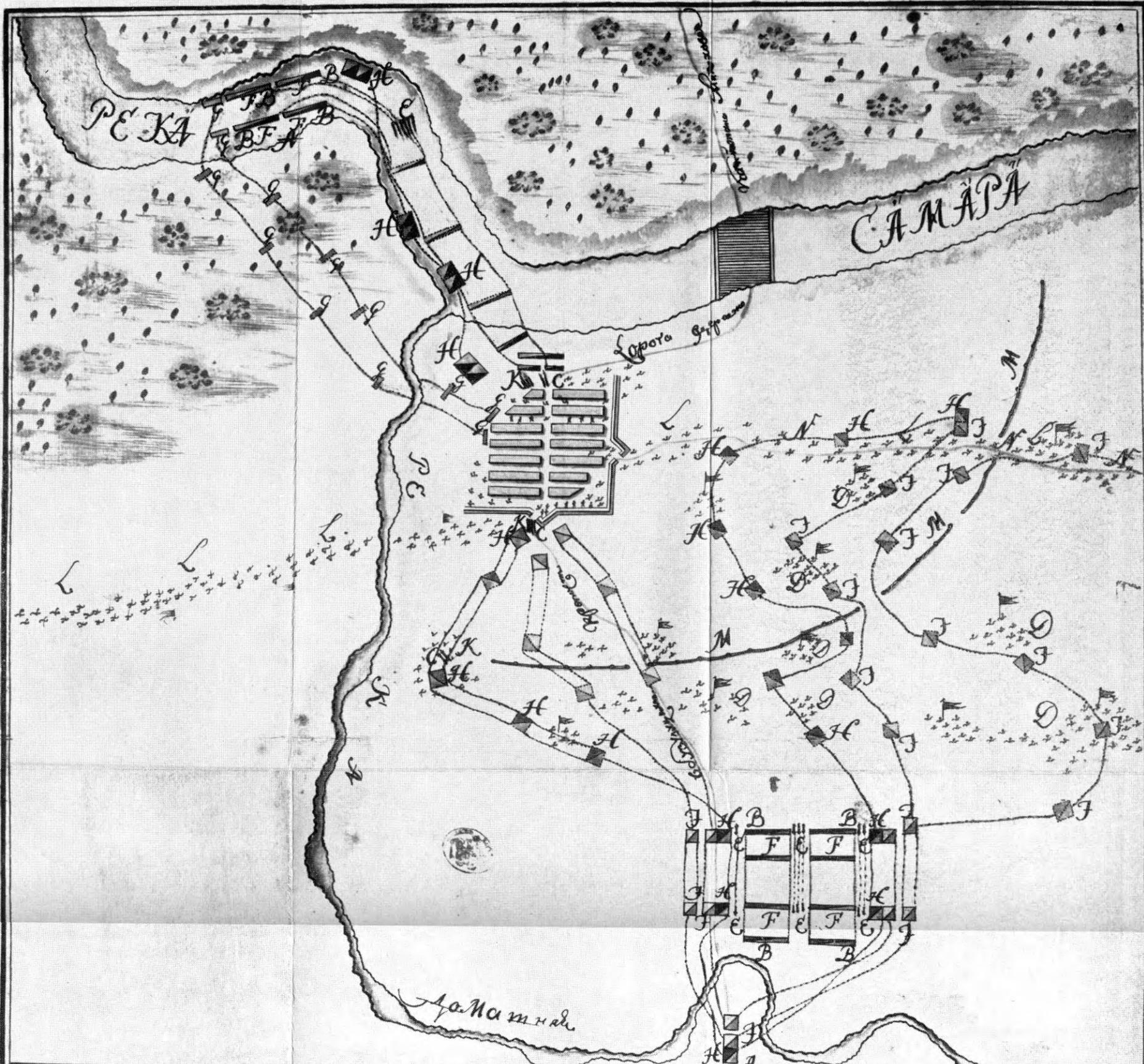
⁴ Рапорт К. Валленштерна И. А. Рейнсдорпу от 15 января 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1100, кн. 5, лл. 114—115, 118—119 об.

⁵ П. И. Рычков указывает, что повстанцы потеряли в этом сражении более 400 человек (П. И. Рычков. *Осада Оренбурга*. — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IX. М.—Л., 1938, стр. 298).

⁶ ЦГВИА, ф. 20 (Дела о Пугачеве), кн. 4, л. 29 об.

План сражения под Оренбургом 13 января 1774 г. (Фрагмент). (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 148, л. 1)

План сражения у Бузулуцкой крепости 14 февраля 1774 г.
 некой созаданной тогтою февралю 1774 г.

- А Корпус вала 250 человек крепости Издергани Командир Виллоха
- В Корпус построения фронтали Протини Влад Чои отови
- С Заданная артилерия
- Д Месты Издергани разведывающ фронт артилерия
- Е фронт пехоты
- Ж фронт
- З фронт
- И фронт
- К работами владения батареи и в тави прованс Лев Зидекав отови отови
- Л отови
- М дорога
- Н отови

2000 шагов

Е Инженер полковник
 А майор
 Е
 Г

План сражения у Бузулуцкой крепости 14 февраля 1774 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, л. 148, л. 2)

и других командиров корпусов изобразить на посланном им плане местности между Оренбургом и Бердской слободой марш корпусов и все примечательные этапы сражения 13 января, а также прислать объяснения того, «какая причина побудила оным корпусам без исполнения от меня предписанного с немалым собственным предосуждением ретироваться»⁷. 6 февраля 1774 г. генерал Валленштерн подал Рейнсдорпу рапорт о действиях второго (Валленштерна) и третьего (Корфа) корпусов в сражении 13 января с приложением рапорта Наумова о действиях первого корпуса в этом сражении и плана сражения. Таким образом, мы можем совершенно точно указать дату составления плана сражения у Оренбурга — 6 февраля 1774 г.

В ЦГВИА также хранится журнал осады Оренбурга, присланный в Военную коллегию Рейнсдорпом в конце апреля 1774 г. Здесь упоминается о посылке плана сражения 13 января, но сам план в фонде Военной коллегии не сохранился.

Позднейшая копия этого плана, составленная, очевидно, не ранее февраля 1775 г., хранится среди картографических материалов Военно-ученого архива⁸. К сожалению, как автор, так и копировщик этого уникального документа остались неизвестными. Сохранилась лишь надпись (внизу справа, за рамкой плана): «Копировал кондуктор Петр...» Подлинность плана удостоверяется подписью инженер-полковника Исаака. На обороте плана надпись: «Подан при рапорте от генерал-инженера и кавалера Мордвинова, июля 12 дня 1777 года под № 1640».

План, вычерченный на плотной бумаге, хорошо сохранился, хотя краски несколько выцвели, а места склеек (план склеен из четырех листов) и сгибов несколько повреждены.

Нагрузка плана географическими показателями более значительна, чем на плане-схеме из ЦГАДА. Вместо контура Оренбургской крепости на плане изображены основные административные, общественные и гражданские строения Оренбурга и его укрепления, церкви, губернская канцелярия, дома губернатора и его товарища, артиллерийский, инженерный и полковые дворы, казармы, госпиталь, гаупт-

вахта, гостинный двор, таможня, провиантские магазины, «обывательское строение», питейные дома, кузницы, аптека, пороховые и денежные «погреба», острог, а также «казенный сад» и колодцы. За крепостью показаны «Меновой двор», «казенный сад», «кирпичные сараи», кладбище и предместье Оренбурга—форштадт. Более подробно указаны строения и в Бердской слободе. Рельеф дан отмывкой, подробно нанесена речная сеть. Береговая линия рек и озер вычерчена черным цветом, а их поверхность — голубым. Стрелками показано направление течения рек. Приведены их названия: Сакмара, Урал, Прорва. У Оренбурга показан рукав Урала — старица, а также мост через Урал. На плане обозначены листовые леса группами отдельных деревьев; чаще всего вдоль рек и особенно по правому берегу Сакмары. План ориентирован (NWW вверх), имеет линейный масштаб (в 1 вершке 300 сажен).

В этом плане в отличие от предыдущего нанесены основные дороги, идущие в разные стороны от Оренбурга: на Меновой двор (за реку Урал), в Чернореченскую крепость (за реку Сакмару), в загородный губернаторский дом, в Сакмарский городок, Казанская дорога, «дорога в сенные покосы».

Содержание этого большого по размерам (88×63 см) и многокрасочного плана, выполненного с особой тщательностью и подробностью, в целом в точности воспроизводит события, изображенные на более раннем плане ЦГАДА. Однако основной особенностью плана ЦГВИА являются своеобразные приемы передачи динамики военных действий. Составитель документа на фоне географических показателей попытался средствами живописи передать сложные переплетения боевых действий, последовательность всех этапов сражения под Оренбургом. Вызывает удивление тщательная и кропотливая работа художника, сумевшего изобразить на плане сотни отдельных фигурок солдат-пехотинцев, кавалеристов, казаков, артиллеристов, а также конницу, пехоту и артиллерию восставших. Это единственное дошедшее до наших дней графическое и живописное изображение событий восстания Пугачева дает яркое зрительное представление о ходе боя, воссоздает картину сражения в целом и ее отдельных боевых эпизодов.

Маршруты корпусов Валленштерна, Корфа и Наумова на плане нанесены точками и закрашены зеленым цветом,

⁷ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 5, л. 113.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 148, л. 1. При датировании документа было принято во внимание время переименования реки Яик в реку Урал (15 января 1775 г.) (ПСЗ, т. XX, № 14235).

а исходные позиции, так же как и на первом плане, показаны прямоугольниками, раскрашенными по диагонали зеленой и розовой красками. В эти же цвета раскрашено и обмундирование фигурок пехотинцев и артиллеристов оренбургских войск: зеленые мундиры, красные штаны и черные треуголки. В отличие от пехотинцев с ружьями, фигурки казаков, артиллеристов и кавалеристов раскрашены розовым, а их головные уборы — зеленым цветом.

Большой интерес представляет изображение войск Пугачева. Хотя, как известно, восставшие не носили какой-либо формы, художник для наглядности показал фигурки повстанцев голубыми, с желтыми головными уборами. На плане можно различить несколько групп восставших: артиллеристов у орудий, пехотинцев с ружьями и кавалеристов с пиками. Наиболее многочисленная из них — отряды вооруженных пиками всадников. На плане великолепно передана стремительность атак кавалерии восставших, мчавшейся вперед с пиками наперевес, с развевающимися во главе почти каждого небольшого отряда красными штандартами. Чрезвычайно выразительно передано существо сражения: почти полное окружение оренбургских корпусов и первостепенное значение артиллерии в бою под Оренбургом. На плане у восставших показано около 60 орудий, что подтверждается и сообщениями других источников. Каждая пушка вычерчена очень тщательно, причем большинство орудий нарисовано в профиль (вид сбоку), часть дана в плане (вид сверху). Созданием целого ряда незначительных на первый взгляд, но ярких в своей совокупности деталей автор плана рисует убедительную картину сражения: из направленных на неприятеля орудий вылетает огонь и клубится дым; несколько лошадей несетя без всадников; на плане сражения в разных местах лежат раненые и убитые; в стороне валяется брошенное ружье, а вдали чья-то оторванная снарядом голова.

Следует также отметить еще один не совсем обычный прием художника: в целях придания плану большей выразительности некоторые события как бы «сдвинуты» во времени. Так, на плане сочными красками показан в пламени и клубах дыма горящий форштадт (предместье города), который в действительности был сожжен в интересах обороны Оренбурга по приказанию Рейнсдорпа еще в начале октября 1773 г. Это сближение событий во времени несколько не

уменьшает источниковедческого значения уникального плана, правдиво донесшего до нас картину одной из крупных побед повстанцев в ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Следующий по времени картографический документ о восстании, сохранившийся в ЦГВИА: план сражения корпуса генерала П. Д. Мансурова с отрядами пугачевского атамана И. Ф. Арапова 14 февраля 1774 г. у Бузулукской крепости⁹.

Сражение происходило в период общего наступления карательных войск генерал-аншефа А. И. Бибикова.

Движение корпуса П. Д. Мансурова от Самары к Бузулукской крепости можно проследить по маршрутной карте, хранящейся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР¹⁰. Карта без градусной сетки, ориентирована — север вверх, рельеф — холмиками, размер (по внутренней рамке) 63×32 см, масштаб — в 1 дюйме 40 верст. На карте показаны многочисленные населенные пункты (деревни, села, форпосты, рубежи, крепости), часть Каспийского моря и русло Волги, река Яик до устья, маршруты войск.

Картуш отмечает «маршруты, каким образом были из города Самары с корпусом господина генерал-майора и кавалера Мансурова и отделенному от него деташаменту, который препоручен был в предводительство господина подполковника Гринева...» Трассы маршрутов показаны на карте красной, голубой и желтой линиями, а в экспликации указывается значение каждой из них: «А. Продолжение следования от города Самары до крепости Бузулукской с корпусом господина генерал-майора и кавалера Мансурова значит — оттенено красною краскою. В. Из вышеупомянутой же Самары до крепости Бузулукской с деташаментом господина подполковника Гринева значит — оттенена лазорью С. По соединении в той крепости Бузулукской обеих корпусов марш продолжаем был до Яицкого городка — оттенена желтою краскою».

На плане сражения у Бузулукской крепости 14 февраля 1774 г. изображены местность и окрестности крепости: тече-

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 148, л. 2.

¹⁰ Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР, № 628. Указан Б. В. Александровым под № 456 в «Описании рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР». — В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. — «Труды Архива АН СССР», вып. 6. М.—Л., 1946, стр. 350.

ние рек Самары и Домашней (Бузулука), дорог, идущих от Бузулука к Ельшанской и Тоцкой крепостям и к деревне Мелиховой, лесные массивы по берегам Самары и мост через эту реку, показан рельеф. Схематично изображены на плане укрепления Бузулука (две крепостные стены) и кварталы строений внутри крепости; любопытно указанное на плане предмостное укрепление перед крепостью («околица» — забор или частокол, установленный здесь, очевидно, незадолго до описываемых событий); это укрепление прикрывало крепость и до некоторой степени сдерживало наступление корпуса Мансурова. Детально изображены на плане все этапы и наиболее значительные эпизоды сражения 14 февраля. Правительственные войска изображены во время марша из Ельшанской крепости, перед сражением, во время сражения и преследования отступающих повстанцев. Условными знаками и литерами отмечены пехотные части, кавалерия, гусары и драгуны, пушки, зарядные ящики. Восставшие изображены условными знаками — отдельными фигурками конных и пеших повстанцев, сочетание которых дает представление о крупных отрядах, участвовавших в сражении; при каждом отряде изображен всадник с алым знаменем. На плане указано 12 орудий у восставших и 14 орудий у Мансурова, что несколько меньше действительного соотношения сил¹¹. Буквами на плане отмечены следующие этапы сражения, объясненные в экспликации к плану: «А. Корпус в марше из Ельшанской крепости и из деревни капитана Мелихова, В. Корпусы построились фронтами против злодейской толпы. . . Д. Толпы злодейския, развезжающия против фронта, Е. Артиллерия, Ф. Фронт пехоты, Г. Егери, Н. Кавалерия, Ж. Гусары, К. Разбиты злодейския батареи, и их толпы прогнаны, Л. Бег злодеев в Тоцкую крепость». Передвижения отдельных команд корпуса Мансурова во время сражения отмечены сплошными и пунктирными линиями, что дает возможность проследить за маневрами каждой команды в определенные моменты боя. Менее подробно отражены на плане передвижения и действия повстанческих от-

¹¹ В действительности у повстанцев было 15 орудий (ЦГВИА, ф. 20, кн. 6, л. 588), а в корпусе Мансурова — 25 орудий (в том числе 11 пушек, отбитых у повстанцев в сражении под Самарой и Алексеевском) (Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II. СПб., 1884, стр. 179, 252).

рядов. Показаны: вылазка отрядов из крепости, атаки фронта корпусов, отступление в Тоцкую крепость.

Судя по тому, насколько подробно изображен ход сражения 14 февраля, можно предположить, что план мог быть составлен в штабе генерала Мансурова вскоре после сражения, ибо со временем все мелкие подробности вряд ли могли бы удержаться в памяти составителя плана. Вероятно, план можно датировать второй половиной февраля 1774 г.

В нескольких экземплярах сохранился в архивах план сражения 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости.

Ход сражения у Татищевой крепости подробно и наглядно изображен на плане, составленном в штабе корпуса П. М. Голицына. Подлинный план сражения¹² ориентирован на юг (север внизу), и это понятно, если принять во внимание, что корпус Голицына наступал с севера на юг и составителю плана было удобнее и естественнее устроить план таким образом, чтобы он максимально соответствовал динамике события, т. е. действие разворачивалось от зрителя по направлению к югу, куда наступали войска. План дает общую топографическую характеристику местности в районе Татищевой крепости. Штриховкой изображен рельеф (возвышенности, овраги, речные долины); показаны лесные массивы, течение реки Яик и впадающей в него с севера реки Камыш-Самары; отмечены дороги, ведущие из Татищевой к Оренбургу, Илецкому городку и к Переволоцкой крепости (Самарская дорога). Схематично изображена на плане Татищева крепость, отмечены ее укрепления: стены с воротами, на восточной и северной стенах указаны (цифрами) повстанческие батареи, расположенные на выступах («раскатах»). В крепости показаны кварталы жилых строений, а также отдельные казенные здания и две церкви.

Очень подробно изображены на плане все действия корпуса Голицына, начиная от его марша из Переволоцкой крепости и кончая преследованием повстанцев, беспорядочно отступавших из Татищевой крепости к Оренбургу и к Илецкому городку. Каждая войсковая часть корпуса Голицына отмечена на плане особым условным знаком со строчной буквой латинского алфавита. Значение всех литер приводится в экспликации к плану. Пехотные части на плане показаны прямоугольниками, раскрашенными по диагонали

¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 148, л. 3.

в красный и зеленый цвета, кавалерийские команды — квадратами, в соответствии с формой одежды раскрашенными по диагонали в черный и красный (изюмские гусары) либо в желтый и зеленый (бахмутские гусары) цвета и т. п.; артиллерия отмечена условными знаками стволов пушек. Действия правительственных войск прослеживаются пунктирными линиями, которые в отдельных случаях подкрашены разными цветами. Повстанческие отряды отмечены общими для пехоты и кавалерии условными знаками «V», повстанческая артиллерия отмечена цифрами, каждая из которых означает отдельную шестиорудийную батарею.

Изображение боевых действий начинается с показа корпуса Голицына на марше по Самарской дороге: от Переволоцкой к Татищевой крепости. Корпус следовал тремя колоннами: первая колонна (восточнее дороги) — казачья команда, три батальона пехоты, шесть эскадронов кавалерии (легкие драгуны и изюмские гусары); третья колонна (западнее дороги); авангард — казачья команда, два батальона пехоты, три эскадрона кавалерии; на флангах следовали команды лыжников; боевые порядки корпуса и обоз прикрывался резервом (батальон пехоты при четырех орудиях).

В версте от крепости показано первое боевое построение перед атакой крепости. Войска были выстроены по фронту двумя эшелонами. В первой линии на левом фланге колонна Фреймана в составе трех батальонов пехоты, прикрытых с тыла резервным полубатальоном; справа — колонна Мансурова в составе трех батальонов пехоты с резервным полубатальоном в тылу. Во второй линии находилась кавалерия (гусары, драгуны, казаки). Перед фронтом были расположены три батареи; центральная состояла из 12 орудий, а две фланговые имели по 6 пушек.

В 100—150 саженьях от крепости изображена вторая позиция войск Голицына перед решающим штурмом. Корпус выстроен в том же порядке, как и в первой позиции, за исключением кавалерийских частей и лыжников, которые намного опередили основные войска, производя глубокий обход крепости с востока и запада, намереваясь перехватить пути отступления повстанцев по дорогам к Оренбургу и Илецкому городку.

В этот момент и началось сражение за Татищеву крепость. На плане изображены контратака пехоты Пугачева против колонны Фреймана и нападение пехоты и конницы

Пугачева на егерей и лыжников, стремившихся перехватить Илецкую дорогу. Каждый из боевых эпизодов этого сражения отмечен на плане прописными буквами латинского алфавита, которые соответственно описываются в экспликации к плану. Штурм крепости колонной Фреймана показан передвижением войск к крепости и отмечен в экспликации: «К. Приступ к стене и взятие злодейских 1, 2, 3, 4, 5 и 6 батарей».

На плане и в экспликации показаны попытки повстанцев отступить от крепости. Неудачная попытка повстанцев пробиться на восток к Оренбургу отмечена на плане как «N. Бег злодейской конницы, пресеченной нашею кавалериею»; отступление части повстанческих отрядов к Илецкому городку — «M. Бег злодейской конницы и пехоты»; «O. Фронт злодейской конницы ко облегчению своей ретирады» — попытка сдержать кавалерию Мансурова и обеспечить отход повстанческих отрядов; «P. Преследование злодеев кавалериею под командою господина генерала Мансурова» — наступление восьми эскадронов гусар и драгун на отряд Овчинникова. На плане отмечен отход части повстанцев на правый берег реки Яика и по Илецкой дороге.

План подписан участником сражения дивизионным квартирмейстером в корпусе Голицына капитаном Иваном Германом, что придает особую достоверность изображенным на плане действиям войск. В апреле 1774 г. Голицын представил Германа к повышению в следующий чин. Военная коллегия в указе от 5 мая 1774 г. определила наградить Германа чином обер-квартирмейстера¹³.

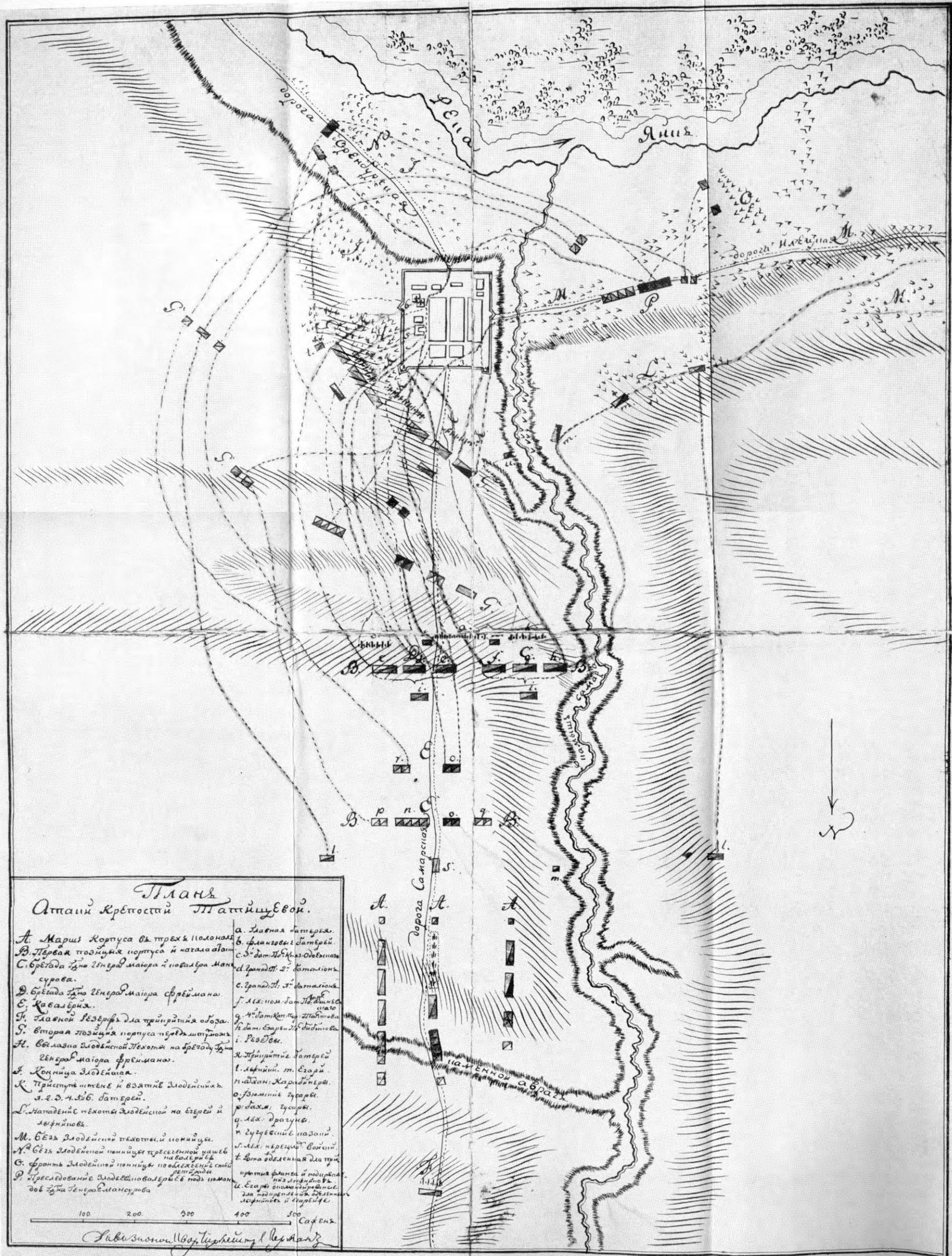
Подлинный план сражения у Татищевой крепости А. И. Бибилов послал Екатерине II при своем рапорте от 28 марта 1774 г.¹⁴ Исходя из этого, мы можем довольно точно определить, что этот план был составлен и подписан дивизионным квартирмейстером Германом в период между 22 и 28 марта.

К более позднему времени относится второй оригинал этого же плана¹⁵, подписанный тем же Германом, но уже в чине обер-квартирмейстера. Этот документ имеет почти полное сходство с подлинником. В отличие от подлинника

¹³ ЦГВИА, ф. 20, кн. 4, лл. 114—115.

¹⁴ Там же, ф. ВУА, д. 144, л. 100.

¹⁵ Там же, д. 148, л. 5.

Планъ
Опаней Крепостей Татищевой.

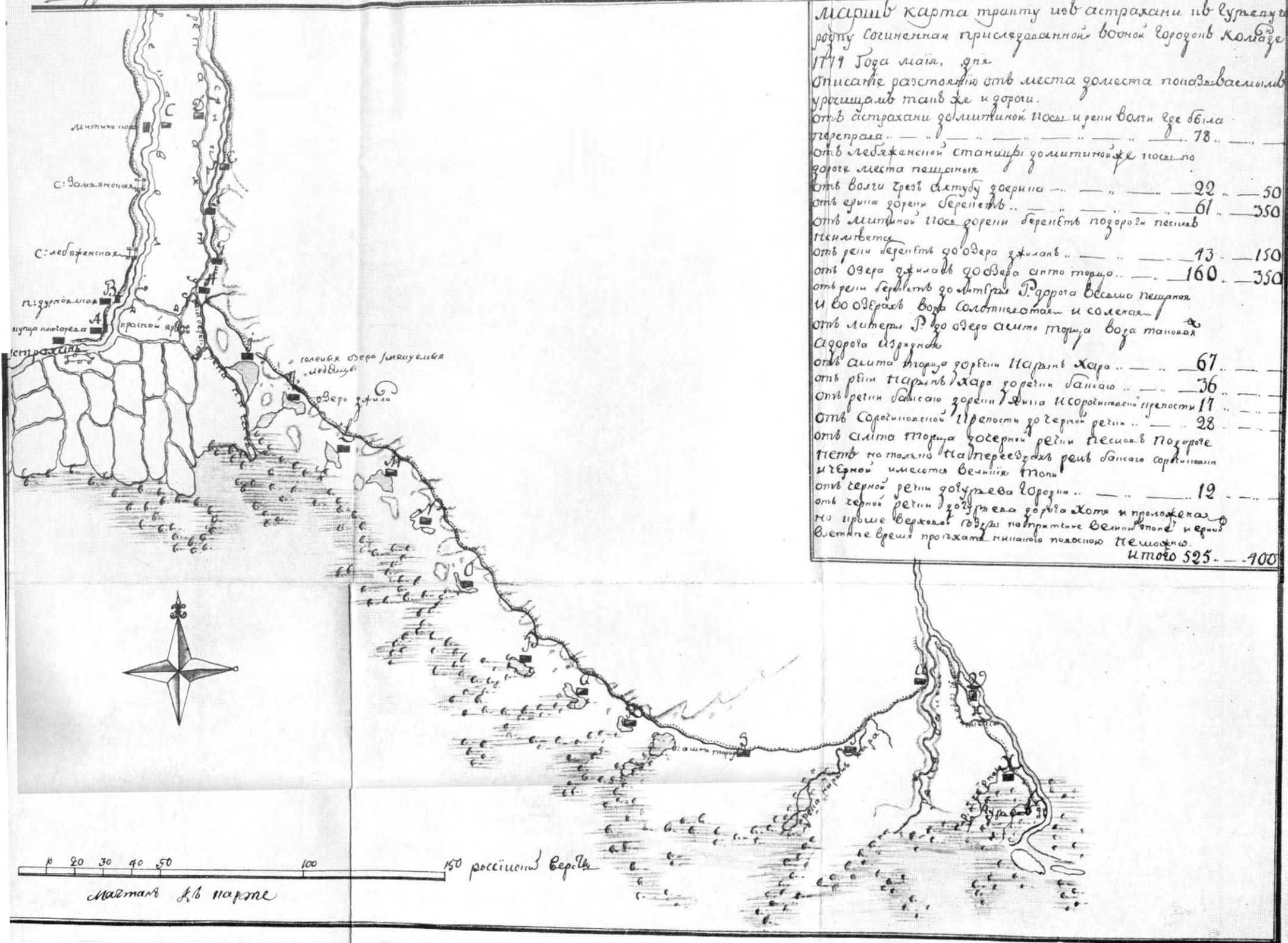
- А. Марш Корпуса въ трехъ колонахъ.
- В. Первая позиция корпуса и начала атакы.
- С. Брѣгъ атака Генерал-майора и повелѣна Мансурова.
- Д. Брѣгъ атака Генерал-майора Фреймана.
- Е. Кавалерія.
- Ж. Главной резервъ для прѣступленія обрза.
- З. Вторая позиция корпуса прѣдъшлаго.
- И. Свѣлавно Ямской пехоты на брѣгъ атака Генерал-майора Фреймана.
- К. Конница Ямская.
- Л. Прѣступленіе пехоты и взятіе Ямской пехоты 3. 2. 3. 4. 5. 6. батерей.
- М. Нападѣніе пехоты Ямской на брѣгъ и взятіе.
- Н. Бѣгъ Ямской пехоты и конницы.
- О. Бѣгъ Ямской пехоты прѣсѣченной на брѣгъ на востокъ.
- П. Фронтъ Ямской пехоты по взятіи Ямской пехоты.
- Р. Прѣсѣченіе Ямской пехоты въ подлѣ Мансурова.
- а. Главная батерея.
- б. Фланговая батерея.
- в. 3. бат. Лоб. Мансурова.
- г. Гранад. 2. баталіонъ.
- с. Гранад. 1. баталіонъ.
- д. Лѣв. пом. бат. Лоб. Мансурова.
- е. Ч. бат. Коп. Шабанова.
- ж. бат. Егерей Шабанова.
- и. Резервъ.
- к. Прѣступленіе батерей.
- л. Лѣвый т. Егерь.
- м. Пѣдан. Карголанера.
- н. Фланговые бѣгъ.
- о. Лѣв. бѣгъ.
- п. Лѣв. бѣгъ.
- р. Душевные пазовы.
- с. Лѣв. перекопъ войскы.
- т. Фронтъ отдѣленная для прѣступленія фланга и подкрѣпленія.
- у. Егерь Ямской пехоты.
- ф. Егерь Ямской пехоты для прѣсѣченія Ямской пехоты и конницы.

100 200 300 400 500
Саженъ

Составилъ и издалъ Г. Сивинъ

План сраженія у Татищевой крепости 22 марта 1774 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, л. 148, л. 3)

Астрах.-Гурь.

Маршрутная карта похода отряда подполковника Б. И. Кондаурова к Гурьеву городку в марте—апреле 1774 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, л. 148, л. 4)

второй экземпляр ориентирован на север, кроме того, на нем дополнительно указаны две летние дороги, идущие от Татищевой крепости: «Илецкая летняя дорога» и «Оренбургская летняя дорога»¹⁶. Отмечены на плане (а не только в экспликации) буквенные обозначения отдельных команд, что не было сделано на первом экземпляре. Некоторые изменения имеются в экспликации к плану: указаны командиры пехотных батальонов (полковник кн. А. И. Одоевский, подполковник Ф. И. Филисов, полковник кн. В. В. Долгорукий, полковник П. И. Аршеневский, капитан-поручик А. В. Толстой, полковник Ю. Б. Бибииков).

В ЦГВИА имеется еще одна копия этого плана, не имеющая существенных отличий от предшествующих планов¹⁷. Эта наиболее поздняя копия плана сражения составлена после 15 января 1775 г. (когда река Яик была переименована в реку Урал) и подписана инженером-полковником Исааком. На обороте плана надпись: «Подан при рапорте от генерал-инженера и кавалера Мордвинова июля 12 дня 1777 г. под № 1640». Рельеф на плане дан не штриховкой, а отмывкой. План не ориентирован, размер его 35,5×46 см. Масштаб, как и на предыдущих планах, в 1 дюйме 150 сажен.

Сличение всех трех планов между собой показало, что в основе составления последней копии лежит еще один не известный нам план, несколько отличный от первых двух. Поиски оригинала этого плана привели нас к обнаружению лишь его наиболее ранней копии. Копия этого плана хранится в ЦГАДА¹⁸. Известно, что ранее этот план сражения у Татищевой крепости хранился в коллекции карт и планов известного историка и географа Г. Ф. Миллера¹⁹. Этот план Миллер мог получить от П. И. Рычкова, своего постоянного оренбургского корреспондента, который регулярно высылал Миллеру копии и нередко подлинные документы о событиях в Оренбургском крае, в том числе о народном

¹⁶ Нанесение на план «летних» дорог позволяет уточнить датировку документа. Несомненно, что съемка плана была произведена после 5 мая 1774 г., судя по подписи И. Германа, но до переименования реки Яик в реку Урал (15 января 1775 г.).

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 148, л. 6.

¹⁸ Верхний правый край документа оторван. При реставрации в экспликацию плана была внесена неверная дата: «1769 г.».

¹⁹ Н. Ф. Голицын. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899, стр. 51 (№ 166).

восстании 1773—1775 гг.²⁰ В 1774 г. Рычков работал над описанием осады Оренбурга и имел в своем распоряжении не только дела канцелярии оренбургского губернатора Рейнсдорпа, но также и архив военно-походной канцелярии Голицына²¹. Вполне вероятно, что Рычков мог снять копию плана сражения у Татищевой и передать его своему любознательному ученому корреспонденту. Существует также предположение, что Миллер состоял в переписке с генералом Голицыным²², в этом случае Миллер мог получить копию этого плана непосредственно от Голицына.

Вместе с другими картами и планами из коллекции Миллера «План атаки крепости Татищевой» был включен в состав Картографического отдела библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГА МИД). Однако при систематизации карт в картографическом отделе библиотеки план совершенно ошибочно был огнечен в подрубрику «[Сражения] между разными иностранными войсками» раздела «Феатры войны»²³. До сих пор эта грубая ошибка не исправлена, и, естественно, найти план по каталогу можно лишь совершенно случайно.

Миллеровская копия, несмотря на почти полную аутентичность содержания, имеет некоторые отличия от других экземпляров этого плана. Она не подписана, не ориентирована, хотя по аналогии ясно, что север находится вверху, масштаб не проставлен. Уточнены условные обозначения отрядов Пугачева: отдельно показаны пехота (значком «V») и конница (схематизированные фигуры всадников); в экспликацию внесена дата события: «Баталия происходила марта 22 дня 1774 года». На подлиннике экспликация помещалась в левом нижнем углу, на втором экземпляре в связи с обратным ориентированием — в правом верхнем углу. Экспликация копий разделена на две части и разме-

²⁰ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, стр. 136—147; см. также: Г. П. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М., 1949. В этой книге приведены интересные факты о собирании Г. Ф. Миллером документов о восстании Е. И. Пугачева (стр. 99—103).

²¹ П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 139—141.

²² Г. П. Блок. Указ. соч., стр. 101.

²³ «Библиотека Московского главного архива Министерства иностранных дел. Реестр географическим атласам, картам и феатрам войны, составленный в 1816 г., исправленный в 1828 г. и дополненный по 1877 г.». СПб., 1877.

щена в верхней половине плана: слева описан «План атаки», справа — описание литерных обозначений отдельных подразделений правительственных войск.

Помимо планов сражений, в архивах сохранились, как отмечалось выше, некоторые другие виды картографических источников, освещающих (в более обобщенном виде) ход военной борьбы в период Пугачевского восстания. К числу таких источников относятся маршрутные карты, показывающие передвижения отдельных отрядов («корпусов») правительственных войск и места наиболее крупных сражений, а также обзорные карты, изображающие весь район Пугачевского восстания: земли Оренбургской губернии и смежные с ней части Казанской, Астраханской и Сибирской губерний, казахские степи с обозначением передвижения правительственных войск и главных отрядов восставших и с указанием крупнейших битв. Эти источники в связи с обобщенным показом боевых операций и обстановки, а также из-за наличия ряда существенных ошибок представляются нам менее интересными и содержательными, чем рассмотренные выше планы сражений. Не останавливаясь здесь на подробном историко-географическом анализе маршрутных и обзорных карт²⁴, считаем необходимым дать их краткий перечень.

I. Маршрутные карты:

1) Маршрутная карта похода корпуса генерала П. Д. Мансурова от Самары к Бузулуцкому городку в январе—феврале 1774 г.²⁵ Карта была составлена в военно-походной канцелярии генерала Мансурова, очевидно, в апреле 1774 г.

2) Маршрутная карта похода отряда подполковника Б. И. Кондаурова от Астрахани к Гурьеву городку в марте—апреле 1774 г.²⁶ Карта была составлена в мае 1774 г. участником похода кондуктором А. Ливановым. Одна из копий этого плана была прислана в Военную коллегию при рапорте участника похода на Гурьев городок командира 3-й легкой

²⁴ Авторы данной статьи имели ранее возможность дать краткое обозрение этих карт (Л. А. Гольденберг, Р. В. Овчинников. Картографические материалы 70-х годов XVIII века как новый источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. — «Вопросы истории», 1958, № 4, стр. 195—197).

²⁵ Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР, № 628.

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 148, л. 4.

полевой команды майора М. де Гастодди от 3 июля 1774 г.²⁷ Аналогичная копия карты хранится и в ЦГАДА²⁸.

3) План-схема расположения правительственных войск и повстанческих отрядов в северо-западной части Оренбургской губернии, в районе Зайнска, Мензелинска и Бугульмы²⁹. Карта была составлена в феврале 1774 г. в военно-походной канцелярии генерала А. Л. Ларионова и приложена к его рапорту от 26 февраля 1774 г. в Военную коллегию³⁰.

II. Обзорные карты:

1) Обзорная карта боевых действий корпуса генерала П. М. Голицына и его отдельных отрядов (деташементов) в январе—апреле 1774 г. в ходе наступления от Казани и Самары к Оренбургу на районы, охваченные восстанием³¹. Карта была составлена в мае 1774 г. в Оренбурге в военно-походной канцелярии генерала Голицына обер-квартирмейстером И. Германом.

2) Обзорная карта боевых действий правительственных войск против повстанческих отрядов Пугачева за весь период восстания, с сентября 1773 по сентябрь 1774 г.³² Карта была составлена, видимо, в конце 1770-х годов в одном из сибирских учреждений, вероятно в военно-походной канцелярии генерал-поручика И. А. Деколонга, командующего войсками Сибирской пограничной линии крепостей.

Итак, изучение сохранившихся военных планов и карт, отражающих события Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России, показывает, что среди них встречаются три вида военно-картографических материалов: а) планы сражений; б) маршрутные карты, отмечающие передвижения войск, и карты, показывающие взаимное расположение правительственных войск и отрядов Пугачева; в) обзорные карты, отражающие ход боевых действий на определенном этапе или за весь период восстания.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют крупномасштабные планы сражений, которые дают непосред-

²⁷ ЦГВИА, ф. 20, кн. 4 (1233), лл. 480—481.

²⁸ ЦГАДА, ф. 192 (Картографический отдел библиотеки МГА МИД), опись карт Астраханской губернии № 6.

²⁹ ЦГВИА, ф. 20, кн. 6 (1235), лл. 678 об.—679.

³⁰ Там же, л. 677.

³¹ Там же, ф. ВУА, д. 148, л. 7.

³² Там же, д. 150, л. 1.

ственное детальное представление о ходе отдельных крупных боев и операций, о тактике восставших и регулярных войск Екатерины II, о боевых построениях войск, об использовании повстанцами природных особенностей местности и оборонительных сооружений. Полноценное изучение отдельных сражений и боев возможно лишь при комплексном использовании как письменных, так и графических источников. При одностороннем изучении только письменных источников историк, исследующий военную сторону восстания, для того чтобы представить реальную картину событий, вникнуть в замыслы командиров, уяснить маневры и передвижения войск, должен сам графически представить эти события, а это обычно связано с большими трудностями.

Значительный интерес имеют и маршрутные карты, а также карты, указывающие расположение войск. Они не только указывают средствами графики, как протекали боевые действия или как складывалась обстановка в отдельных районах в определенный период восстания, но в ряде случаев существенно дополняют и уточняют показания письменных источников, связывают представление читателя об этих событиях с реальной географической обстановкой того времени. Интересны и обзорные карты боевых действий, хотя они изображают события восстания в более общем виде, отмечая лишь наиболее значительные сражения и схематично показывая передвижения главных повстанческих отрядов и регулярных правительственных войск. Характерно также, что наибольшее число ошибок в датировке событий и в изображении боевых действий падает именно на обзорные карты.

В текстовых характеристиках картушей и легенд карт и планов, составленных правительственными органами, ярко выражено их происхождение, проявившееся и в тенденциозном отношении к восставшим. Последние называются не иначе, как «злодеи», «злодейские толпы», а их предводитель — Е. И. Пугачев — «злодей» и «государственный бунтовщик». Впрочем, эта терминология была официально установлена Екатериной II для обозначения восставших и их вождя и применялась всеми военными, гражданскими и духовными властями как в государственных актах, так и в переписке.

Сочетание обычных источниковедческих приемов критики источника с анализом специфических особенностей содержа-

ния картографических материалов позволило нам в целом ряде случаев обосновать датировку недатированных документов, выявить происхождение карт и планов, а также их значение как исторического источника.

Палеографические особенности карт и планов (техника письма текстовых характеристик картушей и легенд, водяные знаки бумаги и т. п.), своеобразии графики, применение характерных и в то же время общепринятых для второй половины XVIII в. условных обозначений общегеографических элементов убедительно свидетельствуют о подлинности всех документов.

Картографические материалы о восстании ценны также и тем, что составлены они в большинстве случаев непосредственными участниками или свидетелями изображаемых событий; их достоверность выявляется сопоставлением показаний карт и планов со сведениями других источников того же времени (рапортов и донесений командиров частей, допросов пугачевцев и пр.).

Многие карты и планы о восстании, очевидно, были утрачены в походных условиях наряду с другими документами. Так, до сего времени не найдены картографические материалы таких крупных сражений, как у Троицкой крепости (21 мая 1774 г.), у Сакмарского городка (1 апреля 1774 г.), многочисленных боев отряда подполковника И. И. Михельсона с главными силами Пугачева на Урале, под Казанью, за Царицыном и др., хотя обзорные карты боевых действий и оперативные маршрутные карты передвижения войск, безусловно, составлялись.

Сохранившиеся военные карты и планы расширяют круг известных нам исторических источников и являются незаменимым пособием при изучении боевых действий во время Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО БЫТА РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Тяготы солдатской жизни, условия службы и быта солдата русской армии в XVIII—первой половине XIX в. недостаточно еще изучены в нашей военной историографии. Дореволюционные военные историки больше интересовались вопросами стратегии и тактики, историей военного искусства, чем условиями, в которых приходилось жить и служить солдату. Если же и появлялись работы, которые пытались проанализировать положение русского солдата в армии, сравнить условия военной службы в России с положением военнотружущего за границей, то они выходили в специальных изданиях ограниченным тиражом и нередко имели предостерегающий гриф на титульном листе: «В частную продажу нижним чинам не назначается»¹.

Специальных исследований обобщающего характера по этому вопросу нет, и до сих пор письменные источники не собраны и не изучены. Фольклорные же источники по данной теме вообще остались вне поля зрения военных историков. А между тем этот тип исторических источников может дать историкам дополнительный материал, ибо солдатские песни, сказки, поговорки и пословицы отразили в художественной, образной форме отношение трудового народа к военной службе, к воинской повинности.

Дореволюционные авторы, писавшие о солдатской службе, использовали фольклор, созданный в определенных социальных кругах. Под видом истинно народного творчества они помещали его в свои книги и пытались на этих произведениях формировать мировоззрение русского солдата. Возьмем в качестве образца учебной литературы для военнотружущих одну из книг для солдатского чтения. Какие произведения фольклора мы найдем в ней? Пословицы: «За богом молитва, а за царем служба не пропадают», «Кого милует бог, того жалует и царь», «Царя не всяк видит, да всяк за

него молит», «Чин чина почитай, а меньшей садись на край» и т. д.² Берем книжечку карманного формата, вышедшую в серии «Походная библиотека» (издатель — Я. У. Шишко). Какие же народные песни рекомендовалось петь солдатам в походе? «Пойдем вперед, ребята, помощник с нами бог, собьем мы супостата, в сердцах у нас залог»³. Право, не знаешь, чему более удивляться, читая эти строки: безграмотности составителя или беспардонности фальсификаторов, выдававших под видом народного творчества вот такие, например, «солдатские песни»:

Мы не знали и боялись,	Царь нас кормит, одевает,
Как пришлось мундир	Честно лишь ему служи,
	носить,
Но с привычкою	Он за храбрость украшает
	Крестом славным на груди ^{3а}
спознались —	
Право, не о чем тужить.	

Примерно такой же подбор солдатских песен имеют и другие многочисленные сборники подобного рода, где наряду с подлинными народными песнями, выдержавшими испытание временем и воспевавшими солдатскую доблесть, любовь к отчизне, геройство в бою («Было дело под Полтавой», «Солдатушки, бравы ребятушки» и др.), соседствуют урапатриотические ремесленные поделки⁴. В тех случаях, когда авторы не могли обойти подлинного народного творчества, они пытались дать ему такое толкование, которое сводило на нет социальное его звучание⁵.

² А. Иванов, А. Яновский. Учебная книга для чтения военным кантонистам. СПб., 1850, стр. 12, 15.

³ «12 солдатских песен». СПб., 1898, стр. 4.

^{3а} Ф. Кательников (рядовой 4-го понтонного парка). Солдатская песня. Сборник солдатских сочинений. Книжка шестая. Издание редакции журнала «Чтение для солдат». СПб., 1863, стр. 59.

⁴ См., например, Г. М. Попов. Сборник боевых, бытовых и плясовых солдатских песен в двух частях. Харьков, 1888; В. Н. Гартель. 1812-й год в песнях. Сборник 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I в Россию в 1812 г. М., 1912. Научный уровень последнего сборника характеризуется, например, тем, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» (действительно ставшее народной песней) автор приписал М. И. Кутузову (там же, стр. 16).

⁵ Приведа в предисловии к своей книге пословицу «Кто в солдатах не бывал, тот и горя не видал», П. Кочергин делает к ней примечание: «Ныне эта поговорка относится только к людям бедным, поступившим в ряды войска» (П. Кочергин. Указ. соч., стр. 3).

¹ П. Кочергин. Нужды русского солдата. Саратов, 1905.

Часто солдат, возвращаясь домой, не заставал уже в живых своих родителей. Глубокой скорбью звучат слова народной песни:

Пойду, выйду на могилу, Ты вставай, родная мать,
Разбужу родную мать. Со мной горе горевать...¹⁴

Солдатчина вызывала в народе глухой неосознанный протест. Не видя путей, которые вели бы к избавлению от нее, новобранцы нередко прибегали к членовредительству, лишь бы избавиться от суровой солдатской доли:

Пальцы рубят, зубы рвут,
В службу царскую нейдут¹⁵ —

лишь бы не стоять, как образно говорит народная пословица, «Руки по швам, голову в карман»¹⁶, ибо «Солдат — отрезанный ломоть», «Солдат домой пишет — поминать велит», «Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников»¹⁷ Да и как их найти, если

... победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ — люди первые;
А к жалованью — люди последние¹⁸.

Тяжела солдатская жизнь. «Хлеб, соль да вода — солдатская еда», «Солдат сыт крупницей, пьян водицей», «Съешь полбеда да напейся воды», «Солдат шилом бреется, дымом греется» — вот что встречает солдата в казарме, не говоря уже о постоянных побоях, пинках, зуботычинах, розгах. Боль, обида, горечь, негодование народа донесли до наших дней пословицы о царской службе: «Солдата за все бьют: не дошагнет — бьют, перешагнет — бьют», «не довернешься — бьют, и перевернешься — бьют», «бьют и плакать не дают»¹⁹.

¹⁴ Н. Арлащенко. О царской солдатчине и почетной службе в Красной Армии (Из фольклорных материалов). — Газета «Пролетарий» (Мытищи), 1940, № 220, стр. 3.

¹⁵ В. Сидельников. Царская армия в устной поэзии. — Газета «Красный воин», 1935, № 280.

¹⁶ Н. Арлащенко. Указ. статья, стр. 3.

¹⁷ «Жить — Родине служить», стр. 58, 59.

¹⁸ С. Лазутин. Русские песни. Воронеж, 1955, стр. 112.

¹⁹ «Жить — Родине служить», стр. 58—59.

В условиях царской цензуры подобные песни и пословицы не могли стать достоянием широкой читательской публики; в лучшем случае они помещались в специальных фольклорных изданиях, доступных лишь ограниченному кругу ценителей народного творчества. Известно лишь одно издание солдатских песен XVIII — первой половины XIX в., предназначенное для распространения среди народа. Это «Солдатские песни», изданные в Лондоне Вольной русской типографией А. И. Герцена в 1862 г. В этом издании мы находим и народные песни, записанные в нескольких вариантах, что свидетельствует об активном их бытовании²⁰.

Опубликованные без цензуры песни донесли до нас дыхание реальной, действительной жизни, царской службы без прикрас; авторы (или исполнители) этих песен писали то, что думали:

Русскому солдату	Школу проходя,
Тяжело служить:	Много всякой муки
Палочной науки	Примешь на себя ²¹ .

Сравнивая эти сочинения с подлинными фольклорными записями, порой затрудняешься сказать, что это такое — авторское творчество или запись народной песни; однако нельзя не заметить, что тематика этих произведений имеет много общего с фольклором. Здесь есть и тема продолжительной службы:

Горек черствый хлеб солдата,	Да и скорого возврата
Хоть труды и тяжелы,	Нет из царской кабалы ²² .

Но в то же время встречается сопоставление службы в России со службой в других странах, чего нет в фольклоре:

Нет нигде по свету	Как в России нашей
Тяжелей неволи,	Злой солдатской доли ²³ .

Совершенно особое место занимает описание солдатской службы в русских плачах. Своеобразие этих впечатляющих картин страданий и мучений солдата заключается прежде

²⁰ «Солдатские песни». Лондон, 1862, стр. 5—7.

²¹ Там же, стр. 8.

²² Там же, стр. 17.

²³ Там же, стр. 21.

всего в том, что слагаются и исполняются они не самими солдатами, а их матерями, женами, сестрами, соседками. «Женщина-поэт — явление редкое в нашем отечестве», — с горечью писал декабрист Кюхельбекер, имея в виду дворянскую литературу начала XIX в.²⁴ Не то в народном творчестве, где женщине, безусловно, принадлежит ведущее место. Это особенно относится к плачам, в которых солдатская служба изображается сквозь призму женского мироощущения. Зоркие глаза матери острее видят все невзгоды, которые переносит на «злодейной службе государевой» ее родной сын; тоскующие очи жены зорче воспринимают те обиды, которые терпит ее муж на «горе-службе государевой» от тупых и жестоких офицеров, у которых

И нету душеньки у их да во белых грудях,

И нету совести у них да во ясных очах,

И нет ума-то у них да в буйной голове...²⁵

Завоенный плач — это не солдатская песня, но он необыкновенно выпукло и ярко свидетельствует о том, что тема солдатской службы вырвалась из локальных рамок узкосолдатской песни, она стала достоянием всего фольклора. «Грозна служба государева» в завоенном плаче описывается теми же образами, теми же красками, что и в солдатской песне:

И на ученьице, родитель, на мученьице,

И уже бьют да нас, победных, без повинности,

И до ран да бьют, родитель, до кровавых,

И до умертвия победных бьют головушек,

И скрозе строй гонят, несчастных нас, солдатушков²⁶.

Тяжелая служба в зной и холод, бессмысленная муштра, соединяемая с требованием внешнего лоска, побой, жизнь впроголодь, несправие — вот солдатская нелегкая жизнь.

Завоенный плач — творчество индивидуальное; плачи не распеваются всем народом, как песни лирические или частушки; их исполняют мастера народного творчества, во-

²⁴ В. К. Кюхельбекер. Взгляд на текущую словесность. — «Невский зритель», 1820, ч. 1, № 3, стр. 78.

²⁵ Е. В. Барсов. Причитанья Северного края, ч. II. Плачи за-военные, рекрутские и солдатские. М., 1882, стр. 226.

²⁶ Там же, стр. 220.

пленницы. Но их индивидуальное творчество питается животворными соками всего фольклора; оно тесно связано с ним и системой образного мышления, и тематикой, и социальным, идейным осмыслением описываемого в плаче события. Творчество И. А. Федосовой в высшей степени показательное именно в этом плане. Она сама говорит, что «не была во службе государевой и не ходила по походам... солдатским»²⁷, но в ее плачах нашли свое отражение все основные этапы солдатской службы, начиная от бритья головы новобранцам и кончая походами и «сраженницами», на которые гонит солдат своекорыстное и безжалостное начальство. Не «отцы-командиры», а «злодеи супостатные», «вертуны тонконогие» — вот кто измывается над русским солдатом.

И хотя причитания Федосовой — ее личное, индивидуальное творчество, тем не менее мы вправе видеть в нем отражение тех же процессов, которые характерны для фольклора в целом. Народная поэтесса XIX в., безграмотная крестьянка была одним из творцов и носителей культуры, созданной всем русским народом. Ее завоенные плачи — свидетельство широкой популярности темы солдатской службы в фольклоре.

До нас дошли и многие образцы солдатского творчества, которые также представляют собой творчество авторское, индивидуальное, выросшее из устной фольклорной традиции. Эти произведения дошли до нас от XVIII в. в рукописном виде, причем некоторые в нескольких списках, что свидетельствует об интересе, пробуждаемом ими у русских книжников конца XVIII — начала XIX в. Солдатские стихи XVIII в. описывают тяжелую службу русских воинов в Крыму, лихоимство и самоуправство офицеров и в этом отношении являются поэтическим откликом на давнюю солдатскую пословицу: «Солдатскими мозолями офицеры сыто живут»²⁸. Показательно стихотворение «Солдатская жизнь, сочиненная в большом городе в каменных палатах почтенным человеком, которого бьет всяк, мая 1-го 1803-го»; его автором является «Измайловского полку гренадер Иван Макаров», выходец из Московской духовной академии, который

²⁷ Там же, стр. 37.

²⁸ Л. Войтоловский. Солдатские песни и сказки. — «Красная новь», 1923, № 5, стр. 130.

за свое сочинение был прогнан сквозь строй и выписан в армейский полк²⁹. Отдельные строфы из этой «оды», как называл свое произведение Макаров, часто как бы переключаются с солдатскими пословицами:

Солдатская жизнь	Народные пословицы
О солдат! Ты	Солдат-горемыка хуже лапотного
горемыка	лыка.
Хуже лапотного лыка.	
Твоей жизни хуже	
нет,	
Про те знает и весь	
свет.	
Тебя дуют, тебя бьют,	В спину бьют — как полосу куют.
То, как полосу, куют. . .	
В карауле нам мученье,	
А как сменишься —	
ученье!	
В карауле жмут	На ученье идешь — жмут
подтяжки	подтяжки.
На ученье жду	Домой пришел — дождайся
растяжки ³⁰ .	растяжки ³¹ .

Немногими дошедшими до наших дней образцами солдатского творчества, несомненно, не исчерпываются все произведения солдат с описанием их службы. Авторы подобных стихотворений прекрасно понимали, что их ждет, если начальство дознается об этом. Именно поэтому они подписывали стихи: «Холодного месяца, морозного числа, неурожая в Крыму денег года» — или: «Писал сие сказание по общему приказанию. Объявить прозвище боюсь и, как меня зовут, не скажусь; плачевного года, темного месяца ноября шестого на девять числа, вся команда в святцах не нашла»³².

В настоящей работе не затрагивается совсем отражение солдатского быта в документальных исторических источниках. Несмотря на то, что войсковые командиры отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы делопроизводственная переписка отражала бы истинные методы их эксплуататор-

²⁹ Г. А. Гуковский. Солдатские стихи XVIII в. — «Литературное наследство», т. 9—10. Л., 1934, стр. 112—150.

³⁰ Г. А. Гуковский. Указ. статья, стр. 144.

³¹ «Жить — Родине служить», стр. 59.

³² Г. А. Гуковский. Указ. статья, стр. 127, 139.

ской деятельности, все же в ряде документов законодательного характера, в судебно-следственных материалах, а также в дневниках, письмах и мемуарах будущий историк солдатского быта сумеет найти достаточное количество сведений для воссоздания подлинной истории службы русского солдата в царской армии.

Среди этих и многих других разновидностей письменных исторических источников произведения солдатского творчества занимают свое, особое место. Их своеобразие заключается прежде всего в том, что они исходят от самих солдат, а не от их командиров. Это — голос трудового народа, горький стон забитого и измученного «служивого».

Источниковедческий анализ дошедшего до наших дней материала свидетельствует, во-первых, о том, что отнюдь не все то, что издателями и исследователями называлось «народным» творчеством, на самом деле принадлежало народу. Следовательно, прежде всего необходимо выделить образцы подлинно народного творчества. Историк, не владеющий методикой фольклорного анализа, не в состоянии сам определить подлинность фольклорного произведения без риска впасть в вольную или невольную ошибку. Только фольклористу принадлежит в этом вопросе решающее слово.

Получив в свое распоряжение образцы подлинного народного творчества, историк должен при этом учитывать, что все они распадаются на две большие группы. В первую из них войдут произведения, тесно связанные с крестьянской фольклорной традицией; они отшлифовались в процессе длительного бытования в устах народа и приобрели вообще свойственный фольклору характер обобщенной оценки явлений и событий. Мы не найдем в подобных крестьянских солдатских песнях конкретных и точных указаний на время и место изображаемого события, но зато в них видна народная оценка события, оценка обобщенная, выраженная в совершенной художественной форме. Нельзя не вспомнить при этом необыкновенно верную, не утратившую своей ценности характеристику народных песен, данную Н. В. Гоголем. «Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минув-

шего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии»³³.

Вторую группу составят те вышедшие из народной среды произведения, которые связаны с новым этапом в развитии фольклорной традиции. Созданные солдатами, уже приобщившимися к грамоте, эти песни связаны с той книжно-самодеятельной традицией, которая характерна для городской и рабочей народной песни. Это новый этап в развитии народного творчества, свидетель проникновения в общую сокровищницу народного творчества книги, грамотности, новых идей и образов. Такие народные произведения хранят в себе, как правило, гораздо больше конкретных деталей, позволяющих точнее определить и место, и время их создания. На первый взгляд кажется, что именно поэтому они имеют большее значение для историка как источник с гораздо более точной датировкой. Но при более глубоком рассмотрении фольклорных источников обнаруживается, что песни обеих групп могут в равной степени быть использованы историком не только как литературно-фольклорный комментарий к письменным источникам, но и как самостоятельный и своеобразный источник, характеризующий народную оценку солдатской службы и солдатского быта. Историк не вправе отбрасывать ни те, ни другие произведения, но при их использовании он, безусловно, должен принимать во внимание специфику того и другого вида исторического источника.

Солдатские песни отразили в своем содержании не только условия солдатской службы в царской армии в рассматриваемый период. Мы найдем в них народную оценку крупных военных сражений — от Полтавской битвы до обороны Севастополя; в них отразились образы великих русских полководцев; нам известны песни, посвященные военным походам, и песни об армии в целом, и т. д.

Подводя итоги наблюдения над темой военного быта в солдатской песне XVIII—первой половины XIX в., можно утверждать, что она представляет собой важный исторический источник, сохранивший до наших дней народную оценку изображаемых явлений.

³³ Н. В. Гоголь. О малороссийских песнях. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1834, № 4, стр. 17; Л. В. Черепнин. Исторические взгляды Гоголя. — «Вопросы истории», 1964, № 1, стр. 90.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ А. Г. БЕСКРОВНОГО*

1931

- «На штурм знания. Рабочая книга після букваря для підлітків». Ростов н/Д. (Підручники для шкіл Північного Кавказу), 136 с. (совместно с Ф. Ковпиком, Л. Горбушиной).
- «Юні ударники. Робоча книжка для 3-го року навчання української школи Північного Кавказу». Ростов н/Д., ч. 1, 160 с. (совместно с Ф. Ковпиком и Н. Врублевской).

1934

- «Об учебных планах и программах школьных отделений педтехникумов». — «Педагогическое образование», № 5, с. 40—41.

1935

- «Базовая школа [при педтехникумах. Ее роль, значение и методы работы]». — «Педагогическое образование», № 5, с. 98—107 (совместно с А. В. Крассовым).
- «За краеведческую работу в педагогическом техникуме». — «Советское краеведение», № 2, с. 22—27 (совместно с А. И. Казанским).
- «К итогам учебной работы педтехникумов. [1934/35 учебный год]». — «Коммунистическое просвещение», № 4, с. 72—80.
- «Некоторые вопросы воспитательной работы в педтехникумах». — «Коммунистическое просвещение», № 5, с. 69—76 (совместно с И. Е. Кубаревым).
- «Организация и проведение сплошной педпрактики в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 6, с. 61—65 (совместно с А. В. Крассовым) [начало статьи, окончание см. в 1936 г.].
- «Педагогический кабинет в педтехникуме». — «Педагогическое образование», № 4, с. 22—35 (совместно с Т. А. Фоминой).

* Составлена Р. Е. Альтшуллер.

- «Планирование учебной работы в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 5, с. 74—82.
«Учебные планы педагогических техникумов». — «Педагогическое образование», № 4, с. 11—15.

1936

- «К итогам учебного года в педагогических техникумах». — «Коммунистическое просвещение», № 4, с. 90—105 (совместно с В. И. Чистяковым).
«Краеведческая работа в педтехникуме». — «Советское краеведение», № 3, с. 121—125 (совместно с А. И. Казанским).
«Организация и проведение сплошной педпрактики в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 1, с. 96—101 (совместно с А. В. Крассовым) [окончание статьи, начало см. в 1935 г.].
«Организация и руководство учебной работой в техникуме (В помощь завучу)». — «Педагогическое образование», № 2, с. 83—91; № 3, с. 83—96 (совместно с Ф. В. Гармоновым).
«Организовано закончить учебный год [в педтехникумах]». — «Педагогическое образование», № 3, с. 79—83.
«Очередные задачи работы по русскому языку в педагогических техникумах». — «Педагогическое образование», № 4, с. 108—114; № 6, с. 124—128 (совместно с Л. А. Горбушиной).

1937

- «Очередные задачи подготовки [педагогических училищ] к новому учебному году». — «Педагогическое образование», № 2-3, с. 65—68.
«Постановка педагогической практики в педагогических училищах». — «Педагогическое образование», № 1, с. 105—111.

1938

- «О школах для проведения практики учащихся педагогических училищ». — «Советская педагогика», № 7, с. 92—99.

1940

- «Горские школы на Северном Кавказе в XIX—XX вв.». — Канд. дисс. Рукопись. М. 1940, 269 с.

1946

- «Атлас карт и схем по русской военной истории». [М.], VI с., 88 л. (169 карт и схем).
«Военно-воспитательная система Суворова». — В кн.: «А. В. Суворов» (Доклады, прочитанные 18 мая 1945 г. в день 145-летия со дня смерти А. В. Суворова), М., с. 62—88.
«Действия русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии в 1806—1807 гг.». М., 35 с.

- «Система обучения и воспитания армии Петра I». — «Агитатор и пропагандист Красной Армии», № 3, с. 44—52.

1947

- «Кутузов как воспитатель русских войск». — В кн.: «М. И. Кутузов». Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., с. 161—170.
«Об исторических работах Клаузевица». — Сборник «К вопросу о критике немецкой военной идеологии». [М.], с. 71—104.
Сост.: «Хрестоматия по русской военной истории», М., 639 с.

1948

- «Отечественная война 1812 года и полководческое искусство Кутузова». [М.], 50 с.

1949

- Рец.: «Семилетняя война». Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. М., 1948. — «Вопросы истории», № 5, с. 115—116.

1950

- «Артикул воинский». — БСЭ, т. 3. [М.], с. 131—132.
«Балаклава». — БСЭ, т. 4. [М.], с. 102.
«Русское военное искусство в начале XIX века» [М.], 100 с.
«Русское военное искусство в ходе Крымской войны 1853—1856 гг.». [М.], 44 с. (совместно с Н. А. Лапиным).
«Строительство русской армии в XVIII веке». Докт. дисс. Рукопись. [М.] (утверждена в 1951 г.), 860 с.
«Суворовская система обучения и воспитания войск». — «Красная звезда», № 112, 12 мая.
Рец.: А. В. Суворов. Полковое учреждение. М., 1949. — «Вопросы истории», № 2, с. 123—124.
Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. I, М., XLVIII+795 с. — Введение, с. V—XLII.

1951

- Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 180 с.
«Великий русский полководец А. В. Суворов». — Сборник «Стратегия и тактика Суворова». М., с. 5—26.
«Военное искусство в странах Западной Европы и США в 50—60-х годах XIX века». [М.], 35 с.
«Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в.». — «Исторические записки», т. 36, с. 101—141.
«Стратегия и тактика Суворова». — В кн.: «Суворовский сборник». Статьи и исследования. М., с. 30—60.

- «Краткий справочник по истории военного искусства народов СССР». [М.], 147 с. *Общее руководство и составление* (совместно с Н. Г. Корсуном, Л. М. Лещинским и др.).
- Рец.*: П. К. Фортунатов. *Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии*. М., 1950. — «Вопросы истории», № 7, с. 108—110.
- Ред.*: «М. И. Кутузов». *Документы*, т. II. М., XXIV+610 с. — Введение, с. V—XVIII.
- Отв. ред.*: Ю. Р. Клокман. *Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.* М., 206 с.
- Общ. ред.*: «Адмирал Ушаков». *Документы*, т. I. Ред. Р. Н. Мордвинов. М., 772 с. (совместно с В. Д. Стыровым и Н. А. Питерским).
- Член ред. колл.*: «Исторические записки», т. 36—82. М., 1951—1968.

1952

- «Великая победа русского народа. К 140-летию Бородинского сражения». — «Красная звезда», № 213, 7 сентября.
- «Измаил». — БСЭ, т. 17, [М.], с. 400—401.
- «Контрнаступление М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года». — «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, т. IX, № 1, с. 3—18.
- «Русское военное искусство в Крымской войне 1853—1856 годов. Героическая оборона Севастополя». [М.], 76 с.
- Рец.*: В. Шутый. *Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр.* Київ. 1951. — «Вопросы истории», № 5, с. 117—119.
- Ред.*: «М. И. Кутузов». *Документы*, т. III. М., XXXIII+1028 с. — Введение, с. V—XXV.

1953

- Военное искусство рабовладельческого и феодального общества, вып. 1. М. Сост. гл. 9 и 10, с. 302—384.
- «Военное искусство капиталистического общества (1789—1917 гг.)», вып. 2. М. Сост.: гл. 4, с. 155—188.
- «Военные школы в России в первой половине XVIII в.» — «Исторические записки», т. 42, с. 285—300.
- Сост.*: «Список источников и литературы к лекциям по источниковедению истории русского военного искусства (До первой мировой войны 1914—1918 гг.)». [М.], 44 с. (Литограф. изд.).
- Отв. ред.*: Е. А. Прокофьев. *Борьба декабристов за передовое русское военное искусство*. М., 313 с.

1954

- Введение. — «Донские казаки в 1812 году». Сборник документов. Ростов н/Д., с. 7—22.
- «Очерки по источниковедению истории русского военного искусства (С древних времен до первой мировой войны)». [М.], 306 с.

- «Реформы армии и создание военно-морского флота». — В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.». М., с. 342—371.
- «Русское военное искусство в Отечественной войне 1812 года». — В кн.: «История военно-морского искусства», т. II. Военно-морское искусство капиталистического общества до эпохи империализма. М., с. 66—81.
- Ред.*: «М. И. Кутузов». *Документы*, т. IV, ч. I. М., XXXVI+552 с. — Введение, с. V—XXX.

1955

- «Великий русский полководец. К 225-летию со дня рождения А. В. Суворова». — «Красная звезда», № 277, 24 ноября.
- «Исторические знания времени преобразования первой четверти XVIII в.» (совместно с Б. Б. Кафенгаузом и М. Н. Тихомировым); *Дворянские историки М. М. Щербатов, И. Н. Болтин и другие* (совместно с Б. Б. Кафенгаузом). — В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., с. 171—179, 208—215.
- «История военного искусства», т. 2. Военное искусство капиталистического общества (нового времени до эпохи империализма). М., 811 с.
- Отв. ред. и автор глав*: I. Капиталистическое общество и развитие военного искусства, с. 5—13; VI. Русское военное искусство в конце XVII—начале XVIII века. Полководческое искусство Петра I, с. 100—167; IX. Военное искусство России, важнейших стран Западной Европы и Турции во второй половине XVIII века, с. 243—332; X. Развитие военно-теоретической мысли во второй половине XVIII века, с. 333—358; XII. Военное искусство первой французской империи. Полководческое искусство Наполеона, с. 384—439; XIII. Русское военное искусство в первой четверти XIX века, с. 440—499; XIV. Отечественная война 1812 года и полководческое искусство Кутузова, с. 500—555; XV. Военное искусство в Крымской войне 1853—1856 годов, с. 556—615; XVII. Военное искусство стран Западной Европы и США в 50—60-х годах XIX века, с. 633—658.
- «Контрнаступление русской армии под командованием М. И. Кутузова». — «Полководец Кутузов». Сборник статей. М., с. 257—337.
- Предисловие к кн.: «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно». М., с. 3—4.
- Отв. ред.*: История военного искусства. Курс лекций, т. I. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества (Древний мир и средние века). М., 552 с. — Введение, с. 5—26.
- Ред.*: «М. И. Кутузов». *Документы*, т. IV, ч. II. М., XII+851 с.
- Ред.*: «Полководец Кутузов». Сборник статей. М., 495 с. — Предисловие, с. 1—12.

1956

- «Армия и флот». — В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.». М., с. 307—320.
- «М. И. Драгомиров» [Вводная статья]. — В кн.: «М. И. Драгомиров.

- Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск». М., с. 3—39.
- «От издательства». — В кн.: «Франц Фабиан. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время». Перевод с нем. М., с. 3—14 (без подписи).
- «Отечественная война 1812 года. Заграничные походы 1813—1814 гг.». — В кн.: «История СССР», т. I. С древнейших времен до 1861 г. Отв. ред. Л. В. Черепнин. [Учебник для исторических факультетов государственных университетов и пединститутов], М., с. 660—680.
- Отв. ред.: И. В. Бестужев. Крымская война 1853—1856 гг. М., 174 с.
- Ред.: М. И. Драгомиров. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 687 с.
- Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. V. М., XXXVII+830 с. — Предисловие, с. V—XXIII.

1957

- «Очерки по источниковедению военной истории России». М., 453 с.
- «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.». М., 866 с. Ред. (совместно с А. И. Барановичем, Е. И. Заозерской и Е. И. Индовой); автор введения (совместно с Е. И. Заозерской и С. А. Фейгиной), с. 5—29; раздела «Армия и флот», с. 296—309; заключения, с. 814—818.

1958

- «Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки)». М., 645 с.
- «Бородинское сражение». — «Оставление Москвы». — «Контрнаступление русских войск. Разгром и гибель армии Наполеона». — В кн.: «Новая история», т. 2. 1789—1870. [Учебник для университетов и пединститутов]. М., с. 99—101.
- Отв. ред.: П. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 235 с.
- Ред.: «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 540 с. (совместно с Е. И. Заозерской и А. А. Преображенским).

1959

- «Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения)». — «Вопросы истории», № 12, с. 41—57.
- «Разгром наполеоновской армии в России». — В кн.: «Всемирная история, в десяти томах», т. VI. М., с. 115—123.
- «Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны». — «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». Сборник статей. М., с. 21—62.

- Отв. ред.: С. А. Фейгина. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 546 с.
- Ред.: «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». Сборник статей. М. 459 с. (совместно с Б. Б. Кафенгаузом, В. А. Дядиченко и Н. И. Павленко). — Введение (совместно с Б. Б. Кафенгаузом и Ю. Р. Клокманом), с. 3—18.
- Ред.: «П. А. Румянцев». Документы, т. III. 1775—1796. М., XV+655 с. — Введение, с. V—XV.
- Ред.: «Русская военная периодическая печать (1702—1916)». Библиографический указатель. Сост. З. П. Левашева и К. В. Синицына. М., 241 с.

1960

- «Русская военно-теоретическая мысль в XIX и начале XX в. (Стратегия и тактика). [Вводная статья]. — В кн.: «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Сост.: Л. Г. Бескровный, М. В. Люшковский и Р. Ш. Сот. М., с. 3—41. (Статья без подписи).
- Ред.: «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Сост.: Л. Г. Бескровный, М. В. Люшковский, Р. Ш. Сот. М., 785 с.

1961

- «Полтавская победа». — «Детская энциклопедия», т. 7. М., с. 404—408; изд. 2, т. 8. М., 1967, с. 388—392.
- Ред.-консультант: «Советская историческая энциклопедия», т. 1—11. М., 1961—1968.

1962

- «Отечественная война 1812 года». М., 611 с.
- «Очерки военной историографии России». М., 318 с.
- «Бородинское сражение (К 150-летней годовщине)». Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г. — «История СССР», № 6, с. 3—18.
- «Великий подвиг народов нашей родины (К 150-летию Отечественной войны 1812 года)». М., 38 с.
- «Великий фельдмаршал [М. И. Кутузов]». — «Огонек», № 4, с. 8—11.
- «Гроза двенадцатого года». — «Работница», № 8, с. 9—10.
- «Две стратегии». — «1812 год. К столетию Отечественной войны». Сборник статей. М., с. 64—96.
- «Народная, отечественная... [К 150-летию Отечественной войны 1812 года]». — «Партийная жизнь», № 16, с. 59—64.
- «Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года». — «Вопросы истории», № 10, с. 50—60. (румынское издание см. в 1963 г.).
- «Отечественная война 1812 года (Некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований)». — «Вестник Академии наук СССР», № 9, с. 97—103.
- Послесловие к публикации С. Г. Энгель и М. И. Перпер «Тетрадь Александра Чичерина». — «Новый мир», № 9, с. 69—70.

- Отв. ред.: «Листовки Отечественной войны 1812 года». Сборник документов. М., 173 с. — Введение, с. 3—13.
- Отв. ред.: Е. В. Тарле. Бородино. М., 95 с. — Послесловие, с. 94—95.
- Отв. ред.: «1812 год. К столетию Отечественной войны». Сборник статей. М., 320 с.
- Ред.: «Бородино. 1812—1962». Документы, письма, воспоминания. М., 414 с. (совместно с Г. П. Мещеряковым).
- Ред.: «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сборник документов. М., 547 с. — Введение, с. 3—7.

1963

- «Веселаго Феодосий Федорович». — Советская историческая энциклопедия, т. 3. М., с. 391.
- «Unele probleme ale istoriei războiului pentru apărarea patriei din 1812». — «Analele romînosovietice», № 2, р. 74—89 (русское издание см. в 1962 г.).
- Ред.: «Хрестоматия по истории СССР XVIII в. [Для университетов]». Сост. М. Т. Белявский и Н. И. Павленко. М., 787 с. (совместно с Б. Б. Кафенгаузом).

1964

- «Иена-Ауэрштедтское сражение 1806 г.». — «Советская историческая энциклопедия», т. 5. М., с. 753.
- «Отечественная война 1812 года; Заграничные походы 1813—1814 гг.». — В кн.: «История СССР», т. I. С древнейших времен до 1861 г., изд. 2. М. (Учебник для исторических факультетов государственных университетов и пединститутов), с. 635—652.
- «Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сборник документов. М., LVI+539 с. Отв. ред., автор вводной статьи «Боевые действия русской армии и освобождение Германии в 1813 году» (с. V—XLIX) и составитель (совместно с Р. Е. Альтшуллер, В. К. Головниковым, С. В. Климовой и А. Н. Кочетковым).
- Русская военная книга. К 400-летию русского книгопечатания. — «Красная звезда», № 48, 26 февраля.

1965

- «К 150-летию Лейпцигского сражения». — «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». Сборник статей. М., с. 89—114 (немецкое издание см. в 1967 г.).
- Рец.: «Новая книга о революционном движении в русской армии (В. Г. Вержбицкий. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 г.) М., 1964)». — «Военно-исторический журнал», № 3, с. 106—107.
- Подг. к печати. М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 2. М., 664 с.
- Отв. ред.: «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». Сборник статей. М. 462 с. — От редколлегии, с. 3—4.

- «Изаучение дооктябрьской истории СССР в Институте истории АН СССР за семилетку (1959—1965 гг.) (Сокращенный текст доклада на Ученом совете Института истории АН СССР 4 ноября 1965 г.)». — «История СССР», № 5, с. 205—210.
- «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. I. М., 719 с. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии.
- «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. II. М., 631 с. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии, заместитель ответственного редактора тома, автор введения (совместно с М. Н. Тихомировым и В. И. Бугановым), с. 7—10 (без подписи).
- Отв. ред.: «Дневник Александра Чичерина. 1812—1813». М., 280 с. — «Предисловие», с. 5—8.
- Отв. ред.: «Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура)». Сборник статей. М., 506 с. — От редакции, с. 3—4.
- Член ред. колл.: журн. «Советские архивы», 1966, № 1—6; 1967, № 1—6; 1968, № 1—6.

1967

- Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительная борьба балканских народов. — «Вопросы истории», № 6, с. 30—46.
- «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. III. М., 747 с. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии, ответственный редактор тома, автор введения (совместно с Л. В. Черепинным и Б. Б. Кафенгаузом), с. 7—14 (без подписи), разделов гл. 10. «Армия и флот», с. 242—248, «Петр I» (совместно с Б. Б. Кафенгаузом), с. 249—250.
- «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. IV. М., 743 с. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии.
- «История СССР с древнейших времен до наших дней». Вторая серия, т. VII. М., 751 с. Член Главного редакционного совета.
- «История СССР с древнейших времен до наших дней». Вторая серия, т. VIII. М., 726 с. Член Главного редакционного совета.
- «Zum 150-jährigen Jubiläum der Leipziger Schlacht». — In: «Der Befreiungskrieg 1813». Berlin, S. 277—309 (русское издание см. в 1965 г.).
- Рец.: В. Я. Гросул. Реформы в дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX в.). М., 1966. — «Новая и новейшая история», № 1, с. 146—148 (совместно с А. А. Шевяковым).
- Рец.: «Капитальный вклад в историю дипломатии» (О кн.: «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел». Серия первая. 1801—1815 гг., т. I—III. М., 1960—1963; т. IV. М., 1962). — «Международная

- жизнь», № 1, с. 129—131 (совместно с А. Станиславской и Л. Слезкиным).
- М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3. М., 671 с. Член общей редакции издания (совместно с М. Н. Тихомировым), В. М. Хвостовым и О. Д. Соколовым).
- М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 4. М., 639 с. Член общей редакции издания (совместно с М. Н. Тихомировым), В. М. Хвостовым и О. Д. Соколовым), ред. книги (совместно с Л. М. Ивановым).
- Член ред. колл. «Der Befreiungskrieg 1813». Berlin, 559 S. (совместно с Е. И. Дружининой, П. Гофманом, А. Л. Нарочницким, К. Оберманом, Г. Шеелем, Ф. Штраубе и П. А. Жилиным).

1968

- «Борьба России с Францией в конце XVIII—начале XIX в. Отечественная война 1812 года».—В кн.: «Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России». М., с. 179—255.
- «Изучение и охрана историко-революционных и военно-исторических памятников». Доклад на пленуме Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. [М.] 14 с.
- Отв. ред.: «Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России». М., 383 с.
- Отв. ред.: Охрана памятников истории и культуры. Декреты, постановления, распоряжения правительства СССР и правительства РСФСР, 1917—1968. М., 232 с.—Введение, с. 1—14 (ротационный).

О нем

- «К 60-летию Л. Г. Бескровного». — «История СССР», 1965, № 5, с. 216.

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие 5
- П. Г. Рындзюнский. Любомир Григорьевич Бескровный 7

I. ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ю. Р. Клокман. Вопросы военной истории России XVIII—начала XIX в. в советской историографии 16
- В. И. Буланов. Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска 45
- В. Г. Сироткин. Континентальная блокада и русская экономика (Обзор французской и советской литературы) 54
- В. А. Дьяков. Об особенностях развития русской военно-исторической мысли в предреформенное тридцатилетие 77

II. ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

- Г. П. Мещеряков. Из истории военно-теоретической мысли в России в первой четверти XVIII в. 97
- А. Н. Кочетков. Русская военная литература и военная мысль второй половины XVIII—начала XIX в. 109
- В. А. Дивин. Некоторые аспекты военно-морской теоретической мысли России второй половины XVIII—первой половины XIX в. 125

III. ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЯ И СНАБЖЕНИЕ ВОЙСК

- Е. И. Заверская. К истории Тульской оружейной слободы 137
- Г. Д. Капустина. Гужевой транспорт в Северной войне (По материалам Московской крепостной конторы начала XVIII в.) 156

А. А. Преображенский. Военные поставки Невьянского завода накануне Полтавского сражения	183
Б. С. Абалихин. Роль Украины в обеспечении армии в Отечественной войне 1812 года	187
В. Н. Ашурков. Русские оружейные заводы в 40—50-х годах XIX в.	204

IV. ФОРМИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ВОЙСК

В. Д. Назаров. О датировке «Устава ратных и пушечных дел»	216
М. Д. Рабинович. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны	221
Я. Е. Водарский. Служилое дворянство в России в конце XVII—начале XVIII в.	233
Г. А. Некрасов. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в.	238
Р. Е. Альтшуллер. Кутузов как военный педагог — директор Кадетского корпуса	251
Г. И. Семенюк. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVII—XIX вв.	263

V. ИЗ ИСТОРИИ ВОЙН

А. А. Зимин. Участник взятия Казани в 1552 г. литвин Размысл Петров	273
Л. А. Муравьева. Из истории политических отношений России с Гданьском (Данцигом) в период Северной войны	279
С. А. Фейгина. Миссия А. И. Остермана в Швецию в 1719 г.	290
А. Г. Тартаковский. Заметки о военной пропаганде 1812 г.	300

VI. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И АРМИЯ

А. П. Пронштейн. Войско Донское накануне Булавинского восстания	314
Л. С. Прокофьева. О действиях повстанцев Правобережья в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева	328
<u>А. И. Андрущенко</u> . Пугачевское восстание и Кючук-Кайнарджийский мир	339
В. И. Бабкин. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г.	343
М. А. Рахматуллин. Солдаты в крестьянском движении 20-х годов XIX в.	351

VII. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Р. И. Козинцева. Астраханские стрельцы в последней четверти XVII в. (Опыт изучения сказок астраханцев)	359
Т. С. Майкова. Военные «журналы» петровского времени (По материалам ЦГАДА)	368
С. О. Шмидт. Проект П. И. Шувалова о создании в России высшей военной школы (1755 г.)	390
Л. А. Гольденберг, Р. В. Овчинников. Картографические материалы как источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева	404
Л. Н. Пушкарев. Солдатская песня — источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII—первой половины XIX в.	422
Библиография трудов Л. Г. Бескровного	433

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

В 1969 г.

выпускает книги:

АНДРУЩЕНКО А. И.

**Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике в Приуралье,
на Урале и в Сибири.**

Книга основана на новом архивном материале. Документы, привлеченные автором, позволили по-новому изложить целый ряд вопросов, связанных с началом и ходом Крестьянской войны, в особенности повстанческого движения на территории Сибири. Рассматриваются такие важные проблемы, как идеология Крестьянской войны, расстановка и соотношение классовых сил, роль социального и национального факторов в движении. Всесторонне освещено участие рабочих людей в войне. В исследовании делается попытка ответить на вопрос, почему Крестьянская война 1773—1775 гг. была последней в России. Книга рассчитана на историков — научных работников, преподавателей вузов, студентов и более широкий круг лиц, интересующихся отечественной историей.

Темплан 1969 г. I полугодие № 1—2.

25 л. 1 р. 80 к.

БУГАНОВ В. И.

Московские восстания конца XVII в.

В книге на основе архивных и опубликованных материалов рассматривается ход восстаний 1652 и 1698 гг., их движущие силы, идеология, программа. Новым в освещении темы является попытка автора в отличие от своих предшественников, оценивавших эти восстания как реакционные, спровоцированные придворными кругами и направленные против петровских преобразований, охарактеризовать их как народные, антифеодальные.

Книга рассчитана на историков — научных работников, преподавателей, студентов и лиц, интересующихся русской историей.

Темплан 1969 г. I полугодие № 4—6.

25 л. 1 р. 70 к.

**„Восстание декабристов“. Сборник документов.
Т. 12.**

Сборник продолжает публикацию следственных дел декабристов, начатую в 1925 г. — в 100-летие восстания на Сенатской площади в Петербурге. Содержит следственные дела (№ 410—424) декабристов Южного общества. Документы освещают деятельность ранних декабристских организаций (в том числе „Союза Благоденствия“ и его Южной управы), выявляют связи Южного общества с Северным, позволяют более точно представить деятельность П. И. Пестеля.

Издание рассчитано на историков, преподавателей и студентов.

Темплан 1969 г. I полугодие № 7.

40 л. 2 р. 20 к.

Заказы на книги

направляют в магазины

Книга — почтой

МОСКВА, В-463,

МИЧУРИНСКИЙ

ПРОСПЕКТ, 12

или в ближайший магазин

«АКАДЕМКНИГА»

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;

Баку, ул. Джапаридзе, 13;

Душанбе, пр. Ленина, 95;

Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303;

Киев, ул. Ленина, 42;

Ленинград, Литейный пр., 57;

Москва, ул. Горького, 8;

Москва, ул. Вавилова, 55/5;

Новосибирск, Красный пр., 51;

Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;

Ташкент, ул. К. Маркса, 29;

Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;

Уфа, Коммунистическая ул., 49;

Уфа, пр. Октября, 129;

Фрунзе, бульв. Держинского, 42;

Харьков, Уфимский пер., 4/6.

Вопросы военной истории России

XVIII и первая половина XIX веков

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. М. Медведев*

Художник *К. М. Егоров*

Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 13/VIII 1968 г.

Подписано к печати 25/XII 1968 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага № 1. Печ. л. 28+4 вкл. Усл. печ. л. 26,04+4 вкл.

Уч.-изд. л. 27. Т-18721. Тип. зак. 1282. Изд. № 2489.

Тираж 3300 экз.

Цена 1 р. 92 к.

Издательство «Наука».

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

№ 821

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»